

№8 (86)
ОКТАБРЬ

2020

СИМБИРСКЪ

12+

Литературный журнал

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

Продолжается
основная подписка
на 1-е полугодие 2021 г.

Цена подписки:
1 мес. – 155 руб.
6 мес. – 465 руб.

Индекс ПА041

Светлана Матлина.
В глухую пору листопада .
Стихи

стр. 26

Дни белых журавлей.
Гамзатовский фестиваль
в Дагестане

стр. 33

Памяти писателя
Александра Никонова

стр. 103

Художник Наталья Сюзева

стр. 118

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

12+

№8 (86)

ОКТАБРЬ
2020

Издание осуществлено
при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Главный редактор Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Содержание

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда». Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11, ком. 219. Телефон редакции: 41-04-32 Сайт: www.litsimbirsk.ru

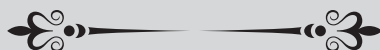
Подписано в печать 19.10.2020 г.
Дата выхода 26.10.2020 г.
Тираж 700 экз. Заказ №1102-к

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Контур», 127282, г. Москва, проезд Студеный, д. 4, корпус 1, помещение V, К 15, т.: (8332) 228-297, www.printtown.ru.

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №8 (86), 2020

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.
Фото на обложке: Владимир Ламзин. Памятник Карамзину. Новый ракурс.
На обороте: Владимир Ламзин. Сквозь листву.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (8422) 41-01-41.

В период самоизоляции вы можете пригласить на дом почтальона для оформления подписки на журнал.
Телефон для справок 89176381583

Оформить подписку
на I полугодие 2021 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

Просто благодари. Слово редактора.....	3
Архив	
Татьяна Громова. Из жизни русской провинции.....	4-7
Литературное наследие	
К 125-летию Сергея Есенина	
Николай Переяслов. Блондин. Среднего роста.....	8-10
Вера Долматова. День с Есениным	11
Река воспоминаний	
Пётр Смолкин. Что было, то было	12-25
Страна поэзия	
Светлана Матлина. В глухую пору листопада.	
Стихи	26-30
Татьяна Мельник. Вьется шёлковая нить.	
Стихи	31-32
Ветер странствий	
Геннадий Иванов. Аул Цада – аварские Афины.....	33-34
Расул Гамзатов. Ты - колыбель моя, Цада!	35-37
Геннадий Иванов. Я люблю вас, горы Дагестана	38-40
Владимир Крупин. Полёт журавлей	41-42
Елена Кувшинникова.	
Волга впадает в Каспийское море.	43-48
Фестиваль «Дни белых журавлей».....	49-52
Осень в Тарханах.	
Фотографии Марины Бирюковой.....	53-56
Гость	
Марина Бирюкова. Вся надежда на осень. Стихи	56-62
Наталья Егорова. Русской провинции свет. Стихи	63-66
Екатерина Богданова. Таврида – 2020.....	67-68
Перекрёсток	
Сергей Гогин. Антиутопия как предупреждение.....	69-71
Евгений Сафронов. Город У. Повесть.....	72-102
Черемшан	
Памяти писателя Александра Никонова.....	103
Александр Никонов. Сказки	104-107
Раиса Кашкирова. О новой книге Е. Ларина	108-110
Дорога к храму	
Иеромонах Пантелеимон (Кравец).	
Добрый дедушка и другие рассказы.....	111-117
С любовью ко всему родному	
Валентина Латанова.	
Укажи мне пути Твои (продолжение).....	118-126
Маргарита Смирнова. Лоскутная радуга – 2020	127-132
Мир чуда и волшебства. Картины Н. Сюевой.....	133-136
Наталья Сюева. В жизни главное – сама жизнь	138-139
Молодые голоса	
Александр Бухарин. Стихи.....	140-142
Полина Смородина. Красная герань. Рассказ	143-145
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО.....	146-149
Юбилейный календарь.....	150-176

ПРОСТО БЛАГОДАРИ

В новом номере стихи и проза, путевые заметки, рассказ о культурных событиях, архивные публикации, мемуары. Разные авторы – разные жанры.

«Усадьбы старые разбросаны по всей таинственной Руси». Некоторые из имений сохранились до наших дней, некоторые остались только в воспоминаниях, дневниковых записях, письмах. Наши краеведы приоткрывают нам мир русской усадьбы, далёкий и загадочный. Елизавета Толстая – муза Ивана Александровича Гончарова была замужем за А.И. Мусиным-Пушкиным. Им и их потомкам принадлежало имение Золино. В рубрике «Архив» – очерк Татьяны Громовой об усадьбе Мусиных-Пушкиных на Симбирской земле.

Октябрь – есенинский, октябрь – лермонтовский, октябрь – бунинский. Мы вспоминаем поэтов в их дни рождения, перечитываем стихи. 125-летию Сергея Есенина посвящены публикации Николая Переяслова и Веры Долматовой. Красота лермонтовских мест запечатлена на фотографиях Марины Бирюковой «Осень в Тарханах». И на наших страницах цитируются строки Ивана Бунина: «Нет, не пейзаж влечет меня, / Не краски я стремлюсь подметить, / А то, что в этих красках светит, – / Любовь и радость бытия».

Осень – пора вдохновения, новых стихов, литературных встреч.

Раздел «Ветер странствий» посвящен Гамзатовскому фестивалю «Дни белых журавлей», который недавно состоялся в Дагестане. Впечатлениями делятся Геннадий Иванов, Владимир Крупин. Море, горы, журавли и настоящий праздник поэзии! Расул Гамзатов продолжает объединять людей. Поэт говорил: «Для меня литература не только человековедение, её главная сущность – человеколюбие». Может быть, поэтому до сих пор так притягательны для нас поэзия Расула Гамзатова и родина поэта, воспетый им Дагестан.

В разделе «Страна поэзия» – поэтические подборки ульяновских авторов Светланы Матлиной и Татьяны Мельник.

*...На блеск березовой свечи
Чему-то сердце тайно радо.
И мы молчим...*

светло молчим

В глухую пору листопада... (С. Матлина)

В гостях у «Симбирска» поэты Марина Бирюкова (Саратов) и Наталья Егорова (Смоленск). Мы рады приветствовать их на страницах журнала.

Публикуем мемуары фронтовика, нашего земляка Петра Смолкина «Что было, то было».

В разделе «Дорога к храму» с добром и любовью написанные короткие рассказы иеромонаха Пантелеимона (Кравца) о паломниках и прихожанах, о монастыре и мире, о нас с вами. «Наши озябшие души как могут, как умеют: требуют, выпрашивают, выцарапывают себе хоть пригоршню любви...».

Публикуем новую повесть Евгения Сафронова «Город У», она посвящена «Ульяновску таинственному». Об очередном заседании литературной студии «Восьмёрка» рассказывает Сергей Гогин.

В рубрике «С любовью ко всему родному» – продолжение повести Валентины Латановой «Укажи мне пути Твои», на цветных страницах представляем выставку «Лоскутная радуга», а также работы пензенского художника Натальи Сюезовой. Читайте интервью «В жизни главное – сама жизнь!»

В разделе «Черемшан» страницы памяти замечательного димитровградского прозаика Александра Никонова и публикация Раисы Кашкировой о новой книге писателя-фронтовика Евгения Ларина.

В номере – стихи Александра Бухарина и рассказ Полины Смородиной, публикации молодёжной рубрики подготовила Алина Осокина.

После поездки в Дагестан у меня осталось чувство, что распахнуты сердца и двери. И что всегда можно открытой душой принять тепло и свет.

И многим из нас близко чувство, выраженное в стихах Марины Бирюковой:

*...Полусветло. Дымы. Крыши села в снегу;
что за себя и мир дать я Ему смогу?*

Вижу, на крыши лёг розовый свет зари...

Дать? – ничего не дашь: просто благодари.

Наверное, самое важное – уметь любить, и прощать, и благодарить.

Елена КУВШИННИКОВА

АРХИВ

Татьяна ГРОМОВА, старший научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея.

ИЗ ЖИЗНИ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Мир русской усадьбы, далекий и загадочный, идеализированный в романах и повестях, канувший в бездну беспамятной российской истории, время от времени дает о себе знать, пробиваясь сквозь толщу времен в чудом уцелевших воспоминаниях и письмах его обитателей.

Деревни Золино, расположенной когда-то в живописной местности среди лесов и полей, на берегу маленькой речушки Балейки (Будолейки), притока Сызранки, давно уже нет на карте. А когда-то здесь, в усадьбе Мусиных-Пушкиных, кипела жизнь, разносились музыка и смех, звуки охотничьих рожков и лай собак оглашали окрестности.

Золино, или Зеленовка появилась на карте Симбирской губернии в Сызранском уезде (ныне территория Барышского района) в середине позапрошлого века. Ее первыми обитателями стали крестьяне села Каранино, полученные в приданое Елизаветой Васильевной Толстой, в 1857 году вышедшей замуж за ярославского дворянина Александра Илларионовича Мусина-Пушкина. Толстая оставила неза-

бываемый след в истории. В литературных кругах она известна благодаря знакомству с творческой семьей Майковых и переписке с писателем И.А. Гончаровым, боготворившим ее, посвятившим ей незаконченный роман «Рoug и contre», воплотившим ее черты в образах некоторых героинь своих романов.

Усадьба Мусиных-Пушкиных находилась на взгорке. Деревянный дом с большой длинной столовой во весь фасад, которая выходила окнами в берёзовый парк и чем-то напоминала веранду. Во дворе многочисленные хозяйственные постройки. Такой её описал в своих воспоминаниях дальний родственник хозяев усадьбы И.С. Ильин, посещавший усадьбу в 1906 – 1912 годах.

Елизавета Васильевна и её муж рано ушли из жизни. Принадлежавшие им владения в Симбирской и Ярославской губерниях остались в наследство сыновьям – Семёну и Георгию (Юрию). По разделу симбирское имение отошло к Георгию Александровичу. В нём он поселился в начале 80-х годов прошлого века вместе с женой Апполинарией

Выезд Г.А. Мусина-Пушкина с сыновьями на охоту. Золино, 1892 г. Из архива А.Г. Римского-Корсакова

Флегонтовной. О жизни семьи Мусиных-Пушкиных тех лет сохранилось немного свидетельств, и потому так ценны для нас два незаконченных письма из личного архива жителя Рыбинска О.В. Мусина-Пушкина, написанные в Золино летом 1889 года Дарьей Михайловной Мусиной-Пушкиной и неизвестным лицом (некой Надеждой Семёновной).

Дарья Михайловна, ярославская дворянка, приходилась двоюродной сестрой Георгию Александровичу. Как следует из её письма, она приехала в Золино в начале июля, описав сестре Марии Илларионовне в Ярославль свои дорожные приключения: «Дорогие Муся, Николенька и Андрюша! Наконец-таки исполнилось моё желание – я у Юрия вот уже шестой день. Предположение Николеньки насчёт того, что письма не успеют дойти, сбылись. Представьте себе мой ужас, когда я, выйдя на станцию Прасковьино во втором часу ночи, спрашиваю, нет ли лошадей от Пушкиных, и слышу в ответ: «Нет!» Ну что тут делать, пришлось переночевать на вокзале, чтобы утром взять ямщика и поехать. Лошади здесь страшно дешёвы. От станции до Золино больше 25 вёрст, и за этакую-то даль с меня взяли всего две с полтиной. Но неудачи мои ещё не начались. Мой ямщик не знал дорогу, и мы проплутали с ним шесть часов. Оказывается, меня никто не ждал и я свалилась как снег на голову. Вдобавок Юрия не было дома, тёти Нади – тоже. Встретила меня Полинька и сначала не знала, за кого меня принять: за Оленьку или за Дашеньку и, наконец, сообразила, в чём дело. Тетя Надя, возвратившись, увидев меня, совершенно положительно пришла в ужас и с мину-

ту стояла безучастная с открытым ртом. Юрий узнал сразу...». В ужас тете Наде было отчего придти – отважной путешественнице в ту пору было всего 16 лет. Чтобы отправиться одной в такую дальнюю поездку, нужно было иметь немало смелости и решительности. Накладки в дороге – запоздание почты и блуждания ямщика в поисках нужного пути – легко объяснить местоположением деревни Золино, затерявшейся в сельской глухомани, на много верст отстоявшей от основных проезжих дорог губернии, какими являлись Самарский торговый тракт, Московский и Саратовский тракты. Плохим было и железнодорожное сообщение в губернии. По югу ее проходила единственная железнодорожная ветвь Сызрано–Вяземской железной дороги, движение по которой было открыто в 1874 году.

Обращают на себя внимание оговорки Дарьи Михайловны в письмах о дешевизне местных услуг (лошадей, поваров). С какими ценами сравнивает их она? Можно предположить, что не только с ярославскими, но и московскими, так как в период с 1886 по 1889 годы Мусина-Пушкина часто жила там. Об этом есть упоминания в письмах и дневниках семейства Чеховых, с которым Дарья Михайловна была хорошо знакома. Она приходилась подругой Марии Павловне Чеховой и проводила много времени в их доме. Антон Павлович звал ее Дришкой, от имени «Дарьюшка» в произношении ее кормилицы. Возможно, что в Золино Дарья Михайловна прибыла из Москвы. Чуть раньше туда приехала Надежда Семеновна, фамилия ее неизвестна, но Дарья Михайловна называет ее в письмах тетей Надей.

Обитатели усадьбы радушно приняли гостей. В Ярославль полетели строки: «Живем мы да поживаем у гостеприимного и предупредительного Юрия превесело и прехорошо. Пока весь дом задался целью занимать и ублажать нас как елико возможно... Кормят как на убой, и Дашенька полнеет. С Апполиinarieй Флегонтовной не было еще ни одной стычки. Она очень любезна, а Юрий так просто трогателен со своим брюшком и жирком, суетящийся и ухитряющийся целыми днями делать так, чтобы нам не было скучно. Что меня касается, то один его добродушный вид и особенно его штаны, широкие, как две юбки, приводят меня всегда в самое веселое расположение духа. Одним словом, нам хорошо». Атмосфера в усадьбе, как видим, была очень располагающей и комфортной для гостей. Хозяйева уделяли гостям достаточно много времени, хотя на руках имели четверых маленьких детей, а незадолго

Усадьба Мусиных-Пушкиных в деревне Золино Сызранского уезда Симбирской губернии. 1892 г. Из архива А.Г. Римского-Корсакова

Дарья Михайловна Глебова (Озаровская, Апушкина), урожденная Мусина-Пушкина.

до приезда гостей потеряли еще одного ребенка. Георгий Александрович сам перенес тяжелое наследственное заболевание. Он дважды лечился от «мрачной меланхолии» (так в те годы называлась болезнь) в Доме призрения под Санкт-Петербургом. В последние годы чувствовал себя практически здоровым, сам управлял имением и позже даже служил в Сызранской уездной земской управе. Невзгоды и болезни не нарушили мир и покой дома, не замкнули его обитателей в узком семейном кругу. Мусины-Пушкины вели открытую жизнь, любили гостей и умели их принимать.

Главным проявлением русского гостеприимства всегда являлась вкусная и обильная еда. Мусины-Пушкины свято хранили обычаи дедов. Дарья Михайловна писала сестре: «Полинька закармливает до смерти, точно на убой. Завтраки бывают непременно из трех мясных блюд, не считая закуски. Обед – из трех сытных кушаний и четвертое пирожное. А сколько я здесь ем дичи – уму непостижимо! Кроме того, представьте себе, все это прекрасно приготовлено, так как у них готовит прекрасный повар (здесь повара почему-то баснословно дешево, цена – 5-6 рублей). Среди продуктов, часто потребляемых Мусиными-Пушкиными, Дарья Михайловна неслучайно упоминает дичь. Окрестные леса и поля изобиловали рябчиками, тетеревами, перепелками, куропатками и прочей дичью. А Юрий Александрович был к тому же заядлым охотником. По свидетельству Ильина, он (а позднее и все его сыновья) охотился круглый год – летом по выводкам, осенью с гончими, зимой на лис и волков. В доме у Мусиных-Пушкиных всюду по стенам висели охотничьи ружья, среди которых были и дорогие, «как двустволки букетного дамаска «Лебеда-отец» и «Лебеда-сын», ягдташи, патронташи, пороховницы». Была у Юрия Александровича своя псарня из «50 прекрасных гончих-костромичей и с десяток легавых-сеттеров». «В доме тоже была почти псарня. Собаки были всюду: на диванах, на креслах, на оттоманках», – писал

Ильин. В 1900 году Георгий Александрович вместе с несколькими соседями-помещиками образовал Сызранское общество охотников.

Позже его сыновья переняли от отца любовь к охоте. Как и он, каждый год 1 сентября, в день Симона Летопродавца, они отмечали праздник псовых охотников, который знаменовался выездом в лес по чернотропу гонять беляка, в поле – зайца-русака и лисицу. Вот как описывает его Ильин в воспоминаниях: «Вставали в 4 часа утра, едва брезжил рассвет. Хозяева выходили во двор, где двое работников несли ведра с похлебкой для собак, которые выливались в длинное деревянное корыто. Собаки, запертые в сарае, волновались. Тявкали, визжали. Мусин-Пушкин трубил в рог, отворялись ворота, и вся свора кучей, подняв дрожащие хвосты, неслась к корыту. Лес стоял еще в золотом убранстве осени... Тишина и покой умирающей природы были разлиты в неподвижном воздухе... И вдруг лес словно оживал. Несся захлебывающийся отчаянный лай – переливчатый с повизгиваньем, то смолкающий на минуту, то с еще большей силой, с большим азартом оглашающий лес».

Окрестные леса изобиловали не только дичью, но и ягодниками. Дарья Михайловна с восторгом писала сестре: «У Юрия дом стоит в прекрасном сосновом лесу, так что стоит только спуститься под гору, как земляники видимо-невидимо, причем она крупнее, чем средней величины клубника. Я хожу за земляничкой каждое утро и в какие-нибудь три четверти часа набираю верхом кухонную плошку. Гулять в лесу я не могу, потому что земляника краснеет везде, я поминутно нагибаюсь и сижу на одном месте до тех пор, пока не оберу это место дочиста.

*Г.А. и А.Ф. Мусины-Пушкины. 1896 г.
Из архива А.Г. Римского-Корсакова*

Весело и шумно Мусины-Пушкины отмечали и семейные праздники. Приезд ярославских гостей совпал с 30-летием Георгия Александровича. На следующий день в Ярославль сообщали: «21-го Юрино тридцатилетие прошло очень оживленно. После крокета, горелок, обеда, ужина, игр и плясок в три часа ночи проводили мы, наконец, пять экипажей цугом, как со свадьбы с бубенцами и колокольчиками». И тут же: «Мы перезнакомились с ближайшими соседями-помещиками. Все они дикари и на один лад, но добродушны и без затей, потому и весело с ними».

Судя по письмам, Дарья Михайловна в их общест- ве производила «фуроры». Родные считали, что это лето «принесет ей пользу во всех отношениях». Действительно, за лето она повзрослела, вернувшись домой, вскоре поступила в Петербургскую консерваторию по классу пения, но через год покинула ее и вышла замуж за соседа по имени Андрея Николаевича Глебова. Дальнейшая судьба ее полна трагизма и вместе с тем значительных событий. В 1895 году, после смерти мужа, она возвратилась в консерваторию, окончила ее и поступила на сцену Александринского театра. Артистический период ее жизни длился 20 лет. За это время она вновь вышла замуж за режиссера Ю.Э. Озаровского. В их доме собирались известные люди, такие как М. Савина, Ф. Шаляпин, В. Комиссаржевская, Айседора Дункан, А.Ф. Кони. Брак оказался неудачным. В 1912 году они развелись. Третьим мужем Мусиной-Пушкиной стал военный и писатель В.А. Апушкин. Дарья Михайловна покинула сцену и занялась преподавательской работой в Петроградской консерватории. В 1931 году был арестован и выслан в Вологду Апушкин, она поехала за ним. Его перевели в другое место, и след его затерялся. Дарья Михайловна жила в Вологде до 1946 года, затем вместе с сестрой Ольгой перебралась в Петербург, где и скончалась в мае 1947 года.

Что же касается золинских помещиков, то после отъезда гостей жизнь их мало изменилась. Пока росли сыновья, семья жила по-прежнему в имении. Когда пришло время учить детей, Юрий Александрович снял в Сызрани дом у купца Чурина на Кузнецкой улице и определил сыновей Бориса, Всеволода и Александра в Сызранское реальное училище. О жизни Мусиных-Пушкиных в этот период можно судить по переписке будущего писателя А.Н. Толстого и его матери А.Л. Бостром с А.А. Бостром. В 1897 году Алексей Толстой, не поступив в Самарское реальное училище, поступил в Сызранское, оказавшись в одном классе с Всеволодом Мусиным-Пушкиным. Толстые часто бывали в доме у новых знакомых. Им пришлось по душе их семейный уклад. В ноябре Толстой пишет отчиму: «У них по праздникам танцуют, ну и весело же бывает. Вот это, папуня, мне нравится. Знаешь, так просто, по-семейному, веселимся, никого не стесняемся. Я уже знаю кадрили, ленсие, па-де-катр, вальс в два па, польку и венгерский танец... Мамуня мне купила коньки в 1 р. 70 копеек. У Пушкиных подобие катка, я катался там раз, но он еще не кончен и не стоек, да у детей еще «жаба» (ангина), так что мамуня меня не пускает». В другом письме он пишет: «Учусь играть на бильярде и оставил раз Мишу Пушкина, потом Борю. Хотим на Масленицу давать спектакль, но никак не придумаем. То пьеса нехорошая, то актеры отказываются». И еще: «Вчера у Пушкиных мы с мамуней весь день просидели. Юрий Александрович читал «Свадьбу Кречинского». Мне ужасно понравилась эта пьеса. Хохотали-хохотали. Потом мы с Борей дрались на настоящих шпагах, да таких тяжелых, что у меня и сейчас руки дрожат». А.Л. Бостром в тот же день тоже писала мужу: «Пообедав, Пушкин читал нам «Свадьбу Кречинского». Читал он хорошо, видно было, что он видел в этой пьесе первоклассных актеров. Очень хорошо читал он роль Расплюе-

ва и Муромского. Пьеса чудесная... На меня она произвела сильное впечатление». Читали у Мусиных-Пушкиных «Недоросля» Фонвизина, «Тайну старого замка», драму в 5 действиях в переделке Молчанова и другие пьесы. Ставили домашние спектакли к большим праздникам. Именно в эти году зародилась у Толстого и двух братьев Мусиных-Пушкиных, Всеволода и Александра, любовь к сценическому искусству.

В 1900 году у Георгия Александровича обострилась его наследственная болезнь и он покончил с собой, застрелившись из охотничьего ружья. Ему шел 41-й год. Через три года от болезни умерла и Апполинария Флегонтовна. Усадьба перешла в наследство их сыновьям Борису, Всеволоду, Александру и Михаилу и принадлежала им до самой революции.

Судьба братьев Мусиных-Пушкиных сложилась по-разному. Старший, Борис, в 1905 году в возрасте двадцати одного года женился на вдове ротмистра Валентине Николаевне Воробьевой и поселился вместе с братьями в Золино. В 1913 году он с женой и четверыми детьми уехал в Америку.

Жизнь остальных братьев связана с Россией. В годы Первой мировой войны Всеволод Юрьевич окончил Петербургский горный институт, Александр Юрьевич – Симбирский кадетский корпус и Московский николаевский лицей, Михаил Юрьевич учился в симбирской гимназии, а затем почти безвыездно жил в Золино, женившись на дворянке из сельца Сколково, находившегося недалеко от Золина, Вере Владимировне Ивановской.

Перед первой мировой войной Всеволод и Александр Юрьевичи перебрались в Москву. Оба брата не забыли детского увлечения сценическим искусством. Они писали пьесы для театра, встречались в московской богемной среде, часто встречались с А.Н. Толстым, бывали у него дома. Однажды увидевшая там Всеволода Юрьевича писательница и драматург Р.М. Хин-Гольдовская записала в своём дневнике: «В пятницу была у Толстых. Молодой человек, Мусин-Пушкин, читал свою драму «Зверёныш». Как пьеса вещь очень слаба, но сюжет чрезвычайно любопытный...» После описания сюжета пьесы она заключила: «Меня заинтересовала простодушная наивность, с которой автор, несомненно, «сфотографировал» своих добрых знакомых. Когда подумаешь, что «Наследники» были сняты за оскорбительное изображение дворянства!»

После революции Всеволод Юрьевич какое-то время заведовал Институтом слова, в котором готовили декламаторов, ораторов, преподавателей предметов, связанных с изучением устной речи, писал пьесы и был известным театральным деятелем. Он умер в июне 1939 года.

Александр Юрьевич жил в подмосковном Петровско-Разумовском, работал актером в Показательном крестьянском театре.

Младший из братьев, Михаил Юрьевич в 1914 году был призван на фронт рядовым, вернулся перед революцией в усадьбу, где, по сведениям, погиб в 1918 году.

Его вдова и сын Лев жили в городе Кинеле Куйбышевской области. В Самарской области живут их потомки.

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Николай ПЕРЕЯСЛОВ, поэт, критик, публицист, переводчик.
Секретарь правления Союза писателей России.

К 125-летию со дня рождения Сергея Есенина

«БЛОНДИН. СРЕДНЕГО РОСТА. 28-ми ЛЕТ...»

*К вопросу о расшифровке образа Номаха
в поэме Сергея Есенина «Страна негодяев»*

Русская литература всегда представляла собой нечто большее, чем просто сочинительство, тяготея по своей внутренней сути к таким категориям, как пророчества и предвидения. Наверное, именно поэтому перечитывание классики сегодня оказывается не меньшим откровением, чем знакомство с центуриями Мишеля Нострадамуса, процент «попаданий» у которого в «яблочко» нашей исторической действительности, в общем-то, не намного выше, чем в книгах Н.В. Гоголя или Ф.М. Достоевского.

Вот и написанная Есениным в 1923 году поэма «Страна негодяев» за семь десятилетий своего существования оказалась не только не утратившей заложенной в неё художественной значимости, но и ещё прибавила к ней ту самую провидческо-пророческую ауру, что проявила себя благодаря «совпадению» примет нашей сегодняшней политико-экономической жизни с некоторыми из тех точек общественного развития, которые уже видел в жизни России и зафиксировал в своей поэме Сергей Есенин. Трудно даже поверить, что неко-

торые из её строк порождены реалиями 1922 – 1923 годов: кажется, что они списаны именно с дня сегодняшнего! Здесь и характерное для нынешнего времени преклонение перед Западом, как бы «запрограммированное» ещё в словах комиссара Чекистова-Лейбмана:

...То ли дело Европа?

Там тебе не вон эти хаты,

Которым, как глупым курам,

Головы нужно давно под топор...

Здесь же – и ничуть не изменившаяся до сего времени, подчинённая культу материального обогащения атмосфера Америки, которую живописует перед своими спутниками по вагону комиссар Рассветов, восторженно констатирующий:

...От еврея и до китайца,

Проходимец и джентльмен,

Все в единой графе считаются

Одинаково – **бизнесмен...**

Ну а главное здесь – то, что скальпель есенинского предвидения взрезал сквозь толщу времен ту раковую опухоль, которая сегодня, ориентируясь на несвойственные России методы управления экономикой, превратила некогда богатейшую державу в полигон для какого-то не просто «дикого», но первобытно-необузданного рынка, на котором царствуют исключительно звериные законы и звериные нравы. Вот, к примеру, характеристика, которую комиссар Чарин даёт в поэме России 1923 года. Ощущение такое, будто речь идет о России дня *нынешнего*:

Никому ведь не станет в новинки,

Что в кремлёвские буфера

Уцепилась когтями с Ильинки

Маклера, маклера, маклера...

Понятно, что подобная созвучность давней поэмы политико-экономическим реалиям сегодняшней жизни не может не заставить нас с более пристальным, чем ранее, вниманием взглянуть в образ и самого её главного героя – бандита Номаха, в силу кажущейся «говорящести» его фамилии отождествляемого всеми её исследователями и читателями с известным руководителем повстанческого движения на Украине Нестором Махно: **Но-мах – Мах-но**. Однако такое отождествление представляется сомнительным уже хотя бы по той причине, что имя Махно присутствует в поэме и **само по себе**, параллельно с образом Номаха, и комиссар Чарин произносит его без всяких слоговых трансплантаций:

...И кого упрекнуть нам можно?

Кто сумеет закрыть окно,

Чтоб не видеть,

Как свора осторожная

И крестьяне любят **Махно?**..

Против идентификации образов Махно и Номаха выступает также и приводимый по ходу сюжетного развития поэмы «словесный портрет» Номаха, якобы опубликованный в газетах чекистами, в котором в качестве основных примет названы такие характеристики: **«Блондин. Среднего роста. 28-ми лет...»** Как свидетельствуют документы, годом рождения Нестора Ивановича

Махно является 1889-й, а годом завершения поэмы Есенина – 1923-й, то есть тот, в котором Махно уже было 34 года. Что же касается возраста, указанного в «словесном портрете», то 28 лет Нестору Махно было еще в 1917 году, тогда как есенинская поэма посвящена событиям гораздо более позднего периода (вспомним хотя бы слова Замарашкина о том, что «Там... За Самарой... Я слышал... Люди едят друг друга...» – это ведь реалии как минимум года 1921-го, известной картинами страшного голода в Поволжье).

А между тем, «блондин среднего роста 28-ми лет» – фигура отнюдь не вымышленная, и если мы от проставленного под поэмой 1923 года отнимем эти самые

28 лет, то получим ровнёхонько год 1895-й, который, как известно, соответствует году рождения самого Сергея Есенина, тоже, кстати сказать, «блондина среднего роста». В своё время Е. Наумов в книге «Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха.» (Л., 1973) отмечал, что **«при ближайшем рассмотрении можно заметить, что Номах чем-то напоминает самого Есенина»**, но надо признаться, что сказано это было очень и очень осторожно. Номах – это почти ничем не завуалированное воплощение внутреннего «я» самого автора «Страны негодяев», что весьма наглядно выявляется при сопоставлении многих характерных черт Номаха и Есенина. Собственно, уже со своего первого появления перед читателем Номах говорит таким языком, в каком просто невозможно не узнать языка его создателя. Вот, например, перед нами фрагмент из его монолога, адресованного Замарашкину:

...Гамлет восстал против лжи,

В которой варился королевский двор.

Но если б теперь он жил,

То был бы бандит и вор...

А вот заявление самого Есенина из стихотворения «Всё живое особой метой...», датированного тем же 1922 годом, в котором начиналась работа и над «Страной негодяев»:

...Если не был бы я поэтом,

То, наверно, был мошенник и вор...

Переключка между образами Номаха и его создателя видна невооружённым глазом, и, ведя речь о своём герое, Есенин фактически только повторил всё то, что он сказал в других стихотворениях о себе самом же. Например, если Номах, как это явствует из названия поэмы, жил в **«стране негодяев»**, то его создатель, как нам об этом извещается устами Чёрного человека, «проживал в **«стране самых отвратительных громил и шарлатанов»**, что является не более как расширенным синонимом той же самой **«страны негодяев»**.

Точно то же – и в отношениях Номаха и его создателя к деньгам и личному благополучию. Удивительно, но это именно так: Номах, главарь бандитов, совершающих ограбление «золотого» поезда, является, как оказывается, **единственным** персонажем поэмы, не мечтающим о богатстве, тогда как все остальные только об этом и дума-

ют. «Должен же, друг мой, на свете жить Рассветов Никандр», – оправдывая любую подлость, выводит свою философию комиссар Рассветов, и она получает единодушное одобрение всех действующих лиц поэмы. «Правильно!» – подтверждает его голос из толпы красноармейцев. «Ведь и золота мы хотим», – откровенно признается комиссар Чарин.

Ну, а что же Номах?

«Я башкой моей не дорожу и за грабёж не требую награды», – говорит он своему другу Замарашкину и объясняет:

...Всё, что возьму, я всё отдам другим.

<...>

Приятно мне под небом голубым

Утешить бедного и вшивого собрата...

Таковую же точно роль деньгам отводил и сам автор «Страны негодяев», и если мы заглянем в его эпистолярное наследие, то обнаружится, что именно «утешением бедного собрата» он как раз и занимался во время работы над поэмой. «Я, – писал он в письме от 6 марта 1922 года Р.В. Иванову-Разумнику по поводу бедственного положения поэта Николая Клюева, – восторгошил всю публику, сделал для него что мог с пайком и послал 10 миллионов рублей...» А через два месяца в письме самому Клюеву добавлял: «На днях вышло ещё 5 миллионов. Недели через две я еду в Берлин... Оттуда постараюсь также переслать тебе то, что причитается со «Скифов»...»

При всей своей художественной самостоятельности Номах не совершает и не высказывает в поэме ничего такого, что было бы в той или иной мере не свойственно его создателю. Не случайно его «бандитизм особой марки» напоминает собой скорее богемные загулы самого Есенина, нежели многокилометровые партизанские рейды махновской армии по красным и белым тылам. «Мне только и осталось – озорничать и хулиганить», – говорит о себе Номах, и это накладывается на слова, которые произносит о себе и Сергей Есенин:

Мне осталась одна забава:

Пальцы в рот и весёлый свист.

Прокатилась дурная слава,

Что похабник я и скандалист...

Подобная переключка между поэмой о Номахе и есенинскими стихами 1922 – 1923 годов зримо указывает на то, что «Страна негодяев» не просто рисовалась теми же самыми красками, что и «Москва кабацкая», но что в центре и того и другого произведения находится **один и тот же** лирический герой, в котором практически без всякого труда угадывается не кто иной, как сам автор. «Буду славить преступников и бродяг», – заявляет в поэме Номах. «Я читаю стихи проституткам и с бандитами жарю спирт», – говорит Есенин. «Лицо как потухающий фонарь в тумане», – даёт образ Номах. «С головой как керосиновая лампа на плечах», – откликается Есенин...

А впрочем, кто здесь кому откликается, определить невозможно, поскольку и там, и там изложение идёт от *одного и того же* лица. При этом Есенин настолько слил себя с Номахом, что даже некоторые фактические детали собственной жизни перекочевали у него в факты биографии его героя. Так, например, в конце третьей части поэмы Номах в разговоре с повстанцами делится своими планами

на будущее и при этом сообщает: «Я сегодня в 12 в Киев. Паспорт у меня есть». Если мы взглянем на опубликованные письма и документы Есенина, то увидим, что 17 марта 1922 года (то есть как раз во время работы над поэмой) им было написано заявление Луначарскому с просьбой о выдаче заграничного **паспорта** «для поездки на трёхмесячный срок в Берлин по делу издания книг», а уже через некоторое время он смог и вправду выехать за границу. Так что упоминание об имеющемся паспорте было продиктовано не столько развитием сюжета, сколько, видимо, радостью от получения разрешения на собственный выезд.

Кроме того, герою поэмы были переданы не только внешние приметы автора и его биографии, но и частицы его души и характера. Обратимся к одному из эпизодов воспоминаний о Есенине главного редактора журнала «Красная новь» А. Воронского. «Прощаясь, – пишет он о своей встрече с поэтом, – он заметил: «Будем работать и дружить. Но имейте в виду: я знаю – вы коммунист. Я – тоже за Советскую власть, но я люблю Русь. Я – по-своему. Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет...»

Так была открыто высказана проблема, которая займет в есенинском творчестве далеко не последнее место. «Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам», – напишет он в 1924 году в «Руси Советской».

Но не об этом ли говорит в «Стране негодяев» и Номах?

...Кто смеет мне быть правителем?

<...>

Я живу, как я сам хочу!

Именно это стремление жить «как я сам хочу» и любить Русь «по-своему» как раз и лежит в основе конфликта есенинского творчества со всё более оказармливаемой действительностью послереволюционной России. Такое уже и само по себе враждебное тоталитаризму стремление любить Родину не «как надо», а на свой собственный лад, скорее всего, и подтолкнуло Есенина к поиску героя в стане исторических бунтовщиков и бандитов. Отсюда его интерес к личности Емельяна Пугачева (поэма «Пугачев», 1921) и неудачная попытка написания поэмы непосредственно о Несторе Махно («Гуляй-Поле», 1922). Но – высказать **себя самого через конкретное** историческое лицо оказалось по сути невозможно: нужно было или ломать себя, или нарушать исторически правдивый образ выбранного персонажа.

Поэтому в 1922 – 1923 годах Есенин пишет поэму уже не о Махно, а только *как бы* о Махно, вкладывая в уста и поступки мятежного героя свою собственную душу, а недоброхотов-критиков отправляя на ложный след таким внешне лёгким для разгадывания анаграмматическим перевёртышем как «Но-мах – Мах-но». И это при том, что буквально рядом были помещены приметы и **подлинного** героя поэмы: «Блондин. Среднего роста. 28-ми лет...» Думается, что с учётом выставленного под поэмой года окончания работы над ней – 1923 – сделать более точный словесный портрет **Есенина** практически невозможно.

Вера ДОЛМАТОВА, зав. сектором «Центр чтения» Дворца книги.

НАВСЕГДА ОСТАЛСЯ ОН ПОЭТОМ...

Ульяновцы провели «День с Есениным»

Накануне 125-летия со дня рождения Сергея Есенина во Дворце книги прошел однодневный литературный фестиваль «День с Есениным».

Сергей Есенин – кому не знакомо это имя? Поэт – русская душа нараспашку, поэт-певец российской глубинки. Бунтующий и страстный, он до сих пор сияет яркой звездой на литературном небосклоне, навсегда вписав себя в историю мировой литературы своим творчеством.

Получив известность в разных уголках земного шара, Есенин даже в мыслях не изменил родине – России. Он так говорил о себе: «Моя лирика жива одной лишь любовью – любовью к родине. Чувство родины основное в моём творчестве».

Гостями фестиваля стали жители и гости города, студенты Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, читатели и сотрудники библиотеки, члены литературных объединений Ульяновской области.

В течение дня для посетителей работали познавательные площадки. У книжной выставки «Без России не было б меня» посетители знакомились с изданиями о Сергее Есенине, самое раннее из которых датировано 1925 годом.

Участники «Есенинского диктанта» вписывали недостающие слова в отрывках из известных стихотворений поэта-юбиляра и отвечали на вопросы викторины о его жизни и творчестве.

Увлекательная беседа «Сергей Есенин – самый музыкальный поэт России» была проведена сотрудником отдела литературы по искусству Ларисой Утиной. Она рассказала о том, какие композиторы вдохновлялись творчеством Есенина, создавая на его стихи любимые народом песни, и какие вокалисты их исполняли. У слушателей даже была возможность насладиться этими песнями через неповто-

римое звучание записей грампластинок из фонда Дворца книги.

Также сотрудники библиотеки провели увлекательный мультимедийный урок «Знакомый ваш Есенин» и необычную лекцию «Другой Есенин», поведавшую о том, где в современной жизни можно встретить отсылки к творчеству поэта.

И, конечно же, строки бессмертной есенинской поэзии звучали у открытого микрофона.

Советский поэт Николай Тихонов справедливо утверждал: «Человек будущего так же будет читать Есенина, как его читают люди сегодня... Его стихи не могут состариться. В их жилах течёт вечно молодая кровь вечно живой поэзии». Эти слова подтвердили студенты филологического факультета, которые не только с энтузиазмом читали любимые произведения Сергея Александровича, но и акапельно исполнили песню на его стихотворение «Заметался пожар голубой».

Ульяновские литераторы Татьяна Лотоцкая и Раиса Рябова также стали участниками поэтического праздника, у открытого микрофона декламировали наизусть произведения Есенина и знакомили слушателей со своим творчеством.

«Я думаю, что со временем каждый открывает для себя этого поэта, и по мере взросления души человека ему приходит осознание того, что значит – вкладывать душу в слова, как это делал Есенин», – поделилась поэт, член Российского союза профессиональных литераторов Татьяна Лотоцкая.

Один из гостей праздника отметил: «Когда участвуешь в подобных мероприятиях, то окунаешься в атмосферу литературы и поэзии. Стихотворения Есенина – это не просто лирика, это душа и сердце, мысли человека и целой эпохи».

Татьяна Лотоцкая

Студентка филфака УлГПУ

Раиса Рябова

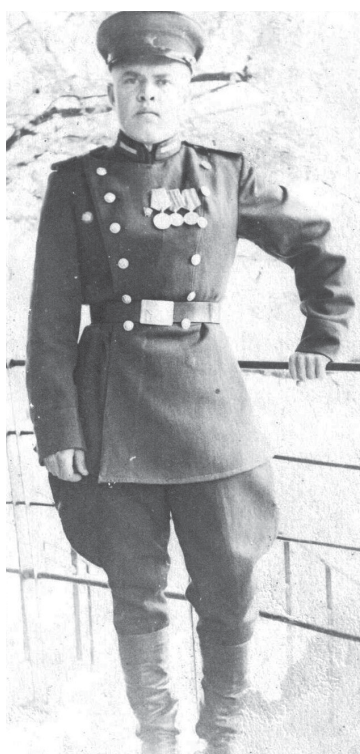

РЕКА
ВОСПОМИНАНИЙ

Пётр СМОЛКИН

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО...

Короткие рассказы о длинной жизни. Воспоминания фронтовика

Это короткие рассказы о длинной интересной жизни простого человека – Смолкина Петра Андреевича, семья которого была раскулачена во время коллективизации, когда он был ещё мальчишкой. Герой рассказов прошёл с боями по дорогам Великой Отечественной войны, был трижды ранен и трижды лечился в разных госпиталях. На его долю выпало участие в освобождении Украины от бандеровцев. Как все выжившие после Победы, Пётр Андреевич поднимал экономику и укреплял мощь страны в послевоенные годы. К большому сожалению, о таких людях, тем более земляках, мало написано, а значит, мало знают. Я уверена, что в лице этого скромного человека многие узнают своих отцов, дедушек или родственников, живших в прошлом и настоящем веке.

Благодарю Петра Андреевича Смолкина – отца, который откликнулся на мою просьбу написать тетрадь воспоминаний, а было это в один из моих приездов в родительский дом. Сидя на табурете, он глубоко вздохнул и, уронив плечи, с горечью сказал: «Вот, Надюша, силы покинули меня – даже самую лёгкую работу не могу выполнять, а хотелось бы помочь ещё вам. Похоже, что износился напрочь...» Я ответила незамедлительно: «Ну что ты, папа, ты столько уделял нам времени, внимания, здоровья... Ты был лучшим отцом в мире... Тебе пора отдыхать давно, а нам, сколько ни делай, всё мало... Если есть силы взять ручку, то напиши, пожалуйста о своей жизни... Откуда есть пошёл наш род и по сей день. Твоя жизнь, судя по рассказам, была интересной». К моему величайшему удивлению, он услышал меня. Мама отдала мне эту тетрадь воспоминаний, аккуратно, с любовью оформленную, а вместе с ней и документы, награды: орден, медали и фотографии, касающиеся его жизни. Но это случилось после того, как он оставил нас... Вечная память... пусть Господь примет душу его в селениях Своих...

Надежда РАЗУМОВСКАЯ

Дом на озёрках

Дом на озёрках... он был построен одним старообрядцем, или старовером, бежавшим от православия в далёком прошлом из Мордовии, и неизвестно, сколько времени ему пришлось потратить на преодоление всевозможных препятствий на пути к этому глухому, с необыкновенно красивой, девственной природой месту. Полноводная река, множество зеркальных озёр в окружении могучих, сказочных лесов и просторных солнечных полей, упоённых птичьим пением и гомоном, поставили твёрдую точку в выборе новой, второй родины. Во всяком случае, уж здесь-то его точно никто и никогда не найдёт, чтобы насильно заставить поменять веру своих предков.

Наделённый богатырской силой, Степан соорудил большой плот из брёвен и на нём построил дом, чтобы в случае опасности можно было отплыть по воде к другому берегу.

Вскоре перевёз семью с единомышленниками. Сто с лишним километров, как оказалось, не преграда. Главное сохранить продолжение рода в духе старообрядчества.

Но, как говорится, всё течёт, всё меняется. Православие пришло и в этот медвежий угол. Степан немало думал все эти годы о расколе, который произошёл в вере и, признав свою неправоту, сделал вывод: православию быть! Первым принял то, от чего когда-то бежал. Вскоре переселенцы взялись рьяно за строительство деревянного храма в честь Михаила Архангела. Благо озёра стали мелеть со временем и постепенно исчезать.

Наступил момент регистрации населённого пункта. То ли из-за косноязычия – неправильного произношения звуков, то ли из-за тугоухости, то ли из-за малограмотности, то ли ещё из-за чего дали ему неблагозвучное название – Домосёрки, в память о первом доме, построенном на озёрках. Впоследствии село было переименовано в Поддубное. Здесь-то я и родился седьмого июля 1924 года, в канун празднования святых, благоверных князя Петра и княгини Февронии Муромских чудотворцев. Поэтому при крещении нарекли Петром.

Кто знает, кем и каким бы я был, если бы моей матерью оказалась другая женщина. А это вполне могло произойти...

Мой отец, Андрей Иванович, рождённый в 1897 году, после сватовства был помолвлен с хорошей девушкой по имени Мария, живущей неподалёку. Воля родителей в те времена была законом для молодых. Буквально вечером этого же дня дед Иван – отец Андрея – увидел проходящую мимо дома статную молоденькую особу. Не отрывая взгляда от окна, он обратился к сыну:

«Андрей, а Андрей, – деля ударение на звук «А», – чья эта девушка так величественно несёт себя по улице?». Андрей, подойдя, замер...это была его любимая. Он едва проговорил бессвязно: «Это Агриппина... Разумовская...».

– Та, что из купеческого рода? – не унимался отец.

– Да...– подтвердил, краснея от волнения, Андрей. И это не осталось незамеченным со стороны проникновенного отца.

– Я за ней наблюдал во время обедни в храме, – продолжал родитель, – как она усердно молилась, стояла ровно, словно свечка, не шелохнётся...

Сделав короткую паузу и ещё раз, взглянув на сына, заметил, что была она в этой же красивой шали на плечах, а поверх лежала русая тугая коса.

Агриппина, сокращённо Ага, так обращались к ней родные и близкие, действительно принадлежала знатному роду, уходящему корнями на Запад, и в округе он слыл Сергеевым, так, как родоначальника звали Сергеем. Она была хороша собою, скромна, немногословна. Когда все смеялись задорно, Агриппина слегка приоткрывала свои пухлые губки, уводя их немного в сторону, и от этого её улыбка становилась ещё милее и загадочнее.

– А... что, если мы сосватаем её сегодня, а?.. Может быть, согласится, наш род ведь тоже не лыком шит...

– А как же Мария? – задумчиво произнёс Андрей.

– А что Мария? Поймёт, простит...Агриппина, возможно не просто так мимо окон ходит. (А про себя подумал: борется за любовь, кто знает...)

– Наш род не в последнем ряду на этой земле, – медленно и тихо пробормотал отец, погружаясь в воспоминания. – Твой дед (мой прадед, рождённый примерно в 1844 году) был умным, трудолюбивым и богатым человеком. Он имел около трехсот пчелосемей. От продажи мёда и других продуктов получал хороший доход. Построил двухэтажный дом из красного кирпича с колоннами – такой был в селе единственным. Жена его, к сожалению, рано умерла, и он больше не женился. Вёл праздный образ жизни – частенько запрягал пару рысаков и в тарантасе ездил на пирушки в соседнее село Бояркино, что в шести километрах от него, к богатому барину. Бывало, так нагуляется, что на обратном пути из гостей свалится с тарантаса, и кони возвращались домой без хозяина. Домашние этим же следом ехали обратно на поиски и, как беспомощного, выпавшего из гнезда птенца, грузили в тарантас и привозили его в родные стены. Но при этом состояние не проматывал – знал цену нажитому. Из распахнутых окон часто звучала музыка. Здесь её любили и во время отдыха заводили граммофон, чтобы слушать записи с пластинок. После торжественных рождественских и пасхальных служб приглашали церковный хор и других уважаемых людей к себе на застолье, чтобы продлить радость и удовольствие праздника.

– Да и я жил в этом доме после смерти отца, да и ты родился в нём, – глубоко вздохнув, протянул отец Андрея. – Жалко, что сгорел в 1898 году во время большого пожара так, что не подлежал восстановлению. Тогда ведь полсела сгорело...

И в самом деле, я хорошо помню, как, будучи отроком, в 1936 году очищал кирпичи уцелевших стен от сажи и продавал их. Это всё, что мне известно о прадеде.

– Ну! Так что? – оживился Иван. – Идём сватать Агриппину?

– Идём, – нерешительно отозвался его сын Андрей.

Когда стемнело, от лишних людских глаз и разговоров, пошли к Разумовским. Что-то подсказы-

вало и придавало уверенность в том, что выбор на этот раз сделан правильный. Полтора километра по времени показались целой вечностью. Сватов приняли великодушно. Помолвка состоялась, чему больше всех были рады Агриппина и Андрей. Невеста была моложе жениха всего лишь на один год, и он был тайным избранником её сердца. Дело за свадьбой не стало. Как водится, роспись и венчание в храме, а дальше – дети как из рога изобилия...

Первенец Семён умер ещё младенцем. Поговаривали, мол, в наказание за то, что Андрей обидел Марию, не женившись на ней после помолвки. Затем родился Василий, за два года до меня. Был призван в армию в начале Великой Отечественной войны и сразу же погиб. После моего рождения, три года спустя, в 1927 году родился третий брат – Михаил. Он прожил полвека и умер от рака пищевода. За Михаилом через два года родился следующий брат – Борис, который ушёл ещё младенцем после болезни на моих глазах. Последний брат – Александр – появился на свет в 1931 году. Он поранил неосторожно стопу ржавым гвоздём и после начавшейся гангрены лишился ноги выше колена, но умер от рака желудка, не дожив и до пятидесяти лет. И наконец-то в 1942 году у родителей после шести сыновей появилась долгожданная дочь – Татьяна. Любимая и заласканная всеми девочка, которую не спустили с рук. Отец Андрей Иванович называл её нежно Тасей. Он был искренне привязан к ней и потакал всем её желаниям. Вместо деревянного дома, оставшегося после смерти отца, Татьяна Андреевна построила большой кирпичный дом на этом же месте. Благоустроила его на высоком уровне, хотя к тому времени она уже потеряла мужа. Несмотря на свою, мягко сказать, вольную жизнь, она воспитала дочек-двойняшек очень дружными и порядочными девушками. Смерть её настигла также примерно в возрасте пятидесяти лет: она умерла, не выходя из комы в больнице, когда обе дочери были уже замужем.

После предисловия о том, «откуда есть пошёл мой род», хочу рассказать о своём детстве.

Детство

Моё детство проходило в родительском доме. Мать, Агриппина Ивановна, занималась хозяйством, воспитанием детей, заботилась о хлебе насущном. После революции в семнадцатом году родители ещё имели лошадь, корову, несколько овец и кур, но коллективизация народного хозяйства в 1929 году отобрала всё: даже упряжь, телегу, соху, деревянную борону и другое. Всё отдай во вновь образованный колхоз!

Никого не волновало совершенно, что большая семья осталась в полной нищете. Даже не посмотрели на то, что мой отец, Андрей Иванович, во время Гражданской войны освобождал Ульяновск, Сызрань, Бузулук, Бугульму и другие города от белогвардейцев, продвигаясь с боевыми отрядами на Урал против Колчака.

С несогласными элементами местная коммунистическая власть поступала жестоко: хуже, чем с бандитами с большой дороги. Поэтому сопротивлялись ей единицы. Выживали как могли, за счёт сво-

его труда. А трудолюбия моим родителям было не занимать!

Как большинство, я имел бабушек и дедушек. Но запомнились лучше те, что по отцовой линии. Особенно дед, который родился примерно в 1873 году. Занимался он земледелием и скотоводством. Как многие в те времена, не имел образования, но знал очень много народных сказок про богатырей, колдунов, змей, нечистую силу и так далее. Зачастую сочинял сам на ходу. Особенно любил рассказывать их в ночь под Новый год, когда время было окутано какой-то таинственностью. Ноль часов, ноль минут, ноль секунд... Весь мир в каком-то небытии... Дома собирались односельчане и до самого утра слушали неутомимого сказочника. И, что характерно, верили всему! Так убедительно он рассказывал. Однажды мужики задали ему вопрос:

– Как на земле образовались горы?

Дед Иван не моргнув ответил:

– Очень просто! Бес набрал в рот воду со дна реки вместе с песком, выплюнул: где комочки из песка, там горы, а где ничего, там равнины.

В дальнейшей жизни, видимо после пожара, дед со своей супругой Марией уехали на хутор Горемычный Базарносызганского района к своей дочери, где неподалёку находился пионерский лагерь, который дед охранял и жил там же. Я посетил деда примерно в 1939 году. В свободное время, которого у него было предостаточно, он плёл лапти на продажу, так как пенсию тогда не платили, а в деньгах нуждались. После похорон жены за дедом приехала дочь и увезла его на новое место жительства – под Сызрань. Там он и умер в 1953 году.

По материнской линии запечатлелись в памяти родные как очень аккуратные, статные, чисто-плотные, красиво одетые люди, имевшие хорошие, добротные дома со всевозможными постройками, но... не более...

Жили небогато, но детство благодаря неустанной родительской заботе тем не менее протекало относительно ровно, если не учитывать случаи, в которых приходилось испытывать разные стрессы. О них-то я и расскажу...

Свора бешеных собак

В 1930 году, когда мне было шесть лет, я направился на гумно, находившееся в километре от дома, где родители молотили сжатый хлеб – рожь, пшеницу, а также просо и другие злаки вручную деревянными цепями. Мне очень хотелось посмотреть на это занятие. Я, конечно же, вприпрыжку побежал туда, но посреди поля оглянулся на злобный лай собак. К моему ужасу, их оказалось около двадцати! Они неслись целенаправленно за мной как бешеные! Воистину – глаза у страха велики! Я пустился изо всех сил, даже не помню, как оказался у ворот и буквально запрыгнул на них. Ещё чуть-чуть, и собаки вцепились бы клыками в мои штаны, и если бы только в них! Испуганный, но нерастерявшийся отец схватил вилы, оказавшиеся под рукой, и разогнал разъярённую голодную свору. Что было бы, если бы догнали в поле? Разорвали бы на куски, да и только! И, само собой разумеется, не ноги спасли, а Бог сберёг меня в тот опасный момент!

Сталинские жандармы

Год 1932 выдался засушливым, неурожайным, а значит, голодным. Мне было восемь лет, а брату Василию – десять. Отец запряг лошадь, посадил нас в телегу, и мы поехали через поля, леса в посёлок Погановку, который находился от нашего дома в двенадцати километрах. Был апрель. Снег давно растаял, а солнце и тёплый ветерок подсушили землю. Мы стали выискивать и собирать гнилую картошку на колхозном поле, оставшуюся кое-где с осени. Голод не тётка, как говорится. Хлеб и блины из этой картошки после выпечки, хотя и были чёрными, и скрипели на зубах от песка, но всё-таки давали ощущение сытости.

Вдруг, откуда ни возьмись, к нам подъехало местное начальство. Со словами «именем закона», как воров, арестовали нас и повели в колхозный двор отработывать за «награбленное» гнильё. Надо же! И что не расстреляли на месте без суда и следствия! Ни себе, ни людям – пусть пухнут с голоду! В наказание нам пришлось возить навоз в поле – целых два дня. Так начиналось строительство светлого будущего – коммунистического общества. Как вспомнишь этот унижительный момент «счастливого детства», так глаза невольно наполняются слезами от обиды...

Секунда до смерти

Рос я шустрым, ловким и пронырливым мальчуганом. Меня интересовало буквально всё, что находилось вокруг. Игр как таковых с товарищами не было. Все жители села: и мал, и стар – трудились. Да мне и самому хотелось бывать чаще одному: любоваться природой, живым миром, слушать гомон птиц, стрекот кузнечиков. Даже муравьи и разные букашки вызывали любопытство к их незатейливой жизни.

В 1936 году мне исполнилось двенадцать лет, и я в свободное от домашней работы время побежал на речку Инзу. Она была тогда полноводной, глубокой рекой. По ней сплавляли сосновые брёвна со стороны Большой Борисовки. Смотреть на этот процесс было огромным удовольствием. И я, конечно же, не удержался от того, чтобы побегать по плывущим брёвнам. Они крутились под воздействием быстрых волн во время движения. Чтобы удержаться, нужно было очень быстро переставлять ноги на другие брёвна, едва касаясь их круглой поверхности, в противном случае можно провалиться между ними и уйти под воду. Я так увлёкся удачными перебежками вначале, что решил таким способом добраться до противоположного берега, но образовавшийся затор из брёвен запрудил речку и безжалостно нарушил мой план. Я соскочил с бревна в воду и стал тонуть. Поблизости ни души – кричи не кричи! Тем более поздний вечер... Никто, даже родители, не знали, где я нахожусь. Да разве они отпустили бы на такую прогулку?! Вода между тем кружилась подо мной винтом, затягивая всё глубже и глубже. Я стал захлёбываться... Испуг невообразимый! И вдруг я ощутил толчок снизу и с помощью какой-то силы оказался около заветного берега! Цепляясь руками за спасительную землю, кое-как выкарабкался из воды и стремглав побежал домой, отрясая с себя влагу.

Случай на кладбище

Я никогда никого и ничего не боялся. Бесстрашие привело меня на сельское кладбище, хотя много небылиц в свои тринадцать лет слышал о душах из потустороннего мира, посещающих нас в земной жизни. Но непреодолимое желание поискать воробьиные гнёзда было сильнее мистики, благо родители не хватились и не заставили заняться чем-то по хозяйству.

Я бродил между холмиками, поросшими молодой сочной травой, и деревянными крестами, вглядываясь в надписи, вырезанные на перекладах, о покоящихся останках знакомых и незнакомых мне земляков. Кого-то вспоминал добром, кого-то не очень... И только порхающие птицы время от времени нарушали тишину.

Вдруг передо мной оказался человек, одетый во всё белое. Он стоял спиной ко мне и что-то бормотал. Нетрудно догадаться, в какое оцепенение я впал. Помню только, что, не оборачиваясь, я попятился и со всей силы побежал. Как оказался дома, абсолютно не помню. Это очевидное, но невероятное событие до сих пор заставляет меня задумываться: кто этот человек-призрак в белом и о чём он шептал? Не исключено, что родной по крови. Но что он хотел мне сказать?..

Русалка

В том же 1937 году майским тёплым вечером я решил прогуляться до ближайшего озера, которое находилось в двух километрах от села. Сначала шёл по берегу речки, слушая журчание весенних вод вдоль кустов, затем, приближаясь к озеру – плеск выныривающей из воды рыбы в большой изобилии и свадебное кваканье лягушек, которое заглушало шум речных волн так, что хоть уши затыкай! Закат тем временем угасал, и опускались сумерки. Я любил бывать на этом небольшом озере длиной примерно триста, а шириной сто пятьдесят метров. Только это случалось раньше в светлое время суток. Пройдя через ивовый кустарник, я увидел на берегу этого озера небольшую, совершенно голую девушку. Она сидела на берегу ко мне спиной... медленно и старательно расчёсывала гребешком свои длинные волосы, падающие с плеча.

Вдруг она оглянулась, словно почувствовала мой пристальный взгляд, и быстро нырнула в тёмный омут. Как сейчас отчётливо помню, что вместо ног у неё был большой рыбий хвост. Я слегка вздрогнул от неожиданности, хотя сильного испуга не испытал в тот момент. Когда же прибежал домой и стал рассказывать, захлёбываясь, о том, что увидел, этому никто особенно не удивился, так как с русалкой в наших местах встречались многие односельчане. Несмотря на смелость, я всё же прекратил гулять вдоль озера в темное время.

По истечении многих лет иногда задаю себе вопросы: «Почему не видят русалок сейчас, а видят каких-то серо-зелёных человечков, инопланетян? Не одна и та же ли нечистая сила? Разве от светлой силы, например ангелов, можно испугаться так, что бежать без оглядки на последнем дыхании?»

Вой волков

Весна, как и всё в природе, закончилась. Началось звонкое лето 1938 года. Мне исполнилось четырнадцать лет: ещё не взрослый, но уже и не ребёнок. Чем старше, тем больше расстояний хотелось преодолевать в одиночку. Я решил побывать в гостях у дедушки на хуторе Горемычном, где он проживал в то время. Переночевал и, протянув время днём, стал неторопливо возвращаться домой. Впереди лежал путь длиной в двадцать пять километров. Иногда я сходил с просёлочной дороги, садился и ложился на тёплые, прогретые солнцем поляны. Кувыркаясь и валяясь на душистых травах, ощущал себя самым счастливым человеком в мире. Трогал стволы берёз ладонью, похлопывал их подружески, касаясь щекой белой как молоко коры, умилялся и восхищался красотами родного края. А что ещё нужно в эту пору?

Так незаметно дошёл до разъезда Должниково. Уже стемнело, а пройдена всего лишь половина пути. Полеми ещё более или менее, а когда зашёл в лес, как говорится, хоть глаза коли, ничего не видно! Так темно, что ориентировался только по звёздам на небе. Зачастую, сбиваясь с пути, вилял между деревьями, натываясь лбом на сучки и стволы.

Лес, как живой организм, жил своей ночной жизнью. Ёжики, зайцы, лисы, змеи и другие колючие, пушистые и даже ядовитые существа нарушали жутчайшую тишину шорохами. Наконец-то лес позади... Дальше – знакомое поле слева, а справа – дубовая роща. Я ускорил шаг и даже побежал почему-то украдкой, как вор, скрывающийся в густой мгле ночи, словно за мной кто-то гнался. Спускаясь с горы, едва успел перевести дух, как вдруг услышал поблизости вой волков. Остановился, чтобы в этом убедиться. От испуга дрожь стрелой прошла по всему телу и, как всегда в подобных случаях, я пустился наутёк. Благо до села оставалось всего лишь три километра. Добрался благополучно, но уснуть от испытанных чувств не смог очень долго. Лес приятен и ласков только днём, и то не всегда...

Хлебные очереди

Как в поговорке: волка ноги кормят – так и меня, и нашу семью кормили мои ноги. Ведь в тридцатые годы прошлого века никакого транспорта ещё не было, а кушать хотелось всегда. До хлебного магазина, который находился в районном центре Инзе, восемнадцать километров. Приходилось вставать в два-три часа ночи и шлёпать пешком в лаптях при любой погоде по неровным дорогам за самым главным продуктом питания. Дело привычное: тогда большинство людей жили так в сёлах и маленьких городах страны, да и во всём мире.

Инза располагается в низинной местности. В то время небольшая, но узловая станция, имеющая три направления, сияла издали яркими огнями фонарей, словно заревом. Чем ближе подходишь, тем светлее становится, и не только над фырчащими паровозами и стучащими составами, но и в душе.

Вот и финиш. Народу – тьма! Люди занимали очередь с четырёх, а то и с трёх часов ночи. Я тоже становился в эту очередь и терпеливо, переминаясь с ноги на ногу, ждал восьми часов – в это время привозили хлеб. И чего только не видел и не слышал я

в этой давке! Озлобленные голодные покупатели выталкивали друг друга из очереди. Кто сильнее и наглей, лезли по головам к окошку ларька, из которого доносился аппетитный запах. Порой доходило до драки. Некоторые от бессилия кусали обидчиков, не говоря уже о бесчисленных моральных оскорблениях. Лошадь с трудом вывозила порожнюю, деревянную повозку, покрытую железным листом, покрашенным коричневой краской и белыми буквами «ХЛЕБ» из разъярённой толпы и удалялась снова на пекарню за следующей партией.

Сейчас я удивляюсь: какую силу надо было иметь, чтобы пробраться к прилавку и получить в руки не больше двух килограммов хлеба. Но для семьи этой нормы недостаточно, и я шёл на железнодорожный вокзал, чтобы теперь там провести бессонную ночь до утра. Кругом шныряла шпана. Жулики высматривали момент, когда можно поживиться сворованным или отобраным у тех, кто слабее, ведь для них не составляло никакого труда это сделать.

Вот и меня однажды ночью вывели за рукав на перрон, чтобы ограбить. На моё счастье, ко мне подошёл односельчанин и узнал меня, который жил почти по соседству от нас. Он тоже занимался этим преступным промыслом, но спас меня от таких же бандитов, как и сам. Больше меня не беспокоили по этому поводу, напротив, как сейчас говорят, стали крышевать.

И так три дня в изнурительных очередях. Как достану шесть-восемь килограммов хлеба, так направлюсь домой – дорогой длинной, дорогой дальнею с мешком за плечом. Пока идёшь, сто раз, если не больше, перебросишь его с левой стороны на правую и обратно, чтобы не так натирал кожу. Встречали меня радостно как главного добытчика. Ведь недаром говорят: хлеб всему голова. Забота о родных и близких была в моей крови с самого детства и закрепилась на всю долгую жизнь. Всегда хотелось накормить семью досыта.

Юность

Волга-матушка река...

В этом же 1938 году отец решил взять меня с братом Василием на заработки в город Куйбышев (Самара). Мне четырнадцать, а брату – шестнадцать лет. Орудия труда – поперечную пилу и топор – положили в мешок. Туда же бросили сложенное в несколько раз старое байковое одеяло: знали, что ночевать придётся не в гостинице.

Уезжали поездом со станции Инза, заранее приобретя билеты. Впервые в жизни мы оказались в вагоне, который был переполнен пассажирами, от этого в воздухе висела невыносимая духота. Попутчики после знакомства рассказывали о себе. Голоса сливались в одно целое – стоял гул, словно мы находились среди ульев с взволнованными пчёлами. Вскоре мы свыклись с обстановкой и стали смотреть с интересом на мелькающие за окном посёлки, переезды, семафоры и на всё, что проплывало мимо нас и кружилось каруселями вдалеке. Иногда засыпали и сладко дремали под убаюкивающий, монотонный стук колёс.

В Куйбышеве переправились на противоположный берег Волги паромом. Волга, разумеется, удивила и впечатлила нас не меньше, чем поезд! Вы-

сидевшись на берег, пошли пешком вдоль реки, где встретились с лесорубами. Они рубили лес на дрова, смачно матерясь на кровососущих комаров и всякую мошкату. И в самом деле, насекомые летали тучами, норовили попасть в рот и на открытые места тела. На перекур работники уходили под полог из марли. Жалость взяла верх, и отец, недолго думая, увёл нас дальше от такого испытания, которое обещали назойливые и безжалостные существа.

Вскоре мы встретились с другой артелью лесорубов. Имеющееся жильё – барак для ночлега – нас вполне устроил, и мы нанялись на работу. Трудились, обливаясь потом от восхода до захода солнца, а это немало: примерно шестнадцать часов!

Как-то отец уехал в город за продуктами. Предварительно дал задание: свалить деревья и распилить их на двухметровые брёвна в количестве двадцати семи кубов. Наказ выполнили, только не сложили брёвна как положено, о чём доложили вернувшемуся родителю. На другой день, когда закончили укладку брёвен, заметили нескрываемое удовольствие на лице отца. И это понятно – воспитание трудом не напрасно!

И откуда только бралась сила – так много работать в полуголодном состоянии организма? Видимо, молодость могла всё!

В свободное от лесоразработки время я научился плести лапти, поэтому нужды в обуви не было. За плечом всегда была запасная пара. Потом на заработанные деньги отец купил брезентовые полуботинки. Я стал в них форсить, а новенькие лапти пустил по волжским волнам, как лодочки. Сейчас вспоминаю их не без сожаления: надо было бы оставить на память о том нелёгком времени моей юности.

На левом берегу Волги во время поиска очередной работы приходилось ночевать под открытым небом: и у дороги, и в поле. Благо одеяло было всегда с нами помимо другой верхней одежды. Иной раз слышишь скрип телеги и стук копыт, насторожишься. Кто знает, какие люди едут? Непокойно на сердце. Сон как рукой снимало. Не приведи Бог такую юность никому, даже лихому человеку!

Цыганский рынок и возвращение домой

Наконец-то отец оставил разработку леса, и мы переправились обратно на правый берег Волги. Пришли на цыганский рынок города Куйбышева и, усевшись на ящики, выложили перед собой пилу и топор в ожидании клиентов.

Подходили жители города и нанимали нас пилить, колоть, складывать дрова по договору за определённую сумму. На вырученные деньги покупали хлеб и сушили сухари на чердаках их домов, чтобы привезти семье, которая с нетерпением ждала своих кормильцев.

На ночлег приходили в речной порт. Привычно стелили на землю, а по возможности на траву фуфайки и укрывались всё тем же байковым, изрядно потёртым в странствиях одеялом. Случалось, какой-нибудь бандитский элемент ляжет между нами на всю ночь – не выгонишь. Грозится ножом порезать. Разве уснёшь в таком положении? Промучаемся как-нибудь до утра с незваным «гостем», а потом идём снова по дворам наниматься на работу...

Когда не было клиентов, отец заставлял меня перепродавать махорку, которую где-то покупал – лишь бы заработать дополнительную копейку. Так или иначе, наша рабочая поездка подходила к концу.

К насушенным сухарям, а их накопился не один мешок, купили ещё муку. Затем парходом поплыли до Ульяновска. Очень хотелось есть. Отец, как мне казалось уже много лет спустя, «заболел» жадностью. Или, может быть, цены были слишком высокие в столовой на речном порту, а домой хотелось привезти денег как можно больше, не знаю. Только он стал посылать меня собирать милостыню. Я, конечно же, отказался – неудобно попрошайничать у людей. И мы с братом ели сухую муку, чтобы утолить чувство голода.

Преодолев крутой подъём, пришли на железнодорожный вокзал. Мешки с продуктами погрузили на тормозную площадку вагона товарного поезда. Ехали долго как никогда. В основном молчали. Щемило сердце от предвкушения встречи, домашнего тепла и уюта, хотя и очень скромного по тем временам. Да и соскучились порядком по родным и близким...

Чем ближе, тем более знакомые по слуху проезжали названия станций. Шарлово... Глотовка... Мы оживлённо зашевелились, передвигая мешки к ступенькам на край тормозной площадки. Наконец-то начался долгожданный, затяжной подъём на разъезд Юловка, где паровоз, пыхтя изо всех сил и, сбивая максимально скорость, предоставил нам возможность спрыгнуть на ходу. Ехать до Инзы нельзя, так как военизированная охрана арестует и, вне всякого сомнения, отберёт всё нажитое на стороне, хотя путь до нашего села от конечного пункта гораздо короче, примерно на пять с лишним километров. Наступил ответственный момент, сердце заколотилось неужённо...

Отец скомандовал: «Пошёл!» И мы, как парашютисты, выбрасывая перед собой мешки с сухарями, мукой, орудиями труда, одеялом и, затаив дыхание, стали прыгать по ходу поезда друг за другом. Приземляясь и кувыркаясь по стрекочущему гравию, щебёнке и гальке вдоль линии, поднимались и, поглаживая ушибленные места, возвращались к мешкам. Потом, нагрузившись, как ишаки, наперевес, шли домой лесными дорогами и тропами. Не надо рассказывать, какая тёплая встреча ожидала нас дома. От воспоминаний находит грусть, но не вспоминать об этом нельзя. Молодое поколение должно знать, какие трудности мы испытывали, преодолевали их, чтобы выжить и не впасть в уныние и отчаяние, когда наступает чёрная полоса...

Разработка леса на разъезде Юловка

Мы с братом Василием повзрослели ещё на год, а значит, мне пятнадцать лет, брату, соответственно, семнадцать.

Как говорится, везде хорошо, где нас нет. Получив достаточный опыт на разработке леса в Куйбышеве, отец решил применить его поблизости – на известном уже разъезде Юловка. Там тоже были богатые леса, а учиться не было средств, да и не хотелось, к сожалению. Поэтому, не закончив пятый класс, а брат – четвёртый (в школу он пошёл позже

меня), мы продолжили трудовую деятельность под руководством отца. Как обычно, пошли пешком от дома до места работы и поселились в деревянном длинном бараке со своими нехитрыми пожитками, где жили сорок лесорубов.

Поднимались рано утром. Нас ожидал осинный лес – частый, как конопля. Вооружившись пилой, мы с братом валили деревья, распиливали стволы на метровые чурбаки и укладывали их по двадцать и двадцать два куба. И так каждый день по четырнадцать-шестнадцать часов, от зари до зари. Столовой не было, а значит, сухомятка всю неделю. В субботу был короткий день – работали до обеда. Затем перекидывали мешки с караваями за плечи и шли на малую родину. Дорога длиной почти в тридцать километров пешком и так утомительна, а с караваями весом по четыре килограмма каждый, да у каждого из нас по три-четыре штуки, вообще тяжело. Домой приходили вечером... От усталости круги перед глазами, а молодость звала на улицу!

Бывало, приложим к векам куриное яйцо или бутылку с тёплой жидкостью, слегка перекачывая, снимем слепоту таким образом и – в хоровод к товарищам до утра, а в воскресенье в два часа ночи снова в путь на разработку леса в Юловку. Мы старались работать хорошо и считались стахановцами. За это нам в качестве вознаграждения выдавали килограмм либо конфет, либо лещей...

Однажды отец, войдя в азарт, взял под погрузку крытый вагон. Мы вдвоём с братом с четырёх часов утра и до одиннадцати ночи грузили двухметровые брёвна с земли, так как эстакады не было. Устали смертельно! Потом подошёл отец, закончивший работу с другой бригадой, и помог нам догрузить полностью этот вагон.

В поте лица, в нечеловеческих условиях добывали пропитание. Сколько нужно было иметь сил, здоровья и терпения для этого! Только с помощью Божьей можно было преодолеть всё это. Сейчас я не сомневаюсь в этом ни на йоту!

Волчата

Всё в том же 1939 году отец решил дать передышку мне и брату Василию от физической работы. Он нанялся пастухом пасти стада коров на хуторе Горемычном. По знакомой уже двадцати пятикилометровой дороге я пустился в путь, чтобы навестить родителя, а заодно и дедушку с бабушкой. Пообщавшись с отцом, ближе к вечеру направился к дедушке и бабушке. Они, как прежде, охраняли пионерский лагерь и проживали там же. Это место отдыха для детей было окружено колхозным полем из подсолнухов, подобных мириадам маленьких солнц, которые светили так, что вечерние сумерки не могли застить землю.

Старики, как всегда, встретили меня радушно, но на ночлег я у них не остался. Когда закончил шелушение подсолнухов, решил вернуться к отцу на хутор. И хотя не раз зарекался не ходить лесом в позднее время, всё равно пошёл. Прежние уроки прошли даром.

Дойдя до середины леса, остановился как вкопанный: у моих ног откуда ни возьмись, появился целый выводок, на первый взгляд щенят. Присталь-

но взглядевшись в пушистые комочки, я понял, что это маленькие волчата. Они ластились к моим ногам, не понимая, что перед ними человек. Отведя взгляд в сторону, я встретился с глазами спокойно сидевшей волчицы. Она очень внимательно наблюдала за нами. Тем не менее я вздрогнул и, конечно же, дал дёру изо всех сил. По вполне понятным причинам волчица за мной не побежала. Оставить детёнышей без присмотра не в правилах даже у хищников. Тем более охранять разыгравшееся потомство у логова, куда более умиленное занятие, чем гнаться за мной! Да и сытая, похоже, была. А мне остаться живым и невредимым в очередной раз – куда ещё больше радости!

Верховой дезертир

Уже полтора месяца шла Великая Отечественная война. Мой отец Андрей Иванович в каком-то селе и колхозе (сейчас и не вспомню) гнал дёготь из сосновых пеньков для смазывания колёс у телег. Ну и мы с братом Василием, конечно же, при нём осваивали новое ремесло.

Расположились недалеко от рабочего посёлка Базарный Сызган в небольшом овраге: и ветры не беспокоят, и от людских глаз подальше. Для жилья соорудили шалаш из веток – этого деревянного добра было в избытке.

Как-то рано утром к нам подъехал солдат верхом на коне. Он был вооружён и уверенно держался в седле. Твёрдым, повелительным голосом заявил, что будет здесь отдыхать, и предупредил, чтобы мы никуда не уходили. Он долго спал в шалаше как мёртвый, не шевелясь, а его лошадь щипала сочную траву неподалёку. Проснувшись, солдат спросил:

«Где река Волга и самое узкое место на ней, чтобы переплыть на другой берег?» Отец знал, но соврал, как мне показалось, впервые в жизни. Он ответил незамедлительно, что Волгу никогда не видел. Лицо всадника не вызывало опасения. Просто худоба, усталость и какие-то испытания, выпавшие на долю этого человека, заставили его бежать от чего-то страшного и ужасного как можно подальше или куда глаза глядят...

К вечеру, когда стало темнеть, он ловко вскочил на коня и ускакал. Мы долго смотрели ему вслед, пока клубы пыли не смешались с опускавшейся на землю небесной мглой и не скрыли удаляющийся силуэт всадника.

Явно это был дезертир, покинувший фронт. Он искал тихое от войны место, поэтому передвигался преимущественно ночью в противоположную от боёв сторону – на восток. Такое, к сожалению, тоже случалось в начале сороковых, роковых лет...

Калда

Война с фашистами продолжала набирать ход. Отец в возрасте сорока четырёх лет и брат Василий были призваны в армию и отправлены на фронт. Мне исполнилось семнадцать лет. Оставшуюся молодёжь и меня, разумеется, привлекли к работе, мы стали в селе Калда рыть каналы, рвы шириной три с половиной метра и глубиной в полтора как препятствие для немецких танков, если они будут прорываться через нас к Волге.

Калда находилась в пятидесяти километрах от нашего села. Стояла суровая зима. Температура опускалась до тридцати градусов мороза, а мы в лаптях... Земля настолько промерзла, что не поддавалась даже кирке. Приходилось валить огромные сосны, сжигать их на предназначенных для траншей местах, тем самым мы отогревали землю, а потом копали. Пропитание, которое мы брали с собой, давно закончилось. Власть не кормила, а местные жители – мусульмане – не давали посуду для варки пищи. Боялись, что оскверним её свининой, которую они называли «чушкой». Вечером, поджав голодные животы, мы убежали домой. Вернувшись поздно ночью, долго отогревались и лечили отмороженные части тела. Потом скрывались от властей, чтобы ещё раз не отправили в Калду. Но руководство, видимо, вовремя опомнилось от неразумного распоряжения «сверху», которое выглядело издевательством над людьми, и нас больше не отправляли на такую экзекуцию.

Каждый раз с наступлением зимы я вспоминаю ту морозную ночь и хруст снега под лаптями. Сравниваю прошедшее время с настоящим, когда ноги в теплой обуви, сам одет, сыт, и думаю: как не благодарить Бога за эту жизнь?! А что касается лаптей, то они остались в безвозвратном прошлом...

Волки в Калде

Теперь я стал пастухом вместо отца, ушедшего на войну. Пас стада коров по найму на хуторе Прутки, а мой друг односельчанин Пётр пас колхозных овец. Скотный двор в этом селе находился рядом с лесом и был огорожен не забором из досок, а жердями, кое-как прикреплёнными к столбам. Проснувшись утром, мы увидели во дворе ужасное зрелище. Несколько мёртвых, изодранных в клочья волками овец валялись на земле. Некоторые корчились от ран, боли и жалобно блеяли, глядя на нас. А одна овца стояла на своих четырёх ногах как вкопанная, совершенно голая, без шкуры – шерсть лежала рядом. Бедняжка не ощущала даже боли, видимо, от испытанного шока. Осмотрев округу, мы обнаружили ещё несколько волчьих жертв и в лесу, и в овраге. Вот так расправились волки с теми, кто слабее. Коров не трогали – рога острые да копыта мощнее, чем у овец! А говорят, что волки санитары, что уничтожают только больных. Никогда с этим не соглашусь. Они самые настоящие хищники и уничтожали без разбора, и уж вовсе не одну овцу!..

Душераздирающие воспоминания, но как без них... Что было, то было.

Отец на войне

Отец защищал своё Отечество от вероломного врага. Если раньше он загружал нас всякой работой, чем порой раздражал и надоедал, то теперь его, как и погибшего в самые первые дни войны брата, стало не хватать. Все заботы и тяготы по хозяйству легли на меня. Мы стали чаще их вспоминать как самых лучших и дорогих родных. Обиды, какие были до этого, отошли в сторону.

И в самом деле: отец был очень трудолюбивым и умел делать всё, за что ни возьмётся. Он клал печи и голландки, гнал дёготь, выделывал кожу, плёл лапти и даже шил шапки. А пасти стада для него было

вообще отдыхом и удовольствием. Без дела никогда не сидел. Отец был примерным семьянином. Он не пил, не курил, не ругался матом и никогда не обижал маму. А что касается жадности до денег, то это объяснимо: он не был расточительным. Да и где гарантия, что ещё раз не обберёт всё до нитки новая власть? Запас карман не трёт – так говорил. Веселиться и шутить он тоже умел. Его глаза всегда излучали добрый, располагающий к дружбе взгляд. И физическое здоровье было изрядным. От того, что он много трудился, мышцы были упруги, натренированы, и организм был закалён. Отец всегда носил нательный православный крестик, который спас его буквально от смерти, когда он попал в немецкий плен. А было это так...

Отец оказался в войсках под командованием генерала Власова, известного впоследствии как врага народа, и попал в окружение под Смоленском. Пленных тогда выстроили в ряд и скомандовали: «Командиры и коммунисты три шага вперёд!» – для расстрела. И хотя он не был ни тем ни другим, участь быть расстрелянным на него всё-таки выпала. Когда отец стал раздеваться и разуваться, фашисты увидели на его груди крестик, выскользнувший из-под рубашки, и отпустили его. Мало того, он прошёл мимо многих других фрицев, и никто не остановил его ни разу. Таким образом ему удалось уйти из плена в июле сорок второго года. Скитаясь по лесам, болотам через сёла и деревни он всё-таки пробрался к своим войскам, где прошёл проверку с пристрастием, как обычно бывает в таких случаях. В дальнейшем был ранен в ногу и в том же году демобилизован.

Я узнал об этом, когда пас коров на хуторе Прутки. Мне исполнилось в то время восемнадцать лет, а накануне увидел сон, будто в наш двор приземлился самолёт. Я понял, что сон непростой, сон вещий, и он имеет значение, но какое именно, разгадал только после радостной вести о возвращении отца с фронта. Понятно, какое счастье видеть родителя живым!

На фронт отца больше не брали. Он купил небольшой дом в Инзе, где стал проживать с семьёй. Пас стада. Всё потекло как обычно, если не считать сильной хромоты (он волочил ногу до самой смерти), что являлось доказательством серьёзного ранения. Отец в то время достиг сорокапятилетнего возраста. Мать Агриппина Ивановна продолжала заниматься воспитанием младших детей и вести небольшое хозяйство по дому.

Армия

Ровно месяц спустя после возвращения отца, восьмого августа, я был призван в армию Базарносызганским райвоенкоматом. Собранную котомку с провизией и всем необходимым я с лёгкостью бросил за плечи и в сопровождении родителей, двух младших братьев – Михаила и Александра, а также товарищей пришёл в назначенный пункт.

В эту же ночь меня вместе с другими новобранцами отправили поездом в город Барыш. В дороге мы познакомились друг с другом, шутили, но потом постепенно смолкали, углубляясь в свои воспоминания и мечты. Трудностей я не боялся, так как привык к ним с раннего детства, но будущее, тем более

военное, несмотря на оптимизм, не радовало – наоборот, тревожило.

Из Барыша нас направили в рабочий посёлок Измайловка, где в воинской части в течение месяца обучали шоферскому делу для фронта. Затем отправили в город Вольск Саратовской области для продолжения обучения, но уже на младших командиров.

Прошёл как пролетел 1943 год. После окончания учебного полка мне было присвоено звание младшего сержанта. И нас с товарищами, предварительно накормив досыта, отправили на фронт.

П.А. Смолкин и Егор Горбунов. 1942 г.

Солдатские жалобы и совпадения

По прибытии в воинскую часть я был назначен командиром отделения для подготовки снайперов. В моё распоряжение дали двенадцать солдат для обучения, чем я и занимался. Всё бы было ничего, если бы мои подчинённые не стали жаловаться мне, что им не додают хлеба – обвешивают. Понаблюдав за старшиной роты, убедившись в этом и недолго думая, я пожаловался командиру полка, не соблюдая субординации. За этот, казалось бы, добрый порыв и справедливый поступок меня арестовали и посадили на гауптвахту на трое суток. Впредь чтобы знал: сначала докладывать командиру взвода, а тот – командиру роты, последний – командиру батальона, который, в свою очередь, докладывает командиру полка. Вот такая петрушка!

Наказание было тяжёлым только морально. А так – что? Лето тёплое... Мы располагались в населённом пункте около деревянной бани, на чердаке которой я и находился под охраной часовых. Солдаты носили обеды регулярно. Поешь – и опять на чердак. Через два дня, а значит досрочно, я был освобождён и отправлен в другую часть, затем на фронт.

Много позже, когда я ехал в поезде после ранения из Луцка в Ровенский госпиталь, то увидел того самого старшину, на которого жаловался. Его тоже везли раненого в какой-то госпиталь. Поскольку наши поезда остановились на соседних путях и не только вагоны, но даже окна, как по заказу, оказались напротив, то мы разговорились, высунув головы из окон. Он – с обидой на меня, а я – с претензией к нему за недостав хлеба своим же солдатам. Вот такое необыкновенно-чудесное совпадение произо-

шло в пути на лечение, хотя и не без горечи. Вместо того чтобы попросить прощения друг у друга (кто знает, что впереди ждёт: война всё-таки), мы так и разъехались – каждый при своём мнении. А ведь земляки...

Какое-то время я размышлял, вспоминая тот момент: вроде бы поступил по совести, хотел справедливого отношения к сослуживцам, а получил гауптвахту. Видимо, субординация важнее принципов. Или по молодости лет мне не всё было понятно в армейской жизни?

Постепенно чёткий стук колёс вагона заглушил неприятные мысли, и я уснул...

Землянка

Продолжалась зима сорок третьего года. Воинская часть, в которой я служил, продвигалась к передовой – под Курск. Нашу команду – сержантский состав в количестве двухсот пятидесяти человек – довели в лесистую местность. Снега – выше колен! Получили приказ от командования – построить и оборудовать землянку до наступления ночи для собственного размещения.

Работа пошла полным ходом, как в муравейнике! Кто очищает снег, кто копает, кто валит лес, кто в поле за соломой. До темна справились. Даже успели соорудить нары и застелить их соломой. Из бочки сделали печку и, установив её посередине землянки, стали топить днём и ночью. Всё было бы сносно, если бы не развелось великое множество вшей, каких свет белый не видывал – чёрные да хвостатые! Не давали спокойно спать. Как минимум одно, а то и два насекомых за ночь поймаете.

Однажды в землянку пришёл капитан и спросил:

– Кто работал поваром на гражданке сроком не менее трёх лет? – и, снизив голос, добавил: – Поднимите руку.

Под влиянием товарищей, которые толкали меня активно в бок, подзадоривая, мол, давай, поднимай руку! Лицом пухлым вышел – поверят! Глядишь, и нам перепадёт что-нибудь. Я поднял руку и оказался в походной кухне, где чистил картошку, селёдку, мешал суп половником в котле и так далее. Вскоре мой обман был выявлен, за что меня отправили на нары, и поделом! Там кормили отвратительно. Я вставал рано утром и ходил на дорогу, где собирал мёрзлую картошку, выпавшую из кузова машины во время перевозки, затем её варил. Картофельное пюре, несмотря на то что оно было без масла и соли, казалось намного вкуснее той еды. До сих пор помню вкус этого блюда. За проступок был проучен, что послужило мне хорошим уроком в будущем.

За всё нужно отвечать и думать своей головой, чтобы не быть поводом для насмешек впоследствии для кого-либо.

После Курска

Война учила всему, причём очень быстро. Солдатами становились даже за сутки. Как говорится, хочешь жить, умей вертеться. И вертелись... как белки в колесе.

Война – тяжёлая штука... Постоянно пулемётно-артиллерийские обстрелы, и мы ползли попластунски, не поднимая головы, в западном на-

правлении, как в тёмное время суток, так и в светлое. И мало кого волновало: дождь или грязь, жара или зной, снег... Мы все как один были настроены на разгром врага и победу над ним.

Знаменитая Курская дуга дала от ворот поворот фашистскому племени. Мы проходили по горячим следам окровавленных дорог вчерашних боёв.

И вот уже август всё того же сорок третьего боевого года. Мы достигли пределов Украины. В одной из деревень солдатам захотелось расслабиться после долгого пути. А что может быть лучше в подобных случаях, чем самогонка? Мы знали, что горилка была почти в каждой хате, и подались с товарищами на промысел. Зашли безошибочно в самое первое жилище, где нас угостили и дали с собой для других солдат. Едва мы вышли из хаты, как увидели: из леса выскочил верховой на коне и открыл в нашу сторону автоматную очередь. Мы взаимно ответили тем же.

Завязался, как оказалось потом, бестолковый бой. К счастью, никто не пострадал, но на следующий день меня вызвали к командиру полка в звании полковника. Под угрозой расстрела или в лучшем случае отправки в штрафную роту он потребовал честно признаться в содеянном накануне нарушении. Выяснилось, что верховой был адъютантом командира полка и ездил тоже за горилкой. Но он оговорил меня тем, что мы стали стрелять в него первыми. Я настоял на очной ставке, чем убедил командира полка и был оправдан.

Вот такие нелепые случаи могли стоить дорогого – жизни. И было бы не обидно потерять её в бою с врагом, так как это высокая честь перед Родиной, но не в такой глупой ситуации, какая произошла – от своих же российских солдат.

Первый бой на Украине

Война шла своим ходом – и с большими потерями, и радостными победами. По крайней мере, нас воодушевляло то, что мы уже освобождали Ровенскую область в Западной Украине. И это уже сорок четвёртый год, начало июля... самого жаркого месяца – зенита лета.

Перед наступлением на врага наше подразделение построили в шеренгу для принятия присяги. Наклонившись к земле, с искренним чувством патриотизма мы поцеловали её и пошли боевым строем на немецкие окопы, которые находились от нас приблизительно в двух километрах. Шагали без боя по открытой сырой местности. Кое-где попадались жиденькие кустики. Изредка посвистывали над головами пули, но на них по привычке никто не обращал никакого внимания.

Не успели дойти до окопов, как за спиной с тыла открыли огонь наши «катюши». Снаряды точно попадали по немецким окопам. Крайние дома населённого пункта, находившегося в двухстах пятидесяти метрах от нас, загорелись моментально. Немцы ужасно боялись русских «катюш» и убегали, как бесы от ладана, отступая, скрывались поблизости в лесу.

Когда мы заняли эти окопы, то крайне были удивлены тем, что в местах падения снарядов была зола и небольшие углубления, хотя нам говорили как-то, что горит всё кругом, даже в радиусе восьми

километров. Понятно, что это нереально...так ведь и свою армию можно спалить дотла!

Наступившую ночь мы провели в немецких окопах. В бессонных муках дождалось утра, а на рассвете я получил приказ от командира роты – разведать лес и выявить место нахождения врага. Я взял десять солдат и пошёл на разведку. В лесу мы набрали на гражданских людей, которые сказали, что немцы уже за лесом в деревне и расстояние до них два километра. Мы поспешно возвратились обратно, но, к нашему недоумению, подразделения на прежнем месте не застали – как в землю провалилось! Негодование не было предела! Мы пустились вдогонку по предполагаемому направлению.

Конечно же, догнали! Но уважение к командиру в наших глазах растаяло как снег. По сути, он оставил своих солдат – мало ли что могло с нами случиться? Ведь немцы там имели большие группировки войск, и оказаться у них в плену не составляло большого труда. Таким образом пропадали без вести многие бойцы – война всё спишет!

Так я думал тогда, но сейчас, с высоты лет, моё мнение изменилось в корне. Во-первых, у командира могли поменяться планы, не по его воле, и он не обязан нам докладывать об этом. Во-вторых, он был уверен в нас – не попадёмся в лапы врагу, не-глупые. В-третьих, догадливые – догоним. Но самое главное – Промысел Божий был над всем этим. Кто знает, может быть, бесполезная смерть ждала всю роту за лесом, а Всевышний, послав нам навстречу гражданских людей, отвёл от неё. И слава Богу!

Высота

Время на месте не стояло... Дни сменялись ночами, ночи – днями и так далее. Смерть была у каждого на виду. Она безжалостно отбирала у нас самых лучших и смелых товарищей. Тревожная мелодия свистящих пуль, рвущихся снарядов и мин сопровождала наши отряды на протяжении длительного пути. Время от времени сверху бомбили самолёты, но мы прорывались на запад всё глубже и глубже сквозь гарь, пыль, грязь, дым, кровь...

Вышли на большое поле, посреди которого была не очень высокая сопка в виде мужской шляпы. За два километра до неё командование остановило нас и дало приказ о том, что с восьми часов утра и до двенадцати дня будет открыт огонь по этой сопке.

Огонь по высоте начали гораздо раньше – в четыре часа. Над нами то и дело пролетали немецкие самолёты «мессершмитт» и строчили из пулемётов по нашим войскам. Но когда в небе появлялись наши и американские самолёты, которые тоже бомбили сопку, то «мессеры», которых было очень много, преклужались на союзников и выигрывали, так как были более маневренными. Они сбивали не только наши картонно-брезентовые самолёты, но и американские, которые США стали поставлять в СССР в 1942 году по договорённости Сталина и Рузвельта. Об этом стало известно недавно, так как трасса, называемая «АЛ-СИБ», была секретной. Через Аляску и Сибирь за три года в сложнейших условиях перегнали восемь тысяч бомбардировщиков и истребителей девяти типов, а также другую технику и различные грузы. Кстати, на американских самолётах

красная звезда изображалась в круге на белом фоне. За тридцать три часа перелёта многие не долетали и погибали вместе с пилотами. Надо заметить, что самолёты поступали прямо с заводов-изготовителей, и их качество не всегда было безупречным. И всё-таки лучше иметь хоть что-то, чем ничего...

...Мы с досадой смотрели на наши горящие самолёты, которые пикировали вниз и с грохотом взрывались, ударяясь о землю. И искренно радовались за уцелевших пилотов, спускавшихся на парашютах. Они тонули в дыму, гари и пыли совсем недалеко. Такое ощущение, что там, за той чёрной завесой, как за заслоном, край света и лётчики пролетали мимо земли...

Остаться живым и невредимым в таких экстремальных условиях можно только с помощью Всевышнего Творца, ангелов и особым Покровом Пресвятой Богородицы. Я вполне уверен: не иначе как молитвы родных за линией фронта спасали от гибели меня и других, за кого также молились.

Каким же разочарованием для нас было то, что когда мы дошли до сопки после обширной бомбёжки, то не увидели там никого – ни живых, ни мёртвых... Странно, почему? То ли разведка доложила неправильно, то ли хитрая уловка фашистов, чтобы вывести нас на открытую местность и разбить наголо... Сколько же тонн бомб, снарядов и мин было сброшено, истрачено напрасно, а главное, положено русских солдат на пути к этой сопке...

Дойти до Берлина в таком огне, как некоторые браврируют речами о проявленных героизмах, невозможно! Остаться живым мало кому удавалось. Не верьте тем краснобаям, а лучше спросите: «В каких войсках служили или каким офицерам, генералам чистили сапоги, а может быть, подавали обеды к столу?»

Герои – те, кто полегли в боях за Родину. Не жалея живота своего, прокладывали путь к Берлину другим, оставив без кормильцев матерей, жён и детей.

Если нет смерти

После взятия высоты наше подразделение продолжало продвигаться с непрекращающимися боями вперёд, освобождая последовательно территории Западной Украины.

Опустилась ночь. Наша рота пересекла лесной массив и расположилась в поле, где заняла круговую оборону. Меня как помощника командира взвода с восемью солдатами оставили у опушки леса для обороны с тыла. Неподдалёку посреди небольшой поляны росла высокая ветвистая сосна с толстым стволом. Я расставил семь солдат вокруг этой поляны, а с восьмым бойцом, привалившись спиной к сосне, стали вглядываться в противоположные стороны, насколько это возможно зрению в густой тёмноте.

Наступившая тишина увела в глубокие воспоминания довоенной поры, хотя и трудной, но всё-таки мирной. Родители, братья, село, запах парного молока... От всего этого защемило сердце. Придётся ли снова когда-нибудь вернуться в то прошлое из этой огненной геенны – не верилось!

Прошло где-то около часа. Вдруг послышался мягкий шорох из леса. Я крикнул громко:

– Стой, кто идёт?

В ответ – затишье. Через пятнадцать-двадцать минут шорох возобновился. Затем последовал взрыв гранаты с истошным стоном. Я открыл автоматную очередь в сторону шороха. В тёмном просеке появились едва заметные силуэты немецких солдат. Их было человек тридцать, и они шли прямо на меня. Я продолжал строчить по ним из автомата, меняя периодически позиции. Вдруг неожиданно для нас немцы разбежались и скрылись в ночном поле. Видимо, подумали, что нас слишком много.

Тем временем командир роты послал связного, чтобы узнать, что творится на нашей поляне – почему была стрельба. Связной нос к носу столкнулся с этими отступающими фашистами, но в бой не ввязался, так как противник значительно превосходил численностью.

А взрыв, как выяснилось позже, произвёл свой – один из моих солдат. То ли спал и, проснувшись, не разобрался в обстановке и случайно, то ли от испуга и страха попасть в плен подорвал себя. Как-то однажды он разоткровенничался: чем в плен, лучше подорваться. Бог ему судья! Только жалко пулемётчика, сибиряка по фамилии Дядкин, который из-за взрыва был тяжело ранен и стонал от невыносимой боли, умоляя нас, чтобы его не оставили в этом злосчастном месте. Да разве мы поступили бы иначе! Или мы не православные?!

Утром положили Дядкина на носилки и отправили в тыловую госпиталь.

Мы продолжали оставаться всё под той же сосной – до особого указания вышестоящего командования. Вдали в воздухе послышался звук снаряда, который молниеносно приближался к нам. И вдруг, задев за сучок, на самой макушке сосны, этот снаряд или мина взорвалась. Если бы хоть чуть-чуть не долетела, то упала бы у ног – и уж тогда нам точно не повезло бы! Разлетелись бы на кусочки да по веточкам! Но милостью Божьей живые, да ещё целы и невредимы. Значит, не смерть...

Схоронив подорвавшегося солдата на месте гибели, отправились дальше. По пути через село, изголодавшиеся лазили по погребам и пили с жадностью молоко из глиняных горшков. Не думаю, что местные жители тогда сильно обиделись на нас. Ведь голод – страшное дело... и они это прекрасно понимали...

Переобулся в немецкие сапоги

Один из многих ночных боёв закончился на рассвете. Простившись наспех с убитыми бойцами, мы двинулись дальше. Проходя мимо крупного населённого пункта, зашли во двор одного дома. Обострённое чувство голода навело нас на погреб, где мы поживились молоком и другими припасами. Не умереть же, в конце-то концов, из-за этого! А кухня походная, известно, за каждым солдатом ездить не будет.

В следующем населённом пункте были немцы, и в нашу задачу входило уничтожить врага и освободить жителей. Характерно то, что по всей улице лежали убитые и раненые, стонущие от болезненных ран наши солдаты, которые вели наступление на фашистов впереди нас. К огромному сожалению, у нас не было времени оказать им помощь. Переша-

гивая и даже перепрыгивая через них, так как они зачастую лежали плотно, штабелями, мы ускоряли бег по команде, чтобы догнать фашистскую коричневую мразь и разгромить её. Тем самым отомстить за polegших на землю мужественных товарищей, которых вражеские пулемёты подкосили, как траву. И такая ненависть, такая злость вскипали в умах и в сердцах за обезображенных наших бойцов – не выразить словами! И хотя говорят, мёртвые срама не имут, всё равно больно, горько, жалко и обидно за них до глубины души. Вечная память и вечная слава солдатам, павшим в неравной схватке, освобождавшим братские народы от поработителей.

Немцы не выдержали натиска наших войск и отступили. Несмотря на это, за населённым пунктом, в поле под ветлой продолжал строчить пулемёт в нашу сторону. Мы с товарищами ликвидировали обречённого пулемётчика и отобрали у него всё, что могло пригодиться. Кому достался котелок, кому – фляжка, кому – бритва с зеркалом, кому – хлеб с колбасой, а для меня друзья стащили с убитого фрица яловые сапоги, в которые я тут же переобулся. Только радость моя была недолгой. Командир роты, увидев такой шикарный трофей, отобрали его себе. Видите ли, сержанту не положено. Так оно и есть! Пришлось снова обуть ботинки, предварительно накрутив на ноги трёхметровые обмотки. Обидам подобного рода на офицеров не было конца. «Нашему брату можно одно: идти под пули! – пронёсся в мыслях упрекающий монолог, но я всё-таки успокоился и подумал: – Главное, что жив, и это самое большое счастье! А сапоги как пришли, так и ушли...»

Танки

Июль 1944 года наступил незаметно... Линия огня из ожесточённых боёв, массированных обстрелов, штурмовых натисков превратилась в обыденную жизнь. Как будто и не было никогда мирного неба...

Мы приблизились к одной местности. На названия, как на свистящие пули, не обращали внимания, так как за день их было иногда несколько. Перед нами открылась отлогая лощина с небольшой возвышенностью. Немцы заняли очень удобную позицию для обороны. Нашему батальону численностью двести пятьдесят солдат и офицеров была дана команда – выбить врага из окопов и уничтожить его.

На выполнение этой задачи были направлены с правого фланга сначала примерно сто пятьдесят солдат. Не доходя до окопов где-то метров сто пятьдесят-двести, они все до единого пали от шквального пулемётного огня... И всё это на наших глазах... Мы тем временем стреляли по вражьи окопам с

невероятным остервенением и ненавистью за погибших. Немцы тоже палили в нас. Как говорится, или пан, или пропал.

Никто не думал о смерти – она была всегда рядом, как верная подружка. Визг пролетающих мимо пуль, как жужжание пчёл, было обычным явлением, которое уже давно не пугало. Напротив, желание победить любой ценой было главной целью каждого солдата.

Командование направило вторую группу в таком же количестве на эти же окопы, но их постигла такая же участь. Подошла наша очередь. Ну надо же – и опять удача! На наше счастье с тыла стали бить наши миномёты. Град мин стеной полетел на злосчастные окопы, с их помощью нам удалось всё-таки уничтожить врага и при этом остаться живыми, хотя и не всем... «Странно: почему не применили миномёты раньше?» – с горечью и сожалением за погибших рассуждал я сам с собой...

После окончания боя мы с товарищем присели отдохнуть. После тёплого дождя выглянуло солнце. По травинкам и листочкам скатывались прозрачные капельки, напоминая о родных местах. Потом я выстирал носовой платок, подаренный одной девушкой во время знакомства на военных дорогах. Вдруг, подняв взгляд на шум, доносившийся со стороны леса, мы увидели три немецких танка. Это были их знаменитые «Тигры». Они двигались прямо на

нас. Мы моментально прыгнули в немецкие окопы глубиной в человеческий рост и стали наблюдать. А что делать? У нас не было ни противотанковых гранат, ни зажигательных бутылок. Мой автомат и винтовка друга против танков – нет ничего! Только воробьёв пугать. Едва мы успели разбежаться по разным окопам, как прямо над моей головой проехал «Тигр». Хорошо, что не крутанул гусеницами, а то бы придавил сразу. Но не до нас, похоже, было немецким танкистам – они сами удирали из окружения. Мы смотрели им вслед с досадой – нечем уничтожить! И в то же время радовались, ведь они оставили нас живыми. Значит, нам ещё жить, и мы нужны на этой войне и вообще в этом мире! Тогда подумали: повезло. Сейчас уверен, что спасли в тот критический момент Небесные Силы. Ведь недаром написано в священных книгах: «Тысячи падут одесную и ошуюю близ тебя; но стрелы смертные не приблизятся к тебе, ибо Ангел Хранитель покрыл тебя щитом своим». Видимо, этот самый щит и был передо мной на всех, опалённых войной дорогах, только тогда я не понимал этого в полной мере...

Мы уже знали, что примерно через пятнадцать километров от нас протекает река Западный Буг, которую нам предстоит форсировать, и мы вскоре окажемся на территории Польши.

Интерес увидеть новое государство, признать-

ся, был немаленький, ведь мой род по материнской линии происходил из этой страны. Жаль, что знакомство с Польшей предстояло не в мирной обстановке...

Форсирование реки Буг

Вот мы и подошли к реке Западный Буг. По ней проходила государственная граница между Западной Украиной и Польшей. Перед форсированием Буга нас поставили в известность о течении, глубине и ширине реки. А ещё сказали, видимо, в качестве стимула, что будет присвоено звание Героя Советского Союза, медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина тому, кто первый переплывёт реку, а значит, удостоится таких высоких наград.

Вечерело. По обширному полю к Западному Бугу передвигалась колонна наших танков в количестве пятидесяти единиц. Нашей радости не было предела. Такая помощь, такая защита! Мы ведь отлично понимали, что немцы с противоположного берега не позволили бы нам переплыть так легко эту пограничную реку.

Под сильным прикрывающим огнём наших танков мы всё-таки форсировали Западный Буг, о чём сообщили нам в двадцать три часа ночи. Потом до рассвета построили понтонный мост, по которому прошла пехота, танки и всевозможное оружие. Утром всё войско было на другом берегу. Плацдарм наш расширился, и от этого настроение было приподнятое и бодрое. Мы запаслись патронами, гранатами и сразу пошли в очередной бой.

На огромном поле скрежетали танки, вгрызаясь в землю, наезжали друг на друга и, поднимаясь на дыбы, переворачивались и загорались. Танкисты, объятые огнём, выпрыгивали из своих боевых машин, кувыркались по траве, стараясь потушить пламя на горящем обмундировании. Наши самолёты за время войны научились и, мастерски тараня, сбивали фашистские самолёты. А некоторые из них, не дожидаясь такого конца, не выдерживали – уходили в сторону. Пехота, называемая царицей полей, шла за танками сквозь огненный шторм, воодушевлённая силой военной техники, отважно вела бой. А бой был похож на кромешный ад, а может быть, и хуже!

Ещё и ещё раз слава Богу за то, что вышел из очередного боя живым!

Последний бой

Жаркий июль, как и жаркие бои, продолжался. Мне в этом месяце исполнилось двадцать лет. Наш взвод под командованием молодого лейтенанта и меня, помощника командира взвода в звании сержанта, продвинулся ещё на два километра в сторону Запада. Связь с командованием роты и батальона отсутствовала, а впереди – населённый пункт из двадцати домов, занятый немцами. Решили брать! В любом случае советоваться не с кем. Да и есть ли вообще кто ещё живой, кроме нас, неизвестно...

За время войны мы научились воевать. Учитывали прежние ошибки и просчёты... Овладели особым чутьём предугадывать действия противника...

И главное – вера в победу крепла с каждым днём, часом и даже минутой у каждого солдата. Любовь к Родине в решающий момент была выше всякой любви, даже любви к своей матери. И это не

кошунство... Не будет Родины – не будет ничего и никого...

В лесу за пятьсот-шестьсот метров от нас слышался рёв моторов. Похоже, немцы начали заводить свои танки, о чём я доложил командиру взвода. Он в свою очередь распорядился дать команду идти на врага, скрывавшегося в домах. Только мы ринулись, как немцы открыли огонь на поражение. Мы всем взводом буквально нырнули в поле с высокой рожью, которое находилось рядом, и открыли ответный огонь. Стрельба из пулемётов, автоматов и винтовок не прекращалась – напротив, усиливалась. Тем не менее сквозь этот грохот орудий до нас доносился разговор на чистом русском языке, как с соседней улицы. «Власовская армия», – подумал я и встал в полный рост, несмотря на свист летящих пуль, чтобы осмотреться вокруг и оценить обстановку. Когда оглянулся, то увидел: за спиной двенадцать моих солдат уже лежат убитые и раненые. Я присел моментально, укрывшись в стеблях и колосьях ржи. Тут же приподнялся посмотреть ещё раз – власовцев не видно. Видимо, стреляют лёжа, решил я и ощутил, что мой автомат опустился произвольно и болтался из стороны в сторону. Оказалось, что моя правая рука не в состоянии держать его, так как кисть с ладонью в рваных ранах раздроблена пулей и сильно окровавлена. Пробравшись к командиру взвода, я доложил ему о том, что случилось. Командир сказал на это, чтобы я уходил. Я и сам понимал, что толку от меня как от козла молока – никакого! Но куда идти? Стреляют со всех сторон: с крыш домов – снайперы, с возвышенности – пушки, из леса – танки, так или иначе расстреляют. Как покинуть этот огненный пятачок и что делать с обильно кровоточащей рукой? Вдруг около меня появился однополчанин – грузин в звании сержанта – и предложил сделать перевязку. Мы решили отползти в другое место, хотя бы на метров пятьдесят. Но увы!

По волнующейся ржи над нашими головами нас заметили снайперы с крыши и стали стрелять наугад.

«Меня ранили в ногу», – тихо сказал грузин, когда мы преодолели всего лишь метров тридцать-сорок. Мы продолжали отползать дальше, не обращая внимания на ранения и боль. Вторая пуля попала ему в бок, но по возможности, уже совсем медленно, мы ещё ползли... И всё-таки третья, роковая пуля настигла его. Она была смертельной, так как угодила в голову. Я с ним попрощался как смог... Очень жалко было этого доброго и замечательного человека. До сих пор не могу себе простить: почему не разговорились перед боем так, на всякий случай, не обменялись адресами, чтобы рассказать родным о последствиях, если кто-то останется живым. Ведь это так важно! Тем более я потом бывал в Грузии и мог бы найти родственников погибшего бойца, поблагодарить их, имея точные координаты.

Потом я полз один, поливая кровью чужую землю и, конечно, ничего хорошего не ожидал, так как стрельба продолжалась, а поле с рожью закончилось. Наконец-то я выполз на широкую просёлочную дорогу, похожую на лесной просек. Осмотревшись вокруг, никого не увидел и стал перебегать её. Но не тут-то было! Пулемёт так стал строчить в мою сторону, что мало не показалось. Я снова рхнул на

землю и где по-пластунски, где на четвереньках, а когда уставал или надоедало, поднимался во весь рост, громко матерясь на всё и вся, продолжал убежать куда глаза глядят.

Стрельба постепенно стихала. «Ушёл», – подумал я, но справа от меня откуда ни возьмись поднялись над рожью два человека где-то на расстоянии двести метров, и давай палить по мне из автомата. Я закричал, что было сил, что я свой. Вспомнил, что в тылу оставались штрафники, старшина и сержант. Оказалось, что они приняли меня за немца. Но удача – автоматные очереди не зацепили меня. Стрелки снова скрылись во ржи, а я, перепачканный кровью, пошёл своей дорогой. Шок стал проходить, и боль от ранения кисти усиливалась всё больше и больше.

До кустарника, где располагалось командование, оставалось метров семьсот. Навстречу ко мне вышел майор, которому я доложил о сложившейся ситуации в районе хутора, где мы воевали. Медсестра сделала перевязку и спросила, могу ли я дойти до полевого лазарета, который находился в деревне за Бугом. Я ответил положительно и отправился.

В медпункте сначала накормили досыта. Дали большой кусок отварного мяса; видя мой аппетит, положили добавку – ещё кусок. Я был голодным как никогда! Потом меня проводили в большой сарай. На застеленной соломой земле плотно, как килька в банке, лежали раненые солдаты, многие стонали от невыносимой боли. Понятно, ведь обезболивающих средств не было. Спирт в лучшем случае, если он, конечно имелся. Я расположился среди искалеченных войной полуживых солдат – хоть ноги вытянуть, чтобы немного отдохнуть и отойти от только что испытанного неподдельного ужаса.

Стемнело. Вдруг объявили, что летят немецкие самолёты бомбить. Кто может идти пешком до города Луцка – вперёд! Ну что ж, ходить не привыкать. С детства ходили пешком всегда и везде, тем более ноги здоровые.

И пошли... тридцать пять километров по столбовой дороге ночью без отдыха. В Луцке нашли военный госпиталь, где нас приняли и лечили пять дней. Потом отправили поездом для продолжения лечения в госпиталь города Ровно. Как сейчас помню: это было двадцатого июля 1944 года.

...Наступивший август разносил запах антоновских яблок по всей округе. И так захотелось наесться их досыта, что мы, имеющие возможность ходить, решили и пойти за ними в сад, который находился в городе Здолбунов в восьми километрах от Ровно. Только принялись рвать, как оружейный огонь в нашу сторону спугнул нас, да так, что еле ноги унесли! Вот так даются не свои яблоки. На чужой каравай рот не разевай!

Сейчас рассуждаю: если нет смерти, то человек ни в огне не горит, ни в воде не тонет и даже может остаться живым с упавшего самолёта. Ведь такие случаи тоже бывают! Для чего-то меня судьба, точнее, Промысел Божий берёт. А выполнил ли я своё предназначение? Скорее всего, да... Ведь я работал за себя и за тех погибших парней, мужчин. Бескорыстно помогал вдовам. По просьбе учителей моих детей привозил недостающие учебники, а также всевозможные школьные принадлежности из разных городов, куда я часто ездил в командировки. Никому не отказывал. Благо машина рабочая в своих руках. Старался поднимать экономику страны в послевоенное тяжёлое время, не жалея сил. Много труда предстояло в мирном будущем... И не ради тщеславия. Что было, то было...

Фото из архива Н. Разумовской.

Светлана МАТЛИНА, член Союза писателей России, лауреат Гончаровской премии, лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова.

В ГЛУХУЮ ПОРУ ЛИСТОПАДА

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

* * *

Россия крепится молитвой,
Как весь ее простой народ.
Такою искренней и чистой,
Что раскрывает небосвод.

Поклон распаивает землю.
Слова любви так горячи!
И сердцу матери ты внемлешь,
Оно в одно с твоим стучит.

Надрезешь по весне березу,
И вдруг рука с ножом дрожит –
Не алый сок зеленокошой,
А, пенясь, кровь твоя бежит.

* * *

И все равно: в какие светы
Брести, к каким концам земли.
Лишь поднимались бы рассветы,
Купаясь с таволгой в пыли.

Чтоб ветер в ромашковых угодах
Кипел, как след от корабля,
И в очи юных Богородиц
Летела древняя земля!

Бредешь, как бедуин поджарый,
Во все глаза на жизнь глядишь.
А ты забыл судьбы удары
И лишь за все благодаришь.

Цветы и песни, рощи, птицы...
И вновь на родину свою
С тоской глубинной возвратишься,
Чтоб умереть в родном краю.

Повеет от холма нектаром –
А вот и он, твой отчий дом,
Что храм среди земного шара
С любовью, милыми, Христом.

* * *

Цветы на языке любви
О главном нам сказать желают.
Они звенят: любя живи!
Они – сияние мольбы,
Но люди их не понимают.

Я переводчик, я слуга
Прекрасных роз и скромной кашки.
Она мне так же дорога,
Как реки, и леса, и пашни,
Как посланный нам день сходящий.

И слышу речи с умиленьем,
С весенним чувством новизны
Кустов рубиновой сирени,
Вишневой меленькой листвы –
Они на ты, а не на вы.

И облака над горизонтом
Спят, ризы на себя надев.
С холма апостолами сосны
Стихи читают нараспев.
И тихнет ветер, присмирив.

Благословляющие ветви!
Ладонь протянет каждый лист!
Зеленый свет покроет веки,
И я, дитя стального века,
Учусь словам живых молитв.

Легко, светло цветы звенят.
Я собираю их улыбки,
Ловлю их материнский взгляд.
За нас, безжалостных и диких,
Они пред Богом предстоят.

* * *

Сон почиет с тишиною
На твоих равнинах, Русь,
Словно синюю водою
Огоньков качая грусть.

Ночь подходит, лиловея,
В рясе схимничьей своей,
Золото церковей лелея
И кудрявость тополей.

Высь кропит все звездным млеком,
Серебрит березки стан.
В конуре, седой и пленный,
Цепью пес греметь устал.

С. Матлина. Зимние хризантемы

Свет таинственный, нездешний
Заливает все дворы.
А на зорьке звонкой песней
В небо тянутся стволы!

На ликующем рассвете –
И куда девалась грусть! –
Соловьиным эхом ветер
По твоим равнинам, Русь!

* * *

В огородах копают картошку,
И ушли охотники в чащи.
Засыпает нашу дорожку
Алость листьев, с клена летящих.

В доме белыми пахнет грибами
От сплетенной из ивы корзины.
В синей вазе с лесными цветами
Пламенеют кисти рябины.

Каплет, саду от яблок тесно.
Паренек подбирает умело
На гармошке военную песню –
Это просто душа запела.

ФЛОКСЫ

Август. Флоксы с длинными стеблями
В палисадах грустят под дождем.
Он гвоздями холодными белыми
Вбивает их в чернозем.

Оседают, как пена морская –
Сиреневая, голубая...
Осыпаясь, шепчут во мгле:
«Были мы на земле...»

* * *

В глухую пору листопада
Сиянье вечера темно
Струит дождливую прохладу
С звездой, прилипшей на окно.

В парче подгнившей бересты
Лесок вблизи под ржавой дрожью.
Руками жаркими кусты
Хватают за плащи прохожих.

В костре разбросанной листвы
Как эти дали утопая,
Как кудри рыжей головы,
Как эти рощи догораем.

Воспоминаньями полны
О тех, кто есть и кто далече,
Мы не спешим судьбе навстречу,
И грустью обнимает вечер
За плечи голые холмы.

На блеск березовой свечи
Чему-то сердце тайно радо.
И мы молчим...
светло молчим
В глухую пору листопада.

С. Матлина. Метель хризантем

ЧАСТОКОЛ

Розы свесились на стол
В уголке забытом.
Между нами – частокол,
Весь плющом увитый.

Для тебя же в лаз глухой
В потаенном месте
Он плетень раздвинет свой
И опять завесит.

Чтоб никто нас не нашел,
Нам от глаз защитой
Он, зеленый частокол,
Весь плющом увитый!

Раскудрявился, тяжел,
Расстелил землю
Плющ свой, плащ свой частокол –
Нас укрыть полою.

ВИШНЯ

Зачем так дано Всевышним?
Спроси у любого – знает:
Три дня цветение вишни.
На третий день – облетает.

Иль чтобы нежней любили,
Чувствовали острее
Серп у себя на шее,
Все и себя жалели?

На облачка пышных веток
Смотри, дыши, замирая.
Короче земного века
И твоя краса молодая!

С того тоска человечья,
Что как лепестки сверкая,
И наша жизнь быстротечна –
Падаем, пропадаем.

И это не дождь осенний,
Не журавли простионали –
Вонзаются в черную землю
Горькие стрелы печали!

Смертны деревья и птицы.
Времени всем не хватает
Жизнью своей насладиться,
Снежинкой в ладони тает.

И потому беспокойно
Спешим в сады любоваться
На розовое, голубое...
Но в третий день – попрощаться.

Стоит она, стан клоня свой,
И сорит снегом чуть слышно...
Люби меня, дорогой мой,
Как цветущую вишню.

* * *

А жизни как и не бывало!
К ней липли деготь и смола.
Была пьянчужкой у вокзала
И дурой гольною была.

Пытались клеветой и травлей
Заткнуть орущий правду рот.
Урвать с нее ползли оравой,
Покуда простоте везет.

И все же ставку проиграли,
Как те, что предали Христа.
Ведь с ней поэзия осталась,
Как Магдалина у креста.

АНГЕЛ РУКОЮ ВОДИЛ

Памяти В. Латановой

Она всю жизнь детей учила в школе
Родному языку, литературе.
И вот узнала в день печально-хмурый:
Осталось жить два месяца, не боле.

Не выдала всю боль души смятенной,
Доверив жизнь свою карандашу.
Она сказала близким просветленно:
«Еще успею – книгу напишу!»

Страница каждая написана с молитвой.
Два года пролетели без следа.
Легли на стол итогом тихой битвы
С недугом ради светлого труда.

Я эту книгу с трепетом читаю.
Какой талант и сердца глубина!
Быль лет страстных и дум о нашем крае –
Звучит в душе молитвою она.

Весомее изданий многотомных
Сей труд без притязаний на успех
Учительницы, симбирянки скромной,
Чудесной книгой одарившей всех.

* * *

Когда земля к себе зовет,
Лежу на ней, раскинув руки.
Я слышу, как трава растет,
Ручьев серебряные звуки.

Когда спускаюсь я к реке,
Ложусь под редкой ивой старой,
Полузасыпанной в песке
И ветру отданной гитарой,

Овладевает мир душой,
Вскленье полон светлого покоя,
Как эти воды предо мной,
Как это небо голубое!

И пальцы ветра так легко
Перебирают нервы-струны,
Луна сияющим цветком
И там, и тут плывет бездумно.

ЛОДЖИЯ С РЫЖИМ КОТОМ

Над лоджией незастекленной
Дождит уныло высота.
Стоит там парень охмуренный
И держит рыжего кота.

Глядит, как каплет дождь над миром,
Потерян, вниз лицом склонен,
Как беспросветно, серо, сиро,
И все заковано в бетон.

Быть может, потерял работу,
Иль мать родную потерял,
Иль от долгов одни заботы,
Иль с девушкой своей порвал.

Такая грустная картина!
И вечер пуст, лишь я стою
Внизу у дома – люди мимо –
Стою и на него смотрю.

Лихой окраиной возвращенный,
Торчит над хлябями дорог
Как перст, зачем-то вознесенный,
И в белой майке весь продрог.

Иль видит дальние он страны,
Где солнце с небом голубым,
Где слышен денег хруст в карманах,
Где независим и любим!

И руки юной иностранки
К нему протянуты в мольбе,
«Лимон» швыряет оборванцам
И пальцы веером в судьбе!

Где никогда не побывает...
И он ничуть не замечает,
Как, с рук свисая, трется кот.
А дождь идет, а дождь идет.

ЁШКА

Мы с тобой уедем в Ёшку.
Ничего, что дождь идет.
Все печали понемножку
Дождь с собою заберет.

Город Ангела дождливый
Помнит лучшие деньки.
И гуляют неспесиво
Не у дел вахтовики.

Аты-баты, шли солдаты,
Шли-бродили мы с тобой.
Мост – ажурным перекатом,
Радуги огней – рекой.

Выходила Божья Матерь
Из окошечка часов,
Сын на ослике Пресвятой –
Впереди учеников.

Все на звон часов вставали,
Все дивились, как и мы.
И над площадью звучали
Сладкогласые псалмы.

Ожидание хорошего
Красный город нам вернет.
Ах, ты, Ёшка, бабка Ёшка,
Кошка Ёшка, Ёшкин кот.

* * *

Ветра шальные раскаты,
Церковка на холме.
В розовых мальвах закаты
Снова распахнуты мне.

Шар перекасти-поля
Катится бойко – куда?
Каплет над дикою волей
Мирною свечкой звезда.

Средь суматошного века
Мне не хватало до слез
Синей симфонии ветра,
Белых мелодий берез!

Что же стою виновато
В знобком предвестье зимы?
Ветра шального раскаты.
Церковка. Речка. Холмы.

Позакричали кликуши,
Прячется плачущий зверь.
В алчности все нынче рушит
Смертный, как червь, человек.

Воды, дубравы, равнины,
Светлая милая речь,
Вас, ненаглядных, ранимых,
Как от «прогресса» сберечь?

Нет вас добрее и проще –
Ваши живу и лечусь.
Кланяюсь тоненькой роще,
Матери Божьей молюсь.

Чтоб на земле Русской горькой
Злых образумила чад.
Снова над нею простерла
Свой пламенеющий плат.

Фото В. Ламзина

С. Матлина. Божьей Матери спасибо

* * *

Нет ничего добрее и проще,
Нет ничего честнее душой:
Вырежьте имя мое на березе,
Сердце, пронзенное напрочь стрелой!

Здесь, в белоствольных, стройных соборах,
Розовым солнцем сияла страна
И прозвенела счастьем и болью,
Сердце нашла удалая стрела.

Нежно и горько в майские грозы
И в снегопадный шелест и хруст
Так и припало сердце к березам,
В них целовало милую Русь.

Так не хотело где-то скитаться
Сердце, закончив век свой земной,
Что разрешил Господь тут остаться,
Кроной шуметь да белеть корой.

Нет ничего добрее и проще,
Нет ничего честнее душой.
Вырежьте имя мое на березе,
Сердце, пронзенное напрочь стрелой!

Татьяна МЕЛЬНИК, поэт, член Союза писателей России.

ВЬЁТСЯ ШЕЛКОВАЯ НИТЬ

* * *

Ты меня называешь странною,
Удивляешься: правда, поэт?
Ведь поэты всегда изранены,
А на мне ни царапинки нет.

Всё решив про меня заранее,
Ты так пристально зря не смотри –
Сердце внутреннего сгорания
Выжигает меня изнутри.

* * *

Оттепель
На душе моей оттепель
Надолго ли
Так хочется успеть отогреться
до следующих холодов
И так страшно поверить
что это не оттепель
а Весна!

* * *

Что же ты? Засыпай. Что ты смотришь в окно?
Там давно никого, даже звёздам темно,
Лишь по небу разлито Богами вино.

Что же ты? Засыпай. Что ты пишешь в ночи?
Для того, чтоб уснуть, нет серьёзных причин?
Что ж, глаза закрывай и подольше молчи.

Что же ты? Засыпай. Хватит память пытаться.
Твоя память тобою по горло сыта.
Завтра боги позволят счастливою стать.

Что же ты? Засыпай...

* * *

Еду в Языково –
С детством на встречу.
Памятью зыбкою
Путь мой отмечен.

Мамина Родина –
Светлая радость.
Прожито? Пройдено? –
В сердце осталось!

В сердце, над зыбкою
И на погосте...
Еду в Языково!
К Пушкину в гости!

* * *

Подруга угощала от души:
– Попробуй супчик! Просто объеденье!
А как мои котлетки хороши!
А нравятся тебе мои пельмени?

Готовить я умею и люблю:
Оладьи, эчпочмак и чебуреки...
Вот фирменную рыбку съешь мою –
Её секрет не расскажу вовеки!

Да, я талант у газовой плиты!
Все говорят! Ну, что молчишь, молчальник?
Скажи, что лучше всех готовишь ты?
– Я?! Я... гениально ставлю чайник!!!

* * *

Грублю тебе, чтоб спрятать слёзы,
Чтоб ты не понял, как грущу,
Как ненавижу слово «поздно»
И на судьбу свою ропщу.

Грублю тебе, чтоб ты поверил,
Что расставаться мне легко,
Что, закрывая плотно двери,
Я не глотаю горький ком.

Грублю тебе, чтоб не заметил,
Что еле сдерживаю плач,
Что самым нужным стал на свете,
Мой друг, мой Бог и мой палач.

Грублю тебе и злюсь без меры,
Кричу беззвучное: «Не смей!»
Я так хочу, чтоб ты не верил
Бессильной грубости моей.

* * *

О, твой лирический герой,
Он так влюблён, он так печален,
Заворожён её игрой,
Её улыбкой и плечами.

Но он не в силах ей сказать,
Что сердце бьётся, словно птица, –
В её насмешливых глазах
Он быть отвергнутым боится.

Пред Богом образ отмолён,
И чувств своих он не отринет...
Но он не в женщину влюблён –
В лирическую героиню...

* * *

Не умею вить верёвки.
Только ты – как шерсть и шёлк,
Чуть робея и неловко
Тянешься ко мне душой.

Ты в руках моих податлив,
Хоть узлом тебя вяжи.
Быть стараюсь деликатной,
Избегая льстивой лжи.

Мне так страшно стать жестокой –
Боль ничем не извинить.
Под рукой моей потоком
Вьётся шёлковая нить...

* * *

Ты стал мне сниться всё чаще и чаще.
Только всегда почему-то молчащим:
Молча обнимешь, как будто боишься
Стать в моей жизни ненужным и лишним,
Так до утра и молчишь, обнимая.
Только под утро прошепчешь: «Родная...» –
Без поцелуев, без клятв-обещаний,
Лишь чуть сильнее сожмёшь на прощанье
И исчезаешь, как будто сбегаешь...
Я ж каждый раз просыпаюсь другая,
И целый день словно свет на ресницах...
Пусть этот сон мне и завтра приснится...

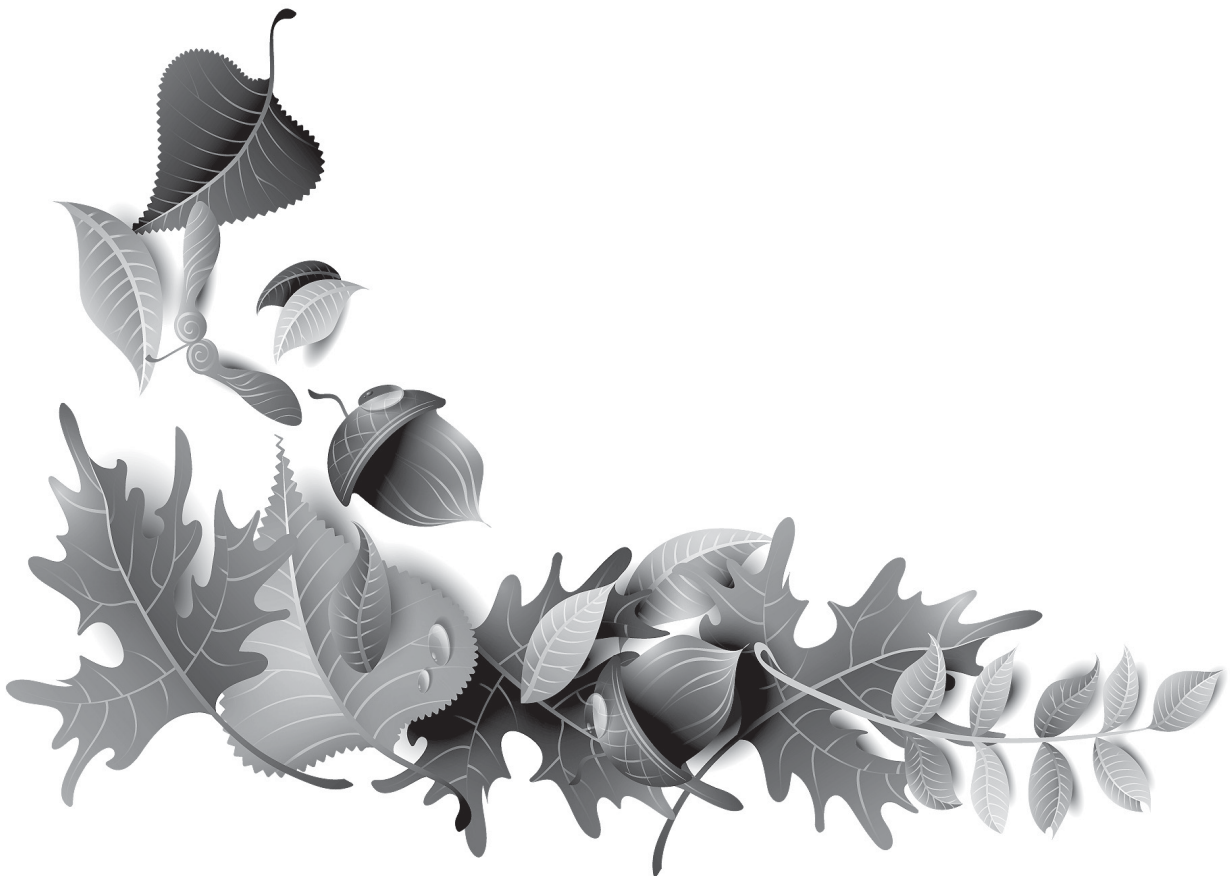
* * *

А ночью началась гроза,
И дождь хлестал над старым садом.
И снились мне твои глаза,
И снилась мне моя досада,

Что им поверить не могу –
Зелёные, как два обмана,
Как хризолиты на снегу
В цвет трав, пропитанных туманом,

Они смотрели в душу мне
С какой-то горечью и болью,
И я топила в их вине
Свою свободу, гордость, волю...

И строчки словно бы с листа
Срывались и летели выше...
И ливень всё ещё хлестал
По листьям, тротуарам, крышам...

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Геннадий ИВАНОВ, поэт, первый секретарь правления Союза писателей России.

«АУЛ ЦАДА – АВАРСКИЕ АФИНЫ...»

8 сентября в Дагестане каждый год широко празднуют день рождения Расула Гамзатова. И к его же дню рождения приурочен литературный фестиваль «Белые Журавли» Много лет я летал в это время на этот праздник, посвящённый поэту. Летал ещё при живом Расуле Гамзатовиче и был гостем в его хлебосольном доме.

В этом году уже был по счёту тридцать четвёртый фестиваль...

Торжественных речей и стихов, конечно, было много и в Махачкале, и в Дербенте, и в Гунибе, и в Хунзахе – везде, куда поехали гости и где были торжества. И в родном высокогорном ауле Расула Гамзатова – в Цаде. Правда, в этом году всё было несколько осторожнее и не так многолюдно – всё-таки пандемия, коронавирус, маски, перчатки... А главное – по Дагестану эта не очень понятная болезнь прошла серьёзно, много утрат...

Когда 9 сентября мы разъезжались по районам для выступлений, то я поехал в Хунзахский район, на малую родину Расула Гамзатова. В этом районе его родной аул. Так получилось, что два года назад за то что я уже больше двадцати раз прилетаю на «Белые Журавли» и чаще всего еду именно в Хунзахский район, мне присвоили звание «Почётный гражданин Хунзахского района». Это обязывает, как говорится, снова и снова приезжать в родной аул великого поэта.

Так вот на предложение главного редактора журнала «СимбирскЪ» Елены Кувшинниковой, с которой мы познакомились в Махачкале в эти дни, что-то написать о фестивале, мне захотелось собрать небольшую подборку стихов Гамзатова именно о его малой родине, об ауле Цада, о цадинцах, об окрестных горах.

Много о чём писал Гамзатов, немало было и таких стихов, которые со временем исчезнут из его книг, не выдержав испытание временем. Но мне кажется, о родном ауле он всегда писал так, что эти стихи всегда будут жить не только в аварском народе, но и в русском тоже...

Открывает подборку стихотворение «Памятник», оно мало известно и в нём тоже есть слово о родном ауле. А закрывают подборку «Журавли». Оно немного в стороне, но просто стоит его ещё раз вспомнить. Порой можно услышать, что это написал переводчик Наум Гребнев. Это чепуха. Я разговаривал в своё время с Гребневым. Это не так. Я читал и подстрочный перевод. Это стихотворение не какое-то из другого уровня и ряда. У поэта немало стихов в этом роде, но это, окрылённое музыкой, стало великой песней.

Аул Цада и его окрестности.

Кстати по поводу «Журавлей» в Дагестане рассказывают быль: песня эта стала в СССР очень популярной и исполняемой – и кто-то из атеистов стал писать в ЦК, что исполнение этой песни надо прекратить. Мистика, мол, какая-то молитва, а не песня. Дошло до Брежнева. Он наложил резолюцию: «Можно исполнять, но нечасто». А может, это и не быль. Вокруг Гамзатова много мифов, домыслов. Много юмора.

Я вот решил тоже предложить небольшой добрый юмор в виде фотографии, которую когда-то сделал после застолья в доме Расула Гамзатовича. Это уже без него стоит на столе гостеприимный скульптурный шуточный Расул. Улыбается гостям.

Гамзатов в одном стихотворении пишет «Аул Цада – аварские Афины». Почему он так сравнил – не знаю. Может быть, там колыбель древнего мира, здесь колыбель его поэтического мира... Нет, скорее всего потому, что сёла Хунзах и Цада были много веков назад центром правления Аварии, откуда вершили дела хунзахские ханы.

Фото Геннадия Иванова

Расул Гамзатович ГАМЗАТОВ (1923 – 2003) – аварский поэт. Родился в селении Цада Хунзахского района Дагестана в семье народного поэта Гамзата Цадаса. Отец был первым его учителем и наставником в поэтическом искусстве. Первое стихотворение написал в возрасте одиннадцати лет. Окончив местную школу, поступил в педагогическое училище. Недолго работал учителем в своей школе. Поменял несколько профессий: был помощником режиссёра в аварском передвижном театре, сотрудником газеты «Большевик гор», работал на радио. В 1943-м вышел первый сборник его стихов «Пламенная любовь и жгучая ненависть». В 1945 – 1950 гг. учился в Московском литературном институте им. А.М. Горького. После его окончания Расул Гамзатов в 1951-м стал председателем правления Союза писателей Дагестана, где работал вплоть до своей кончины в 2003-м. Широкую известность ему принесла лирическая повесть «Мой Дагестан», а также поэтические сборники «Год моего рождения», «Высокие звёзды», «Письмена», «Чётки лет», «У очага», «Остров женщин» и др. Похоронен в Махачкале на кладбище у подножия горы Тарки-Тау, рядом с могилой жены Патимат.

ТЫ – КОЛЫБЕЛЬ МОЯ, ЦАДА

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг из песен –
Он не высок тот камень на плато,
Но если горный край мой не исчезнет,
То не разрушит памятник никто.
Ни ветер, что в горах по-волчьи воет,
Ни дождь, ни снег, ни августовский зной.
При жизни горы были мне судьбой,
Когда умру, я стану их судьбой.
Поддерживать огонь мой не устанут
И в честь мою еще немало лет
Младенцев нарекают горянки станут
В надежде, что появится поэт.
И мое имя, как речную гальку
Не отшлифует времени поток.
И со стихов моих не снимут кальку,
Ведь тайна их останется меж строк.
Когда уйду от вас дорогой дальней
В тот край, откуда возвращения нет,
То журавли, летящие печально,
Напомянут вам будут обо мне.
Я разным был, как время было разным –
Как угол, острым, гладким, как овал...
И все же никогда холодный разум
Огня души моей не затмевал.
Однажды мной зажженная лампада
Еще согреет сердце не одно,
И только упрекать меня не надо
В том, что мне было свыше не дано.
Я в жизни не геройствовал лукаво,
Но с подлостью я честно воевал
И горской лирой мировую славу
Аулу неизвестному снискал.
Пусть гордый финн не вспомнит мое имя
Не упомянет пусть меня калмык,
Но горцы будут с песнями моими
Веками жить, храня родной язык.
На карте, что поэзией зовется,
Мой остров не исчезнет в грозной мгле.
И будут петь меня, пока поется
Хоть одному аварцу на земле.

Перевод Марины Ахмедовой-Колюбакиной

* * *

Мать люльку качает в ауле,
А где-то под желтой луной
Свистят ненасытные пули,
И вспять не вернуть ни одной.
Звучит колыбельная ночи,
И где-то парит Азраил,
У ангела смерти нет мочи
Сложить своих аспидных крыл.
И мать одержима любовью,
А где-то родившийся день
Встает над дымящейся кровью,
Бросая багровую тень.
И грудь обнажила над сыном
Горянка в ауле опять.
И где-то бредет по руинам
От горя безумная мать.
И множатся сонмы открытых,
Ощеренных рвов и траншей.
И больше на свете убитых,
Чем умерших смертью своей.
И слышится стон лазарета,
И снова палят и бомбят.
И длится трагедия эта
Тысячелетье подряд.
Но каждой своей параллелью
Мир чаёт:
придут времена,
Как женщина над колыбелью,
Склонится над ним тишина.

1971

Перевод Якова Козловского

ЦАДА – ЦАДАСТАН

Тепло гранитного гнезда,
Вершин высоких острия.
Ты – колыбель моя, Цада,
Ты – песня первая моя.
Цада – сто крыш и сто дворов.
Вспоил меня ты и вскормил.
Храня на сердце отчий кров,
Объездил я соцветный мир.

Снега неслись из темноты, –
 Я холода не ощущал.
 Своим теплом и светом ты
 Меня в дорогах защищал.
 И пусть в какой-нибудь стране
 Аварца видели впервой,
 Клянусь: понятен был вполне
 Язык твоей любви живой.
 Он будто музыка звучал
 В любви невысказанной дали.
 Я братьев по любви встречал
 На всех материках Земли.
 Взглянув на мир со всех сторон,
 Я убедился навсегда:
 Не сто дворов, а миллион
 Объединил аул Цада.
 Гнездо из камня и тепла,
 Частица доброго огня,
 Источник, где, звеня, текла
 Вода, вспоившая меня.
 Ты родиной влюбленным стал.
 Тебя я всюду узнаю.
 Моя держава – Цадастан,
 Тобой живу. Тебя пою.

1977

Перевод Роберта Рождественского

* * *

Люблю я робкий миг первоначальный,
 Когда восходит солнце из-за гор...
 И ветер, кроны сонные качая,
 С природой затевает разговор.
 Люблю костер, зажженный на поляне.
 И самый первый в жизни сенокос.
 И фильм, который наш киномеханик
 В аульский клуб из города привез.
 Люблю зимой бодрящий первопуток,
 Когда, как снег, все помыслы чисты.
 Люблю гортанный клекот диких уток
 И вешний праздник первой борозды.
 И первый шаг от отчего порога
 В столицу, что впервые увидал.
 И первозданный гнев морского бога,
 Швыряющего волны на причал.
 И незакатный тот далекий вечер
 В Гунибе среди девственных берез,
 Когда, накинув шаль тебе на плечи,
 Я первое признание произнес.
 Люблю и тот апрель, когда в эфире
 Послышался взволнованный сигнал
 И первый космонавт в подлунном мире
 «Поехали...» – застенчиво сказал.
 Всего ж сильней люблю я величавый
 Простой напев народа моего...
 Хоть сладок фимиам столичной славы,
 Мне горький дым Цада милей его.

Перевод Марины Ахмедовой-Колюбакиной

* * *

Я вновь в краю, где дует горный ветер,
 И я не узнаю родного края:
 Язык отцов не понимаю дети.
 Язык мой отживает, умирает.

Ужели мы на языке аварцев
 Не будем думать, песни петь и спорить...
 Что делать – реки в море впасть стремятся,
 Хоть сами знают: их поглотит море.

Перевод Наума Гребнева

* * *

Умерший должен предан быть земле,
 Где умер он, так небо начертало.
 Отец мой погребен в Махачкале,
 И смотрит он на площадь с пьедестала.
 А брат, от ран погибший на войне,
 Над Волгой похоронен в Балашове.
 Другой, в бою не пожалевший крови,
 Остался в черноморской глубине.
 В Буйнакске мать моя погребена,
 Была святейшей женщиной она.
 Я старшим стал, теперь черед за мной.
 Но, где бы от недуга или пули
 Я ни окончил грешный путь земной,
 Молю меня похоронить в ауле.

Перевод Якова Козловского

* * *

Смеяться мне – иль слезы лить рекой?
 В душе моей – презренье или жалость?
 Кулак ли показать, махнуть рукой?
 О разном пели мы, как оказалось.
 Среди чужих, в чужих местах я был
 И вглядывался в то, что незнакомо.
 Но обо всем, вернувшись, позабыл,
 Когда увидел, что творится дома.
 Присматривался к нравам я чужим,
 Переживал из-за чужой гордыни...
 Но оказалось дерево гнилым
 В родном дому – скорблю о том поныне.

Перевод Елены Николаевской

* * *

Сердце мое, земляки-аульчане,
 Заройте, не пожалейте труда,
 На Верхней поляне или на Нижней поляне
 В нашем ауле Цада.
 Тело к чужим городам и скитаньям
 Привыкло, но сердце жило всегда
 На Верхней поляне и на Нижней поляне
 В нашем ауле Цада.

Перевод Наума Гребнева

* * *

Над крышами плывет кизячный дым,
 А улицы восходят на вершины.
 Аул Цада – аварские Афины,
 Теперь не часто видимся мы с ним.
 Но стоит прилететь гостям ко мне,
 Везу в Цада их, ибо нет сокровищ
 Дороже для меня среди становищ
 И звезд в одноплеменной вышине.
 И в том могу поклясться, что когда
 Ко мне б явились инопланетяне,
 То с ними прилетел бы я в Цада
 И объявил на Верхней им поляне,
 Что не отдам, хоть мне они милы,
 За целый Марс здесь ни одной скалы.

Перевод Якова Козловского

* * *

Лица девушек люблю я, уроженок гор моих,
 Что краснеют от смущенья – это очень им идет!
 Если за руку возьмете, вы почувствуете вмиг
 Нежность и сопротивление – это очень им идет.
 Я люблю, когда смеются ямочки на их щеках –
 Вы когда-нибудь видали? Это очень им идет.
 И когда текут и вьются их воспетые в веках
 Змеи-косы из-под шали – это очень им идет.
 Я люблю, когда речонку,
 что коварна, хоть мелка,
 Босиком перебегают – это очень им идет.
 И когда в свои кувшины на заре у родника
 Гор прохладу набирают – это очень им идет.
 Горских девушек люблю я
 в строгих платьях без затей, –
 Присмотритесь к нашей моде –
 очень им она идет!
 Как подносят угощенье,
 не взглянувши на гостей,
 И с достоинством уходят – это очень им идет!
 Я люблю, когда горянки слушают мои слова
 Молчаливо и покорно – это очень им идет...
 Чистота потоков горных,
 Высота отрогов горных,
 Неба высь и синева,
 Честь высокая и гордость – ох, как это им идет!..

1964

Перевод Елены Николаевской

ТОСТ

Друзья мои, за что мы пить решили,
 За что мы первый тост провозгласим?
 За солнце. Мы, ей-богу, не гршили,
 Своих любимых сравнивая с ним.
 Пьем за цветы и за пернатых тоже.
 Мне кажется, когда мы влюблены,
 То все на них немножечко похожи...
 За птиц, конечно, выпить мы должны.
 За журавлей, они вдогонку зною
 Отсюда улетают каждый год.
 Пусть все они вернуться к нам весною,
 И пусть удачен будет их полет.
 Я тост провозглашаю в равной мере
 За всех и певчих и непевчих птиц.
 Гусь – не певец, но не его ли перья
 Касались звонких пушкинских страниц!
 Пью за оленя с гордыми рогами,
 Стоящего над каменной скалой,
 За то, чтобы, расплывшись о камень,
 Упала пуля, пущенная мной.
 Я пью за тополь, молодой и тонкий,
 В прозрачных капельках дождей и рос,
 Чтоб он вперегонки с моим ребенком,
 Не зная бурь и суховея, рос.
 Пью за друзей и преданных и честных,
 За всех, чья дружба свята и сильна.
 За всех за нас и тех, чьи имена
 Ни вам, ни мне покуда неизвестны.
 За девочку! Я жил с ней по соседству,
 Играл, за косы дергал на бегу.
 Я эту девочку не видел с детства,
 А не мечтать о встрече не могу.

Я пью за молодость и за седины,
 За терпеливых женщин наших гор,
 Которых многие у нас мужчины
 Ценить не научились до сих пор.
 Я пью, друзья, за тех, кто был солдатом,
 Кто наше счастье отстоял в огне,
 Я пью за моего родного брата,
 Пропавшего без вести на войне.
 За то, чтоб не исчез из жизни след
 Друзей, которых с нами больше нет.
 За то, чтоб ты, живущий, не забыл
 Ни их имен, ни их святых могил.
 Я пью за то, чтобы на белом свете
 Опять до неба пламя не взвилось.
 Я пью, друзья, за то, чтоб нашим детям
 Пить за друзей погибших не пришлось.
 За то, чтоб в мире было вдоволь хлеба,
 Чтоб жили все и в дружбе и в тепле.
 Всем людям хватит места на земле,
 Как волнам моря и как звездам неба.
 Я пью за то, чтоб не из века в век,
 За то, чтоб мир был лучше год от году,
 За то, чтоб не был малым человек,
 Принадлежащий к малому народу.
 За то, чтоб люди с гордостью похвальной.
 Каков бы ни был их язык и цвет,
 Могли писать свою национальность
 На бланках виз и на листках анкет.
 И пусть вражда народам глаз не застит,
 Пусть ложь не затуманит честных глаз.
 Короче говоря, я пью за счастье,
 Провозглашаю, люди, тост за вас!

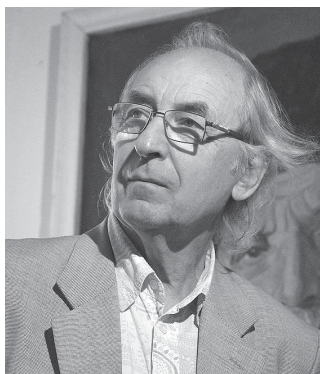
Перевод Наума Гребнева

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
 С кровавых не пришедшие полей,
 Не в землю нашу полегли когда-то,
 А превратились в белых журавлей.
 Они до сей поры с времен тех дальних
 Летят и подают нам голоса.
 Не потому ль так часто и печально
 Мы замолкаем, глядя в небеса?
 Сегодня предвечернею порою
 Я вижу, как в тумане журавли
 Летят своим определенным строем,
 Как по земле людьми они брели.
 Они летят, свершают путь свои длинный
 И выкликают чьи-то имена.
 Не потому ли с кличем журавлинным
 От века речь аварская сходна?
 Летит, летит по небу клин усталый –
 Мои друзья былые и родня.
 И в их строю есть промежутки малый –
 Быть может, это место для меня!
 Настанет день, и с журавлиной стаей
 Я полечу в такой же сизой мгле,
 На языке аварском окликаю
 Всех вас, кого оставил на земле.

1969

Перевод Наума Гребнева

Геннадий ИВАНОВ, Москва. Поэт, председатель исполнительного комитета Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...», лауреат Большой литературной премии России, лауреат литературных премий им. Ф.И. Тютчева, В.Я. Шишкова и других.

Я ЛЮБЛЮ ВАС, ГОРЫ ДАГЕСТАНА!

ЯБЛОКИ ИЗ АУЛА ЦАДА

На столе моём яблоки из аула Цада.
Над столом зажигается, как в ауле, звезда...
Вспоминаю селение, и людей, и музей.
Вспоминаю как доброе – как родных и друзей.

Всё врагам нашим хочется разорвать, поломать.
Но Россия родимая не кукушка, а мать.
Мать полям зеленеющим, и горам, и лесам...
Это понял, почувствовал и увидел я сам.

И в ауле гамзатовском, и в якутской дали
О России единственной нам кричат журавли.
О России единственной мы и сами поём,
Хоть у каждого – родина и отеческий дом.

Да, Россия родимая не кукушка, а мать,
И она обязательно будет всех защищать.
...На столе моём яблоки из аула Цада.
Будем вместе и братьями – навсегда, навсегда!

НА ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ГАМЗАТОВУ В МАХАЧКАЛЕ

Великий поэт из аула Цада,
К тебе приходите будут люди всегда.
Читать твои строки и просто стоять,
Пытаясь величье поэта понять.

А это есть тайна – великий поэт,
И нету разгадки – есть мудрость и свет.
Он жизни опора и птицы полёт,
Он в душах людей – согревая – живёт.

Он воздух и горы. Единства завет.
Он требует мира – великий поэт.
Слова его в небо уходят с пера,
Он молит у неба для всех нас добра.

* * *

Магомеду Ахмедову

Друг Магомед, спасибо, что приветил.
Здесь мир высок, огромен, чуден, светел!
Мне хорошо среди твоих вершин,
А то всё больше я – среди машин.

В горах я всё равно, что в небесах,
В краю таком пронзительно отвесном...
Друг Магомед, зови опять в Хунзах,
Когда я затоскую о чудесном!

* * *

Жизнь дарит многими дарами,
Лишь были б мы к ней не глухи.
Я выступал перед горами –
читал им новые стихи.

Стоял над пропастью, волнуясь.
Вдали была гора Седло.
Я, настроенно повинуюсь,
читал про русское село.

Соединял родные дали
и эти горы всей душой,
чтоб никогда не воевали,
чтоб мы единой силой стали –
Кавказ и мой народ родной.

Читал стихи перед горами...
Смешно, наверно, Магомед.
Но ты читал перед полями.
Тут ничего смешного нет.

И даже это всё не ново.
Стихи читают и мирам.
Я верю в искреннее слово,
оно понятно и горам.

* * *

С горы Седло шла туча на Хунзах.
Шла туча на Хунзах и на аул.
К дождю менялось небо на глазах.
К нам приближался небосвода гул...

Но поднимал за дружбу я бокал.
За братство и единство всей страны.
И напоследок я ещё сказал:
«За то, чтоб больше не было войны!»

Со мной согласны были Магомед,
и друг Мухуч, и все, кто за столом.
Пускай нам туча застилала свет,
пускай гремел над нашей крышей гром...

И ливень лил, и небосвод гремел,
основы сотрясая бытия,
но песню, что один из нас запел,
все подхватили, как одна семья.

* * *

Словно горец на крыше сакли,
на скворечнике мой скворец.
Что-то думает: так, не так ли...
А потом запел.
Молодец!

И весь мир вокруг словно ожил
и пролился на душу мою.
Вот и я, что б ни думал, всё же
оживаю – когда пою.

* * *

В Гунибе – на небе!
На небе – в Цаде!
В горах Дагестана
на небе – везде.

Там люди – на небе.
На небе – дома.
Там лето – на небе.
На небе – зима.

Стоять на скале – упоенье и страх.
Как, видимо, будет потом –
в Небесах.

НА КАВКАЗЕ

1. У реки

У Аварской реки,
которую аварцы называют Авар-ор,
мы сидели с другом Магомедом
и смотрели на закат в горах.
Быстро бежала вода,
быстро заходило за гору солнце –
и жизнь человеческая
рядом с этими великими и вечными горами
казалась быстрой и ничтожной.
Посидели у реки – и пора уходить...

Подъехал грузовик,
и шофёр стал собирать
и грузить в кузов валуны.
Оказывается,
камни ему нужны для фундамента нового дома.
Ему, видимо, жизнь не кажется
такой мгновенной и ничтожной.
У дома будет надёжный фундамент –
на столетия!
В доме будут счастливо жить,

будут рождаться дети,
в доме будет много гостей,
и опять будут рождаться дети,
а старики будут радоваться
новым поколениям...

У меня нет такого фундамента,
и дом я построил, не слишком думая
о будущих поколениях...
И в душе моей слабый фундамент веры...
Поэтому мне и грустно,
когда я смотрю на быстро заходящее
солнце.

...Но как совместить
стремление к полёту и крепкий фундамент?

2. Тост

В мои стихи с некоторых пор вошли горы.
Они вошли, и стоят,
и как будто ждут от меня доброго слова.
Я люблю вас, горы Дагестана,
я восхищаюсь вами!
Я поднимаюсь вместе с вами к небу
и зачарованно смотрю вниз,
в ущелья и долины...
Вы чудо!
И в Гунибе, и в Цаде, и по берегам Сулака...
Вы чудо!

Я только смотрю на вас и радуюсь,
что я в горах,
что своей мощью и красотой
вы пробуждаете мой дух.
И я говорю: – Горы, вы чудо!
Но я не могу сказать о вас что-то особенное,
что может сказать аварец или даргинец.
У арабов сто особенных названий для пустыни,
у ненцев сто названий для снега,
у поморов – для ветра и моря...
А у горцев для вас, горы, много особенных слов,
но я их не знаю.

И всё-таки одно особенное слово
я тоже знаю: **Расул**.
Расул – это когда горы рождают поэта.

Горы – вы родина Расула.
Горы – вы вдохновение Расула.
Горы – вы память о Расуле.

Смотрю на вас – и вспоминаю Расула.
Смотрю на вас – и вижу его улыбку.
Смотрю на вас – и слышу его тост за вас, горы.
За тебя, Дагестан!
– За вас, горы! За тебя, Дагестан!

3. В Череме

Как странно:
на могиле Кайсына Кулиева мне радостно.
Как будто я встретился с самим поэтом...
Так не бывает на могилах родственников –
там всегда есть чувство утраты или даже вины.
А здесь – чувство обретения,
чувство радостной благодарности

Г. Иванов

за то, что его стихи меня радуют, умудряют
и укрепляют в жизни.

Я стою над могилой
рядом с памятником из белого мрамора.
Прекрасный памятник,
прекрасный образ поэта.
Белый мрамор символизирует
светлую душу Кайсына,
искренность и чистое мужество.

Хорошо ходить по дому поэта,
который стал музеем,
Хорошо вспоминать его стихи и поговорки –
мне нравится такая:
«В горах ценится длинная верёвка,
но короткая речь».
Хорошо постоять под огромным
раскидистым орехом,
с которого планируют, как птицы,
большие осенние листья.
Хорошо опять вернуться к могиле
и словно бы поговорить с поэтом по душам...

Одна печаль:
не удалось добраться до Верхнего Чегема,
до родного гнезда поэта,
до его истока, до его сакли...

Там где-то в горах засели боевики.
На днях они жестоко убили девятерых
егерей и охотников.
Такое теперь кровоточащее время.

Я стою у могилы Кайсына Кулиева
и прошу его – на небесах
сделать всё возможное,
чтобы кончилась
эта кровоточащая полоса скорее.
Там ему должны помогать и Расул Гамзатов,
и Алим Кешоков, и Мустай Карим,
и Николай Тихонов, и Михаил Дудин,
и Наум Гребнев...
Там у Кайсына много друзей
и единомышленников.

* * *

*Не русский я, но – россиянин...
Мустай Карим*

Я русский, да. Но россиянин тоже.
Как россиянин был Мустай Карим.
Единства и любви, о, дай нам, Боже,
Тогда мы в испытаньях устоим...

Я россиянин. Как башкир, татарин,
Аварец друг мой, и мой друг якут...
Я русский. Но не старший брат, не барин.
Я просто русский, так меня зовут.

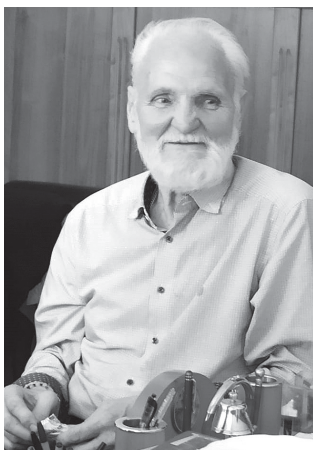
Мы братья все, мы братья-россияне:
Ренат, Хаджи, Камиль и Магомед...
И в этом мире, в этом океане,
Мы пережили вместе много бед.

И выстояли вместе. И прониклись
Судьбой друг друга. Мы теперь одно.
Башкирский богатырь и русский витязь
Плечом к плечу стоят давным-давно.

Писал Мустай о братстве всех народов,
Писал Расул об этом и Кайсын...
Нам всем в земных скитаньях – по дороге.
Россия – мать, и каждый её сын.

Я русский, да. Но россиянин тоже.
И говорю, и повторяю вновь:
Единства и любви, о, дай нам, Боже!
Нам суждены единство и любовь.

Среди гостей XXXIV фестиваля «Дни Белых журавлей» был и известный российский писатель Владимир Николаевич Крупин.

Владимир КРУПИН родился 7 сентября 1941 году в пгт Кильмезь Кировской области. Русский писатель, публицист и педагог. Лауреат Патриаршей литературной премии (2011), кавалер орденов Дружбы народов и Ф. Достоевского первой степени, почётный гражданин Кировской области (2016).

ПОЛЁТ ЖУРАВЛЕЙ

Одно из самых сильных впечатлений детства – это пролёт над нашим селом журавлей. Летели они над нами каждый год дважды: весной к нам, осенью от нас. Они никогда не могли пролететь незаметно, ибо всегда заметившие их в небе начинали кричать: «Журавли, журавли!» И этот журавлиный клин, как казалось, летел над нами очень медленно, мы ликovali, глядя на него, и хотелось глядеть и глядеть и махать руками, но он всё-таки улетал. И долго ещё спрашивали друг друга: а ты видел, а сколько их было? А первого разглядел?

Представить, чтобы какой-то охотник мог бы выстрелить в этих птиц, было невозможно: и он бы, и род его были прокляты на многие поколения вперёд.

А осенью – вот печаль! – журавлики улетали. Холодно у нас, тянулись в тёплые страны. К югу стремились уже не только прилетавшие, но и молодые, у нас, на севере, рождённые. Они летели и запоминали дорогу, чтобы по ней принести нам на будущий год новую весну.

Да, без журавлей не было бы моего детства. Они всегда в памяти. Как им все-все радовались! В нашем большом селе и окрестных деревнях жили люди, говорящие на разных языках, жили очень дружно, так что мне всегда дикими казались межнациональные распри, столкновения. У нас в классе были и русские, и татары, и марийцы, и удмурты, и мордва, и чувашаи, кто ещё? Все свои, все рады друг другу.

Дагестан с его многоцветием северо-кавказских народов можно уподобить моей Вятке с многоцветностью её северных речений и обычаев.

Да, а любовь к журавлям была единой у всех.

За тысячелетия своих перелётов они своими воздушными нитями сшили нас в единое целое, которое и зовётся Россия. Да, кто не был в Дагестане, не познал до конца Россию.

Неужели я мог прожить жизнь и не побывать в Дагестане? Нет, это невозможно. Я только что с трапа самолёта. После южной жары вдыхаю московский холод, как хорошо! А в благодарной памяти солнечные дни гамзатовского праздника «Белые журавли». Лица людей, которые внимательно выступлениям поэтов, съехавшихся отовсюду, как на ежегодный экзамен верности Поэзии. Разные языки в переводе на русский звучали. Русский, как никакой

другой, избранный свыше для выражения чувств и мыслей разноязычной нашей российской семьи. Странно даже видеть потуги деятелей во властных структурах объявить английский язык языком общения в России. Английский – деловой язык, язык торговли, в нём Пушкина, Тютчева, Лермонтова нет, нет и Некрасова и Есенина, души нашей в английском нет. Его просто мало для выражения вечных понятий любви и сострадания. И не только. В нём есть нечто захватническое: где он появляется, там колонизация, сырьевая база, где русский – там единение людей.

Распахнутый простор над родиной автора «Журавлей», над его могилой. Вот и занял дорогой наш поэт место в строю защитников мировой культуры. Не печалью веет от надгробных молитв, торжественностью и радостью от того, что мы – современники – жили во время создания им оставленных нам произведений.

Помню освежающее впечатление от книги «Мой Дагестан». И не случайно перекладывал её на русский язык поэт Владимир Солоухин. Расул Гамзатов уже тогда был знаменит, переводчики считали за честь переводить его. Но выбрал он Солоухина. Они были синхронны сердцами в главном – в сыновней любви к родине. К тому времени были широко известны и знамениты солоухинские «Владимирские просёлки». Кто, как не он, почувствовал братскую любовь аварского собрата к рассветам и закатам этих суровых и прекрасных мест, к этим много перестрадавшим людям?

И вообще надо вот что заметить. Мы всё говорим о влиянии русской литературы на литературы народов и Советского Союза, и теперешней России. Но есть же влияние и литературы этих народов на русскую. Есть, и непременно. Расул Гамзатов здесь чёткое этого доказательство.

«Мой Дагестан» очень благотворно повлиял на всплеск обращения русских авторов к своим истокам. Напрямую или косвенно повлиял. Выстраивается такой ряд: «Лад» Василия Белова – изумительные очерки о культуре Вологодской земли, распутинская «Сибирь-Сибирь», абрамовская «Трава-мурава», лихоносовская «Тоска-кручина», потанинская «Пристань» и «Над зыбкой», астафьевские «Затеси», личутинская «Русь неизъяснимая», екимовская «Пастушья звезда»... это только то, что

сразу приходит в голову. Осмелюсь назвать и свою «Вятскую тетрадь». Это литература любви к родине. Именно такая письменность держит нравственный свод над Отечеством, не давая превращать его в территорию проживания, а называть и считать Родиной. Любовь к ней – главное чувство, которое более всего спасает нас. Совсем не случайно, что литературу, мною названную, никогда не поддерживают либеральные критики. Полное ощущение, что у них и родины нет. И как это можно не любить Россию, если рождён в ней? Но вот – не любят.

Незабываемые – журавлиные – дни. Всё прошло так сердечно, слаженно, что я только дивился высокой организации, одухотворённости праздника. Она в том, что и организации не заметно, только и видишь этих полных внимания и радости нарядных людей. Может быть, даже и хорошо, что нынче встречи были выведены из помещений на улицу. Стоять у микрофона в закрытом пространстве или быть перед этими горами, облаками, гостеприимными, внимающими тебе людьми – разница не малая. Тут тебя не только аудитория слушает. Тут ответственность за произнесённое слово усиливается: небеса поэта над тобой.

Выступали и приехавшие поэты, и дагестанские. Для себя я открыл многих, особенно народную поэтессу Дагестана Аминат Абдулманапову. Вообще, дагестанская поэзия – образец чистоты слога и гармонии его с формой звучания.

Отец мой не читал мудрёных книг,
Да и писать как следует не мог,
Но за аулом выкопал родник,
Суровой жизни подводя итог...

Не иссякает чистая вода,
Её питают недра отчих гор,
Где мой отец остался навсегда,
А кажется, что жив он до сих пор.

Он жив, отец Аминат. Он дал жизнь дочке, а дочка дала ему жизнь в слове. Слушал чтение Аминат, и как же мне захотелось так же, хотя бы в прозе, сказать о своём дедушке Семёне Ефимовиче Смышляеве. Случай точно такой: родник в деревне, который так и звали: дяди Семёна. Дедушка неграмотный, но был знаменитым лоцманом, плотогоном, водил плоты по Вятке и Каме. Был посажен в тюрьму за то, что отказался работать в пасхальный день Христова Воскресения. Родник жив.

Всё в мире живо.

И неизбежно стоит столица красоты Дагеста-

Г. Иванов, Е. Кувшинникова, А. Абдулманапова,
В.Н. Крупин

на аул Гуниб. Так назвал его Магомед Ахмедов. Я бы добавил: и город мужества. Здесь, где был пленён имам Шамиль, воины с обеих сторон показали высочайшие образцы воинской чести и смелости. Здесь начало нашего совместного существования в этом мире.

«Кто не был в Гунибе – не был в Дагестане» – такое изречение написано на обложке справочного буклета с видами аула, с рассказом о его истории. Но сейчас я счастлив: не книга в руках – сам аул во всю ширь своей красоты открылся с площадки обзора. Тут забываешь все тяготы нелегкого пути, спуски и подъёмы, повороты и развороты, на которых меня, жителя северных равнин, даже укачивало. Всё плохое проходит – ты лечишься родиной Поэзии, дышишь её воздухом, ты на высоте полёта журавлей.

Елена КУВШИННИКОВА

ВОЛГА ВПАДАЕТ В КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

Удивительный сентябрь

В минувшем сентябре мне довелось побывать в Дагестане на Гамзатовском фестивале «Дни белых журавлей».

Праздничные мероприятия прошли с 7 по 10 сентября, в столице Дагестана – Махачкале, в городе Дербент, сёлах Гуниб и Хунзах.

Это был настоящий праздник поэзии, освященный именем Расула Гамзатова, праздник дружбы народов, добрых человеческих взаимоотношений.

Каждый год организаторы определяют круг гостей, на фестиваль приезжают поэты и писатели, редакторы литературных изданий из разных уголков России и из-за рубежа. Говорят, в этом году было несравнимо меньше участников, чем раньше, по известным причинам. Но я счастлива, что получила приглашение на фестиваль и сердечно благодарна организаторам праздника.

Элеонора

Говорят, что все люди со всеми связаны через несколько рукопожатий.

Мой старший друг, прекрасная Элеонора Ильинична Денисова, известная многим ульяновцам, ушла от нас совсем недавно, в начале лета.

Элеонора Денисова более 10 лет в 60-е годы прошлого века работала в Махачкале диктором телевидения и лично была знакома с Расулом Гамзатовым. В ее домашней библиотеке в Ульяновске на почетном месте стояли книги Расула Гамзатова с его дарственными надписями.

Критик Владимир Огнев, диктор телевидения Элеонора Денисова, режиссеры Георгий Данелия, Григорий Чухрай и Расул Гамзатов. Махачкалинское телевидение. 60-е годы.

Незадолго до ухода Элеонора Ильинична вспоминала о Дагестане, говорила, что, если бы могла, хотела бы еще раз там побывать. Это место на земле, где она была счастлива. И мне сказала: «Желаю вам когда-нибудь туда поехать...». И вот – пригла-

шение в Дагестан. Я взяла с собой книгу Элеоноры Ильиничны и ее фотографии дагестанского периода, которые она мне передала несколько лет назад. Где она молодая, красивая, счастливая в махачкалинской студии телевидения, рядом с известными режиссерами Георгием Данелией и Григорием Чухраем, рядом со знаменитым поэтом Расулом Гамзатовым. И в поезде по дороге на фестиваль я разложила фотоснимки на столике в купе. Было чувство, что Элеонора Ильинична со мной. И под стук колес я читала ее эссе «Мой Дагестан». «Вот и лето прошло, пролетело, промелькнуло... Осенний туман за окном, ностальгическая дымка поднимается со дна души. Лето как счастье, ждешь его с томительным терпением, а оно мелькнет, и нет.

Фотографии Элеоноры Денисовой

«Счастье, где ты, где светлый твой лик?»

Всё вертится в голове одна и та же строчка. Расул Гамзатов... Вернулись ко мне строки его стихов, а вместе с ними выплыли как из тумана картинки жизни, мой Дагестан, моя молодость, мое счастье... Дагестан вошел в мою жизнь в конце 50-х годов, когда я, выпускница Московского пединститута, познакомилась со стихами аварского поэта. Я влюбилась в этот край... Пушкин, Лермонтов, Гамзатов. Из этого сплава веков и культур рождались в душе романтические картины, заставляя сильнее биться сердце...». (Из воспоминаний Элеоноры Денисовой.)

В поезде под шум колес застучали-забились во мне строки стихотворного приветствия землякам Расула Гамзатова.

*С Волги привет вам, как море, глубокий,
С Волги привет вам, как солнце, горячий.
В Волге Каспийского моря истоки,
Волны несут ее к вам – не иначе.
Здесь – среди многоязыкого гула,
В чудном краю, школьной истине вторю,
В сердце своем почитая Расула:
Волга! Впадает! В Каспийское море!*

Первые впечатления. Нечаянная радость

В Махачкале меня встретили, привезли в Союз писателей Дагестана. Участники фестиваля уже собрались в кабинете Расула Гамзатова. Здесь сохранено всё, как было при жизни выдающегося поэта. Теперь еще есть большой портрет на стене, много цветов возле портрета. Радостно было увидеть среди приехавших гостей писателя Владимира Крупина. Так сложилось, что именно в этот день он принимал поздравления с днем рождения, 7 сентября ему исполнилось 79 лет. Владимир Крупин много раз был гостем Ульяновска, принимал участие в Гончаровских праздниках. Мы встречались с ним и с его супругой Надеждой Леонидовной в нашем музее, в библиотеке имени И.А. Гончарова. А однажды несколько лет назад мне довелось провожать замечательного писателя в Москву на нашем железнодорожном вокзале. Помню, как была удивлена, когда поняла, что он поедет в плацкартном вагоне на верхней боковой полке. Сам Владимир Николаевич с улыбкой тогда пояснил: «Писатель должен быть со своим народом». И прощаясь там, на вокзале, вручил мне свои книги с автографом. Берегу их как дорогой подарок. В журнале «Симбирскъ» мы не раз публиковали рассказы Владимира Крупина, всегда получали добрые отклики наших читателей. Какая же это была нечаянная радость снова увидеться с этим замечательным человеком теперь уже на Дагестанской земле, искренне присоединиться к поздравлениям, передать привет от ульяновцев. И сейчас повторяю: «Многая лета Вам, дорогой Владимир Николаевич!».

Принимающая сторона

Всех гостей встречал в Союзе писателей Дагестана Магомед Ахмедович Ахмедов. Магомед Ахмедов, народный поэт Дагестана, переводчик, публицист, для участников фестиваля был гостеприимным хозяином.

(Надо отметить, что Магомед Ахмедов в 2019 году побывал в Ульяновске, от нашей писательской организации с дагестанским поэтом встречался Илья Александрович Таранов, тогда же Магомед Ахмедов посетил Дворец книги, познакомился с достопримечательностями города, узнал о нашем литературном журнале.)

В Дагестане Магомед Ахмедов подарил мне свою книгу «Посох и чётки» с добрыми пожеланиями. Читатели «Симбирска» еще познакомятся с творчеством дагестанского поэта на страницах журнала.

В Союзе писателей Дагестана в первый фестивальный день состоялось знакомство с другими участниками этого события, было ощущение тепла и радушия, было чувство, что ты среди друзей, среди людей, объединенных общей любовью к поэзии. Здесь я впервые встретилась с замечательными дагестанскими женщинами-поэтессами. С первого взгляда, с первой улыбки они расположили к себе. И теперь уже могу сказать: они останутся в моем сердце.

Я, в отличие от многих гостей, на фестивале и вообще в Дагестане была впервые. И с искренней радостью воспринимала всё вокруг.

*Илья Таранов, Магомед Ахмедов, Александр Лайков.
Ульяновск. Июль 2019 года*

Расулу Гамзатову посвящается

8 сентября – в день рождения Расула Гамзатова – была насыщенная программа. Утром большая делегация из представителей дагестанского правительства, писателей, гостей фестиваля возложила цветы на могилу поэта на кладбище Тарки-Тау. Возложили также цветы и к памятнику Расулу Гамзатову в Махачкале.

Потом были выступления поэтов – участников фестиваля на площади возле памятника Воину-освободителю возле Вечного огня. (Над этой площадью, над городом, казалось, над всем Дагестаном снова и снова звучала, уносилась ввысь мелодия песни «Журавли».) Хорошо сказал Магомед Ахмедов: «Эта песня стала международной молитвой». И он предложил поэтам читать стихи, хорошие стихи. Говорил о высокой миссии поэзии: «Настоящая поэзия очищает. Спасая поэзию, спасаем душу, спасая души, спасаем страну...». Такой высокий настрой был дан в самом начале поэтического праздника. Один за другим выступали участники фестиваля: писатель Владимир Крупин (Москва), народный поэт Дагестана Аминат Абдулманапова, главный редактор детского журнала «Акбузат» Лариса Абдуллина (Уфа) поэт, бард Николай Еремин (Санкт-Петербург), председатель Ставропольской писательской организации Александр Куприн, поэт, руководитель Брянской писательской организации Владимир Сорочкин, поэт, переводчик Князь Горчак (Ханты-Мансийск), председатель Союза писателей Кабардино-Балкарии Муталип Беппаев и многие другие.

В выступлениях звучали слова уважения к памяти павших в Великой Отечественной войне, строки признательности Расулу Гамзатову, звучали стихи на родном для выступающих языке. Меня тронули поэтические строки Аминат Абдулманатовой о Пушкине, любовью к которому мы так же все объединены.

(Разговор с маленькой внучкой Рукият о Пушкине. Перевод с дагинского К. Зачесова.)

Плачет, плачет Рукият.

– Кто тебя обидел?

– Много, много лет назад Пушкина убили!

– Бабушка! Скажи, за что?

Он же был хороший!

– То произошло давно.

Не горюй так, крошка.

Ведь его давно уж нет.

Вытри, детка, глазки...

– Но ведь он же был поэт!

Он писал нам сказки!

– Добрым был, конечно, он.

Никогда не злился.

– Нынче ночью князь Гвидон,

Бабушка, мне снился!

А принцесса в этом сне даже не уснула.

Золотая рыбка мне хвостиком махнула...

А его в тот страшный час,

Бабушка! За что же?!

Ведь поэтов и сейчас убивают тоже.

– Знаю, детка, знаю я.

Только это значит,

Что и много лет спустя

О поэтах плачут.

Что ж, поплачь, малыш ты мой.

Дай, скажу на ушко.

Если плачешь, то живой остаётся Пушкин!

Е. Кувшинникова на Гамзатовском фестивале

И, конечно, гости выражали благодарность тем, кто собирает поэтов на Гамзатовском фестивале, воистину «Дни белых журавлей» – это праздник поэзии и дружбы народов. И образ летящих благородных белых птиц сопровождал нас всюду на Дагестанской земле, на всех площадках, где мы выступали.

Море... Спасибо, Лариса

В этот же день у меня случилась первая в жизни волнующая встреча с Каспийским морем. Благодаря за это Ларису Абдуллину, поэта, переводчика, поборника сохранения и развития башкирского языка из Уфы. Она необыкновенно активный и деятельный человек, кажется, в этой поездке ей удалось объять необъятное. (И вообще имя Лариса в переводе – «чайка».) Именно она побудила меня дойти-добежать до моря. У нас было очень мало времени до записи на телевидении. И вот это случилось.. Стихия, огромные волны... Гладкие камни, на которых трудно удержаться. И первая волна, которая накрыла с головой. Восторг и ликование. Кажется, это главные ощущения, которые не покидали меня в эти дни. И моя любимая песня «Издалека долго течет река Волга», которая тихо звучала в душе вдруг разрешилась повторением радостного восклицания: «Волга впадает в Каспийское море!»

Встреча с Мариной Ахмедовой. Запись телепрограммы.

Мне очень хотелось встретиться с Мариной Ахмедовой (Колюбакиной), с которой заочно была знакома до поездки. Марина – поэт, переводчик, лауреат Государственной премии Республики Дагестан имени Расула Гамзатова. К моей радости, Марина, преодолевая возникшие обстоятельства, приехала на запись телепрограммы. Встреча состоялась. В передаче мы, гости праздника, делились своими впечатлениями, говорили о Р. Гамзатове, благодарили организаторов. Я рассказала и об Элеоноре Денисовой, ведь она и ее муж Виктор Денисов вписали свою страницу в историю становления Махачкалинского телевидения. Оператор «взял» крупным планом разложенные на столе фотографии. Так, Элеонора Ильинична на мгновение вернулась к дагестанскому зрителю.

В последние годы жизни и творчества Расула Гамзатова именно Марина Ахмедова была переводчиком его стихов. И стихи многих дагестанских поэтов переведены на русский язык Мариной Ахмедовой (Колюбакиной). Марина мне подарила много замечательных книг, а оставляя автограф, рассказала, что Расул Гамзатов в дарственной надписи обычно писал: «С пожеланием светлых радостей». Хотелось добавить, что фамилия Колюбакины известна и как фамилия симбирских дворян. Оказалось, что у

Запись телепередачи

Марины Анатольевны дед Алексей Иванович Колюбакин – симбирянин, учился в Симбирской классической гимназии, имение было в Сенгилеевском уезде. Столько неслучайных совпадений и радостных открытий! Надеюсь, у нас еще будет встреча на нашей земле. Всегда рады!

Е. Кувшинникова, М. Ахмедова (Колюбакина), Л. Абдуллина в кабинете Расула Гамзатова

У Марины Ахмедовой есть стихи, посвященные предку, «московскому» Колюбакину – Николаю Петровичу. Завершается стихотворение такими строчками:

*«Пращур мой... Не предал он ни разу
На войне – ни долга, ни любви.
Эта тяга странная к Кавказу,
Видно, от него в моей крови?..
Хоть меж нами, разница большая
Существует всё-таки одна –
Я Кавказ, как он, не покоряю,
Потому что им покорена.»*

Последнюю строчку вслед за автором хочется повторить!

Театр поэзии

В Махачкале есть Театр поэзии. Единственный в России. На фасаде слова: «От Пушкина до Гамзатова». И возле театра два памятника – Александру Сергеевичу Пушкину и Расулу Гамзатовичу Гамзатову.

В этом году по объяснимым причинам главный поэтический вечер фестиваля был организован не в самом театре, а на площади перед театром. Магомед Ахмедов вел программу, предоставлял слово гостям праздника. Эмоционально выступили лауреат премии им. Гамзатова Иван Голубничий (Москва), руководитель Ярославской писательской организации Мамед Халилов (Ярославль), народная поэтесса Да-

Умараги Салихова и Е. Кувшинникова возле памятника А.С. Пушкину

гестана Космина Исрапилова прочла стихи о Пушкин-тау (о горе Пушкина), народная поэтесса Дагестана Аминат Абдулманапова представила стихи из нового двухтомника, авторские песни исполнили Николай Еремин (Санкт-Петербург) и Георгий Арустамьян (из группы «Жатва», Москва). Запомнилось выступление Геннадия Иванова, душа откликнулась на эти строки:

*«Я русский, да. Но россиянин тоже.
И говорю, и повторяю вновь:
Единства и любви, о, дай нам, Боже!
Нам суждены единство и любовь.»*

У. Салихова, Л. Абдуллина, С. Магомедова, Е. Кувшинникова, К. Исрапилова возле Театра поэзии. Марина Ахмедова прокомментировала эту интернациональную фотографию так: «Аваро-башкиро-лакско-русские красавицы»

Завершился насыщенный событиями день. Я поняла, что полюбила Дагестан, новых друзей, природу, теплое море. Распахнутым сердцем продолжала вбирать новые впечатления и события. Еще предстояло побывать в горах. Назавтра по плану все гости отправлялись группами по трем разным направлениям: в Хунзах, в Гуниб и в Дербент. Я мечтала о поездке в Гуниб. Задолго до этого путешествия мой друг, замечательный писатель Нина Маркграф-Орлова, вдохновила меня своим рассказом об этих местах. А потом и в духе пушкинского дружества способствовала исполнению моей мечты. Нина, ангел мой, спасибо! Я побывала в Гунибе. Твоими молитвами.

Путешествие в Гуниб

«Вот я снова стою / На знакомой кремнистой вершине./

Здравствуй, славный Гуниб, / Дагестана живая краса», – писал Расул Гамзатов.

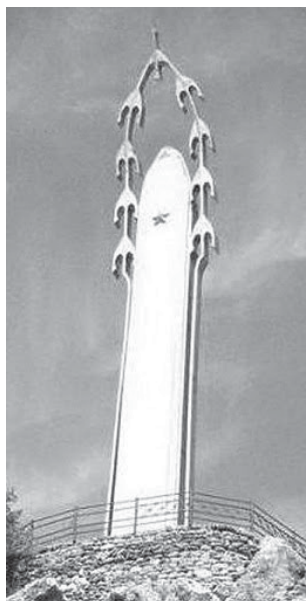
Рано утром на небольшом автобусе наша группа отправилась в дорогу. Мне предстояло впервые увидеть славный Гуниб и ощутить живую красу Дагестана.

Радость увидеть горы была впереди. В нашей группе был сам Магомед Ахмедов, который как непредвзятый следил за дорогой, а также в Гуниб поехали Владимир Крупин, Мамед Халилов, Муталип Беппаев, Алигаджи Магомедов и дагестанские поэтессы. По дороге сделали остановку и была первая возможность увидеть горы и с головокружительной высоты рассмотреть аулы в низинах... Это захватывающее зрелище. Фотографировались с дагестанскими «сестрами по перу». Трудно было скрыть восхищение. Так вот о чем писал Пушкин: «Кавказ подо мною...!» Увидеть, чтобы понять. От переполненного сердца вырвались слова: «Я хотела б здесь родиться...» И через паузу внутри тихо прозвучало: «Если б не Волга...».

В горах Кавказа

В Гунибе нас встречали как дорогих гостей. На встречу вышли дети с цветами, звучала музыка, в круг приглашали джигиты. И наши поэтессы Сабигат и Умараги красиво двигались в народном танце. И дальше, возле стелы «Белые журавли», возле Вечного огня состоялся митинг, дети читали стихи Расула Гамзатова.

Журавли. Стела в Гунибе

Выступал глава администрации Гуниба и Магомед Ахмедов, приветствовали жителей и гости. Мы посетили историко-архитектурный музей, где нас доброжелательно встречала Патимат Алискандиева, познакомила с экспозицией, рассказала об истории Гуниба. Меня заинтересовала витрина недалеко от входа, там были представлены книги российских поэтов, переданные в дар музею. С радостью увидела знакомые имена на обложках: книги Нины Маркграф-Орловой, Дианы Кан, Евгения Семичева и других. С удовольствием сама подарила музею майский выпуск

журнала, посвященный 75-летию Победы. Теперь и наш «Симбирск» добрался до Гуниба. Неисповедимы пути.

А потом мы снова читали стихи в многонациональном кругу, слушали народных музыкантов и певцов, в заключение все присутствующие стали одним хором, радостно подпевая солистам в припеве: «Гуниб, Гуниб, Гуниб...».

В конце гунибской программы участникам была предложена щедрая трапеза, из кулинарных открытий для меня – дагестанские национальные кушанья: хинкал и чуду. Ни один гость не уйдет голодным. Это Дагестан! Спасибо, друзья!

Женщины – родные сестры

Мы в дороге общались с замечательными женщинами – дагестанскими поэтессами: Сувайнат Кюрбековой, Сабигат Магомедовой, Умараги Салиховой, а еще с известным драматургом Раисат Ибрагимовой (она в свое время окончила Литературный институт имени Горького, много интересного рассказала о себе) и ее милой дочерью Лейлой.

Раисат Ибрагимова с дочерью Лейлой

Сувайнат – табасаранская поэтесса, ее книга стихов называется «Струны судьбы». И нам довелось познакомиться, когда эти струны звучали трагично, недавно Сувайнат потеряла любимого мужа (женщины в Дагестане до года носят траур). Дорогая Сувайнат, мужественная и сильная, с пылким сердцем, желаю выстоять, жить день за днем и продолжать писать. Любящий сын и внуки рядом, пусть их хранят небеса. Жалею, что не попросила в дороге почитать вашу книгу. Но Вы же пришлете стихи в «Симбирск»? Будем ждать. (Я позже узнала, что Сувайнат Кюребекова – лауреат международного поэтического конкурса в Италии и что ее стихи вошли в антологию «Международный Парнас» на итальянском языке.) Какие же замечательные женщины встретились мне в Дагестане. В дороге говорили о том, что волнует всех нас, о семье, о детях. Как раз мне дочка прислала на телефон фотографию маленького внука и смс: «Весь измазался в зеленой гуаши, еле отмыла». Я показала свое умытое сокровище новым подругам. Они улыбались: «Какой хорошенький». Показали фотографии своих. У красавицы Умараги семеро внуков, один внучок нынче пошел в первый класс, вижу на фотографии красивого мальчика за партой. (Счастья тебе, первоклассник, мирного неба!) Я говорю, а вот у моей подруги скоро будет семеро внучат, дочка ждет пополнения. Умараги с удивлением: «А разве у вас так бывает?». Бывает, слава Богу, бывает, рождаются детки. Умараги – поэт сердца. Невозможно без слез читать ее стихи, посвященные детям Донца. Непременно познакомим читателей с ее творчеством.

Сабигат Магомедова и Умараги Салихова

Сабигат Магомедова – известная аварская поэтесса, народный поэт Дагестана. Немногословная, с достоинством. Вот одно ее стихотворение: «К тому, кто много говорит, / Душа моя не прикипит. / Но с тем, кто говорит глазами, / Могу беседовать часами.»

У Сабигат шесть внуков. Она ненадолго вступила в нашу беседу и сказала: «Я говорю своим детям, вы их (внуков) воспитывайте, а я их буду любить!»

Конечно, любить! Главное слово. У Людмилы Бураковой, ульяновской поэтессы, рано ушедшей от нас, есть поэма, которая называется «Женщины – родные сестры».

В поездке по Дагестану мне захотелось подтвердить эти слова. Это так. Так тепло было на душе от доброго общения с талантливыми горянками.

*Я повторяю ваши имена,
Марина, Сувайнат и Аминат,
Умараги и Раисат, и Лейла...
Как всех бы перечислить я хотела!
Хоть список этот здесь не завершен,
Он в сердце навсегда запечатлен!*

Распахнуты сердца и двери

Возвращаясь домой, снова держу в руках книгу Элеоноры Денисовой. Так заканчивается ее эссе о Дагестане:

«Прошли годы. И сегодня эти стихи снова звучат во мне, я перебираю в памяти светлые эпизоды дагестанской жизни и снова спрашиваю себя гамзатовскими строчками: «Счастье, где ты? Где светлый твой лик?».

Где же теперь мой Дагестан? Я имею в виду не географическое место, а образ жизни, когда были распахнуты сердца и двери, и тепло и свет входили в твое сердце и в твой дом. Где теперь вы, мои дагестанские друзья? «Иных уж нет, а те далече». И нет возможности приехать, повидаться. Но жива моя любовь, моя память, а значит – нет разлук и потерь...».

И сейчас после возвращения из гостеприимных дагестанских краев я мысленно отвечаю моей прекрасной Элеоноре Ильиничне. Всё то, что ощущали Вы, почувствовала и я. Распахнуты сердца и двери радужных дагестанских друзей, по-прежнему высоко звучат стихи Расула Гамзатова, а тепло и свет вошли в мою душу. Если можно передать по наследству любовь, то это случилось. Спасибо!

Книги, подаренные на фестивале

ФЕСТИВАЛЬ «ДНИ БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ»

На могиле Расула Гамзатова, 8.09.2020

Цадинские дали

Хлеб-соль гостям в Цаде

(К тексту Г. Иванова «Аул Цада – аварские Афины»)

Памятник Белые журавли в Цаде

У памятника Расулу Гамзатову в Цаде

Водопад в Хунзахе

«Литературу часто называют человековедением, я ничего против этого не имею. Но для меня литература не только человековедение, ее главная сущность – человеколюбие.

Человековедение требует правды, но одной правды мало, ее надо выразить мастерски и любовно. Вообще для каждого писателя существует свое определение литературы. Для меня на первом плане стоит человеколюбие... Писатель должен стремиться не столько выражать свои эмоции, сколько стараться вызвать их у читателя. Каждый человек должен учиться у другого, и писатель тоже. Нужно брать уроки у времени и у предшественников. Не подражать, а продолжать начатое до нас великими людьми.»

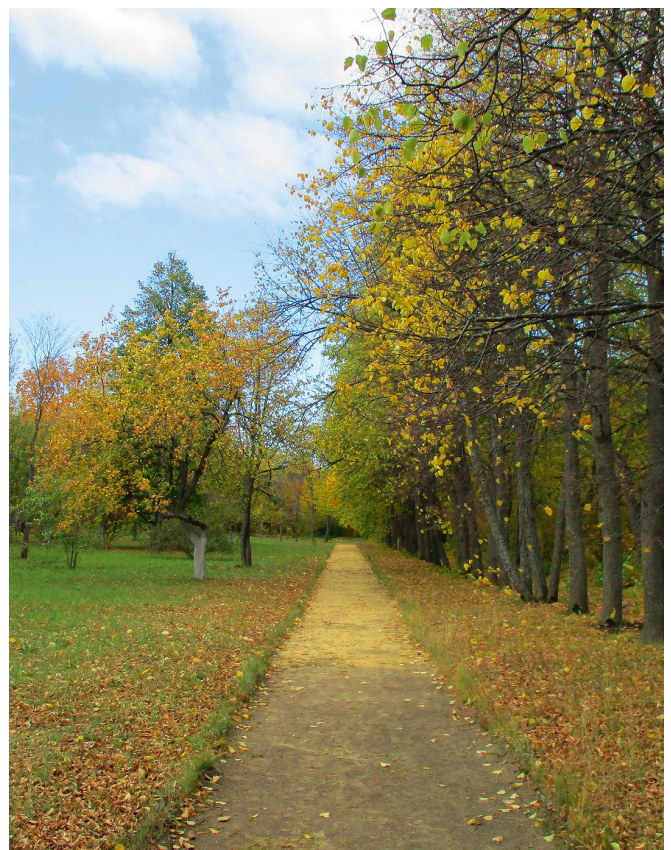
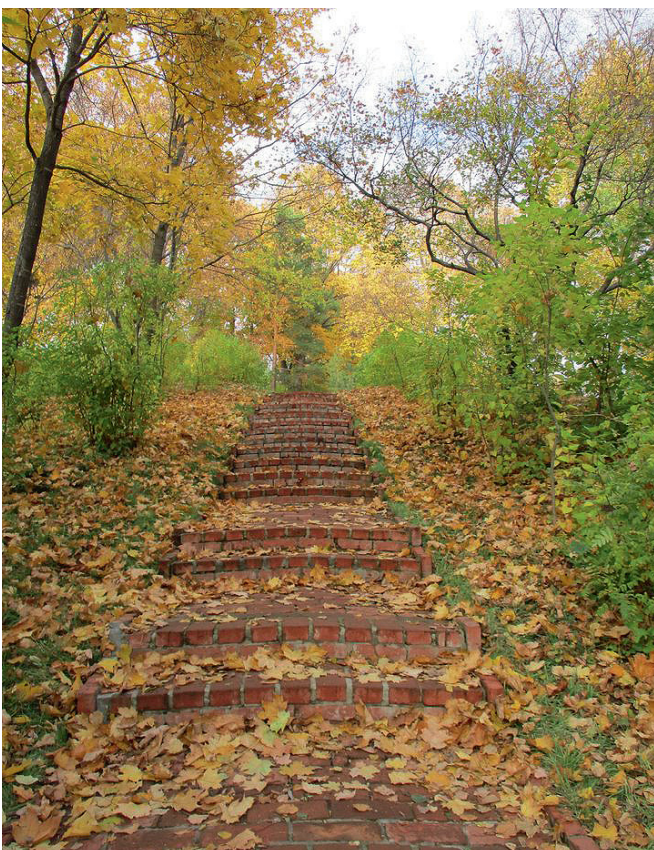
*Расул Гамзатов.
Из интервью.*

*(Беседовал Мурад Ахмедов.
Дагестанская правда. 6 сентября 2003 г.)*

Каспийское море

**ОСЕНЬ В ТАРХАНАХ.
ФОТОГРАФИИ МАРИНЫ БИРЮКОВОЙ**

ГОСТЬ

фото Татьяны Матюкевич

Марина БИРЮКОВА (г. Саратов), поэт, журналист, лауреат поэтической премии им. Валерия Прокошина в номинации «За собственный голос в поэзии».

О себе: родилась в степном совхозе, в Саратовском Заволжье.

Окончила биологический факультет Саратовского университета. Работала в разных СМИ, начиная с районной газеты и кончая «Московским комсомольцем». С 2008 года работаю в информационно-издательском отделе Саратовской епархии. В 2012 году в епархиальном издательстве вышла книга стихов «Щегол», спустя пять лет – «Калитка».

О стихах Марины Бирюковой

Дмитрий ШЕВАРОВ

Первый раз я прочитал стихи Марины Бирюковой в журнале «Фома». Строки Марины легли на сердце, как после жаркого и суетного дня ложатся на душу прохлада и тихость летних сумерек.

Павел КРЮЧКОВ (Радио «Вера»):

«Живописные, тихие монологи много повидавшего и пережившего, как я почувствовал, человека, не то чтобы сразу запоминались. Но каждый раз после чтения они оставляли какой-то славный отсвет и оседали в душе. В этих стихах стрекотал кузнечик, звякало колодезное ведро, гудел пробивающийся сквозь оконные ставни ветер, долгий закат уходил за реку, спасительный первый снег покрывал землю. И за всеми ежедневными, сменяющимися друг друга обыденными и непостижимыми чудесами – зоркая и смиренная свидетельница. Родственная, своя – осеннему собрату-листу, воробью, припавшему к асфальтовой выбоине с накопившейся талой водой, и даже – жёлтым солнечным пятнам. От стихотворения к стихотворению она поверяет, оценивает, вопрошает свою судьбу – через осязаемые, слышимые и видные глазу приметы Божьего мира».

Светлана КЕКОВА:

«У Бунина есть замечательные строчки: “Нет, не пейзаж влечет меня, / Не краски я стремлюсь подметить, / А то, что в этих красках светит, – / Любовь и радость бытия». Они могли бы стать эпиграфом и ключом ко многим стихам Марины Бирюковой. Биолог по образованию, она внимательно всматривается в окружающий мир. Но это взгляд не натуралиста, подмечающего внешнюю сторону жизни, а поэта, наделенного “метафизическим оком». Такое око позволяет проникать сквозь “грубую кору» бытия, выявляя его красоту, любовь и радость, или грусть, – но грусть, которая чревата радостью, ибо всё – от Бога».

Марина БИРЮКОВА

ВСЯ НАДЕЖДА НА ОСЕНЬ...

ПАМЯТНИК

Всем безвестным хорошим людям
общий памятник – белый крест –
а не то мы про них забудем...
Разве мало в России мест,

где белеть бы он мог – меж ёлок
и березок, такой простой...
И привел бы к нему проселок,
и сказала б себе я – стой;

а с кого б начала я – с Веры,
с Валентины, с Петра?..
Стою,
благодарная им без меры
не за что-нибудь – за свою

жизнь – поскольку была у края
и за краем, и спасена –
долго-долго,
перебирая
их негромкие имена.

ЛАСТОЧКА МОЯ

Некогда больших своих сил остатку
примененье доброе выбирая,
напишу про ласточку, про касатку,
ведь она мне ровно душа вторая.

...Про ее гнездо под седой стрехою,
с детворой смешною, что громко просит,
про закаты летние над рекою,
где касатка крылышком воду косит;

про ее доверчивый быстрый щебет...
Как она прозрачную мошку видит?
Как из праха гнезда такие лепит?
Человек ли тот, кто ее обидит?

...Про тебя – сумею, а на другое,
белогрудка, сил моих не осталось...
Я скольжу большою твоей дугою,
на земле оставив свою усталость.

ВОЗНЕСЕНИЕ

Вознесения день. Палисадник. Сирень.
Темно-серые ветхие ставни с резьбою...
По минуте живу удивительный день
расставанья, но вместе и встречи с Тобюю.

В доме жарится рыба – из форточки дух...
Хорошо мне на этой таинственной воле:
я стою, повторяя слова Твои вслух:
«Вы свидетели – вы оставайтесь – доколе...»

Ты уже поднимаешь – я вижу теперь
для прощального благословения руки –
и на тысячи лет нашей встречи-разлуки
За Тобюю закрывают небесную дверь.

Не оттуда ли воздух? Как вольно дышу!
И нарезаны соты, и рыба готова,
И о том лишь Тебя я сегодня прошу,
чтоб не стала я завтра невольною снова.

КОЛОМНА

В Коломне старой медленно стареть,
в чудной резной избушке с мезонином –
то воду греть, то овощи тереть,
то пышки печь с корицей или тмином.

Не доживать, а просто полно жить –
ведь в том теперь и счастье, и спасенье,
что если есть куда еще спешить,
то лишь к обедне ранней в воскресенье.

И если есть чего еще желать,
то вот оно, и нет его желанней...
(В комодке черном спрятана тетрадь
для всех чудес – за поздней и за ранней.)

В Коломне жить, не сравнивая дней, –
как дар от Бога каждый принимая...
Беда ли то, что я живу не в ней?
Я в ней гостила в середине мая –

когда цвели калина и сирень,
когда гроза прошла, сверкая, мимо...
И то, что дал мне тот, в Коломне, день,
не только в ней, надеюсь, применимо.

ГОЛОСА

Родниковое, грибное,
обреченное село;
тех, кому оно родное.
сколько в землю полегло:

кто на кладбище в лесочке,
кто далече – по фронтам...
Голоса и голосочки
раздаются тут и там:

«Мамка, дай!..» «Васятка, где ты?»
«Фрол Панкратъич, пощади!»
«У вдовы-то дочки светлы
уж на выданье, поди!»

«Вон кутенок твой – под лавкой!»
«Царь отрекся – быть беде!»
«Комиссар, годи, не гавкай...»
«Где ж он, сын твой?» «Знать бы где!»

«Раскумекай, председатель, –
поморозим семена!»
«Закрываем церкву к дате...»
«Люди добрые, война!..»

...Церкви рыжие руины,
тут же ржавый обелиск;
все березки да рябины,
да грибов – не оберись:

прямо в бывших огородах.
у безлюдного жилья...
«Померла твоя-то в родах,
а дитё кормила я»...

Вот отечество земное –
Богом смазанная ось...
Тех, кому оно родное, –
сколько за год родилось?

ТАРУСА

Я в Тарусе – в таком городке на Оке;
почему я брожу по нему налегке?
Кто сложил на волнистый песок у реки
с утомленной души бурдюки и тюки?
Кто сказал мне, свободной: «Иди же, иди:
вся Таруса твоя у тебя впереди»

И пошла я, и что происходит со мной?
У дощатой калитки синее лесной
беззащитный цветок, и орут петухи,
а гусей не видать; и восходят стихи
вертикалью глубинной тарусского дня,
исцеляя меня; и глядит на меня
полумертвого дома живое – одно
в белоснежном кисейном уборе окно.

А возможно ль Тарусу пройти до конца,
дочитать до финала? С какого крыльца
не смотри на нее, не досмотришь вовек;
так никем не исчерпан иной человек.
Потому – повторяй мне, беды не тая:
«Впереди у тебя вся Таруса твоя».

НЕПОВИННОСТЬ

Обиде на судьбу мешают запах яблок,
что в ящиках больших, в сарае дровяном;
враги обиде пёс, и бабочка, и зяблик,
и пыльная бутылка с крыжовенным вином.

Беру в бору грибы, кормлю батоном чаек,
взбираюсь на скалу, предчувствия полна,
встречаю первый снег, и он меня встречает...
Обида на судьбу, возможна ли она?

Однако что ни день и что ни ночь, обида
клеветает на тебя, дарящая судьба,
ни с покоренных скал открывшегося вида
нимало не стыдясь, ни белого гриба,

ни тех, кому в беде, в увечье и неволе –
и пса не потрепать, и яблока не съесть...
– Кончай себя ругать. Ты неповинна в боли;
себя и боль свою прими сейчас как есть.

ДОЖДИК–ДОЖДИК

*Дождик-дождик, перестань,
мы поедим в Аристань...*

Дождик-дождик перестать не хочет:
шелестит, грохочет и бормочет,
шлепает по каменной дорожке,
щелкает по радостной листве;
на трубе играет водосточной,
посещает радостью несрочной,
каждой былке дарит по сережке
на своем июньском торжестве.

Дождик-дождик, уходи за речку!..
Вереницей в шляпах по крылечку
спустимся, и сядем, и поедим
в сине-золотую Аристань...
Ты смеешься, ты бежишь по стеклам,
не для нас ли стал ты, дождик, теплым?

...Как же я тогда звенела этим:
– Дождик-дождик!..
Помнишь?
– ...перестань.

* * *

Закатная заря, рассветная заря,
весенняя ольха, осенняя калина...
В страдании своем себя винишь ты зря:
ты неповинна в том, что боль неутолима.

Ущербная луна, растущая луна,
березки с карандаш на всем пути пожара...
Неодолима боль, но разве не она
для счастья, день за днем, тебя преображала?

О счастье же твоим не скажешь: «Повезло» –
оно ни у кого не отнято, куда
часы в груди стучат... Но как же тяжело
дается нам с тобой вот это – чувство чуда.

КУКУШКА С ЧАСАМИ

Зимовала кукушка в часах на стене,
улетала кукушка в леса по весне –
оставляла немymi часы, чтобы там
куковать по своим кукушачьим часам.

И стучали без голоса в доме часы,
а кукушка, сыра от рассветной росы,
порождала сама свое время, крича
до последнего в тучах закатных луча.

В чем же времени этого главный секрет?
В нем различья меж прошлым и будущим нет –
это в детстве моем после смерти моей
голосит она в шуме и скрипе ветвей...

А потом замерзала в колодце вода,
индевели над садом нагим провода,
огоньком занимались поленья в печи,
и кукушка в безлунной осенней ночи

пролетала сквозь доски и бревна в тепло –
возвращалась во время, которое шло.

ЛИСТОПАД

Ясени первые, клены за ними –
правда, что не за горами зима...
Помню, свое написала я имя
палкой на спинке сугроба – сама! –

маме не верилось... Ну а до этой
непредсказуемой нашей зимы –
месяца два еще... Полураздетой
рощицей ходим на станцию мы.

Листья садятся на камни дорожки,
крик электрички пугает грачей...
Есть еще хлеб – но однажды ни крошки
нам не останется... Господи, чей

путь не кончался великой печалью?
Разве бывает нестрашною смерть?
Как Твоего утешенья ни чаю –
жить по Тебе мне вовек не суметь.

Стала другою, чудною, седою –
хватит ли сил для последней борьбы?..
Ясени – сразу, потом, чередою –
клены, березы, осинки, дубы.

БАБОЧКА

Эта бабочка счастлива поздним теплом:
мельтеша среди разной осенней листвы,
сколько раз уже сад облетела и дом...
Эту рыжую бабочку знаете ль вы? –
на былинке сухой, на бугристой коре,
на стене посидела... А долго ль такой
благодатной погоде стоять в октябре?
И легко ль собираться на зимний покой?

А она, не читая прогнозов, живёт,
и с дорожки на яблоню свой перелет
совершает затем, что дано совершить,
и котомки не шить ей. И нам их не шить.

МИХАЙЛОВ ДЕНЬ

На Казанскую дождь, на Михайлу снежок...
Я иду за Дружком – а кудлатый Дружок
на пригорке уже, где семейство осин,
А за ними, пониже, у нас магазин.

Плотно-серое небо, снежок, ветерок...
Объясняю Дружку, что ему за порог
магазина нельзя – и при том у меня
необычное чувство Михайлова дня:

первоснежной его чистоты, высоты –
поняла, наконец, как чисты и просты
у Престола Архангелы; как велико
к ним доверие Бога; и как им легко
исполнять Его волю; как весело им...

...Замороженный накрепко местный налим,
темно-рыжих буханок рядок, вермишель,
золотистое масло... Доставши кошель,
развернувши кошелку, спуская в нее
все, что нынче мне нужно, земное бытие
принимаю как царский и ангельский быт...

Терпеливый Дружок не бывает забыт:
он печеньем хрустит и молотит хвостом...
Как же просто мне в мире таком непростом.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Более ничего – только благодари:
в то посмотри в окно – вон они, снегири!
Только за них – таких – только за этих птах –
как мы должны Творца благодарить? Не так,
право же, как теперь. Ну а за то, что мы
сами на свете есть?..

...В первые дни зимы
радостно мне читать вслух по утрам прогноз:
в пятницу снегопад, на выходных мороз...
Полусветло. Дымы. Крыши села в снегу;
что за себя и мир дать я Ему смогу?
Вижу, на крыши лег розовый свет зари...
Дать? – ничего не дашь: просто благодари.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О СОЛОВЬЕ

*

Скромнейший из царей,
смирнейший из них,
восцарствуй, соловей,
навек иль хоть на миг

над бедною страной
души моей – она
истерзана войной
и смутами полна.

Бери же, кроха царь,
сейчас над нею власть:
рассыпь да приударь,
чтоб разом поднялась

и стала, как дитя,
хотящее идти
туда – к тебе, – хотя
не ведает пути...

Вечерняя заря,
весенняя пора;
без меры у царя
живого серебра.

Кротчайший из владык
того не покорит,
кто слышать не навик
и не благодарит.

А что же о своей
всеподданной душе
скажу я, соловей? –
не та она уже.

*

Я не могла уснуть, и худо было мне,
но в метре с небольшим от форточки моей
в лепечущей листве, при маленькой луне
зашелкал, засвистал, закричал соловей.

Вот так поют в Раю. Вот в этой полноте
простого звука скрыт – и вместе явлен Рай.
Луна отражена росинкой на листе...
Отчаяться иль жить – сейчас и выбирай.

ЛАЗАРЬ

Я Лазарь. Ты Друг мой. Но где же Ты, где?
Ты хлеб раздаешь. Ты идешь по воде,
Ты слух возвращаешь глухому и речь,
А мне бы лицо Твое только сбережь
В слабеющей памяти. Болен я, Друг.
Не чувствуют руки тепла Твоих рук,
распалось лицо Твое в памяти, но –
я жду Тебя, друг мой. И мне суждено
дождаться, и встать, и обнять, а потом –
кто здесь Его любит – все к Лазарю в дом!

Горячий хамсин в Иудее с утра,
Мария и Марфа весь день у одра –
То с чашкой питья, то с едой, но она
Их бедному брату уже не нужна.
– О, если б Он был здесь!..
– Он ждет Его.
– Нет,
Не ждет он уж больше, – Мария в ответ.

Но Лазарь дождется. Он верит Ему
и с этою верой вступает во тьму,
и вот он впервые попятился, ад...
– О, если б Ты был здесь – не умер бы брат!
Дождался ты, Лазарь, – Учитель пришел!
Но камень огромен и запах тяжел.

Я Лазарь Вифанский. Я снова живой,
Я вышел, но смрад еще чувствую свой –
От смертных моих он исходит пелён,
а я уже светом дневным ослеплен,
однако же вижу сквозь слезы и резь:
Ты здесь. И я сам лишь поэтому здесь.
А Марфа с Марией распутать спешат
смердящие тряпки и тащат ушат
с горячей водою... Окреп, не окреп –
сейчас мы вино приготовим и хлеб
для нашего Друга – Твоя от Твоих –
бессмертных блаженных вифанских троих.

ГОЛУБКА НОЯ

(написано в разгар пандемии)

Как долго ты летела над водой,
одной водою, сильная голубка!
Тебя ль не примет Ноева ладонь,
И не прославит вся его скорлупка!

Ты принесла листок зеленый – весть:
не век потоп; конец потопу есть;
жива маслина; дорог Богу Ной...
Тебя из клетки выпущу грудной

и буду знать – хотя б и став седой –
не зря всю боль до сей поры несли мы,
И ты не зря несешь листок маслины
над этой бурной мутною водой.

ДОНДЕЖЕ ЕСМЬ

Дондеже есмь... Нет, не пою –
сил не хватает петь – но верю:
невосполнимую мою
восполнишь Ты кровопотерю.

Из безысходности исход
один – к Тебе; Твоим лишь чудом
сухая ветвь рождает плод.
Не храмом, нет – скорее, чумом

Святому Духу стала я,
но чум бураном не сломало,
и не гнушаешься нимало
Ты неприглядного жилья.

Дондеже есмь – надежда есть:
однажды стану я иною,
приму совсем иначе Весть,
давно уж принятую мною.

Мне стыдно, больно и светло,
я и седа, и желторота...
Проста ль Твоя, Отец, работа –
таких вот ставить на крыло?

ЛИШЬ БЫ...

Лишь бы жили снегири,
лишь бы ласточки сновали,
лишь бы я могла словами –
пусть нечасто – раза три –

в долгий год – сказать о том,
чем теперь живу и буду
жить вовеки; лишь бы чуду –
пусть и с болью, и с трудом –

совершаться – изо дня
в день – до дней моих последних...
Сколько зимних, вешних, летних
дней огромных у меня –

лишь бы эти дни свои
я жила на самом деле...
Лишь бы лебеди летели,
и сороки тарахтели,
и гремели соловьи.

* * *

А чудо – оно непременно случится,
иначе зачем же и сердце стучится,
и легкие полнятся? И для чего же
настало бы утро (светает, похоже!),
коль чуда со мною не будет... Какого?
Не знаю, поэтому столь бестолково

и столь дерзновенно, иначе – нахально
прошу себе чуда. И, что не похвально,
стучу без терпения должного в двери
предрекшего Анне зачатие Дщери,
как ранее сына Авраму и Саре,
в чашобе дупло показавшего паре
синуц – и меня ведь создавшего...

Что я –
оно происходит!.. Шагая ли, стоя,
упав ли, вставая, ликуя, страдая –
я в чуде своем, из него куда я...
Сей день – продолженье, и он же – начало,
иначе зачем бы и сердце стучало.

УДОД

И снова солнце вступит в дом,
и, просыпаясь, я услышу:
удод поет, присев на крышу,
и песенка его о том,
что он, такой, на свете есть –
для песни этого довольно;
а то, что просыпаться больно, –
страданья человеку честь.

Я тоже есть, и я встаю;
удод поет, и я свою
продолжу песню, как иначе?
Ни правды в ропоте и плаче,
ни облегченья боли нет;
пойду по бедам, как по водам...
Не зря же есть он, этот свет, –
со мной, и каждым, и удодом.

* * *

Вся надежда на осень: на утренний холод,
запотевшие стекла, березкин листок...
Дух живет в глубине; он не стар и не молод;
он меня уврачует, как мир ни жесток.

А вдыхаемый сладостный воздух осенний –
он ведь явно оттуда, из той глубины!
...На капусту надежда, внесенную в сени, –
подморожены снизу ее кочаны;

на предзимнюю темную алость рябины,
на сорок, розоватых от поздней зари...
Это всё открывает нам наши глубины –
если ты это чувствуешь, благодари.

Вся ль надежда на осень? На что ж остальная?
Почему – в декабре, феврале, по весне –
соглашаюсь я жить на поверхности, зная
что моя настоящая жизнь – в глубине?

* * *

Господи, прошлого больше нет –
нет же ведь, правда же? Только свет,
только свобода, любовь и Ты,
и отражение красоты
горнего в дольном – ходи, смотри...

Если бы мне оставалось три
дня до конца или три часа –
сколько б еще я успела за
это блаженное время! Да:
прошлое нет уже. Есть – вода
озера, лодка, ветла, причал...

Это начало. Других начал
здесь уж не будет. Смотри. Дыши...
Ветер на озере. Камыши,
цапля смешная, песок, бревно...

Так не дышалось давным-давно...
Иль никогда не дышалось так?
Плачь, коли плачется, – это знак
освобожденья. Пришла пора –
власть потеряло твое вчера.
Больше не бойся его. Живи
с Тем, Кто простил тебе всё – в любви.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Погодите, я вытру слезы,
повторю себе, что жива...
Вдоль дороги моей березы
и нескошенная трава.

Чуть подальше траву скосили –
сладкий запах ее вдохну...
Ради жалких моих усилий
Бог не бросил меня одну.

Погодите, еще раз вытру...
Над рекой уже, на мосту
поручу свои слезы ветру,
а себя, наконец, Христу.

За рекою старинный белый
поруганье принявший храм...
Что со мною теперь ни делай –
обретенного не отдам.

Только вы погодите, люди, –
те, кто там, впереди меня –
слез не сушит моих, не студит
ветер лучшего в жизни дня.

Я всегда говорил, что у русской Поэзии нет ни провинций, ни возраста, ни постоянной. Её нерушимые точки опоры – патриотизм, любовь к малой и большой родине, к героической истории Отечества, к женщине, к матери, к природе родного края. Сегодня хочу добавить, что у поэзии провинции, точнее русской глубинки, – свой особый пронзительно-исповедальный и религиозно-нравственный свет.

Я благодарен редактору журнала «Молодая гвардия» Валерию Васильевичу Хатюшину, который познакомил меня с творчеством выдающегося поэта современности Натальи Егоровой.

Наталья Николаевна родилась в Смоленске, в семье учителей. После окончания Смоленского педагогического института работала в областной библиотеке, в издательстве «Современник», в газетах «День», «Завтра», других центральных изданиях. Стихотворения печатались в журналах «Наши современники», «Москва», газетах «День литературы», «День», «Завтра», «Литературная Россия». Автор нескольких поэтических книг, поэт и блистательный критик. Лауреат годовых премий журнала «Наши современники». Член Союза писателей России. Живёт в Смоленске.

«Не так много сегодня поэтов, которым в творчестве удаётся на фоне собственной судьбы отразить и судьбу Родины, её путь от самых истоков, удаётся связать времена и эпохи, выйдя за пределы индивидуального видения к космическим высотам духа. Светлана Сырнева, Валерий Хатюшин, Анатолий Аврутин – вот имена самых значимых поэтов современности. Не ошибусь, если дополню столь авторитетный ряд, включив в него и имя Натальи Егоровой», – пишет Светлана Воробьёва. (Полностью статью читайте на сайте газеты «День литературы»: <https://denliteraturi.ru/article/5022>.)

Предлагаем читателям подборку стихотворений Натальи Егоровой.

Александр ЛАЙКОВ,

лауреат международной поэтической премии «Душа добру открыла двери».

Наталья ЕГОРОВА

РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ СВЕТ...

* * *

В большой стране, которой больше нет,
Я родилась на снежный белый свет.
А вера, что веками грела род,
Таится, дремлет, но вот-вот уйдёт.
Чугунный мост. Озябшие дома.
Чужая жизнь, сводящая с ума.
Чужой Москвы – сухой, чужой снежок.
Поддену снег на алый сапожок.
Ты прав, Господь: сама я прах и тлен,
Но больно мне от вечных перемен.
С продрогшей шубки сдую иней дней.
...Оставленная вечностью Твоей.

* * *

Попросила я Бога: «Даруй мне, Господь,
Дар любви Твоей силою вечной.
Я смириением горе смогу побороть.
Что мне горе – простой и беспечной!»
Грянул май тополиный – любовь через край,
Окаянная страсть без ответа.
Рядом с милым моим одиночество – рай!
Но люблю его – даже за это!
Попросила я Бога: «Даруй мне, Святой,

Дар поэзии – счастье без муки!
Стоит мира подлунного сон золотой!
Стоят верности вещие звуки!»
Задохнулись в недоле собратья мои.
Ставши нищенкой волею свыше,
На помойках я пела о вечной Любви,
Но никто моих песен не слышал.
И тогда я взмолилась: «Господь, помоги!
Дай мне рай. Я в скитаньях устала.
У детей и поэтов какие долги?
...Если б знала, чего я желала!..
Белый дом запылал посреди тишины.
И узнавши, что люди – не братья,
Я пошла по руинам великой страны,
Имя Бога твердя, как заклятье.

* * *

Русской провинции тайна –
В брызгах смородины сад.
Локон сирени случайный,
Синий, как ласточка, взгляд.
Крыши в черёмушных тучах.
В облаке мальв – резеда.
Ворот колодца скрипучий.
В чёрном провале – звезда.

Щедр самоваром гербовым
 В солнечном облаке – стол.
 – О, проходите, да что вы!
 Рады мы всем, кто пришёл.
 Кругом семейного лада
 Красная спляшет гармонь.
 Пустим благуя усладу –
 Чашу любви – посолонь.
 Кто же назвал тебя – сонной,
 Нищей, убогой, больной?
 Светел покой, осенённый
 Древней лесной тишиной.
 Свят – у покоющих обочин
 Сосен и вереска дым.
 Зачаровала ты очи
 Отрокам тихим твоим.
 Зачаровала – движенье
 Звёзд – и листья вертоград.
 Смотрит, задумавшись, время
 Окнами в яблочный сад.
 Листья не движут узор.
 Шмель не колышет ранет.
 Солнце земных разговоров.
 Русской провинции свет.

ПРАДЕД

Где ты, прадед, русский поп усталый,
 В святцах Неба – мученик простой.
 Вновь горит на чёрной рясе алым
 Крест церковный, чисто золотой.
 Под распевы древней Литургии
 Бьётся грудкой ласточка о склеп.
 И выносишь ты Дары Святыя
 Из алтарных врат – вино и хлеб.
 Благодать земли – твоя работа.
 Пахарь духа, вставший от сохи,
 Не ленясь, поклоны бил до пота,
 Пел псалмы, замаливал грехи.
 И, смеясь, цвела твоя округа
 От молитвы древней и простой
 Синей-синей васильковой вьюгой –
 Осиянной Богом красотой.
 Мы до сей поры не знаем точно,
 Где искать твой неотпетый прах.
 Увели тебя чекисты ночью,
 Расстреляли в заполярных льдах.
 Век мы ждали вести. Век искали
 След твоей судьбы – да не нашли.
 Лишь сиял над вымершею далью
 Светлый столп от неба до земли.
 Где ты, Русь? Колодец сгнил у стога.
 Чёрны избы. Луч зари угас.
 Только ангел посреди острога
 Всё поёт: «Помилуй, Боже, нас!»

* * *

Сяду в травы над алою бездной.
 Свешу ноги в обрыв мировой.
 Здесь прошел экскаватор железный,
 Сор и землю мешая с травой.
 И в земной разоренной пучине,
 Как в межзвёздной колышутся тьме
 Гнёзда ласточек в огненной глине,
 Груды ржавого сора в траве.
 Свистну в воздух по певчие души.

И тогда, если мне повезёт,
 Белобрюшки и береговушки
 Хлынут в синее пламя высот.
 На краю мирового порядка
 Что ты свищешь во тьме огневой,
 Щебетунья, летунья, касатка,
 Птица-ласточка над головой?
 Ты поёшь, что в жестокой обиде
 Мир смывает полярная мгла,
 Что, проснувшись, Земля на орбите
 Как касатка в гнезде – ожила.
 Что от страшной космической силы,
 Затаившейся в бездне родной,
 Ни крылатым певцам, ни бескрылым
 Не укрыться в ковчег ледяной.
 Так прощай, человечье, земное.
 От грядущего знания знобит.
 Снова разуму снится иное
 В диких травах межзвёздных орбит.
 И становится даром небесным
 Смелость жить разоренью назло,
 В чёрной туче над алою бездной
 Вольной птицей ложась на крыло.
 Но щебечет хвостатое диво
 Так легко, словно здесь меня нет,
 На краю мирового обрыва
 У лица пролетая, как свет.

СТАРУХА

*Подайте милостыню ей!
 Пьер Жан Беранже*

Старуха... Мрак... Глотаешь злые слёзы,
 С гармошкой хриплой сидя у ларька.
 А все цветут под мокрым снегом розы
 На вдовьем поле чёрного платка.
 Белёсий глаз дрожит и смотрит косо
 Не в мир, не в ночь, а в глубь себя самой.
 Как дальше жить? Искать в бачке отбросы
 На скорбный ужин – и брести домой.
 Брести – по грязным улицам Свободы,
 Среди воруя и пьяниц, налегке,
 Под тёплым снегом минувшего года,
 Легко, как жизнь, растаявшим в руке.
 Иди домой. Пускай тебе приснится
 Голодный сон – и вещей, и чужой,
 О том, как ты... давно... была царицей
 На дружеской пирушке фронтовой.
 На той пирушке с вами ночь плясала
 И пела в лад про степь да облака,
 И в честь Победы вился розан алый
 По чёрной пашне русского платка.
 И снилась всем высокая Свобода
 В том юном сне, в том дальнем далеке,
 Как древний хор, гремящий с небосвода,
 Как ливень роз на свадебном платке.
 Ты крепче спи. Пускай тебе приснится,
 Что утром хлеба даст тебе сосед,
 И кто-нибудь в морозной мгле столицы
 Узнав тебя, шепнет тебе вослед:
 – Слезами вдов дорог скрепляя глину,
 Под шелест вьюг, под грохот батарей
 Она дошла до самого Берлина.
 ...Подайте ж милостыню ей!..

В ЛОДКЕ

Рыбка медленный ил шевельнула
 В глубине твоих тинных зрачков.
 Шевельнула – и тут же спугнула
 В ряске глаз моих – стаю мальков.
 Я веслом ворохну отраженья.
 Тихо спрыгну на мокрый песок.
 Оттолкну осторожным движеньем
 Лодку – в сторону острых осок.
 Здесь икрою русалок несмелых
 Льнёт в ладони речная трава –
 Ведь Господь не поставил пределов
 Говорящим мирам естества.
 А дорога до ближнего бора
 Под зонтом сыроежки хранит
 Млечный шум неземного простора –
 Херувимское пенье орбит.
 Наше детство поёт над лесами,
 Где разумны все твари подряд.
 Ведь Господь между миром и нами
 Никаких не поставил преград.
 Спой мне песню о счастье и чуде –
 О мирах, где за тихой рекой
 Головастики в старой запруде
 Можно запросто трогать рукой!

* * *

В ведре позабытом железном
 Мерцает зелёная мгла.
 Взгляну в эту ржавую бездну –
 Сияют со дна купола.
 Они золотятся в водиче
 Гниющей, готовой зацвести.
 Синице, слетевшей напиться,
 Звенит колокольная жесть.
 И в каждой окрестной канаве,
 В болотце, в речушке на дне
 Град Китеж в неведомой славе
 Всплывает в земной глубине.
 Качает листвою намокшей
 В змеящихся молниях сад.
 Но в каплях, бегущих по стеклам,
 Сияет таинственный град.
 Текучие, древние воды,
 От света бегущая мгла!
 Утроба, гудящая плодом,
 Любви и надежд купола!
 Слезой сквозь набухшие веки
 Пробьются страданья твои.
 Сольются в печальные реки
 Все долгие муки земли.
 А утром прощенье приснится.
 Увидит очищенный взгляд,
 Как в каждой слезе на реснице
 Всплывает взыскуемый град.

* * *

Дай мне пройти цветущими садами
 По улочкам, не знавшим перемен,
 С накрашенными дерзкими губами,
 С бессмертным алым розаном Кармен.
 Пусть льётся свет. Звенят восторги встречных.
 Гудят такси. Поют волос ручьи.
 И бьют часы в проулках – только вечность

Для всех влюбленных в городе любви.
 Не говори, что время к нам жестоко –
 Грядет пора стареть и умирать.
 Вольней и выше времени и рока
 Влюбленных женщин огненная стать.
 Да есть ли смерть? И рок? И ход столетий?
 Смотри: весной на улочки твои
 Выходят нецелованные дети –
 И умереть мечтают от любви.
 А мы поём... И время множит песни.
 А на вопрос – в какую даль идём?
 Смеемся: «Золотой весной воскреснуть
 И полюбить в бессмертии своём!».
 И вновь с моста в грядущий ливень света
 Бросает розу лёгкая рука,
 И прядь волос колышется от ветра,
 И алых юбок мечутся шелка.

РУСАЛОЧКА

Смирись и молчи... Никому не помочь!
 Грохочет мостами чугунная ночь.
 Каналы сияют бензином сквозь мрак.
 ...Она завелась здесь – неведомо как...
 Запутались в волосы сор и мазут.
 По лбу мутноватые капли ползут.
 Ребячее тело блестит чешуей.
 Две тощих косички дрожат над струей.
 Откуда взялась ты, другая душа?
 Ребёнок путаны? Дитя алкаша?
 Плод вольных, к безумию мчащихся снов?
 Неясная весть параллельных миров?
 Поманишь – взовьётся над пеною хвост.
 Нырнет. От испуга забьётся под мост.
 Окликнешь: «Давай с тобой рыбок стеречь!»
 Невнятно мычит. Да нужна ли ей речь?
 И надо ль, в себе не поняв ничего,
 В другом бесконечно искать своего?
 Плывёт между мусора, плещет волной,
 Консервной банкой играет с волной,
 Из радуги нефти соломкой зари
 Пускает мгновенных миров пузыри.
 «Потише! Заденем!» – кричат ей с баржи,
 И хлебные крошки бросают бомжи.

* * *

Сини очи бабушки моей.
 Васильков синей, морей синей.
 Туч синей в ручьях речной волны.
 Звёзд синей. Синее синевы.
 Отвожу от снимка влажный взгляд,
 Как всегда почувствовав: «Ты – тут!»
 Так в России больше не глядят.
 Так в России больше не живут.
 А несла ты эту красоту
 Сквозь нужду, рожденную войной,
 Принимая данность, как мечту,
 В кофточке потрёпанной одной.
 Я смотрю на мягкие черты,
 На лицо без хитрости и зла.
 Больше нет в России красоты –
 С вашим поколением ушла.
 Сквозь чугун толпящихся оград
 Васильков синей, морей синей,
 Из могилы светит синий взгляд
 Родины утерянной моей.

* * *

Вечный май, горячий бред любовный,
 Жар дыханья, локонов у лица.
 Свищет, свищет Ночка Соловьёвна
 В сто залётных глотков у крыльца.
 Размечтались пьяные гитары.
 Им подпеть гармоники не прочь.
 Вновь бредут по тёмным паркам пары
 Изживать скупое счастье в ночь.
 И никто на миг не усомнится
 В безграничной нужности своей,
 Если ночка огненная длится,
 Если свищет юный соловей.
 Я давно прошла земную малость –
 Всё, что было суждено пройти,
 В боль души и раннюю усталость
 Обратив нелёгкие пути.
 Но и мне, изведавшей уроки
 Нежных уст на горе и беду,
 Снится май, холодный и жестокий,
 С соловьём, ликующим в саду.
 Снится ночь в кипучей арке сада.
 И нельзя поверить до конца:
 Даже слёз от прошлого не надо
 Этой песне, губящей сердца.

АТОМНАЯ ПТИЦА-ТРОЙКА

Мы летим без дороги и даты
 В звёздном порохе, в снежной пыли.
 – Эй, родимый, опомнись, куда ты!
 Глянешь в полночь – не видно Земли.
 Словно призраки, смотрят с обочин
 Версты лесом заросших полей,
 Жгут усадеб разрушенных очи,
 Светят остовы белых церквей.
 Городишко со школой убогой
 Не дымит заводскою трубой.
 Только жадно глядит на дорогу
 У пивнухи дебилка с косой.
 Мы промчались, как атомный ветер,
 Сквозь безумный космический сон.
 До сих пор мы наивны, как дети,

Для жестокости новых времен.
 До сих пор, сбереженные чудом,
 Веря нежной душой в благодать,
 Ни Пилатам чужим, ни Иудам
 Мы Христа не посмели продать.
 Завещаем мы нищенство внукам
 Вместе с тройкой и горькой слезой,
 И целуем свой крест перед мукой
 Под высокой Полярной звездой.
 – Ты куда, моя Русь, до рассвета
 Мчишь, швыряя планеты обочь?
 Дай ответ! – Не даешь ты ответа. –
 – Прочь с пути, неразумные, про-о-о-о-о-чь!!!

* * *

С легких весел срываются брызги вразлёт.
 Острова в красных соснах тихи.
 Собери мне кувшинки с окрестных болот
 И пусти по теченью в стихи.
 В скрипах ржавых уключин возьмем мы займы
 Тайный говор другой красоты,
 И в зелёные струи прогнутся с кормы
 Длинных стеблей литые жгуты.
 Я жила, как кувшинка озёр и болот:
 Донный стебель толкнув в никуда,
 Выплывала над глубями тёмных свобод,
 Чтоб цветок не накрыла вода.
 На губах отцвёл неуслышанный стих –
 Звук крушения, вкус лебеды.
 Но держала я голову выше других,
 Золотую – над топью беды.
 Мир тянулся сорвать, не по-детски жесток,
 Заплести меня в чей-то венок.
 Но пружинистый стебель звенел про исток,
 Вглубь толкал непокорный цветок.
 И посмела я сердцем живым уцелеть
 В темной тине и омутах вод.
 И посмела я песню по-своему спеть
 О застойном дыханье болот.
 О теченьях и илах на сумрачном дне,
 О зеленой речушек крови,
 О таинственной древней озер глубине,
 Что меня родила для любви.

Екатерина БОГДАНОВА, родилась в 1996 году, студентка Ульяновского государственного университета, член Совета молодых литераторов.

СЕРДЦЕ ХОЧЕТ ТВОРИТЬ И МЕЧТАТЬ

Таврида–2020

Ночь. Ульяновский аэропорт «Баратаевка». Вот уже два часа я в зале ожидания. Вот-вот должны объявить посадку, но... Рейс до Симферополя задерживается. Пассажиры возмущены, но причина всем очевидна: за окном непроглядный серый туман. Он как стена. За ним не видно ни-че-го. Два часа коротаю, читая с планшета роман Дарьи Сницарь «Мистерия». Спать не могу. Нервы. Проходит время, и вновь звучит объявление о задержке рейса. Слышу вздохи и ворчание утомившихся ожиданием соседей, крик и плач детей. Выдыхаю, продолжаю читать. Интересно, автор пишет о Крыме... И я скоро буду в любимом Крыму. Надеюсь, что всё-таки буду. Что рано или поздно мой самолёт всё же полетит. Однако туман беспощаден. Он никак не хочет уходить.

Утро. Надо позавтракать. Покупаю кофе, съедаю фитнес-батончик. Пассажирам бесплатно раздают «Волжанку», а потом и горячее питание. Всё беру, не отказываюсь. Рейс отменяют снова и снова. Дочитываю «Мистерию» Сницарь, открываю «Театр тьмы» Татьяны Ивановой. Произведение не менее увлекательно. Театр... Как же я люблю театр! Где, как не в этом месте, разворачиваться действию фантастической истории?

Однако волнение берёт своё. Подкрадывается страх. Одолевает паника. На автобус «Тавриды» я не успеваю. Придётся добираться до территории арт-кластера самой. Как? На чём? Горячая линия не работает, набираю номер родителей. Пишу друзьям. Все поддерживают, советуют не раскисать, взять себя в руки и ждать.

Жду. Наконец-то! Десять часов провела я в аэропорту в ожидании рейса. Объявили посадку. Объявили посадку. Мой первый полёт на самолёте. Страх нет, высоты я не боюсь. Есть любопытство и желание поскорее добраться до территории форума. Полёт проходит благополучно. В аэропорту Симферополя с радостью обнаруживаю автобусные кассы, покупаю билет до Судак. Автобус отправляется через 15 минут. Откуда? Неизвестно. Что ж, совершим небольшую утреннюю пробежку вокруг здания аэропорта и выясним. Сумка тяжеловата, мешает. Слава Богу, нашла! Три часа провожу в дороге, любя из окна сначала улицами Симферополя,

Всероссийский молодежный образовательный форум «Таврида» проводится на территории республики Крым с 2015 года. В работе форума принимают участие молодые люди 18–35 лет (музыканты, художники, писатели и др.) Форум состоит из тематических смен. В этом году в творческой антишколе «Литература и медиа» приняли участие 150 прозаиков, поэтов, литературных критиков, блогеров и журналистов в сфере культуры из разных регионов России, среди них были два члена Совета молодых литераторов Ульяновской области: молодой поэт Анастасия Анисимова (семинар поэзии, руководитель – Д. Воденников) и начинающий фантас Екатерина Богданова (семинар издательства «Эксмо», руководители – В. Панов и М. Форрейтер).

потом крымскими деревушками и виноградниками.

Однако и это ещё не всё. «Вы не знаете, где бухта Капсель и арт-кластер «Таврида»?» – в надежде спрашиваю дедушку, предлагающего такси на автостанции Судака. «Знаю, конечно, садись!» – дружелюбно приглашает он. Едем около четверти часа, останавливаемся у КПП.

Таврида... Наконец-то я здесь! Долетела, доехала и влюбилась с первого взгляда в это удивительное место, где есть всё для вдохновения и классного отдыха. «Двигайся в темпе вальса, если хочешь успеть на ужин!» – улыбается атташе Лиза, выдавая мне бейджик. Тест на коронавирус, досмотр, знакомство с домиком – всё бегом по бульжникам, которыми засыпаны дорожки. Радуюсь, что не взяла новые кеды. Было бы очень жаль их «убивать».

На ужин успеваю, возвращаюсь в домик. Соседка по комнате спит. Решаю не будить, иду туда, куда направляются все, – в большой шатёр. В шатре идёт лекция. Рассматриваю своих «коллег по цеху», наряженных в тавридовский мерч. «Опоздала, мне не выдадут, – думаю с досадой. – Ну да ничего, живая добралась – уже спасибо!» Лекция заканчивается, выходим. Иду в соседний шатёр, на знакомство с дирекцией. И тут вижу поэтессу Настю Анисимову... Настя! Как приятно встретить на чужбине знакомое лицо, человека с той же земли, что и ты! С той же земли... Да, именно так. Таврида – это не Земля. Это какая-то другая, необыкновенная, мистическая планета, на которой живут только творческие люди. Иных на неё просто не пускают. Оставляют где-то там, по ту сторону КПП.

Настаёт ночь. Возвращаюсь в домик. Знакомлюсь с соседкой Кариной Лебедевой, юной певицей, гитаристкой и журналисткой из Ярославля. Быстро находим общий язык. Ложимся спать после «рефлексии» – душевных посиделок с чаем и пончиками в компании ребят из малой группы и атташе Лизы.

Наутро не сразу понимаю, где я нахожусь. Обнаруживаю на тумбочке шоппер с подарками от форума. Всё мне выдали, оказывается: и футболку, и бейсболку, и бандану, и фляжку. Просто я не заметила от избытка впечатлений и от усталости. Однако медлить нельзя. Атташе прислала в чат насыщенную программу. Весь день расписан по минутам: образовательные лекции с крутыми спикерами, приёмы пиццы, развлечения на любой вкус... Глаза разбегаются. И при этом безумно хочется дойти до моря, искупаться, полежать на солнышке. Нахожу отлич-

ный выход – вставать пораньше и ходить на пляж до завтрака.

Группа российской фантастики... Знакомство с Вадимом Ивановым и Михаилом Форрейтером становится для меня главным событием «Тавриды». Каждый день в 15:00 бодрым шагом направляюсь в шатёр номер шесть, где опытные эксперты указывают на системные ошибки молодых писателей-фантасов и делятся секретами написания качественных и захватывающих произведений. Разбор моего романа... Длинный, подробный, почти на час. Записываю на диктофон, параллельно в планшет все замечания. Смущённо улыбаюсь в ответ на комплименты. Ухожу с достоинством, без единой слезинки на глазах. Думала, что не смогу так. Но я молодец, я смогла! Благодарю себя чашкой кофе и походом на пляж (в ущерб онлайн-встрече с авторами правда, но ничего, её и после можно будет посмотреть).

Паблик-токи, тедчаты, мастер-классы, литературный слэм, «Анатолий на берегу», «пикник на Марсе» – шесть

нереальных, фантастических дней на «Тавриде» пролетают, как сон. Я смотрю вокруг и вижу счастливых, энергичных, открытых молодых людей и девушек. Писатели, поэты, блогеры, литературные критики и журналисты со всей России слетелись на «Тавриду», чтобы узнать что-то новое, пообщаться, поделиться друг с другом свежими идеями и просто от души повеселиться. Сто пятьдесят человек, отобранных из тысяч. И одна из них я. Это уже победа, большой успех, повод гордиться собой. Между тем ловлю себя на мысли о том, что мне хочется большего.

День X. Церемония закрытия. Зрелищная, завораживающая, яркая. Мурашки по телу. Заветная минута объявления результатов. Ещё чуть-чуть – и всё решится. И может быть... Нет, не может. Победители уже за кулисами. Первой среди фантастов становится Таня. Та, что написала «Театр тьмы». Я читала его в аэропорту. Тихая щемящая грусть овладевает мной на полчаса, однако проходит. Всё справедливо. Таня Иванова – очень талантливый автор, я читала её с удовольствием. Она, без сомнения, достойна контракта с «Эксмо». А я... Мне всего двадцать три. У меня ещё будет много шансов пройти на «Тавриду». И не только. Есть сотни возможностей заявить о себе. Нужно только избавиться от сомнений, широко раскрыть глаза и внимательно смотреть вокруг, укрываться порою от шума чужих голосов и прислушиваться к голосу сердца, которое хочет творить и мечтать.

ПЕРЕКРЁСТОК

Сергей ГОГИН, поэт, журналист, руководитель литературной студии «Восьмёрка» при городской библиотеке №8.

АНТИУТОПИЯ КАК ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

23 июля заседание литературной студии «Восьмерка» было посвящено антиутопии. Жанр довольно богат и насчитывает несколько сотен произведений. Писатели продолжают писать антиутопии, откликаясь на современные технологические изменения, ибо они противоречивы, это палка о двух концах. Антиутопия (филологи также используют термин «дистопия», то есть «плохое место») – это «плохая утопия», инверсия утопии. Если утопия – это описание гармоничного общества будущего, некий социально-политический идеал справедливости, свободы, равенства и братства, то антиутопия – это доведенная до предела аберрация утопии, ее «отрыжка», которая, впрочем, всегда вытекает из утопии: спроецированная логическим умом в будущее и доведенная до предела, утопия отрицает себя и превращается в свою мрачную противоположность. В этом смысле грань между утопией и антиутопией действительно тонка. Антиутопия – это ад, в который ведет дорога утопии, вымощенная благими намерениями. Если утопия – это идеальная картина проектируемого будущего, то антиутопия – это конфликтующая с ней реальность. Здесь важна оппозиция идеала и реальности: утопии никто не смог достичь или построить, а вот

тоталитарных антиутопий в нашей жизни хватило. Утопии невозможны, а антиутопии – вполне реальны. Океания, которую описал Оруэлл, имеет вполне узнаваемые черты тоталитарного политического режима, который некоторые из ныне живущих в стране еще помнят.

Исследователь жанра Г. Клэйс выделял три главных направления в антиутопии: политическое, экологическое и техническое. Основным является жанр политической дистопии, которая чаще всего отождествляется с тоталитаризмом как «несостоявшейся утопией». Мы в разговоре упоминали несколько романов, которые стали классикой жанра: «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, «Мы» Евгения Замятина, «1984» Джорджа Оруэлла и его же сказка «Скотный двор», «Повелитель мух» Уильяма Голдинга, «Москва 2042» Владимира Войновича, «День опричника» Владимира Сорокина, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли. Но поскольку антиутопия граничит с научной фантастикой и психологическим хоррором, к ней причисляют и Стругацких («Обитаемый остров», «Трудно быть богом», «Град обреченный»), и Набокова («Приглашение на казнь»), и Кафку («Процесс», «Превращение»). И все же в «чистом» виде антиутопия имеет прежде всего социально-политическую направленность, это все-таки описание «плохого места» для жизни, причем это место могло образоваться в результате технологической (например, роботы захватили власть), экологической (атомный взрыв, эпидемия) или социальной (тоталитарный режим) катастрофы.

Если окинуть взглядом несколько классических антиутопий, можно вычлени общие элементы, присущие жанру. В большинстве этих произведений так или иначе присутствует тоталитарная идеология и вертикальная структура общества с отчетливым социальным и даже кастовым расслоением, есть некий верховный правитель (Благодетель, Старший Брат, Гениалиссимус, Наполеон), есть близкая ему партия как носитель идеологии (внутренняя и внешняя партия у Оруэлла), есть силовики и политическая полиция (опричнина, Хранители, Собаки в «Скотном дворе», пожарные у Брэдбери). Как правило, в той или иной форме присутствует религия или коллективная псевдодуховная практика, ее заменяющая (например, фوردслужение у Хаксли). В обществе антиутопии практически всегда идет война, внешняя или внутренняя, или подготовка к ней. Описываются разные психологические способы сплочения перед лицом внешнего или внутреннего врага (сходка единения, двухминутка ненависти). Есть тайный заговор, несогласные, диссиденты и описание того, как система с ними расправляется. И есть история любви как ин-

дивидуальный вызов единообразию тоталитарной системы, которая упорядочивает даже интимные отношения: такова любовь Уинстона Смина и Джулии в «1984», такова страсть Д-503 к I-330 в романе «Мы». В антиутопии так или иначе присутствует личный бунт человека, скрытый или открытый, на подавление которого система бросает все силы, потому что личность, индивидуализм – главный враг тоталитаризма.

Общество антиутопий построено на манипуляции массовым сознанием. Инструментом этой манипуляции является пропаганда через контролируемые властью СМИ и массовая культура, причем в ее визуальной разновидности (телевизионные стены у Брэдбери, телеэкран и портреты Старшего Брата у Оруэлла). Массовая культура противопоставляется культуре как таковой, поскольку культура делает из человека толпы личность, а это – угроза системе. В обществе, описанном Брэдбери, книги сжигают, иметь их дома – преступление: чтение книг приводит к наличию мыслей, к сомнениям, что недопустимо. В «Дивном новом мире» Хаксли дикарь Джон начинает свое прозрение с чтения случайно найденной книги Шекспира, что делает его абсолютно «инаковым» и одиноким.

Вместе с тем для большинства членов общества антиутопии оно является привлекательным, как например гедонистическое общество у Хаксли, где есть низшие касты, которые делают все черную работу, а «альфам» остается наслаждаться жизнью. Привлекает это общество простотой и стройностью своего дизайна, торжеством технологий. Главный герой романа «Мы» восхищается устройством общества, в котором живет, и лишь любовь к I-330 лишает его внутреннего равновесия, которое он восстанавливает, возвращаясь в лоно системы.

Антиутопия – это всегда закрытое, герметичное общество – географически и идеологически: имеются некие непреодолимые границы, например стеклянная стена у Замятина, и границы мышления, которые пересекать запрещено, ибо это – мыслепреступление. Система обеспечивает свою стабильность за счет замкнутости на себя, жесткой иерархической структуры, обеспеченной простой идеологией, и столь же жесткими, даже жестокими, средствами подавления сопротивления, даже если это сопротивление «внутри», то есть мысленное (как у Оруэлла). Утопический идеал – это всегда прокрустово ложе, которое в антиутопии становится физическим пыточным приспособлением, основой насилия над личностью и ее уничтожения.

Важный вопрос: почему антиутопия стала реальностью? Как тому же Замятину удалось ее предвидеть, когда, казалось бы, такого развития событий

ничего не предвещало? Неужели чисто творческая интуиция позволила ему прозреть будущее? Или социальная революция в России дала достаточно материала, логическое развитие которого привело автора к довольно точному описанию общества с принципиально истребленной личностью? Этот вопрос остался в целом открытым. Есть лишь несколько соображений на этот счет. Антиутопия – жанр синтетический. Это не только чистая литература или фантастика, хотя в первую очередь – литература, конечно. Но это еще и мультидисциплинарная область, которая опирается на общественные науки и на социальную психологию. Опираясь на знание психологии личности и масс, на теорию когнитивного диссонанса, на исследование политических режимов и политическую философию, на актуальную политическую историю, можно из имеющихся исходных данных построить некую антиутопическую модель, которая будет реалистичной и даже реализуемой (на время), что и показала новейшая история.

В романах-антиутопиях идеологии творцы тоталитарной утопии (часто у них нет лица, они называются партией, «благодетелями» и т.д.), ставшей реальной антиутопией, выдвигают идею социальной стабильности и безопасности в оправдание и защиту единообразия, социального (кастового) расслоения, подавления инакомыслия и иерархической организации власти. То, что просто, то прочно. Шаг вправо, шаг влево – мыслепреступление и «распыление» (уничтожение). Как замечает автор книги «От утопии к кошмару» Чед Уолш, безопасность и стабильность несовместимы с творчеством. Творчество – это всегда риск, перемена, локальный

или глобальный сдвиг парадигмы, но только такое общество способно к развитию – и гуманитарному, и технологическому. Безопасность и стабильность как идеологическая самоцель ведут к закрытию общества, к «железному занавесу», к всевластию Старшего Брата, к войне – внешней и внутренней – с вымышленными врагами. Реальные угрозы устойчивому развитию существуют, но они, как правило, порождены самой технологической цивилизацией, где гуманитарное знание – в загоне. С другими угрозами можно справиться только совместными усилиями, объединением ресурсов, материальных и интеллектуальных.

В романе «451 градус по Фаренгейту» кучка бывших интеллигентов, прячущихся в лесах, нашла способ запоминать тексты уничтоженных книг. Один носил в своей голове Шекспира, другой Гете – и так далее. В этом была надежда на возрождение цивилизованного общества. Писатели-антиутописты предупреждают нас о реальности – образно, обобщенно, вне национальной специфики, о социальной деградации, итогом которой становится не только нравственное одичание, страх, социальная дезинтеграция, гражданская война, но и в итоге – упадок технологий, ибо их тоже создает человек творческий, то есть изначально свободный. Антиутопия – это кривое зеркало, гипертрофирующее черты лица, в которое может посмотреть общество, несущее черты страха и несвободы, чтобы увидеть, каким оно может стать через несколько лет «стабилизации» и унификации, какими их описали Оруэлл, Хаксли, Замятин, Сорокин, Стругацкие и другие.

Евгений САФРОНОВ, прозаик, кандидат филологических наук, фольклорист, член Союза писателей России, лауреат премии им. И.А. Гончарова.

Автор более 30 научных публикаций, в том числе – монографии «Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты». Автор книг: «Жонглер и другие рассказы», «Ерошкин – предсказатель из Кувая. Повести и рассказы», «Экспедиция. Бабушки офлайн». Рассказы публиковались в журналах «Симбирскъ», «Карамзинский сад», «Литерра Nova», сборниках «Отражения», «Первая роса», «Зеленая лампа 2.0», ульяновских газетах, интернет-журналах «Пролог», «Иная реальность» и др. Многие годы собирает сведения о людях, обладающих необычными, сверхъестественными способностями. В художественной форме обобщает свои наблюдения, почерпнутые из встреч и интервью с реальными рассказчиками. Основной жанр произведений – философская и научная фантастика.

«Новая повесть – она и про наш город, и одновременно – не совсем. По крайней мере, написана на основе многих реалий «Ульяновска таинственного», моих бесед с горожанами». Е. Сафронов.

ГОРОД У.

Повесть

Город-сказка, город-мечта...
(из песни)

Глава 1. Вид снизу. Бригадирка

1.

«Эй, чуваки! «Я свобо-оден! Словно птица в небеса-ах!..» Так, впереди кирпичная стенка, о-опааа! Прыжок, еще прыжок – и снова вперед. Хэй-хо!..

О, стоп, чел! Тут дело посерьезнее. Слушай приказ, Рослик! Нужно махнуть с заброшки вон на тот сарайчик. Да, квестик не из лёгких: крышка-то у сарая с гнильцой. Но я верю в тебя, верю...

Эх, говорила мне мама: сиди на жопе ровно – целёй будешь. Пошёл-пошёл-пошёл! Хо-ба! Группируемся! Есть! Выдержала крышка-покрышка!..»

Рослик лежит на бетонной свае, позеленевшей от дождей и времени. Ему удобно и хорошо, в руках блестит губная гармошка. Глаза упираются в небо, солнце – космическая батарейка – иногда показывается из-за облачной ваты и подпитывает его уставшее тело.

«Замаялся я сегодня чё-то, – думает парень. – Но как же, блин, клёво, чуваки! Как же клёво...»

На груди его, которая слегка поднимается и опускается, лежит спецхайратник с укрепленной экшен-камерой. Дома он обработает заснятое и кинет в «Ютуб». Пусть народ прикалывается.

Он медленно, будто нехотя подносит к губам гармонику и начинает лабать что-то блюзовое, в духе старика Сонни Боя...

Рослику восемнадцать. У него вороны волосы, стянутые в короткий пучок на затылке; тату сзади на шее – драконья морда с девичьими глазами; и цепкие худые пальцы на мускулистых руках. Он не учится и не работает. Он просто живёт. Он руфер, трейсер и сталкер. Город он любит – только не тот, что течёт мимо окон маршруток, авто и трамваев; не тот, что виден из серых глаз домов, поставленных раз и навсегда одними и теми же боками друг к другу. Нет. Он обожает другое: город крыш и зовущих к себе подвалов, город незаметных заброшек и живущих своей жизнью ливнёвок и коллекторов.

Да, Рослик город любит. А вот самому У. и у... цам Рослик на фиг не нужен. Короче, чуваки, полнейшая взаимность.

2.

Рослику было девять, когда отец сорвался на стройке с многоэтажки. Он упал на забор, прикрытый сверху жестяной крышей-временкой, которая предохраняла голову случайного прохожего от скользкого кирпича.

Память до мельчайших деталей сохранила, как проходили похороны. Приехала отцовская сестра Антонина из Казани – она-то и хлопотала, где и как удобнее-подшевле. Мать не спала две ночи, совсем не отходила от гроба, и глаза ее стали похожи на сливы-падалицы, обведенные несмываемой тушью.

– Рослик, ты поплачь, поплачь: ведь полегче станет! – уговаривала мальчика казанская тётка, а тот смотрел на нее и хотел убежать из дома – подальше от маминых глаз и папиного гроба.

После кладбища на Заречной он так и сделал. Мать с полицией искали его три дня, он вернулся сам, закрылся в своей комнате и целые сутки рисовал динозавров. Ему больше всего нравились трицератопсы, а отцу – диплодоки.

Папа два года назад подарил ему клёвую книгу – атлас-определитель юрского периода. Закачаешься, какие иллюстрации! Он хотел эту книгу положить папе в гроб – сбоку, но тетка Тоня не позволила. Ему, дескать, можно только иконку, какой-то венчик на голову и – в крайнем случае – часы и расчёску. Книгу про динозавров никто в гроб не кладет. В тот момент мальчик и решил сбежать от них ото всех...

Затем всё затянулось и поросло. В школе на него с месяц смотрели сочувственно, и он ненавидел эти взгляды. А потом про него и его отца забыли – и слава те, яйца! Спасибо за радости-крохотульки!..

Мать после смерти папы изменилась: говорила с сыном мало, стала курить в зале, забывала спрашивать, что он ел в школе и где пропадал по вечерам. Через год она привела домой дядю Серёжу, и Рослик снова убежал из дома. Когда его нашли, то поставили на учет в полиции, а мать несколько раз вызывали в опеку. Больше она никого не приводила, но зато задерживалась допоздна. Ее сына это вполне устраивало.

3.

Про Бригадирку он впервые узнал от чела с ником Синдром.

«Кароч, под самым центром города течёт речка-вонючка. Ее лет 70 назад окольцевали в бетон, называется Бригадирка. Раньше на месте Либкнехта и Маркса овраги же были... Говорят, зимой по бетонке можно пройтись. Весной и осенью – соваться туда нельзя: смоев нахер...».

Он написал Синдрому в личку: то да сё, про Бригадирку – ваще отпад! Как смотришь на то, что-бы вместе слазить туда?

Когда они фейс ту фейс встретились, Рослик выпал в осадок. Синдром оказался девчонкой. Ходила она в камуфляжных штанах, материлась, брилась наголо и была покрыта татушками, как дороги весеннего У. – рытвинами и колдоёбинами.

Он втюхался в нее с первого взгляда. До Бригадирки они виделись всего ничего, в основном, списывались в ВК. Она слушала мётал, загонялась по аниме и терпеть не могла книги. У Рослика было ровно всё наоборот, и, наверно, из-за этого его так магнитило к ней.

Бригадирку наметили на июль: Синдром говорила, что так будет безопаснее. Сама она никогда туда не ходила, но общалась с местными диггерами по этому поводу – они ей даже по инету карту скинули, рисованную от руки.

– Я, конечно, могла бы с собой Димыча позвать – он бы нас провел по бетонке без проблем, но это была б не вылазка, а говённая экскурсия. Не интересно ни фига, блин!

Рослик ее в этом полностью поддерживал. Он вообще старался ей не возражать, потому что балдел от одного ее присутствия. Мечтал быть с ней рядом и, конечно, хотел слазить в бетонку вдвоем: «Зачем нам какой-то Димыч? Мы чё: без рук, что ли?».

Готовились основательно. Мать давала Рослику карманные деньги каждую неделю. Про учебу она давно перестала выносить ему мозг: поняла, что бесполезно. У него за два месяца подкопилось баблишко; кое-какие запасы имелись и у Синдры. Он ее теперь Синдромом не называл: не нравилось ему так, потому что болезнь какую-то напоминало. А вот «Синдра» – это клёво. Необычно, и для девчонки подходит.

Купили хорошие налобные фонари и две пары болотных сапог – это всё добро в «Охотнике и рыбаке» нашлось. Синдра пошарила еще по объявам – бэушно дешевле – нашла себе и ему непромокаемые штаны и болоньевые куртки.

– Если что – их потом просто выкинем да и всё, – объясняла она, вытаскивая из сумки купленное на «Авито» барахло. – Примерь, тебе должно подойти. О, зыркай: твоя даже утеплённая. Это гуд, в бетонке ведь не пляж: по-любасу холоднее будет, чем сверху.

Накануне вечером Синдра черкнула ему в личку: «Рослан, а ты крыс боишься? Димыч вон пишет, что там бегают – попадаются, да. Кстати, по трубе ведь не только Бригадирка течет, туда еще и все центровские ливнёвки запустили. В курсе про то?».

Рослик отвечал, что крыс он голыми руками ловил, а насчет ливнёвок – слышал, ага, от того же Димыча. Ну и всё. «Кароч, встречаемся в 10 утра у Каткиного родника, как и договаривались».

Бригадирка

Ночью ему приснился темный подвальный коридор, по которому шныряли гигантские крысы с двойными рядами зубов. А еще ему привиделся папа: он сидел перед кроватью на стуле и ласково гладил сына по волосам. Проснувшись, Рослик сон про крыс вспомнил, а про отца забыл.

4.

В Каткином роднике побултыхались основательно: чтобы пролезть в бетонку, пришлось утонуть по пояс. Рослик подтянул свои непромокаемые штаны чуть ли не до под мышек; то же сделала Синдра.

– Охереть! – выдохнула девчонка, когда они наконец оказались в бетонной трубе и прошли первые метры тридцать. – Подсвети-ка, я чуток на смартфон красотищу сниму. Блин, вода всё равно просочилась – до самых титек достало. А ты как?

Рослик пожал плечами и украдкой посмотрел туда, где у Синдры должны быть эти самые «титки». Налобный фонарь ушел вслед за взглядом, и спутница зашипела на него:

– Ну чего не светишь-то? Щас фотку сделаю – отправлю на форум и в ВК. Тут связь еще есть. Но Димыч говорил, что здесь попадают места, где ни фига не ловит. Это примерно через полкилометра... О, видал? Круто ведь? – она сунула ему смартфон в лицо, и Рослик узрел космос. На фотке желтоватосклизкая, облепленная многолетними грязевыми наростами труба, по черному дну которой бежала Бригадирка, выглядела словно вход в волшебную пещеру, другой мир, который не имел ничего общего с повседневным-привычным У.

Ему тоже захотелось пофоткать, но Синдра уже умчалась вперед.

– Ё-мое! – услышал он её голос. – Да тут завальчик! Димыч предупреждал, что может быть такое. Придется лопаткой немного поработать, иначе не пролезем. Готов, Рослан?

Завал был небольшой – чуть выше пояса – и образовался из грязи вперемешку с кусками смытого по весне асфальта, мелких камней и мусора. Разгребли его быстро – за какие-то двадцать минут. Потом Рослик подсветил карту, которую они на всякий случай распечатали и обернули в целлофан. Ее, конечно, можно было посмотреть и на смартфонах, но надо беречь энергию для фоток и связи.

– Чё, попёрли? Карта нам потом пригодится – есть там пара сложных развилок, где можно заплутать. Димыч говорил.

Он потопал за девчонкой, подымая болотными сапогами иловую взвесь со дна; холодная вода Бригадирки почти везде держалась ниже колен. Ново-явленный диггер светил налобным фонарём в болоньевую спину своей спутницы и считал, что впереди всё-таки должен идти именно он. Но говорить об этом вслух не хотелось – Синдра бы его высмеяла и обматерила.

5.

Судя по карте и рассказам олдových диггеров, их путь по Бригадирке должен был занять несколько часов. Говорили, что общая длина трубы – около двух километров, затем речка, освобожденная от бетонного плена, текла по своему обычному руслу вплоть до притоков Волги-матушки. Конечной их целью был Татарский овраг: там наружу выходила большая канализация со сломанными решетками.

– Главное – свернуть в нужных местах и не перепутать ливневые трубы. Остальное – дело техники! – наставляла Рослика Синдра. Он это и так знал, они сто раз обсуждали с ней маршрут, готовясь к вылазке. Но девчонке нравилось верховодить, а ему хотелось слушать ее голос, который звучал здесь совершенно иначе, чем на поверхности.

«В наружности всё другое – одинаковое, привычное, без тайны и радости», – думал диггер, поправляя свой небольшой рюкзак. Там бултыхались запасной фонарик, старая губная гармошка, бутылка с питьевой водой и таблетки анальгина – на всякий пожарный случай. Еды никто из них не взял, поскольку они и не думали здесь трапезничать. А лишний груз, как известно, – это лишние проблемы.

Шли некоторые время молча. Потом Синдра, не поворачиваясь, спросила его:

– А у тебя секс был?

Парень не смог сразу ответить, потом застеснялся того, что не отвечает, и немного даже разозлился на идущую впереди.

– А у меня – уж сто раз! – девчонка как ни в чем не бывало продолжала шлёпать сапогами впереди. – Прикольнo, конечно, но, честно говоря, скучно. Бригадирка – лучше секса, скажи, Рослик?

Он услышал ее смех, глухим эхом отразившийся от стен бетонки. Губы у него почему-то пересохли, а руки похолодели. На миг ему даже стало так плохо, что он подумал: «Вот щас бухнусь лицом в речку! Интересно, как она меня будет отсюда вытаскивать?».

– А связь и правда исчезла! – сообщила Синдра. – Очуметь! Мы вообще как в другом мире, да? И кто знает, что там сейчас наверху? Вот случись какая-нибудь ядерная война, а мы тут с тобой и не знаем! Прикинь: вылазим, а там – ничегошеньки. Только пепел и развалины...

Он попробовал вообразить то, о чём она говорила, но не смог. Он вообще не мог отчетливо представить, что было на поверхности, – так, будто спустился в бетонку десятки лет назад.

– Ро-ослан, ну чё-то ты всё время молчишь-то? Уж не перетрухал ли, а? – она снова засмеялась и зачем-то сняла черную вязаную шапочку, которую

надела перед тем, как залезть в бетонку. Фонарь высветил ее лысую голову с маленькой татуировкой русалки на виске.

Диггер вспомнил историю, которую он где-то читал или слышал краем уха: якобы у родника, с которого начинались труба, давным-давно жила некая Екатерина. Как-то она влюбилась в парня, а он ее бросил. И тогда девушка пошла и утопилась. А затем люди начали поговаривать, что видят ее на камне: сидит, мол, и чешет волосы гребнем. С тех пор родник и прозвали Катъкиным.

– Как ты думаешь: мы можем наткнуться здесь на чё-то необычное? – спросила лысая напарница. – Или страшное? Например, на чей-нибудь сгнивший трупешник?! Или крысы щас ка-ак прыгнут сверху! А?.. Ну, Рослан, ну, расскажи чё-нибудь...

– Окей, – согласился начинающий диггер и посмотрел на желтовато-черный верх бетонки. – Давай я тебе про заброшки толкну...

Синдра кивнула. Она любила, когда он рассказывал про заброшки и паркур, потому что считала его в этом деле олдovým – почти как Димыча в диггерстве.

– Кароч, на севере есть одна заброшка – бывший консервный завод. Не была там? – начал Рослик. – Я вот решил как-то в одиночку порыскать в этих краях. Место клёвое, стены офигительные – я сам пару граффити там сотворил. Мы с парнями на первых этажах всё излазили, а вот до чердака не добрались – решетки везде. Я прихватил тогда с собой инструментик – ножовку по металлу. Думаю: может, подпилить удастся. Тогда я первый буду, кто туда ходку сделает, – мужики иззавидовались бы...

Синдра шлёпала сапогами впереди, сосредоточенно слушая его. Он был рад, что она молчит, и говорил медленнее обычного, чтобы между словами улавливать шепот Бригадирки.

– Нашел местечко, которое давно приметил: такой лаз овальный с тонкими решетками. Стал пилить. А металл, когда пилишь, – сама знаешь, звук неприятный, громкий – на весь завод разносится. Я увлёкся, кароч, пилю и пилю – осталось там два прутика. И чё-то пить захотел, сунулся в рюкзачишко и слышу: скрип. Как дверь будто. Звук идет с той стороны – с чердака. А я, понимаешь, точно знаю, что там никого не может быть: со всех сторон всё заварено, никак туда не заберешься...

– И чё? – Синдра остановилась и повернула свой налобный фонарь ему в лицо. – Кто там был?

– Ну, пойдём, пойдём, щас дораскажу... – девчонка снова потопала вперед. – Я весь такой напрягся, прислушиваюсь. Думаю: может, показалось. Или ветер чего-то там зашатал – железку какую-нибудь. И тут: топ-топ-топ! Шаги...

Синдра замерла и опять повернулась к нему:

– Иди-ка ты, Рослан, впереди... Чё-то я это... Кто из нас сильный пол?

Парень улыбнулся и протиснулся мимо нее, коснувшись пальцами холодной влажной поверхности трубы. Он уже начал привыкать к запахам плесени, мокрой грязи и старого бетона, которые проникали в самый мозжечок, заражали изнутри.

– Ну и чё, Рослан? Ты меня прям заинтриговал. Кто это был?

– Обожди. Телегу быстро не толкают, – отвечал

довольный исследователь заброшек. – Похлопали дальше, щас всё узнаешь... Значит, труханул я. А кто бы не труханул? Сижу – шевельнуться боюсь. Гляжу на решётку во все глаза. А шаги такие мягкие, чуть слышные. «Всё, – думаю, – это Чёрный Сёма по мою душу пришел. Пипец, кароч...»

– Кто? – девчонка шла уже на автомате, совсем забыв, где находится: настолько ее заняла история Рослика. – Что за Сёма?

– Так ты не слышала, что ль, про него? О, это отдельная хистари, моя девчонка! – он явно был сегодня в ударе, но Синдра его быстро вернула на землю.

– Не называй меня так! Понял, ты?! Никогда! – что-то в ее голосе заставило его замереть на месте.

– Да что я сказал?

– Что слышал! Не называй меня «девочкой», – как ты только что сказал.

– Окей, окей. Остынь. Да чего ты так окрысилась?..

Синдра не ответила, и они шли с минуту молча.

– Ну чё там дальше-то? – она не умела извиняться, но по тону он понял, что та сожалеет о случившемся.

– Ну это... – диггер задумался, смотря на пляшущую в свете фонарей темноту бетонки. Ему вдруг показалось, что из этой трубы они уже никогда не выберутся и что это очень плохая идея – спуститься сюда...

– Ты на шагах остановился, – напомнила ему присмирившая Синдра.

– Ага. Я, кароч, сижу весь такой на стрёме, оцепенел, как цуцик. А за решеткой – молчок. Кто-то прямо к лазу с той стороны подошел и смотрит на меня, а я на него. А там же сумрак – на чердаке окошек нет, точнее, есть, но они маленькие и замызганные. А я прям вижу эти светящиеся глаза... И вдруг: мя-ау! Мя-ау!

Синдра засмеялась, и Рослик тоже загоготал. Им обоим сразу стало легче, страх ушел.

– Кот, прикинь?! Ну я его шуганул, допилил там решетки, полазил по чердачку – очуметь местечко. Потом пацанам рассказал – тоже ржали...

Тут они остановились. Откуда-то издали, из каких-то земных глубин, послышался звук, похожий на вздох. Глубокий вздох кого-то чудовищно большого.

– Что это, Рослик? – из голоса Синдры исчезла прежняя крутость. Он вдруг увидел в ней другого человека – совсем маленькую и испуганную девчонку. «Она вполне могла быть моей сестрой – если бы папа не упал тогда на стройке...», – подумал он и тут же ощутил, как что-то мягкое коснулось его волос. Он вздрогнул, провел ладонью по голове, ожидая наткнуться на какую-нибудь мерзость – типа жирного паука. Но ничего не обнаружил.

– Не знаю. Станный звук. Будто что-то где-то открылось. Или прорвалось.

– А мне показалось... – Синдра поёжилась. – Будто кто-то вздохнул. Кто-то огромный.

– Не-е, – протянул трейсер и графер. – Это что-то снаружи. Может, в ливнёвках чего-нибудь... Связь, кстати, не появилась?

Девчонка отрицательно мотнула головой.

– Ну тогда вперед. Скоро первая развилка должна нарисоваться.

6.

Если бы начинающие диггеры прошли еще буквально шагов двадцать и взглянули на свои смартфоны, они увидели бы, что значки антеннок оживились. Связь тут постоянно то пропадала, то появлялась. Кого-нибудь из них могла бы осенить идея зайти в поисковик – и тогда бы они узнали главную новость. Над У. в этот момент бушевал настоящий водяной котел: хляби небесные разверзлись, и пошел сильнейший за последнее десятилетие ливень. Как уверял местный новостной портал, за какие-то сорок минут выпала полуторамесячная норма осадков.

Другим районам города пришлось несладко: ливнёвки прочищались здесь еще при царе Горохе, и на улицах вода затопила стоящие авто чуть ли не по крыши. А вот в центре, где под землей протекала Бригадирка, ливнёвки старались поддерживать на должном уровне. И вода, скопившаяся на городском асфальте, бурным потоком уходила вниз – в русло речки-вонючки, закольцованной в бетон.

* * *

– Так, ага, кажется, там развилка! – объявил Рослик. Они увидели что-то темное, перегородившее путь.

– Нет, опять завал. В этот раз покруче будет – до самого верха! – в его спутницу опять вселилась прежняя Синдра: вернулись самоуверенность и верховодство. Впрочем, ему было не до психологических оценок и наблюдений.

– Да-а, тут на час работы! А может, и на два, – он вздохнул и снял с плеч рюкзак, к которому была привязана саперная лопатка. – Свети, Синдра, копать будем. Диггерство, как известно, требует жертв.

Минут через пятнадцать он решил перевести дух, воткнул инструмент в грязь завала и попросил спутницу открыть ему бутылку с минералкой.

– Верх уже, по-моему, освободился. Я чувствую с той стороны какой-то ветерок – воздух другой идет, свежий. Наверно, с ливнёвок. Чуешь?

Синдра принюхалась и махнула рукой.

– У меня вечно нос забит – с детства. Мне поэтому любые запахи по барабану...

Тут снова кто-то тяжко вздохнул. На этот раз звук сопровождался хлопком – будто совсем близко что-то прорвалось и освободилось.

– Рослан, что это? – Синдра оттолкнулась от бетонной стены, к которой она прислонилась. Рюкзаки приходилось держать в руках и за спиной: в воду их ведь не кинешь.

К ним кто-то приближался – нёсся галопом, будто осатаневший конь. Рослик выдернул лопатку из грязи и подальше назад.

– Хрен знает... Синдра, давай-ка от завала отойдём! Слышишь, Синдра?! Назад дав...

И тут завал взорвался. По крайней мере, так сначала подумал Рослик. Вот только что им преграждала путь слепленная в единую пластилиновую массу куча грязи, ила и камней – и через секунду ее не стало. Черно-серый поток воды локомотивом врезался в оцепеневшую парочку и помчал их по трубе, словно детские кораблики.

Рослик услышал визг девчонки, а потом его голова встретилась с чем-то твердым, и сразу стало темно и тихо.

* * *

– У каждого города есть два лица – наружное, повседневное, официальное и скрытое, подземное, подлинное. И еще у городов есть особинка. Понимаешь, Рослик? Без особинки город мёртв, как вздувшаяся волжская рыба, которую давным-давно выбросило на берег...

Отец сидит на земляной кочке, поросшей паутинкой светло-зеленого мха. Светит солнце, и поют птицы; их полянку окружают пихты, сосны, дубы и березки. За ними покачиваются пальмы – а может, и какие-то другие деревья. Пахнет лесным нагретым воздухом. Он полулежит у папы в ногах и слушает его голос.

– У. – тоже с особинками. Их не так много, но они есть. Вот хотя бы баба Катя в 41-м доме по улице Розы Люксембург, любопытный у нее случай вышел... Или тётя Зина на Карла Либкнехта – она лечит. Всю жизнь лечила. Это я тебе, Рослик, людей называю. Но город – это не только люди, их отношения, действия и чувства. У. – это намного больше. Тут две реки, текущие в разные стороны. Тут мосты и свалка, новостройки и заброшки, столовая и темный коридор, трамвайные депо и канализационные коллекторы. Бродячие собаки и охотники на них. Малиновка и склепы. Везде своя жизнь, свои тайны.

И знаешь что? У. их не открывает абы кому. Тут нужен особый интерес и особый подход. У. не любит тех, кто его не любит. Этот город не столько христианин, сколько язычник, – отец улыбается и гладит сына по голове.

От этого легкого прикосновения Рослику становится хорошо и спокойно. Ему хочется слушать отца, внимать каждому его слову, остаться с ним здесь навсегда.

– В У. можно прожить всю жизнь и даже не увидеть его второго лица. Каждый Божий день мотаться по одному и тому же маршруту: дом – работа, дом – учеба. Туда-сюда, туда-сюда. Глаз замыливается, ты перестаешь что-либо замечать. А что тут замечать? Провинциальное городишко, потёртые трамвайчики, облезлые хрущёвки, озабоченные спины маршрутников и прохожие, прохожие, прохожие. Даже Мемцентр – и тот облезлый. Вся наша жизнь – это облезлость и скучная хореография из одних и тех же движений туда-сюда, туда-сюда...

Отец двумя ладонями берёт Рослика за подбородок и тянет его голову чуть вверх, чтобы их глаза встретились.

– Так вот, сын. Это не так. Мир другой. И У. – другой. У всего есть свои особинки, до них нужно просто дойти, достучаться, врать в них. Спроси У. – и он тебе ответит. Он любит тех, у кого сердце исследователя. Город ничего не скрывает от своих жителей и гостей, он весь – как на ладони. Нужно просто искать, но искать не тайну, не загадки, а разгадывать его повседневность, видеть в обычном необычное. Понимаешь?

Рослик кивает. Ему кажется, что он всегда ждал и жаждал именно этих слов. Как же ему хорошо с отцом! Он никуда больше от него не уйдет, он всегда будет с ним. Всегда.

– Не-ет, – шепчет отец, и черты его лица колеблются. – Ишь ты чего удумал! Это легче всего –

остаться. И зачем же тогда идти вперед? Зачем ты тогда покорял Бригадирку? Чтобы остаться – и всё? Нет, нет, Рослик, так настоящие исследователи не поступают. Тем более что ты потащил за собой девчонку – тут уж нельзя. Тут уж надо быть мужиком, Рослик... Рослан! Рослан! Вот ё-мое! Очнись же, господи! Очнись!

Его трясли и лупили по щекам. Он разлепил веки и первое, что ощутил, – везде и всюду было мокро. Он сам сидел по пояс в воде, а над ним кто-то стоял и лил ему в глаза нестерпимый свет.

– О-ой, ё-оо... – заскрипел он, и его перестали трясти. – Не свети ты мне в глаза...

– Росличек, Рослёночек, миленький! – Синдра обняла его. – Я думала, ты окочурился, блин. Смотри: у тебя кровь!

Ему захотелось тепла и сухости. Но встать он не мог, и воды Бригадирки – еще взволнованные и мутные – обтекали и охладили ему живот и спину.

– Помоги мне встать, Синдра. Я замёрз!

Девчонка наклонилась и, вцепившись ему в руку, помогла подняться. У него дрожали ноги и болела голова. Только тут он заметил, что его налобный фонарик исчез. Рюкзак и лопата тоже испарились.

– Я долго валялся?

– Минут десять. Меня отнесло метров на сто от тебя, но, слава Богу, не долбануло ничем. Ногу вон только задело – по коленке сильно царапнуло. Арматура какая-нибудь, наверно. А ты приложился башкой обо что-то...

– Это, наверно, дождь... Ливнёвки прорвало, – Рослик сделал два шага и понял, что набрал полные сапоги воды. – Надо выбираться отсюда – иначе задрыгнем здесь до смерти. Воду щас только вылью из сапог.

Девчонка смогла уберечь свой рюкзачок, в котором правда болталось не бог весть какое богатство – полбутылки воды и запасной фонарь.

– Рослик, а куда двинем-то? Назад?

– Чёрт! – диггер только что открыл, что он, мимо прочего, посеял и свой смартфон. У Синдры телефон остался, но отказывался включаться: видимо, села батарейка.

Он попросил дать фонарь и осветил обе стороны трубы: налево или направо?

– По логике, надо бы назад двинуть – к Каткиному роднику. Но это часа два ходьбы. Мы, в принципе, должны уже были до ливнёвок дойти – тут выход прям близко. Лучше пойти к развилке.

И они двинули по прежнему маршруту, выбрав вариант совсем не из лучших.

7.

До первой развилки доковыляли через час. У Синдры разболелась поврежденная нога: судя по всему, она ее не просто поцарапала, а задела серьезнее. Она с каждым шагом хромала всё сильнее. Рослик, несмотря на головную боль, чувствовал себя неплохо. Конечно, очень хотелось жрать и промокшие ноги превратились в льдышки. Но в целом – терпимо. Он готов был идти дальше.

А вот Синдра совсем скисла. Не прибавило ей настроения и новое открытие: ливневая труба, по которой они надеялись выбраться из бетонки, забилась вусмерть – не подкопаешься.

– Надо идти ко второй ливнёвке. Это недалеко. Карта у тебя? – спросил Рослик.

Карты у девчонки не оказалось: он вспомнил, что положил ее в свой рюкзак, который сейчас валяется где-нибудь в завале, если его вообще не протащило до самого Катькиного родника. Больше всего он жалел о старой губной гармошке, уплывшей вместе с рюкзаком. Эта гармоника ему всегда напоминала об отце, хотя тот никогда не слышал, как играет сын: музыка пришла уже после смерти папы.

Синдра прислонилась спиной к мокрому бетону и заплакала.

– Рослик... я больше не могу идти! Нога... вообще охренеть как болит. Надо было назад двинуть – мы щас уже до родника доползли бы.

Увидев ее слезы, он смутился и почувствовал себя виноватым.

– Ну, не кисни, Синдра! Осталось совсем ничего. Дойдем. Я тебя донесу, если надо...

Она не отвечала. Закрыв глаза руками, продолжала всхлипывать. Он подошел к ней, попытался обнять, но она оттолкнула его.

– Убери лапы! Щас пойдем уже. Диггер хренов! Чтоб я еще куда-нибудь сунулась с тобой – да не в жисть! Попёрли, говорю... Бери мой фонарь.

Он закрепил на голове ее фонарик, а запасной спрятал в уцелевший рюкзак. Девчонка сделала всего несколько шагов и закричала зубами.

– Чё, сильно болит, да? – спросил он. – Эх, у меня ведь в рюкзаке анальгин был. Легче было бы... Опирайся на меня, давай руку!

В этот раз она его не оттолкнула, и они, спотыкаясь о мелкие камни и куски асфальта, которые сюда притащил недавний ливень, похлопали дальше. Синдру начало знобить.

* * *

Шли целую вечность. Сначала девчонка еще храбрилась, а потом совсем расслабилась. Он буквально тащил ее вперед, держа за пояс, затем – волок под мышки. Наконец, она остановилась и сползла по стене прямо в воду. Он попытался ее поднять, уговаривал, она не отвечала, плакала и закрывала глаза.

– Синдрочка... Давай хотя бы до кочки какой-нибудь дойдем, до камня или грязи – где посуше. Нельзя в воде сидеть!

Та отворачивалась, плевалась и говорила, что-бы он уё..л отсюда. Тогда он сел на дно трубы рядом с ней. Рюкзак подsunул себе под шею, прижав его к бетонной стене. Бригадирка, освежённая дождевыми водами, доходила им почти до груди. Налобный фонарь Рослика стал подмигивать.

– Послушай, Синдра, – шепнул он ей на ухо. – Осталось совсем чуть-чуть. Мы выберемся, я тебе обещаю! Мы еще смеяться над всей этой херью будем, поверь мне! А если останемся здесь – сдохнем, как крысы.

Упоминание о крысах было в тему: Синдре представилось, как их окоченевшие тела разрывают полчища серых тварей, и она поползла спиной вверх по стенке. Вода мелкими ручейками потекла с ее штанов и куртки.

– Вот так! Вот так... – обрадованно запричитал

вскочивший вместе с ней Рослик. – Сейчас будет ливнёвка. Я тебе гарантирую.

Ливнёвку они нашли минут через двадцать – тоже забитую буреломом, грязью и камнями. Однако в этот раз завал не был столь основательным.

– Да я его раскопаю, ноу проблем! Тут на полчаса работёнки! И здесь смотри: вода не такая глубокая – всего по колено. Сейчас я эти камни вытащу, и ты на них сможешь сесть, отдышаться.

Девчонка лишь махнула рукой. Загвоздка была в том, что его лопату унесло вместе с рюкзаком. Но руки-то у него остались – и Рослик с остервенением набросился на завал, преградивший им путь в широкий канал ливнёвки.

Вскоре ему удалось вынуть из грязевой смеси несколько приличных булыжников и веток. Он сложил из всего этого небольшую горку.

– Вот тебе трон, Синдром Синдромыч. Садись отдохай! – шутку его не оценили. Девчонка бухнулась на камни и закрыла глаза.

Диггер продолжил свое дело, стараясь не вспоминать о том, что никто из ходивших по Бригадирке никогда не выбирался отсюда по развилочным ливнёвкам. Все говорили только о Татарском овраге как о выходе, а обычные ливневые канализации игнорились оловыми челами. Почему так, – он не знал. И не хотел сейчас даже думать об этом.

* * *

Увлечённый работой, он почти забыл про свою напарницу. Где-то час он как сумасшедший грыз долбанный завал и пробился-таки к просвету. Он готов был уже петь от счастья, вернуться к Синдре и растормошить ее благой вестью, но решил-таки сунуться в проход сам. Метра четыре он полз, извиваясь как червь, упираясь в бока прохода, который становился всё уже и уже. Затем плечи его застряли, и на секунду ему представилось самое страшное – повисший в ливнёвке труп, который если и найдут, то только по запаху. Он затрепыхался, как муха, угодившая в паутину, и пополз обратно: развернуться здесь нельзя, поэтому он просто дал задний ход.

Рослик вывалился из лаза грязный, будто хулиган из фильма про Шурика: видны были только глаза. Налобный фонарик мигнул в последний раз и потух. Случись это не возле ливнёвки, воцарилась бы кромешная тьма. Но из пробитого прохода чуть брезжил отдаленный свет уходящего дня. А может, это уже были уличные фонари. Диггер, проморгавшись, быстро сориентировался и нащупал рюкзак с запасным фонариком. Он лежал на той же куче камней, что и Синдра.

Посветив в лицо девушки, он увидел, что та спит: ладони сложены под щекой, глаза закрыты, губы чуть улыбаются. Как дома на диване, ей-богу.

– Вот и отличненько! – пробормотал Рослик. – Без нервов оно завсегда лучше... Тэ-эк, всё, шутки в сторону!.. Надо идти за помощью – один я ее отсюда не выволоку.

Он решил, что искать мифический Татарский овраг – дело гиблое. Лучше идти знакомым путем: в одиночку он скоренько доберётся до Катькиного родника, стрельнет у кого угодно сотовый и позвонит... Кому? Да хотя бы тому же Димычу, номер он

его помнил – и вместе они спокойно вызволят Синдру. Та, может, и проснуться еще не успеет. Так что лучше ее не будить, это точно.

Посидев рядом со спящей еще минут пять, он сорвался в дорогу. Сначала ему представлялось, что он чуть ли не побежит по поверхности Бригадирки – но не тут-то было. Он устал как чёрт, болела башка, и ужасно хотелось есть. Тем не менее шел он бодро. И про себя молился всем подземным и речным богам, чтобы успеть и чтобы всё было хоккей.

8.

До выхода из бетонки он добрался только через час. Его лихорадило, одежда превратилась в грязевую корку. Когда Рослик наконец вывалился на асфальтовую дорогу, которая проходила в двухстах метрах от Каткиного родника, он был похож на мертвеца, только что вылезшего из свежей влажной могилы.

Была глубокая ночь, но не это удивило его. Он поразился тому, как тепло на поверхности.

«Так ведь сейчас лето, дурень! Лето!..»

Он побежал в сторону высотки – ближайшего жилого дома. По дороге ему навстречу попался автомобиль, который объехал его и укатил прочь – не смотря на отчаянные крики. Нужен был сотовый – срочно, любой ценой.

В высотке было всего два подъезда, оба с домофонами. Он начал набирать номера квартиры подряд. В четырёх вообще не подали признаков жизни, в одной послали матом, еще в трёх – выслушали и ничего не ответили. Рослик, всхлипывая, продолжал трезвонить в домофон.

Тут подъезд осветился фарами: подъехал кто-то из припозднившихся жильцов. Рослик кинулся к открывшейся водительской двери, оттуда выплыла дамочка на шпильках – в годах, но подтянутая, с маникюром и кокетливыми золотистыми очками.

– Вот чёрт рогатый!.. Да ты напугал меня до смерти... Господи, да откуда ты вылез – из канализации, что ли? – при этом женщина улыбалась – видно, что не из робких.

– Пожалуйста!.. Я... Дайте мне позвонить... Человек погибает...

– Ага, щас, разбежался! Много вас тут таких по ночам ползает, – она внимательно смотрела в глаза Рослику. – Я сама позвоню, если надо. Кому? Номер называй.

Проклятый Димыч был недоступен. Хоть помирай... Если уж не везёт, то по всем статьям! Женщина трижды ему звонила – и без толку. Рослик просто не мог сообразить, что делать дальше. У него несколько часов в голове вертелась только одна мысль – про Димыча. Он олдовый, он Бригадирку вдоль и поперёк исходил... А тут – всё! Пшик. Абонент временно недоступен.

Несостоявшийся диггер сел на асфальт и заплакал.

– Та-ак, этого еще не доставало... – дамочка поправила золотистые очки. – Давай-ка иди на лавку садись. Говори толком: что случилось?

Рослик сбивчиво рассказал.

– Какой там на фиг Димыч! – женщина от возмущения побледнела. – В МЧС сейчас позвоним – и всё. Понял?

– Не надо в МЧС... – запротестовал он, но понял, что деваться уже некуда: карусель завертелась-закрутилась...

Дальше всё произошло на удивление быстро и четко, но Рослик всегда вспоминал об этом, словно о туманном сне, бреде. Ребята из МЧС и слушать не стали про какой-то вход возле Каткиного родника. На уши подняли местных городских коммунальщиков, и те подсказали, из какого канализационного люка можно быстрее всего добраться до того места, про которое рассказывал Рослик. Точных координат он, естественно, не знал, но коммунальщики тут же сообразили, о чём говорит этот грязный, как леший, парнишка.

– Мы в Бригадирку раз в год лазим, – рассказывал седой коммунальщик молодому и серьезному эмчээсовцу; никто из их бригады даже не смотрел в сторону Рослика. – Обычно зимой. Прочищаем засоры. Я сразу понял, где это.

В трубу полезло двое коммунальщиков, двое эмчээсовцев и горе-диггер. Его убеждали не строить из себя героя: «Ты уже и так натворил делов, парень, иди-ка отдохни» – и всё в таком же духе, но он не отступил и полез. Убедил их, сказал, что с ним они быстрее найдут девчонку.

Когда добрались до места, – ошибиться было невозможно, ведь он сам накидал здесь кучу камней, вытащенных из ливнёвки, – Синдры там не оказалось. Обыскали большую часть бетонки – километр туда, километр обратно. Потом, уже на поверхности, Рослик, который отрубался из-за усталости и нервов, догадался позвонить родителям Синдры, и те, отmaterив диггера, сообщили, что она дома. Привёл ее великий Димыч – вот он-то герой и подлинный друг. Оказалось, что олдовый диггер тусовался у выхода в Татарском овраге и, не дождавшись их, сам полез в бетонку.

Дрожащими руками Рослик взял у одного эмчээсовца прикуренную сигаретку и долго сидел на корточках, смотря на свои черные от грязи сапоги.

– Пойдем-ка, парень! Тебе еще всякие бумаги подписывать, объяснительные и другую ерунду. Штрафами, наверно, отделаешься, но будь моя воля – я бы тебя серьезнее наказал, чтобы не совалялся туда, куда не просят, – сказал ему старший из бригады.

Рассвет он встретил, трясясь в дежурной машине. Там и заснул, и снилась ему не Синдра и не бетонка, а папа. Он говорил, что с удовольствием взял бы сына к себе, но тому еще рановато.

«Да и У. тебя ждет, Рослик. Давно ждет. У тебя же сердце настоящего исследователя!» – он эту папину фразу запомнил дословно. И потом вспоминал много-много раз.

Глава 2. Фланируем над У.

1.

Когда пишешь заявку на грант, возникает два противоположных желания: чтобы всё срослось и чтобы деньги всё-таки не дали. Объясняется это противоречие просто. Если средства не выделяют, то хороший проект накроется медным тазом. И никуда мы не поедем, экспедиции не будет.

А если грант каким-то чудесным образом вы-

играли, то тут еще хуже: бросай всё, езжай к чёрту на кулички, пиши, работай – статьи, конференции, отчётность. Как говорит Татьяна Федоровна в подобных случаях: «Охи-ох! Грехи наши тяжкие, антропологически-социологические».

Но я всё-таки радовалась нашему выигранному грантику «до усёру». Это уже выраженьице моей младшенькой сестрёнки. Катик, я тебя love!

2.

Проект назвали «Малые города России. Фольклор, антропология, социология». По-моему, слишком общо. Но мое дело маленькое – поработать по своей теме, отписать три статьи, выступить на двух конфах, плюс посильное участие в коллективной монографии.

Хотели сначала города выбирать по жребии, но Татьяна Федоровна, я ее еще по Вышке знаю, стала возражать.

– Мы, – говорит, – тут наукой занимаемся, а не в казино играем. Я в У. несколько раз бывала, даже жила, у меня там есть знакомые. Поэтому я еду туда, и со мной – моя группа. Остальные как хотят – пусть хоть спички из кулака вытягивают.

Супонина имела репутацию тётки строгой, с ней связываться никто не хотел. Руководитель проекта Пушкив только плечами пожал: «В У. так в У. Ваше право, Татьяна Фёдоровна».

Еще бы – конечно, ее право. Так вот я и попала в этот У. Град на Волге – со всеми втекающими и вытекающими реками, ручьями и последствиями. С нами поехал Виталик Точин, но у него еще в поезде поднялась температура, и он укатил в Москву. Так что часть, связанная с социологией, у нас провисла.

– Наташенька, мы должны сами определять характер нашей работы. Не обстоятельства и условия делают науку, а наука в конечном счете управляет обстоятельствами и условиями. Просто будем делать свое дело.

В переводе с абстрактного на конкретный это означало, что я, как обычно, буду записывать свою «несказочную прозу» – былички про домовых, колдунов, оборотней и т.п., – плюс, конечно, городские легенды. Ну а она займется ментальными картами, статистикой и политикой. Грант-то отрабатывать надо.

3.

Я почти сразу оценила все преимущества поездки с Супониной: у нее действительно в У. оказалось полно знакомых. Вместо какой-нибудь захламленной гостиницы мы остановились в отличной двухкомнатной квартире в самом центре города.

– Нам просто везёт, Наташенька. Обычно эта квартира не пустует – ее сдают на длительный срок. Но буквально неделю назад прежние жильцы съехали, и новых арендаторов пока не нашли. И дай Бог не найдут еще недельки полторы – как раз то, что нам нужно!

Вечером первого дня я успела сбегать в супермаркет, по дороге отфоткала памятник местному художнику Илье Колотову – кстати, его именем назван бульвар, где мы сейчас жили. Когда за ужином я показала свежие фото своей старшей коллеге, она всплеснула руками:

– Господи, ведь на этом самом бульваре – прямо у подножия сфотографированного вами памятника – я назначала свиданки одному молодому человеку. Как же его звали? Толик? Петя? Как течет время – неумолимо. Неумолимо...

Я кивала и расспрашивала про ее бытие в городе У. Оказалось, что Супонина тут жила недолго – года три-четыре. В начале 1970-х годов здесь в честь столетия известного революционера-подпольщика отгрохали небольшой мемцентрик и доломали всю оставшуюся старинную архитектуру. Два основных предприятия – по оборонке и производству минеральной воды. Плохо развитый транспорт и хорошо развитые старые тополя во дворах. В общем, всё как обычно.

– Ах, Наташенька, какой потрясающий здесь вид на Волгу – на мост! Это прямо-таки сказка. Кстати, сами у...цы этой красоты почти не ценят и не видят: привыкли, как и жители какой-нибудь Анапы – к виду моря.

Я спросила, с чего она начнет завтрашний день. Выяснилось, что Татьяна Федоровна собирается посетить своих старых знакомых и собрать «первичную информацию». Я решила, что пойду с ней – это было разумнее всего. От супонинских знакомых можно узнать адреса и фамилии других информантов – а там дело, как я надеялась, пойдет по обычному сценарию: встречи-записи-расшифровки.

Но я ошиблась.

4.

– Хо-хо-хо!.. Чудны дела твои, Наталья! Как вас там по батюшке-то? – грохотал Иван Иванович, старинный приятель Супониной, бывший комсорг в третьем поколении, ныне почетный житель У., председатель половины советов ветеранов в городе. Он был обладателем пышных седых усов и ярко-красной плечи на квадратном затылке. – Да какие у нас здесь целители и домовые? Мы сами себе целители!.. А? Что ты говоришь, Наташа? Так тебе не только про это интересно? А про что? Мастера, писатели, краеведы, чудачки? Хо-хо-хо. Да таких полно! Да вот хоть бы я! Со мной пообщайся, красавица!

Я с ним пообщалась. В принципе, интересно, но не по теме. Слово за слово, и он наконец-то назвал фамилии нескольких любопытных людей. Особенно меня заинтриговал Ташин – местный краевед, «специалист по аномалиям».

– У него даже блог в интернете есть какой-то – я в этом плохо разбираюсь. Там вот он всю эту чушь и расписывает, – отрекомендовал мне краеведа Соболев. Я поняла, что это как раз то, что надо, – мой человек.

Я уже собралась откланяться, но тут в лице бывшего комсорга что-то изменилось. Он шевельнул своими усами, потёр двумя пальцами толстую переносицу и хмыкнул.

– Вот и всё, Наталья, да? – спросил он меня каким-то новым тоном. – Портрет составлен, ярлыки развешаны. Ставим не запятую, а жирную точку – так ведь? Что ты там потом собираешься написать – статейку научную? Я догадываюсь, как в ней будет представлен Соболев Иван Иванович – если, конечно, вообще попадёт туда. «Поговорила со старым дураком, он мне там кого-то посоветовал – и я от него сбежала». Да?

Под его умным взглядом я покраснела: уж очень точно воспроизвел он мои тайные думы. Что и говорить – в моих мысленных научных «списках» он и правда не значился.

– Давай-ка я тебе еще чайку подолью. А ты послушаешь старика – перед тем как побежать по своим краеведам и колдунам. Может, и я на что сгожусь. Не бойся, сильно не задержу.

Я пожалала плечами и снова взялась за свою кружку. Иван Иванович хмыкнул, увидев, как я нажала кнопку записи на диктофоне.

– Знаешь что, Наташа? А у нас тут ведь даже экскурсии проводят – для детей от 12+. Обещают показать и русалку Катку, и голубое свечение, и бункер Сталина, и тайные казематы НКВД. Интересуют такие щи с капустой? А? Хо-хо-хо. Ладно, не буду твоё терпение испытывать, красавица. Говорят, у вас в Москве время-то другое, ритм, понимаешь, дёрганый – тудым-судым. Вам бы всё поскорее надо...

Так вот. Есть у нас такая улица – Розы Люксембург. Ну улицы с таким названием в любом городе СССР, наверно, были. Сейчас, может, где и переименовали – а у нас вот нет. Революцённый дух нигде не делся, однако. Раньше там стоял домик под номером 41. В начале 90-х я прочитал в одной местной газетке, будто завёлся в этой избушке – там частный дом – завёлся, как его... полтергейст. Ага! В советские-то годы всё это ведь сдерживали, запрещали, а тут как разрешили – так будто адава пасть раскрылась. И инопланетяне, и Кашпировские, и всякая другая хреновина посыпалась прямо на наши бедные головушки. Но я-то всегда был человеком любопытным...

Знакомец Татьяны Федоровны снова пошевелил седыми усами и втянул воздух – будто к чему-то принюхивался. Он потом еще пару раз так сделал, и у меня от этой его привычки озноб пошёл по всему телу.

– И вот другой бы кто прочитал статейку да забыл. А я взял и пошел прямо по указанному адресу. Жила там бабушка, Екатерина... Федоровна, по моему... И внук Дима – как сейчас их прям вижу. Пришел я, поговорили о том о сём. Познакомились, в общем. Бабушка уж совсем старенькая была, а внук – какой-то шебушной, на одном месте усидеть не мог.

«Да, вот есть-есть у нас этот самый домовушка, – кивает на мои расспросы бабулька. – То табуретками начнёт двигать, то нитки перепутает. А вот в прошлый раз как в стену-то ухнул! Так ведь, Димуль?».

Дима кивает. Мальчонке лет двенадцать, такой белобрысенький, небольшой совсем по росту-то. И вот я уж уходить собрался – и тут это произошло. Понимаешь, Наташенька, прямо на моих глазах!..

Иван Иванович снова втягивает воздух, и мне кажется, словно кто-то большой и опасный принюхивается ко мне.

– Вот всё кругом замерло, а от него, от внука-то этого, будто еще один Дима отделяется – как двойник, тень такая цветная. И р-р-раз – через меня прямо в окно! Я вздрогнул, проморгался и слышу: бабах! Окно, к которому я спиной сидел, – вдребезги разлетелось. Вот такая вот штукенция!

Я зачарованно гляжу на него: его рассказ вы-

звал в моем воображении чрезвычайно четкую картинку. Я словно сама побывала в 41-м доме, слышала звук разбитого стекла, краем глаза уловила тень, метнувшуюся в сторону окна. Мне даже почудился запах старого дома, похожий на тот, что всегда встречал меня в избе моей бабушки.

Соболев подпёр рукой подбородок; его серые глаза уставились мне прямо в переносицу. Я передрнула плечами от дружной толпы мурашек, побжавших от шеи к пяткам.

– Что я тебе хочу сказать, Наталья... Вот приехали вы с Татьяной Федоровной в У. – изучать, исследовать и всё такое. А ведь городок-то наш – крепкий орешек! Может, он и не захочет никаких «изучений». А?.. Хо-хо-хо! То-то, красавица. Вот посиди и подумай над этим... Ну ладно, давай – с Богом. Мое дело – предупредить. А дальше человек уж сам решает...

Я поблагодарила его и ушла. Больше в этот день я никого не записывала.

5.

– И чего? Не понравился он тебе, что ли? Я его хорошо помню – комсоргом работал, такой говорливый мужчинка! – Татьяна Федоровна была в самом благодушном настроении, попивала кофеёк и с предвкушением поглядывала в сторону ноутбука. Там ее ждала вечерняя и любимая часть экспедиционной работы – обработка свежих записей. У Супониной случился сегодня отличный улов: «Два прекрасных дискурса, Наташенька, один забавнее другого! И всё про местные политические игры – тебе, наверно, это не очень интересно?».

Портила ей настроение лишь моя кислая физиономия.

– Ну неужели Иван Иванович тебе ничего толкового не рассказал и не посоветовал? Быть такого не может! Я завтра же ему позвоню, хрычу старому, и отругаю на чём свет стоит – за то, что он так не уважает научную молодежь! – шутила научрук, но искрометность ее была мимо цели: молодежь пребывала в раздумье и печали.

– Да нет, Татьяна Федоровна, рассказал он отлично – даже вот про полтергейста кое-что вспомнил – интересный случай из 90-х. Просто он какой-то странноватый...

– О-о, он тот еще фрик... Да он же, по моему, даже лечился от заскоков своих, я разве не рассказывала? Ой, да что ты, Наташенька! Какая-то депрессия у него случилась, но это было давным-давно. Лет уж двадцать утекло с тех пор. Самое главное – он тебе назвал нужных людей? Тебе, в конце концов, не щи с ним вместе варить и не научные книжки писать. Поговорила – и убежала. Меньше думаешь – лучше спишь, я так считаю...

Мы поболтали еще минут пятнадцать, а потом научрук упорхнула за ноутбук и забылась там до глубокой ночи. Я почитала немного, полазила по местным группам в соцсетях и уже собралась выключить свой комп, как вдруг вспомнила фамилию здешнего «аномальщика», которую назвал мне Соболев.

Быстро набрала в поисковике: «Ташин, У., аномальное» и сразу же попала на блог в ЖЖ, который так и назывался – «Аномальные места У.». Автор

творил свои заметки в своеобразном исповедальном стиле – дневника мыслей и «сердца горестных замет». Некоторые посты и впрямь достойны внимания любого исследователя странных нарративов о городе У. Я тут приведу одну из первых записей в его блоге – для лучшего понимания дальнейшего, так сказать:).

6.

Блог Ташина*«10 февраля 20... года*

Блог – дело хорошее, что и говорить. Я уж тут кем только не заделался – и в краеведы меня записали, и в старшие по дому. Теперь тут, пожалуй, блогером начнут звать. Да пусть хоть горшком назовут – лишь бы в печь не сажали!

Мне что главное? Чтобы мысль не потерять. Я вот жену в свое время потерял – и до сих пор переживаю. Как говорится, не хотелось бы повториться.

Вот вы спросите: какие цели этого блога? Зачем ты, мол, дядь Паш, всё это затеял? Главная цель одна – собрать как можно больше историй об У. Понимаете, в чем закавыка: когда все эти рассказы по разным источникам разбросаны – это одно. Кто-то что-то сказал, где-то написал или запомнил – это всё пустое. А вот когда всё в одном месте, это – другое, это начинает жечься. Уловили?

Для затравки я здесь представлю небольшую историческую справочку – для интересующихся. Точнее, перечислю главные «реперные точки» города, на которые стоит обратить внимание. А кому на это наплевать, могут идти лесом за каким-то интересом). Шучу.

Не подумайте только, что я вам начну расписывать, в каком году У. основан и кто из знаменитостей тут родился или был проездом. Кому надо такое – открыли «Википедию» – вперёд. Я тут пишу о другом У.

Вот меня, к примеру, всегда интересовала Машиновка или Водовка – кто как эту рошу в городе называет. Раньше, еще до революции, она принадлежала помещикам Смолиным. Потом, конечно, разорили всё имение, белые с красными там дрались, и всё такое. Поговаривают, что осталось там два склепа от бывших помещиков – недалеко от Ранжерейной горки. И вот будто от этих склепов до сих пор сохранился лаз, подземный ход – под самый центр города. Ну есть, конечно, особо одарённые, кому всюду мерещатся деньги и сокровища, так те уверяют, что в этом лазу и спрятан знаменитый Смолинский клад.

А меня вот больше другой вопрос всегда волновал: да на кой ляд помещикам себе склепы с подземными ходами возводить? Готовились к активной загробной жизни, что ли?

Я пока не додумался, как проверить – есть ли и в самом деле этот лаз. Но инженерная мысль, как известно, не дремлет, что-нибудь да выдумаю: вот только бы до лета перекантоваться. А то ведь сами знаете: коронавирусы всякие да нефть в цене падает. Боязно жить прям, ей-богу!

Потом вот еще одно место: дом на улице Розы Люксембург – конкретного его номера я пока называть не буду, ведь горячих голов у нас хватает. Понабегут еще. Да и смотреть там особо сейчас не

на что: сделали по тому адресу коттедж со всякими шиномонтажами или чего там у них. А раньше (я сам помню!) стояла там дивная избёнка – аккуратенькая, приземистая, похожая на свою хозяйку – бабу Катю Фёдоровну. Я ее как облупленную знал, мы с ее сыном вместе на радиоламповом работали. Она обожала стряпать и еще варенье вишневое с косточкой делала – м-м, ум отъешь!..

В общем – об этом попозже в отдельном посту.

А Майская гора? Здесь тоже отдельный разговор. Вообще-то я всякую инопланетную тематику недолюбливаю, но тут, поверьте, есть о чем написать! Там же еще цыганский посёлок и лес рядом. Я переговорил по этому поводу с кучей народу – кое-чем поделюсь и с читателями моего бложика.

Есть и другие любопытные местечки: перекресток на Крымова, там сплошные аварии, это все знают. Татарский овраг – там самоубийц хоронили. Ну кое-что и о столовой педуниверса поговаривают.

Это то, что я навскидку вспомнил – есть, вероятно, и другие точки-локусы.

Итожу: если вам есть что рассказать, добавить или послать меня куда подальше – пишите в комментарии. Обязательно отвечу».

* * *

Не сказать что в Ташинском блоге было полно обсуждений и комментов, но там точно встречались весьма занятные ссылки и упоминания. Я поняла, что отрыла настоящий клад и тут же решила написать автору в личку: «Мол, так и так. Я вот такая вся растакая молодая исследовательница из Москвы. Занимаюсь фольклором, хотела бы с вами поговорить об аномальных местах. В удобное для вас время. С уважением, Наталья Кожеева».

Я рассчитывала получить ответ утром или днем, потому что за окном – уже первый час ночи. Но реакция последовала мгновенно и была короткой, как выстрел: «Нет!». На этом всё – и никакого продолжения.

Вот с такими итогами мне и пришлось отправиться на боковую, и снилась мне какая-то несусветная ерунда.

7.

«Наташка, ты знаешь, что я писать не люблю: это долго и противно. Я люблю общаться живьем, чтобы человека слышать. Но сейчас я так не могу. Я даже голосовое сообщение тебе не могу послать, потому что боюсь... сказать чего-нибудь лишнее...»

Ты помнишь того лысого, ну, маленький, – папка его еще карликом называл? Он из опеки. Так вот: он опять приходил. Прикинь! Я такая слышу – звонок. Пошла открывать, даже в глазок не взглянула. Он – шашть за порог. С ним тётка – патлатая такая, вся на взводе, как пружина.

«Мы к вам с проверочкой. Хотим посмотреть условия, так сказать!»

Я и моргнуть не успела, а они уже в зале. А там папка спит с похмелуги. Сама понимаешь. Ну и не прибрано у нас – как обычно.

«Он вас один растит? А где... м-м-м, Наталья Сергеевна? Ах, в командировке? Ах, в экспедиции? Ах, на месяц? А кто она вам? Сестра старшая? Ага. Она же ваш опекун? Так? Почему же она вас остав-

ляет наедине с родителем, который, извините, лишён родительских прав?!»

Ташенька, мне выть захотелось! Понимаешь! Они всё перенюхали, даже в грязные носки в тазу залезли. И говорил всё время этот карлик, а патлатая только зыркала и записывала в свой коричневый блокнот.

И всё – они потом ушли. А я проревела всю ночь... Наташка, возвращайся, пожалуйста, а? Чую задницей, они меня снова в этот реабилитационный центр запрут.

Я знаю, что для тебя значит эта поездка. Лучше всех знаю! Но, пожалуйста, Ташик, – я еще раз этого не перенесу. Плизззз!!!!».

Я как это Каткино послание в «Вайбере» увидела – мне плохо стало. Физически плохо. Побежала в ванную и залезла там под душ. Сначала горячую, почти огненную пустила, а потом – холоднее, холоднее... Довела до ледяной. И так стояла, пока деликатная Татьяна Федоровна не постучала с той стороны:

– Наташенька, мне бы умыться! Ты не забыла, что у меня встреча на 9:00 назначена?

Я вылезла вся в полотенце, специально нахлобучила его на лицо и так пошла в свою комнату, буркнув из-под своего кокона: «Дбраутра!».

Черти проклятые! Убила бы этих чиновников от опеки! Я-то от них уже спаслась, Богу слава: 21 год исполнился – всё, всем пока, алкоголь можно, эротика разрешена. И жилья от вас, дорогое государство, мне не нужно. Но Катку – Катку-то они ведь до кишок достали, честное слово! Как мать умерла – так всё и наперекосяк пошло-поехало. В пропасть какую-то.

– Наталья, куда сегодня? Наметила планы?

– Да... Я хочу по городу пройтись, есть пара мест, о которых рассказать нужно подробнее...

Федоровна закивала, свой кофий выпила – и убежала. Ключ запасной от квартиры мы с ней сделали – так что образовалась относительная независимость друг от друга.

Я решила этим утром отсидеться дома, потому что в таком эмоциональном состоянии на запись пойти не могла. Отдышавшись немного, набрала номер Катки – не берет трубку. Решила позвонить отцу – тоже бесполезно. Если у него начинался запой, то это недели на две. Вёл он себя в эти дни тихо, никого не тревожил: пил – и всё тут. Ему, блин, можно: пенсия по инвалидности. А Катке только тринадцать, ей опекуны нужны, наличие и присутствие оных в шаговой доступности обязательно.

«Катик, – набираю ей в «Вайбере», – ну потерпи хотя бы недельку. Мне и семи дней хватит, чтобы материала набрать. Ну придумай что-нибудь, ты у меня такая умница!» – отсылаю сообщение, а сама думаю о соседке. Трындец, конечно, а не соседка, но она нам троюродной – седьмой водой на киселе – тёткой приходится. Кто знает, вдруг она поможет как-нибудь отбиться от них?

Набираю ее номер.

– Алё-оо? – уже от этого ее тягучего «алё» скулы сводить начинает.

– Тётъ Лен, здравствуйте, это Наташа. Да, Кожеева. Я сейчас в экспедиции, ну, в командировке в Поволжье. А Катка одна – у них же занятия от-

менили... Ну да, да. Из-за инфекции. Она сейчас дома с отцом. А тут опека... Да, да, отец опять начал пить... Вы не сможете проконтролировать там? Нет-нет, Катка готовить сама умеет. И убирается даже иногда. Да. Там нужно только если из опеки придут – слово замолвить. Я буквально дней через шесть вернусь. Ради Бога, тетъ Лен, буду обязана вам, спасибо, спасибо! – откидываюсь на кровать, а сама думаю: да опеке ведь всё равно, им по барабану какая-то соседка тетя Лена. Придут и заберут... Пусть только попробуют, сволочи!

8.

Облака какие над Волгой! Фиолетовые с тысячью оттенков серого. Я таких еще ни разу не видела. Супонина права: вид на мост здесь просто потрясающий. Холмистый правый берег приподнят и как бы парит над рекой; над всей этой зеленью хочется взлететь на дельтаплане и плавно скользить до самой середины черной реки.

Я выбралась из квартиры в пол-одиннадцатого, открыла гугл-карты города У. и решила пройтись до Малиновки-Водовки – той самой рощи, которую живописал грубиян-Ташин. Судя по инету, идти придется прилично – километра четыре, но зато я посмотрю большую часть города. Если повезет, то расспрошу прохожих про Малиновские склепы, но это уже ближе к самой роще. А пока побуду в своей любимой роли наблюдателя, городского зеваки, – того, кого французы называют *flâneur*.

Огибаю Мемцентр – здешний пуп земли. Идти легко; ветер теплый и слабый, солнышко иногда показывается и подсвечивает дальние окна еще одного большого здания. Гугл подсказывает, что это педуниверситет. Останавливаюсь у памятника матери с сыном – тому самому будущему революционеру-подпольщику, в честь которого и отгрохали мемцентр. В голове – четкие ассоциации с богородицей и младенцем, только строгой богородицы – революционной. Я знаю, что младенец-большевик включен в официальную мифологию города У., но меня-то интересует немного другая сторона дела. Или тела? Городского тела...

Вглядываюсь в лица прохожих. Конечно, хотелось бы написать о большей «открытости» провинциальных лиц по сравнению с обитателями столицы, там я не знаю, – большей улыбочности, доброте глаз и так далее. Да только это всё враки. Люди все разные и о-очень конкретные. Впрочем, место, где они живут, действительно определяет многое. По крайней мере, город свой отпечаток точно накладывает; одна из моих задач – уловить этот след, но не в лицах, конечно, а в текстах и рассказах. Какой же след оставляет У.?

– Извините! – слышу женский голос и оборачиваюсь. – Вы не подскажете, где здесь удобнее спуститься к Волге – мы хотим дойти до речпорта?

– Вы знаете: я сама не местная... – улыбаюсь я.

– Да? – искренне удивляется моя собеседница. – А нам показалось, что вы здесь родились. Есть в вас что-то здешнее, у...ское.

Я смотрю на удаляющиеся красные туфли и легкое синее платье. «Во мне? Во мне есть у...ское?» – я внутренне хохочу и даю себе зарок рассказать об этом за ужином Татьяне Федоровне.

Двигаю дальше. Улица Советская, потом Лени-

на, Карла Маркса, Либкнехта, Бебеля, Энгельса – Господи, да это же просто революционный разврат какой-то! И так – почти в каждом городе и городке России-матушки. Одни и те же названия. Да, туговато у советских демиургов было с фантазией. Хотя и у проклятых империалистов-монархистов так же: одни Спасские, Соборные, Троицкие, Купеческие, Московские и т.п.)

Стою на перекрестке. Рядом дожидается зеленого светофора парень в выцветших джинсах, с небольшой косичкой и татуировкой головы дракона сзади на шее. Я засматриваюсь на татушку, и он ловит мой взгляд. Лицо серьезное, но доброе (провинциал же!).

– Мне все говорят, что у него девичьи глаза! – вдруг обращается ко мне парень.

– У кого? – теряюсь я.

– Да у дракона.

Загорается зеленый, и он вдруг срывается вперёд – с какой-то сверхъестественной быстротой. Только тут обнаруживаю, что он на роликах. «Жаль, что не спросила его про рошу. Ладно, найду еще кого-нибудь...».

Продолжаю планировать к Малиновке. Прохожу остановку «Речпорт» и понимаю, что я теперь уже почти местная: могу подсказывать дорогу остальным.

Между речпортом и рощей – череда частных домов, коттеджей, гаражей, каких-то недостроев. Неожиданно ловлю себя на том, что меня тянет к заброшкам.

«Так, Наталья, держи себя в руках: мы тебя не за этим сюда привезли!» – звучит в моей голове строгий голос Татьяны Федоровны, и я смеюсь в голос. Случайные прохожие оборачиваются, один из них странно напоминает Соболева. Мне даже кажется, что уличная копия Иван Иваныча совершает это его неприятное движение носом – будто принюхивается в мою сторону. Улыбка сразу слетает с губ.

Нет, пожалуй, вечером или ночью я по У. прогуливаться не решусь. Странно здесь всё-таки...

Глава 3. Столовая

1.

Рослик проснулся от того, что маленький кусок серой штукатурки свалился ему на щеку. Он вздрогнул и смахнул рукой упавший мусор. Сон почти вернулся, но наверху, на втором этаже, вдруг что-то взвизгнуло. Потом послышался шорох – будто кто-то совсем рядом волок мешок с цементом.

Он открыл глаза и приподнялся, опершись на правый локоть. «Залез, что ль, кто? Не хватало еще...». Руфер и трейсер скинул с себя грязное ватное одеяло, под которым переспала куча народа – и сторожа, и их гости, – и опустил ноги в сапоги.

– Только ведь нагрел каморочку, и кого-то принесло, блин! – Рослик думал вслух. Эту привычку он приобрел недавно: так было легче жить.

Дверь, задевающая нижним углом половую плитку, зашуршала, и он выбрался в черноту большой столовой, где днем пополняли свои силы студенты педуниверса. Его рука нащупала выключатель в гардеробной, куда попадал всяк входящий-выходящий из сторожки. Но Рослик передумал щелкать

выключателем и пошел по темноте: на втором этаже всё равно горел дежурный свет.

На полпути – площадке между лестничными пролётами – он остановился и прислушался. Холодно и тихо. Нет, звуки, конечно, были: капала вода в далеком умывальнике внизу; едва заметно гудели холодильники – как пчелы, поставленные на зимовку. Большие металлические воздуховоды, подвешенные к высокому потолку, иногда пропускали уличный шум – грохот колес ночного грузовика или металлическое стрекотание запоздалого трамвая-одновагонки.

Но к этим столовским звукам Рослик уже привык – за полгода работы сторожем. То, что его разбудило, звучало иначе.

«Целенаправленно, – пронеслось в его голове. – Оно визжало так, будто у него была какая-то цель».

У него от этой мысли похолодело внутри и по позвоночнику будто пробежали влажные тараканьи лапки.

– Что за чёрт? Эй, кто там? – крикнул он в подвешенную пустоту второго этажа. Звук собственного голоса его подбодрил, и он быстро преодолел последние ступени. По-прежнему гудели холодильники и капала вода. Рослик прошелся вдоль линии раздачи, где днем стучали подносами студенты. Его взгляд заскользил по окнам: может, забыли где закрыть створку? Нет, всё заперто, цело и тихо.

Он вернулся к лестнице и только успел спуститься до первого этажа, как на втором снова что-то завизжало и запырало. Дыхание его остановилось, он матюгнулся и побежал назад. Рослик еще раз мельком осмотрел большой зал со столами и стульями, который днем заполнялся до отказа филологами-уфологами и математиками-географами – в общем, будущими учителями-всепредметниками. Вроде всё как всегда... Затем метнулся в подсобку.

«Раньше здесь не капало... Капало же всегда внизу в умывальнике», – он на ходу подкрутил кран большой мойки для грязной посуды, но ничего не добился: капля воды продолжала дрожать на кончике гусака и падать на звонкую ржавую поверхность. Посмотрел вверх и вбок, заглянул под огромный металлический стеллаж с кастрюлями и сковородками и помчался дальше. Эхо его шагов разносилось по большому полутемному помещению.

«Ну если только залезли черти! Вот я им покажу!.. А если их трое или пятеро? Что тогда?». Он не стал долго раздумывать и рванул в коридор, в котором не было ни окон, ни дежурного света. Рука нашарила выключатель, и вверху замигала белая лампа. Она то вспыхивала, то гасла с противным, щёлкающим звуком.

Никого. Только шесть дверей различных подсобок по обе стороны широкого коридора. Он знал, что некоторые из них были всегда открыты, а на двух или трех – амбарные замки. Столовые хранили там всякие припасы на случай всеуниверситетских гулянок и апокалипсиса, плюс – различные инструменты, старые раковины и унитазы. О запертых комнатках с вождением думали поколения сторожей, постоянно пребывающих в поисках жратвы.

Он решил на всякий случай проверить все открытые подсобки, так как точно помнил, что в одной из них есть большое окно – в половину стены. Туда как раз и могли залезть. Больше некуда.

«Проверю – и пойду спать! Пофиг мне: пусть хоть взорвётся тут всё... Это крысы, наверное. Или холодильник какой-нибудь сломался».

Сторож надавил плечом на одну из тяжелых дверей, обшитых серой фанерой. В кладовке было темно, как в кроличьей норе. Он обнаружил, что забыл сотовый в каморке, так что подсветить нечем. Где здесь включается свет, он, убей бог, не помнил. Секунд пять он всматривался и вслушивался в густую темноту; серые пятна чуть подрагивали по невидимым углам комнатки. Этот коридор выпадал из обычной столовской звуковой атмосферы, и поэтому тут стояла такая тишина, что звенело в ушах.

Рослик потянул дверь назад и осторожно прикрыл ее. Ему почему-то стало нехорошо, как-то жутко от всего этого – от беготни, странных звуков и серых пятен по углам.

– Пойду-ка я, – сказал он громко. – Нечего мне тут делать, дурака валять. Хоть разгромите тут всё...

Он сделал несколько шагов, чтобы выйти из коридора, – и снова услышал визг, словно кто-то гнул толстые заржавленные петли или мучил гигантского котёнка. На этот раз источник звука был так близко, что ему показалось, будто петли заскрипели в голове.

Сторож на всякий случай пригнулся и посмотрел вверх.

– Да какого фига?! Потолок, что ли, рушится? – срывающимся голосом шепнул Рослик и понял, что лучше и впрямь вернуться в каморку – от греха подальше.

«Запрусь там, подушку на ухо – и до утра как-нибудь дотяну. Утро вечера по-любасу лучше. А с потолком дурацким пусть вон заведующая разбирается».

Он решил выйти с другого конца коридора: оттуда и ближе спускаться до сторожки, и можно одним глазом глянуть на остальные двери. Диггер, какмышь, прошмыгнул мимо закрытых и чуть приоткрытых дверей, косясь на сочащуюся из щелей темноту. Завернул за угол, чтобы спуститься на первый этаж и... остановился, выпучив глаза. Лестницы не было. Не было и всё тут!.. Он снова стоял в коридоре с подмигивающей лампочкой, подвешенной на специальный металлический столбик, который крепился высоко вверх.

– Как это? – пробормотал наконец Рослик. – Тут так нельзя...

Он отлично помнил, что из коридора с шестью дверьми нельзя сразу попасть сюда же. Если бы кому-то вздумалось проделать такое круговое движение, ему пришлось бы спуститься на первый этаж, пройти мимо гардеробной-сторожки, снова подняться по лестнице и через большой зал – в помывочную, где и была дверь в коридор.

– Наверное, я как-то не так пошёл, – оправдывался он. – Надо вернуться обратно. И свет заодно выключить.

Он протопал до выключателя и хотел было уже щелкнуть им, но оставил всё как есть. «Утром вы-

ключу. Пусть горит – всё безопаснее...» – и он, открыв вход в помывочную, перешагнул порог. И замер. Перед ним снова был всё тот же коридор – уходящий куда-то в темноту, бесконечный, с шестью дверьми.

– Д... да что же это вы... – засипел Рослик; язык вдруг стал большим и едва помещался во рту. – Играть со мной вздумали? Сволочи такие-растакие...

Он от души выматерился, надеясь, что это поможет вернуть всё на места – так, чтобы коридор стал обычным, а не круговым.

«Вчера вроде бы не пили... Из гостей был только Колян... Но он потом ушёл... – часто моргая, он едва поспевал за собственными мыслями. – Сон это. Точняк. Сон! Щас вот как...» – он не успел додумать мысль и с размаху ударил кулаком в стену. Костяшки пальцев тут же окаменели. Сторож охнул и, закусив губу, принялся баюкать правую руку.

2.

– Тоже удостоился, так сказать? С почином тебя! – Колян громыхнул стаканом о железную кружку Рослика и, не дожидаясь, сделал три больших глотка. Бывший диггер тоже пригубил. Спиртовая настойка обожгла горло и сгладила дрожь внутри; стало чуть легче.

– И с тобой тоже так было? Коридор...

– Коридор, – кивнул собутыльник, – но не так. Я топот слышал.

– Топот?

– Да. Бегали там. И кричали. И на помощь звали. Много-много раз. Я даже привык к этому и перестал выходить, а поначалу тоже как ты реагировал. Вон загляни под кровать... Видишь монтировочку? Вот с ней полночи мотался по этому коридору, врагов искал. А теперь – всё, баста. Учёный стал, – Колян вытащил пробку из фляги и обновил их кубки.

– И как же... – Рослик не знал, что сказать.

– Как? Очень просто. Я тут третий год работаю, пообтёрся, приспособился. А остальные – у кого с нервешками не в порядке – сматываются. И месяца не держатся. Вот до тебя здесь Антоха работал, у него прозвище Гробовщик. Тусню приводил, травку курили, орали, водку лакали так, что наутро весь первый этаж заблёванный был. Я ему: «Антох, ты пойми: здесь так нельзя. Это место музыку любит, покой, разговоры душевные». А он мычит в ответ, как бык. Ну и домыхался – инсульт шарахнул. Да, ему всего-то тридцатник, а утром повара нашли всего обоссанного и парализованного на правую сторону. А насчет музыки... – Колян прикурил сигарету и затянулся; Рослик тоже угостился дымком. – Насчет музыки – тут вообще отдельная песня. Вот через нее я с ними и подружился...

– С кем?

– Ну с ними – кто тут бегаёт, бормочет и визжит. Не знаю, как их назвать. С силой этой. Я ведь тоже не железный, чтоб херь эту паранормальную терпеть каждое дежурство. Поработал месяца два – еще когда только начинал тут – и думаю: «На фиг надо! Здоровье дороже денег – уволюсь к такой-то матери...»

А тут ко мне Санёк приперся в одно из дежурств, – ты его не знаешь. Он тут лабал вместе с

местными в рок-группе – и басист, и барабанщик. А по натуре – грёбаный шаман. Повёрнут тут на всём этом – книжки читал, молитвы знал. Он щас в Москву подался, я с ним уж все связи растерял. Так вот: он как услышал посреди ночи всё это – вскочил, глаза горят! Ну я его заранее не предупреждал, я вообще не люблю распространяться про такое. Рассказал ему, сходили мы в тёмный коридор, где шесть дверей-то этих. Выпили – всё как полагается, чтобы обсудить, так сказать, обстановочку. И под утро он мне говорит: «Я с ними подружусь. Вот увидишь, говорит. Жди меня на следующее дежурство».

Я головой покачал, но мешать не стал. Думаю: «Обломается – так его проблемы. Не мои». И этот чел, прикинь, припёр через два дня барабанную установку. Ну попросил там ребятшек – они вечером на тачке подвезли, когда уж поварики все разошлись. Перетасили мы всё это дело на второй этаж, собрал он там эти все тарелки, гуделки-моталки-барабаны и – вниз ко мне в сторожку.

«Теперь, говорит, подождем». Ну нет вопросов. В карты с ним сыграли, покурили, я телек включил, кемарить уж стал. А Санек – не спит. Лупится вон на стену и сидит с открытыми глазами, слушает. И вдруг – мать его за ногу – бам-барабам, бам-бам! Чё такое?! Никогда такого здесь не слышал.

«Ага, – говорит. – Нашли, значит. Они щас поиграют немного, а потом мы к ним подыдемся!» Я молчу. А чё тут скажешь? Еще десять минут тишины. Потом опять – бам-барабам-бам-бам. И в тарелки – быц, быц! Быц-быц!

Я, чесна слово, креститься начал. А Санёк – хоть бы хны. Ну, кароч, подождали мы, а потом – туда поднялись.

«Ты, говорит, просто сиди тут и слушай. Смотри. А я для тебя индивидуальный концерт слабаю». И слабол. Неслабо так слабол. Такой звучит в этом зале – закачаешься. Столовую-то в советские времена возводили, она размером с Байконур, сам знаешь. И оказалось, – это уж мне Санек потом не раз говорил, – что там, на втором этаже-то, акустика какая-то необычная. Как в филармонии, блин.

И вот, значит, оттянулся он на барабанах своих – от души отыграл, мне прям понравилось. И потом мы спать пошли. Так вот с тех пор – как отрезало. В дежурства – и в мои, и у остальных – тишина-покой, мило-дорого посмотреть. Правда, через месяцок опять начали пошаливать. Ну я тогда Саньку звонил – и он прикатывал, концерт давал.

Так вот и жили-поживали. А потом ему это всё надоело, и он, Санёк-то, мне и говорит: «Давай-ка ты, братан, сам учись духов увещевать!» И притаранил мне вон... – Колян приоткрыл шкаф и кивнул на коробку.

– Чё там? – спросил Рослик, у которого голова была трезвее трезвого, несмотря на то что его собеседник не забывал обновляться во время своего рассказа.

– Ну так достань, посмотри.

В коробке оказался небольшой барабан, а сбоку в чехольчике – палочки к нему.

– Вот он меня немного поднатаскал на это дело. И всё – я втянулся. Только у меня музыка-то хреновая, выдать, выходит. Срабатывает дня на три, не больше. Да и вот Гробовщик всю карму подпортил:

после его тусни они снова стали шалить – мой барабанчик мало помогает.

– Знаешь... Я тут подумал, – Рослик почесал шею в том месте, где дракон. – У меня гармошка есть. Купил недавно, а то ведь старую посеял. Может, им тоже... поиграть.

– Во-о! – Колян протянул руку коллеге и крепко пожал. – Одобрямс. Мы с тобой тут еще концерт заткнем, я ж тебе говорю: не звук, а филармония!

3.

Инфа про педовскую столовую, которую Рослик нарыл в инете, была крайне скудна: построили это здание в 1970-х вместе с университетом. В общем-то, всё – никаких подробностей. Зацепку дал какой-то блог в ЖЖ про аномальщину в У., о котором бывший диггер и не подозревал до сего момента. Вёл его некий юзер «дядя Паша Ташин, дед-краевед», как он сам себя именовал:

«По поводу педунивера (я привык называть его институтом) ходит еще одна байка. Услышал я ее от тамошней вахтерши еще в 1990-х. Если точнее, она мне рассказывала не о самом университете, а о двухэтажной столовой, которая к нему относится. Якобы раньше, еще когда города здесь и в помине не было, тут располагались древние могильники – то ли мордвы, то ли булгаров. Но этих булгаров сейчас упоминают и в лад, и невпопад, поэтому меня это не особо заинтересовало. Любопытно другое: будто бы студенты из общаги много раз видели по ночам в окнах столовой некое свечение и тени. Дело в том, что здание общаги как бы окольцовывает столовую, так что у молодёжи есть возможность заметить-понаблюдать.

Я, конечно, заинтересовался. Стал расспрашивать самих студентов и от одной филологини – второкурсницы Машеньки – услышал такую историю:

«Я, говорит, немного со сторожами знаком. Они клянутся, что у них по ночам там чёрт-те что творится – и гремит, и визжит. Парни, говорит, даже уж привыкли к этому».

Нужно сказать, что о странностях в столовой слышали немногие у...цы. Я попытался выйти на тех самых столовских сторожей, упоминавшихся выше, но те наотрез отказались общаться со мной.

Могу добавить к этой истории еще нюансик: один мой давний знакомый, он в свое время работал в городском управлении ЖКХ, уверяет, что под самым подвалом столовой проложена большая бетонная труба. По ней течет речка Бригадирка, о которой из современных горожан уже мало кто помнит. А ведь когда-то это река очень много значила для У.».

Когда Рослик дочитал до упоминания про бетонку, он вздрогнул и почувствовал сухость во рту. Ему нестерпимо захотелось позвонить Синдре, но он сдержал себя: всё равно ведь не ответит. Почти год прошел, как они туда лазили, но до сих пор он чувствовал себя виноватым.

Синдром пару раз ему написала в ВК – просто чтобы сказать, что ей звонить не надо. Лучше вообще не общаться. И всё. Ни ответа ни привета. И чем вот он перед ней провинился? Кто же виноват, что ливанул дождь? Они хотели просто пробежаться по Бригадирке – легкая двухчасовая

экскурсия. Проще пареной репы. Да и разве кто-то сильно пострадал? Поцарапала она свою драгоценную коленку, но он-то тоже разбил голову и потерял старую гармошку, – а новая уже не дает таких чумовых блюзовых тонов.

Ну ее, эту Синдру! Пусть парится со своим Димычем – героем и спасителем. Чип и Дейл, блин...

«Но причем тут Бригадирка? – Рослик снова вернулся к столовой. – Почему это так зацепило меня? Из-за Синдры?..»

По совету Коляна он в одно из последних дежурств опробовал-таки свою гармонику на столовской «силе» – как именовал местные странности сторож-аксакал. Ничего особого не произошло. Диггер поблюзил чуток, лежа на столе, за которым днем обедали преподаватели и студенты.

Второй этаж и впрямь давал наикрутейшую акустику – Рослик даже увлёкся игрой, словно находился не на работе, а пребывал на зеленоватой бетонной свае своей любимой заброшки.

Затем он спустился в каморку и заснул сном праведника: никто в эту ночь не визжал, не топал и не шумел. Значит, пришлась им по душе губная музыка в стиле старика Сонни Боя. И на том спасибо. Благодарим тя, Господи, за радости-крохотульки.

4.

Кто знает, может, и Рослик бы постепенно втянулся в эту столовскую размеренность – как и Колян. Дело-то ведь нехитрое: залезай перед сном на второй этаж, играй в свое удовольствие на гармонике, а потом – спи-отдыхай и денюжку за работу получай. И живи себе, не грузи голову разными объяснялками.

Но однажды – ближе к июлю – столовку арендовали под свадьбу. Тут ничего криминального не было: университетское начальство позволяло, ведь суббота, студентов нет, учебный процесс не нарушается. Дежурить выпало Рослику. Он лежал на пружинистой кровати в сторожке, читал детективный романчик без начала и конца (страницы, вероятно, выдернули его же коллеги на понятные надобности) и с некоторой опаской косился на потолок своей каморки.

На втором этаже гремело «Ах, э-эта, свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала...» – и свадьба действительно плясала, от чего сверху сыпалась побелка.

Вдруг дверь распахнулась и показалась голова Александры Семеновны – самого главного здешнего начальника, заведующей. Полные щеки ее покраснелись, глаза блестели: видимо, гуляющие не оставили ее без коньячка. Вообще, редкие свадьбы были для местных в радость, хоть и приходилось тратить законный выходной: поварихам платили премиальные, после гулянки всегда оставалось много еды и алкоголя, кое-что перепало и сторожам.

– Рослик! – закричала Семеновна; она всегда кричала, даже когда шептала. – Выручай, дорогой! У нас труба в подвале потекла, Дмитрич один не справится.

Дмитрич – сантехник, водитель, строитель, «и жнец, и швец, и на дуде игрец», как он сам себя рекомендовал. Работал он в столовой на полстав-

ки, много пил, много говорил, но всем нравился.

Рослик в подвале никогда еще не был. Ему почему-то даже не приходила в голову мысль о том, что в этом здании есть подвал. На звание самого «подземного» места здесь и без того находились претенденты – чего стоил темный коридор. Диггер пошел туда без особого напряжения и страха: всё-таки был еще день, кругом люди, с ним Дмитрич. Рослик научился в своем сознании четко разделять два состояния у столовой – ночное и дневное. Первое со вторым почти не пересекались, и была в этом высшая логика и закономерность.

– Тэ-эк. Держи инструмент, щас ключ найдем, – Дмитрич привел его к низенькой двери, расположенной сбоку – снаружи здания. – Открываем. Заходим. Иди за мной и бошку береги, тут такие загогулины встречаются – можно и глаз выткнуть.

Свет здесь включался, но большинство ламп перегорело, так что главным маяком служил фонарь в руках сантехника. Когда наружная дверь закрылась, Рослик ощутил знакомое сладостное чувство тревоги и предчувствия близких открытий. «Совсем как в Бригадирке... Эх, Синдром Синдромыч, почему ж ты такая обидчивая?..»

– Ага. Держи фонарь, свети мне. Щас найдем порыв, хомуток сляпаем – и пойдешь снова свадьбу слушать... Тэ-эк. Ага. Вот оно. Ах ты, чёрт, да тут не капает, а льет!

Из толстой трубы действительно тёк небольшой ручеек. Но грязный бетон под ногами оставался относительно сухим – видно, вода сразу уходила куда-то вниз.

– Да-а. Дело, как говорится, труба. Тут хомутом не обойтись, тут весь пролёт менять надо, – бурчал Дмитрич. – Говорил Семёновне сто раз: проси денег, менять здесь всё нужно. А она отнекивается. Ладно, Рослик, голь на выдумки хитра, ща сообразим чё-нить.

Сантехник начал колдовать над трубой, пытаясь охомутать порыв. Сторож старался светить так, чтобы Дмитричу всё было видно.

– Ты вот знаешь, куда эта труба с нашей водой-то утекает? Со всем этим говном, объедками и прочими радостями? – спросил сантехник, стягивая хомут толстенными болтами. Бывший диггер равнодушно пожал плечами.

– Слыхал про Бригадирку? – спросил Дмитрич, и его напарник вздрогнул. – Речка такая была. Она и щас есть, да ее всю вон бедную в бетон загнали и под землю спрятали. Это еще до войны дело случилось – основательно делали тогда, да. Речушка-то по центру города текла и вымывала каждый год овраг. И вот придумали с ней вот так поступить, чтобы центр укрепить. И теперь понастроили всяких торговых центров, кинотеатров, домов – и некоторые даже не знают, что под ногами у них – Бригадирка бежит.

Сантехник закончил работу, ручей, текущий по черной трубе, истончился, а потом и вовсе пропал.

– Так из столовой все отходы сюда попадают? А почему не в канализацию? В Бригадирку же ливнёвки только запустили вроде как?

– Ха-ха, весёлый ты парень, я погляжу! Но наивный, блин. В эту Бригадирку давно сливают всё

что ни попадя. Кто во что горазд. Говорят, вон с радиолампового туда же лили много лет. Но шас завод разорился – так что реке, наверно, полегше стало... Ну вот. Сделали мы свое дело. Молодцы мы! Пойдем-ка, Рослик, к Семеновне – скажем, что боевое задание выполнено. Може, и поднесёт нам по рюманделю, а?

5.

Заведующая поднесла, и они с Дмитричем за-сели в сторожке. С сантехником легко говорилось и уютно сиделось: был он весь какой-то круглый, смешливый и нескудный.

После второй рюмки свадебного коньяку Дми-трич подмигнул сторожу и спросил:

– Ну чё, Рослик? Как тебе тут работается, а?

– Да ничё, дядь Саш, терпимо.

– Вестимо, что терпимо. Иначе бы не задержал-ся тут! – Дмитрич снова подмигнул и чуть вытянул нос в сторону собеседника, будто принюхиваясь. – Ты уж тут сколько? Месяца четыре, наверно? Это ты молодец. А то ведь у нас тут, кроме Кольки, мало кто оставался дольше двух-трех месяцев.

Сторож кивнул и украдкой посмотрел в хитрые глаза Дмитрича: ведь знает обо всём, чёрт старый! Дядя Саша снова вынул пробку и подлил золотисто-коричневого в рюмки.

– Ну, ладно, парень, не таись от Дмитрича. Я тут пасусь уж лет десять – как вот Семеновна заведую-щей стала. Видел чё?

Рослик кивнул.

– Колян мне кое-что говорил, но из него ведь каждое слово клещами надо вытягивать... Топот, плач детский?

– Да, это тоже было, – диггер поежился. – Но вот с коридором случай вышел...

И Рослик живописал. Сантехник слушал его с видимым удовольствием – будто кот про сметану. Иногда даже подсмеивался.

– Вот-вот. И я сто раз про то говорил: круглит тут и водит, ой во-одит...

– Так вы тоже? – диггер наострил уши. – И у вас с коридором приключилось?

– Не. Не с коридором, а вот с подвалом. Никто тебе не рассказывал? Колян вот знает про это, по-моему. Дело было года три назад. Я пошел отопле-ние проверять. Ну посмотрел узел, счётчик, повер-нул назад – а вот тебе хрена лысого! Не могу выйти и всё тут. Да я в этом подвале с закрытыми глазами все входы и выходы найду, каждую щелину-попере-чину знаю, а тут – поди ж ты. Не могу дверь оты-скать! Матерюсь, фонариком свечу. И сотовый ведь как назло в машине оставил. Ходил-ходил, ходил-ходил, устал, сел на стульчик – у меня там есть возле узла – и говорю: «Бригадирка, кончай свои фокусы! Отпусти старого – не до шуток мне...»

Пошел снова искать – и никак. Я уж чувствую, что мне кровь в голову ударять стала, давление под-скочило. Думаю: «Ну всё, дядь Саш, скопытишься ты тут, и найдут тебя к вечеру ближе... Не думал не гадал, что в подвале придется душу Богу отдавать».

И тут мне на ум пришла Колькина штука – ну как он барабанит по ночам, он же тебе рассказывал? Ну вот и я, дурак старый, сел на корточки и давай пальцами дробь по трубе выкаблучивать. Ну как мог

– я ведь еще тот музыкант, четыре медведя по ушам топтались, и те разбежались. Подеребенькал чего-то там, даже, блин, петь пришлось: а куда деваться, жить захочешь и не так раскорячишься.

И чё ты думаешь, Рослик? Только я встал на ноги, десять шагов прошел – мать моя женщина! Да вот же дверь – да еще и неплотно закрытая. В тем-ноте за версту видать. Вот так-то. Непростое это ме-стечко, Рослик, ох непростое...

Они хлопнули по последней, и Рослик слово за слово – сам от себя не ожидал – взял да и выложил сантехнику всю историю с Синдрой и Бригадиркой. А ведь не любил он про это говорить – не было и же-лания с кем-то делиться такими воспоминаниями.

– Да-а. Знатно она вас шарахнула! – засмеял-ся дядя Саша. – Это еще по-божески, пожалела, так сказать. А я вот слышал, что кое-кого она и топила до смерти – не выходили оттуда...

Да и ведь, Рослик, Бригадирка-то эта – тоже не пальцем деланная речушка. Мне вон люди говори-ли... ну есть у нас тут один мужичок – очень голо-вастый, краеведом себя называет... Так вот: когда У. был и не городом, а так – крепостишкой, это лет три-ста назад, а может, и все пятьсот, речка эта вроде как охранницы была. Ну ров охранный вокруг крепости заполняла. И когда бывало нападал кто – а там кто мог нападать? Разбойники, может, местные, мордва ли – я не знаю. И вот в речку, короче, убитых сбрасы-вали. Она аж красная становилась от этого. Поэтому ее и называли Красная Бригадирка, ага...

Тут к ним в каморку заглянула повариха Галя и сказала, что Семеновна призывает сантехника к себе. И Дмитрич испарился.

Рослик сидел почти час за столом, обдумывая сказанное сантехником. Что-то шевелилось в его памяти, вспоминались какие-то голоса и разгово-ры, и среди прочих отчетливее всех был слышен го-лос отца.

Глава 4. Свидание в роще

1.

«Наташик, карлик опять заявился. На этот раз в паре с какой-то другой ведьмой. Я сразу же тете Лене звякнула – и она прибежала. Отца дома не было – его уже сутки где-то носит, но я, конечно, наврала им, что он только что ушел – трезвый, как мамонт.

У нас всё чисто, продуктов полный холодиль-ник. Я вообще-то уроки сидела делала, когда они припёрлись (это правда, правда!!).

Опять начали всё вынюхивать, осматривать, вопросы задавать. Но тётя Лена – вообще красава – отбоярилась от них в два счета. Всё, мол, окей, де-вочка под присмотром, сестра вернётся не сегодня-завтра, семья вполне благополучная – я как соседка могу подтвердить.

Наплела им столько, что они, наверно, всю не-делю лапшу с ушей снимать будут...

Наташик, а ты когда на самом деле вернёшься, а? Я соскучилась! Еще из-за этого карантина не схо-дишь никуда особо-то, я целый день вон фильмы по смартфону смотрю. Надоело. Приезжай, плииз!!»

Катик меня сегодня порадовала, настроение прям повысилось. Я сейчас обрабатываю то, что удалось накопать в Малиновке. До склепов так и не

дошла – их, судя по всему, с проводниками искать надо. Зато я знатно посидела на скамейке с тремя женщинами, которые выгуливали своих спиногрызов. Это как раз в роще дело было. Малиновка, по сути, большой лесопарк, удивительно тихое и красивое место.

– Я здесь всю жизнь живу, вон мой дом видать, – показывает рукой полная пожилая женщина. Говоря, она ни на секунду не упускает из виду мальчишку лет четырех, бегающего поблизости, – наверное, внука. – И никогда ни про какие склепы не слышала. Всю жизнь тут роща – роща она и есть. Деревья да дорожки и воздуха немножко. И никаких склепов.

– Ну как же! – возражает ее более молодая соседка по скамейке. – Это в советское время рощу здесь сделали, а до этого-то тут имение помещиков было – фамилию не скажу. И склепы есть, да только они там – в овраге. Мне сын старший рассказывал, он много раз ходил к ним.

– Ой, не знаю! – продолжает гнуть свое пожилая. – Всю жизнь тут жила, ничего не слыхала. Роща она и есть роща.

– Так, может, вам просто неинтересно было, – вклинивается в разговор третья женщина средних лет. Голос у нее глубокий, низкий, похожий на мужской. Она напоминает чопорную англичанку не из нашего времени, и я не ожидала, что смогу разговаривать и третью «сиделицу». Та покачивает коляску, в которой спит совсем маленький ребёнок.

В ответ на замечание «англичанки» полная только хмыкает. Возникает пауза, я хочу задать следующий вопрос, но воздух снова наполняется низким голосом чопорной.

– У нас есть... ну назовём это семейным преданием, потому что документов никаких не сохранилось. Так вот старшие родственники по маминой линии рассказывали, что мы родня Джейн Томкинс – компаньонки помещицы Смолиной. И говорили, что склепы сделали заранее – для самой барыни и ее компаньонки. Но тут случилась революция, и всё изменилось: у Смолиных всё отняли, они эмигрировали, а их бывшее поместье и огромный сад превратили в парк.

– А сейчас что в этих склепах? – спрашиваю я.

– Да кто же знает! – встревает та, что помоложе. – Туда только мальчишки и лазят. Ничего уж, видимо, не осталось.

– А мне сказали, что оттуда ведут подземные ходы – вроде как лаз до самого центра города?

– Кто это вам сказал? – вдруг строго спрашивает пожилая. – Это чистой воды враки. Может, вы еще и клады туда пойдете искать? Говорят вам: нет там ничего, и ходить туда не стоит. Я вас просто предупреждаю!

Я, смущенная, соображаю, что бы такое ответить на этот выпад, но ситуация разрешается сама собой.

– Витя! Витенька! Давай домой! – полная дама встает и, не прощаясь, уходит вместе с внуком.

– Не обращайтесь на нее внимания! – говорит мне через минуту после ее ухода молодая. – Я ее знаю, она в соседнем дворе у нас живет – она вообще не любит приезжих да чужих.

Я киваю.

– Если кто-то вам и сможет рассказать об этих

склепах, так это мой брат. Я могу договориться с ним насчет этого, – это уже добавляет «англичанка».

Я рассыпаюсь в благодарностях, и мы с ней обмениваемся номерами сотовых.

Потом я отправляюсь бродить одна по дорожкам рощи. Дышу воздухом настоящего леса и слушаю переговоры птиц. Мне вроде бы должно быть хорошо и спокойно, но из головы почему-то не уходит сказанное пожилой женщиной. Я вспомнила, что нечто подобное мне говорил и Соболев. У них тут что – местная особенность такая? Предупреждать?

2.

Вечером мы с Татьяной Федоровной закатали «грандиозный пир». Это так обозвала нашу посиделку сама Супонина. Пожарили курицу, купили красного полусладкого – и «закутили».

– Как у тебя, Наташенька, – удачно сегодня? А я тебе такого информанта отыскала – просто клад, а не человек. Это Ольга Турусова – директор местного краеведческого музея. И чего я сразу тебя к ней не отправила? Она же сама все рассказы и легенды про У. собирала. У нее даже есть несколько публикаций в местной прессе на этот счет. Одна так и называется – «Легенды Малиновской рощи». Ну? Разве не прекрасно?

Я действительно обрадовалась, потому что мне надо было уже брать быка за рога. В начале следующей недели уезжать, а я еще только раскачиваюсь. Нужны записи и встречи, записи и встречи. Я стрельнула у Супониной телефон директора музея и спросила Татьяну Федоровну про сегодняшний день.

– Ой, Наташенька, я сегодня что-то углубилась в особенности местной политической игры. Тут такое любопытное противостояние между муниципалами и областной властью – на нем-то и строится здешняя политика-экономика.

Я изобразила интерес, но дальше вслушивалась мало. Лишь бы не сорвалась завтрашняя встреча с братом этой «англичанки». И мне нужно найти проводника до Малиновских склепов – хотя бы для того, чтобы сделать фотки. Фотоотчет о поездке ведь закрепили за мной. Тут подкачать нельзя.

Перед сном заглянула в почту, а там письмо: пришло послание в личку с ЖЖ:

«Это Ташин. Случайно не вы с моей сестрой сегодня в роще беседовали? Это можете быть только вы – кто же еще? Я только удивляюсь, как вы так быстро смогли найти ее. Впрочем, это неважно. Я готов с вами побеседовать, потому что иначе, видимо, нельзя. Завтра в 12:00 в Малиновке – на той же самой скамейке. Устроит вас?».

Я ответила, что да, устроит. И, конечно, рассыпалась в благодарностях. Дело продвигается, господа присяжные!

3.

Темнота. Вдалеке, на самой границе восприятия, чуть брезжит свет. Я, спотыкаясь, бреду туда. Только тут замечаю, что вокруг – вовсе не тишина. Капает вода, где-то что-то тонко подсвистывает, будто сверчок. Едва улавливается низкий гул, давящий на все чувства. Пахнет землей и влажным

бетоном. И вдруг – глубокий вздох кого-то огромного; совсем рядом притаился кто-то чудовищный, я чувствую на себе его хищный взгляд.

– Не бойся, – шепчет мне мужской голос и чья-то сильная рука берёт мою ладонь в свою. – Мы сможем от него уйти, но придётся бежать. Готова?

Бежим в полной темноте, ноги тонут в вонючей жиже, месят кашу из камней и веток, а мы продолжаем нестись вперёд – как сумасшедшие. Но оно догоняет нас, его дыхание и тяжелые вздохи всё ближе и ближе. И тут нас сбивают с ног.

Я лежу на спине, закрыв глаза. К моему лицу медленно приближается чья-то большая голова; она обнюхивает меня – и это длится вечность. Затем холодок, резкое движение воздуха и – отчаянный крик боли. Я понимаю, что чудовище добралось до моего спутника. Глухие удары и потом – выворачивающие наизнанку чавкающие звуки. Совсем рядом пожирают того, кто хотел спасти меня.

* * *

Проснулась я с криком. Привсталась, судорожно хватая воздухом ротом, и долго пялилась в темное окно, чуть подсвеченное уличными фонарями. На сотовом – третий час ночи. Я сходила в ванную и умылась. Потом пошла на кухню и налила себе холодного молока. И, наверное, с полчаса стояла возле кухонного окна, смотря на пустой Колотовский бульвар.

«Может, и правда лучше уехать? Меня ждет Кати, а тут... Тут что-то не так. Зря мы сюда приехали с Супониной...» – я поймала себя на этой мысли и удивилась. Что это? Неужели разговор на скамейке так на меня повлиял? Чувствую всё это. Надо просто сделать свою работу, причем работу, от которой я ловлю кайф, и потом уехать – только и всего.

Я подумала о сестре, представила, как она сейчас спит в своей любимой позе – завернувшись в плед, словно в кокон, – и мне стало нестерпимо жалко ее. Как же фигово, когда нет мамы. Ну почему всё так? Зачем нужно было забирать ее у нас?

Прошло всего пять лет после ее смерти, а я уже с трудом могу четко вспомнить ее лицо. Когда смотрю на фото, где они с отцом улыбаются, – это во время папиного дня рождения, мне тогда лет пятнадцать было, – я помню ее. Но стоит убрать фотку – и лицо расплывается. Будто приходит туман и хочет забрать ее даже из моих воспоминаний.

Всё случилось так глупо и быстро – никчемная простуда, кашель, снова кашель, вроде бы бронхит, а вроде бы и нет. Когда опомнились – выяснилось, что двусторонняя пневмония со стертыми симптомами, без высокой температуры. Но состояние ухудшалось, положили в инфекционку и вдруг – всё. Мамы у вас больше нет! Да вы свихнулись совсем? Как нет? Как?!

Слёзы замечаю уже на подбородке, несколько холодных капель просочились за воротник футболки, в которой сплю. Если и есть в этом смысл, то я точно его никогда не пойму. Это как идти по темному коридору, не зная верного направления.

Вспоминаю сон, и внутри всё сжимается. Нет ничего омерзительнее этого ощущения – когда чувствуешь, что кто-то обнюхивает тебя, пытается втянуть тебя целиком, распознать, кто ты, а затем

решить – оставить в покое или сожрать...

Уснула только под самое утро. В девять меня разбудили стук в дверь и призыв Супониной отвезти кофию.

4.

– Зачем вам это всё? – Ташин смотрит так, будто цель нашей встречи в том и состоит, чтобы я ответила на этот вопрос. Может, он и в самом деле так думает.

Я заранее никак не представляла себе его внешность, но уж точно не ожидала, что «дед-краевед» – это мужик, которому нельзя дать и пятидесяти. Худое узкое лицо, глубоко посаженные глаза, борода из десяти коричневых волосинок и очки с толстыми стеклами – вот кого я увидела на скамейке в роще. На свою чопорную сестру-«англичанку» он похож, как топор на кашу – ни единой общей черты.

– Павел Сергеевич, – представляется он, я сажусь рядом, и он тут же задает свой главный вопрос.

– Ну, я исследователь, – отвечаю. – У нас проект по малым городам, собираемся издать монографию, в которой будет не только про У., но и...

– Ерунда, – прерывает меня Ташин и так машет рукой, словно хочет закрыть ею мой рот. – Если вы только за этим сюда приехали, то лучше сегодня же купить обратный билет. И главное – почему вас интересует именно такая тема? С вами кто-то еще ведь прикатил? Они тоже интересуются... м-м... необычным?

Я сказала пару слов про Татьяну Федоровну.

– Вот и вы, вот и вы, – он говорит поспешно, будто боясь, что я его перебью, – занимались бы тем же – политикой, статистикой и тому подобным. Понимаете, в роще лучше видеть только рощу – и ничего более...

Я вздрагиваю и опускаю глаза под его взглядом. Знакомые обороты речи, очень знакомые...

– Всё-таки я хотела бы поговорить с вами об У. – можно начать с Малиновки... – вставляю я, надеясь тем самым отвлечь его от моей персоны.

Он вздыхает и прислоняется к спинке скамьи. Его напряженные плечи чуть расслабляются и опускаются.

– Наталья, послушайте меня... Я тоже начинал, как вы: завёл бложек, рыскал тут, бил копытом, интересовался, записывал. А потом – как отрезало. Вы не заметили дату последней моей записи в блоге? Больше трех месяцев назад. Я теперь этим не занимаюсь, и вам не советую.

– Но почему, Павел Сергеевич? Любопытно же...

– Любопытно, – Ташин передразнивает мою интонацию. – Девушка, да ничего любопытного! Просто собрание пустых фактов, домыслов и слухов – только и всего. Поройтесь вон в желтой прессе – и найдете то же самое.

Мы молчим. Он не смотрит в мою сторону, а куда-то в небо и на верхние ветки деревьев.

– Хотите пройтись? – неожиданно предлагает он и быстро поднимается. Я тоже встаю вслед за ним. Мы идем по одной из аллеек, уводящих вглубь парка. Он шагает широко, и мне приходится идти быстрее, чем я привыкла.

– Вы вот говорите: монография, – продолжает он. – И что там будет написано не только про У.

Да уже это – какая-то насмешка! Знаете ли, наш город – большой ревнитель. Конкурентов и сравнений не любит...

Тут Ташин смеется – тонко и нежно, почти фальцетом, что совсем не подходит к его стремительности и резкости.

– Но вот если начать с Малиновки... – повторяю я. Диктофон записывает уже минут 15: я включила его еще перед тем, как сесть на скамейку.

– Малиновка... – его голос становится мечтательным. – Это мое любимое место в городе. Вы знаете, что здесь более 200 пород разных деревьев? Смолины постарались, очень богатые и образованные были помещики. И эта роща – единственное место во всем городе, где уцелел кусочек того леса, что был еще в XVIII и даже в XVII веке. Представляете?

Я давно хотел написать историю Малиновки – такую увлекательную, настоящую, чтобы передать читателю всю мою любовь к этому месту. Говорят, – но это тоже слухи, конечно, – что сам Гончаров – наш писатель-классик – вдохновлялся тут для написания своего «Обрыва». Слышали про то?

– Я слышала, что компаньонка здешней барыни – ваша родственница, – осторожно, боясь его спугнуть, говорю я.

– Ну, не компаньонка, – морщится мой собеседник. – Скорее, она была няней Кэтлин – Смолину так звали, на английский манер. Ее отец ведь был ирландец. Да, да, это целая история. Кэтлин досталось в наследство огромное состояние – у нее тут были и земли, и заводы. Было еще одно имение в сельских районах – оно потом под школу использовалось. И няня-то – эта самая Джейн, тоже, кстати, англичанка – и предложила соорудить вот эти родовые усыпальницы для себя и своей барыни. Причем заранее – когда о смерти из них никто еще не помышлял. А потом революция... Ну вы знаете всю эту историю...

Я молчу, понимая, что он продолжит сам: я вижу, что ему хочется продолжить, но он борется с собой. Мы переходим на другую дорожку; звук от автомобилей совсем перестает быть слышен. Лишь шум ветра в кронах и редкая перекличка птиц.

– И вот потом все эти рассказы – склепы, клады, подземные ходы... А знаете что? – он останавливается и смотрит на меня из-под ладони, закрываясь от солнца, которое нашло путь сквозь ветки деревьев и светит ему в лицо. – Не хотите взглянуть на эти самые склепы? На самом деле это не так далеко, если знать дорогу. Просто я придерживаюсь того простого принципа, что лучше один раз увидеть...

Я киваю, и он тут же сворачивает на другую тропинку – уже без асфальта. Мое сердце стучит сильнее, но я изо всех сил стараюсь скрыть свою радость. Только бы его не спугнуть, только не...

– Дело ведь даже не в том, есть ли там подземный лаз или нет. Я уж молчу про дурацкие слухи о кладах – меня это вообще мало интересует. Вся соль в другом...

Он останавливается и поворачивается ко мне. Узкую тропку со всех сторон окружает низкий кустарник с красноватыми листьями. У Ташина взъерошились волосы на голове, борода ушла в сторо-

ну, а глаза блестят – он похож на поэта, охваченного вдохновением.

– Вот если я вам скажу, Наталья, что лаз есть? Что подземный ход существует – вот что это изменит? Для вас лично? Да ничего!.. Дело совсем не в лазе, а в том, кого мы там можем встретить. Так ведь, Наталья?

Глаза мои расширяются, в правом виске молоточком стучит пульс. Несмотря на то что солнечный свет заливает всё вокруг, я опять ощущаю себя в темноте, где вздыхает кто-то огромный.

Он, видимо, замечает бледность моего лица и удовлетворенно хмыкает.

– Значит, успели кое-что увидеть, да? Быстро, однако. Некоторые годами ждут – и ничего. Что-то, наверно, есть в вас...

Ташин поворачивается и идет вперед своими большими шагами. Я смотрю на его удаляющуюся спину, ни о чем не думая. А затем семеню за ним. Солнце светит, птицы поют.

* * *

– Вот это барский, а вон тот – его сейчас совсем прошлогодним мусором засыпало – предназначался для Джейн. Раньше тут даже крест был, потом его погнули и сломали, – мы стояли возле полуразрушенного каменного сооружения, которое напоминало уходящую вниз арку. На боковинах сохранились остатки ржавых петель: раньше, вероятно, тут находились двери. Сейчас на их месте зиял полузасыпанный землей и камнями провал.

– Знаете, что самое любопытное? – спросил Павел Сергеевич. Не дожидаясь моей реакции на свой вопрос, он положил руки на каменные бока арки и, опершись одним коленом на завал, сунул внутрь голову. – То, что в этих склепах так ведь никого и не схоронили. Барыня и ее няня умерли не в России – одна в Англии, другая в Харбине. О-оп!

И, к моему изумлению, «дед-краевед» исчез в дыре, втянувшись туда, словно змей-искуситель. Я невольно тоже приблизилась к арочному входу, пытаясь рассмотреть, куда делся мой гид.

– Не бойтесь испачкаться? Тогда прыгайте за мной. Фотоаппарат-то у вас есть? Вряд ли ведь еще сюда сунетесь.

Я быстро отщелкала внешний вид барского склепа и просунула голову в дыру.

– Давайте, давайте, не бойтесь, я вас здесь подстрахую!

Я, попровавшись с чистыми руками и джинсами, полезла вперед. Лаз уходил плавно вниз, а затем быстро начинал расширяться. Грязь под руками вскоре сменилась холодным камнем. Ташин сидел на корточках с небольшим фонариком в руках.

– Лезьте за мной. Еще немного и можно будет выпрямиться в полный рост, – и верхняя часть его тела снова исчезла в чернеющем провале. Я старалась заглушить все мысли и чувства, потому что дай я им волю – и приключение закончится. Разум и страх заставят поспешно ползти обратно. А разве не за этим я сюда приехала? Или всё-таки действительно не за этим?

Краевед ждал, подсвечивая мне дорогу фонарем.

– Осторожнее, не ударьтесь. Теперь можно

уже выпрямиться. У вас в смартфоне есть фонарь? Отлично. Можете и фотографировать со вспышкой. Тут начинается коридор – он выложен кирпичом. Это и есть тот самый лаз, о котором вам рассказывали.

Я щелкаю затвором, фотки получаются мутноватые, потому что фотоаппарат не ахти – обычная мыльница.

– Куда ведет этот лаз, Павел Сергеевич?

– Вы на самом деле думаете, что я проходил его до конца? – он смеется. – Поверьте, вряд ли вообще кто-то это делал. Может, только строители. Да и зачем? Чтобы встретиться, не нужно проходить весь путь... Идите за мной, старайтесь смотреть, где я нагибаюсь, тогда сохраните голову целой для науки.

Я осторожно двинулась за ним, светя себе под ноги смартфоном. Он молчал минуты три, я решила, что надо задать какой-то вопрос.

– Павел...

– Ш-ш. Здесь давайте немного помолчим. Я сам заговорю, когда можно будет. Это место, Наташа, требует уважения и тишины. Большого уважения...

Диктофон я всё равно не выключила – он мог работать много часов подряд. Ташин передвигался неспешно, но уверенно. Я сделала вывод, что он сюда заглядывает частенько. Пол коридора – сухой, завален кусочками красного кирпича, штукатурки; иногда попадались почерневшие листья и ветки. Было прохладно, но вполне комфортно. Пахло не так, как в подвале: скорее, запах напоминал атмосферу старой кладовки, заставленной прошлогодними соленьями, забытыми березовыми вениками и старым садовым инвентарем.

Мы шли минут десять. Я заметила, что кирпичный пол всё время уходил под легким уклоном вниз – будто бы мы спускались всё глубже и глубже под землю.

Страх почему-то оставил меня. Я вспомнила, как мы с мамой – очень-очень давно, когда еще Катьки даже в проекте не намечалось – играли в прятки на улице. Мы тогда жили в Твери в небольшой трехэтажной сталинке. Сбоку этого дома располагалась узенькая дверь, ведущая в подвал. Обычно на ней висел небольшой замок, но в тот день ее оставили открытой.

Пока мама сидела рядом с песочницей и считала вслух, закрыв глаза руками, я успела добежать до входа в подвал и спуститься туда, прикрыв за собой дверь. Подвальный оказался сухим и аккуратным. Мама быстро сообразила, куда я делась, и вместо того, чтобы отругать меня, сама спустилась туда.

И мы сидели с ней там на каком-то старом деревянном ящике, наверное, минут сорок. Через продухи к нам попадал свет, появлялись и исчезали тени прохожих, слышались искаженные толстыми стенами звуки голосов и автомобилей. А мама рассказывала мне какие-то веселые сказки – истории про подвальных человечков, которые она, наверно, придумывала прямо на ходу. Как же мне тогда было радостно, как я ее любила!.. Я совершенно точно была уверена в том, что моя мама – добрая волшебница, знающая обо всем на свете, самая добрая, самая веселая... Я потом десятки раз рассказывала об этом своим подружкам по детсаду, и они отчаянно завидовали мне, потому что ни у кого не было такой

мамы, которая полезла бы за ними в подвал. Ни у кого...

– Теперь можно и поговорить. Наталья, можно на ты? Ага. Чувствуешь, что коридор изменился? Я говорю не про внешнюю сторону дела, а про внутреннюю.

Мы остановились с ним возле развилки – основной проход по-прежнему шел прямо. В боковые стороны, налево и направо, уходили два узких лаза, похожие на трещины в полу.

– Вот тут самое важное, Наташа, – он говорил негромко и серьезно. – Тут нужно постоять и подумать. Это не простая развилка – и досюда, кстати, далеко не все добираются. Потому что не знают правил – шумят, галдят, выпендриваются – и их просто не пускают. Надо закрыть глаза и открыть чувства. Дальнейшее зависит от самого человека. Я потушу пока фонарик, а ты выключи свой на смартфоне.

Я подчинилась его указанию. Закрывает глаза, прислушиваясь к окружающему. Когда мы перестали идти, стало совсем тихо. Я не слышала даже дыхания своего спутника, хотя он находился совсем рядом. Ничего не происходило. Прошла минута, другая. Я, улыбаясь, тихо спросила, можно ли открыть глаза. Мне не ответили. Еще не включив фонарик в телефоне, я с бьющимся сердцем уже поняла, что произошло. Но просто отказывалась в это поверить. Фонарик высветил лишь кирпичные стены и темноту коридора. Я позвала его один раз, второй, потом закричала во весь голос.

– Это совсем глупо с вашей стороны, Павел Сергеевич! И не смешно. Завести девушку сюда, а потом спрятаться... – я говорила еще и еще. Звала, обзывала его, начала даже всхлипывать – ничего в ответ. Тишина. Абсолютная.

А затем с той стороны коридора я услышала звук, похожий на тяжелый вздох.

5.

– В каждом подвале, Таша, живут свои маленькие человечки. У них такие серые шапочки с острым верхом и зеленые штанишки. Они обожают сказки и музыку – особенно звуки колокольчиков. Как звенит колокольчик? Динь-динь-динь! Тебе нравятся сказки? И им тоже. Все их любят...

Мама обнимает меня, от нее идет тепло, голос у нее такой мягкий-мягкий, волшебный.

– Мам, а человечки дарят подарки?

– Конечно. Но не каждому, а только тем, кто в них верит, кто их любит. Вот им они дарят сладкие конфеты и свои волшебные истории. А тому, кто их обижает, – они... отворачивают голову, Таша. Выгрызают внутренности, Таша...

Голос у мамы становится низким и чужим – как у той «англичанки»... У какой такой англичанки?..

Я слегка отстраняюсь от мамы и смотрю ей в лицо. И вижу, что мама – другая. Рот и нос у нее уезжают куда-то в сторону, голова удлиняется. Мне страшно, очень страшно, но я смотрю ей в глаза и вижу, что там осталась прежняя мама.

– Мама, а чего не любят человечки? – спрашиваю я. – На что они обижаются?

Та молчит, хмурит брови, голова ее расширяется во все стороны, но я не хочу замечать этого, я смотрю ей только в глаза.

– Мы не любим тех, кто нас не любит. Тех, кто думает, что можно жить без нас. Тех, кто выпендривается и гордится собой. Тех, кто забывает о нас, пренебрегает нами, надеется только на себя. А мы – тут, тут, тут, тут...

Голос ее становится мягче, из него уходят грубость и бас, черты ее лица колеблются, а затем всё охватывает мягкий зефирный туман. Мне хорошо. Мне до безумия хорошо.

* * *

– Ч... что... Что вы... Что вы сделали со мной? – я поднимаюсь на локтях. Вижу Ташина, который сидит возле входа в склеп и курит.

Я лежу недалеко – на травянистом пригорке рядом с кустами шиповника.

– Очнулась? – он выдыхает дым и не смотрит на меня. – Крепко же тебя взяло. У других не так сильно бывает... А я вот один туда ходил. Один и выползал оттуда.

Я попыталась встать, но ноги еще дрожали. Поэтому я осталась сидеть на теплой траве.

– Вы меня вытащили оттуда?

– Ну а кто же? Пушкин, что ли? – он прикуривает еще одну сигарету. – Куришь? Ну и правильно. Много щас курящих девчонок, мне это не нравится.

– Что со мной было?

– А я откуда знаю? – он улыбнулся и покачал головой, как будто я удачно пошутила. – У каждого свое. Но есть и общее, конечно... Кто у тебя умер?

Я не ответила, так как из-за его вопроса мгновенно вспомнила, с кем недавно, только что, вот только что говорила, общалась. Кого обнимала.

– А у меня вот – жена. Звали Светой. Светланой Николаевной. Работала в городском архиве. Я её целых десять лет не видел, начал забывать ее голос, лицо – вот до тех пор, пока сюда не залез.

Я молчала. Не могла справиться со слезами.

– Поплачь-поплачь. Это хорошее дело – поплакать о них. Вот только... – он резко развернулся ко мне и, сжав кулак, погрозил в мою сторону. – Ты, Наташа, послушай меня, очень внимательно послушай! Ходить в этот склеп больше нельзя! Нельзя и всё! Понимаешь?!

Павел Сергеевич выдохнул и спрятал лицо в рукав, я видела, что его плечи сотрясаются от беззвучного плача.

– Нельзя туда, Наташенька, а тянет. Тянет, дурака! – он убрал руки с лица, но в мою сторону не посмотрел. – Ты знаешь, сколько раз я там уже был? Я уже сбился со счета. И ведь, сволочь, сдержаться не могу – других вот вожу. Жалко ведь! У одного – друга моего старого, еще по радиоламповому заводу с ним знакомы, – сын утонул. В Волге. Прямо во время соревнований – они там парусным спортом увлекались. Так он жизни хотел себя лишиться... Ну я и привел его сюда. А он потом стал шастать чуть ли не каждый день. Я его уговаривал, умолял – нельзя, дескать, так. А он что, меня слушать будет? И три месяца назад – всё. Приплыли. Нашел его тут, у входа. Дело-то по весне было – еще снег лежал. Признали инфаркт, но я-то знаю, в чем дело... Забирают они, уводят с собой, да. Хорошо там с ними. Ведь правда, Наталья?..

Я закивала. Меня начал бить озноб, хотя солнце еще освещало верхушки деревьев.

– Павел... Сергеевич. А фотоаппарат мой...

– Чё, дрожишь, да? Это бывает, – он поднялся на ноги. – Фотоаппарат твой, Наташа, остался там. Это место не любит... пиара.

Снова я услышала его фальцетный смех. Я автоматически коснулась своего кармана – диктофон вроде на месте. И то хорошо.

– Ну, сможешь встать? – он протянул мне руку, и я, ухватившись за его ладонь, поднялась.

Через полчаса мы вышли к основной аллее парка.

– Вот что, Наташа. Просить о том, чтобы ты никому об этом не рассказывала, я не стану. Бесплезно. Уж я-то знаю, поверь. Но запомни: если ты отведешь туда человека или расскажешь ему про коридор, – он на твоей совести. Целиком и полностью. Твоя вина и твоя боль.

Он кивнул мне и пошел прочь широкими шагами. Оставалось только смотреть ему в спину.

До смерти захотелось пить и – позвонить Катю. Господи, как она там одна? *Я-то ведь маму видела, а она – нет.*

Глава 5. Паранормальная экология

1.

– Чуваки, просто отпад! Вот тут тот самый домик раньше стоял, а щас шиномонтажку зафигачили. Так, стоп, щас будет сложно, тут не просто заборчик – сверху колючку натянули, – Рослик шепчет в микрофон от экшен-камеры. Сама видюха закреплена у него на голове – будет что показать ютуб-зрителям.

К нему на канал уже добавились больше 15 тысяч подписчиков. Лиха беда начало, как говорится. Так, трейсер и сталкер, вперёд!..

Всё четко вышло. Объект, конечно, особенный, это тебе не какая-нибудь заброшка, а охраняемая частная собственность. Да что говорить: снять знаменитый 41-й дом по улице Розы Люксембург! С полтергейстом и со всеми наворотами. Это вам не в тапки гадить. Хей-хо!..

Рослик, крадучись, обходит двухэтажное здание с темными пластиковыми окнами. Тут явно не живут – вверху офисы, внизу шины меняют. Он сразу замечает видеокамеру под карнизом: попасться в объектив нельзя. Хорошо, что на голове – черный капюшон, и сам он одет во всё смутно-серое.

Крутотышка крутота – это, конечно, пробраться в подвал. Потому что прежний дом снесли, двор закатали в асфальт – кароч, ничего интересного. А вот подвальчик – уже кое-что. Можно вещать братьям по инету, что ты реально заснял что-то клёвое.

– Так, что это у нас тут? Подвальное окошечко? – шепчет Рослик в микрофон. – Пам-бам! И как у нас открываются пластиковые окна, кто помнит?..

Он снова думает о том, что рыскать по частной территории – то еще приключение. Не сталкерская это фишка, не для трейсеров и проводников. Но, с другой стороны, какого чёрта? Не грабить же сюда залез Рослик, а пообщаться. Всего-то проверить одну идеюку.

С окошком он справился за какие-то десять минут. Втянулся туда, будто уж в нору, и, спрыгнув,

ощутил под ногами холодный кафель. Он включил небольшой фонарик-карандаш и тут же присвистнул от удивления. Вместо ожидаемого подвала он попал в большой, хорошо оборудованный гараж, в котором отдыхала белая «Тойота».

– М-да... Шуточки прочь, – шепчет он в микрофон. – Если меня здесь застукают, точно решат, что я за тачкой припёрся сюда. Или за магнитолой.

Парень оглядывает кафельный пол и вскоре находит искомое – крышку люка. Та, слава богам, оказывается незапертой. Рослик поднимает ее, залезает вниз, в темноту, и тихо прикрывает за собой. Железная подвесная лестница, как он и думал, ведет в большой погреб. Это как раз то, что ему нужно.

2.

Он, конечно, не ставил себе никаких четких целей, но знал, что его вылазка должна что-то подтвердить. Где-то внутри его сознания уже оформилась гипотеза, но ему нужны были веские доказательства («Рослик, ведь у тебя сердце настоящего исследователя!»).

Бывший диггер достал из рюкзака небольшую туристическую пеночку и расстелил ее на холодном бетонном дне погреба. Вдоль стены тянулись полки с банками, пахло прошлогодней проросшей картошкой – остро, до щекотки в ноздрях. Устроившись в йоговской позе, Рослик посветил вверх: плотно ли он прикрыл крышку?

Затем выключил фонарик, вынул из внутреннего кармана губную гармошку, и вскоре абсолютная, космическая чернота подземелья 41-го дома услышала блюзовые мотивы старика Сонни Боя...

* * *

Отец улыбается. Он сидит рядом с ним на полу и покачивает головой в такт блюзовым вертушкам сына.

– Ты идёшь правильно, Рослик. Доверяй себе. Прочь мозги, верь чувствам, верь собственной заднице, осязанию, обонянию! Вот скажи: когда весна высушивает все дороги в У., что происходит на улице? Звуки, меня интересуют звуки!

Сын не перестает играть и думает над вопросом.

– Ну? Сдаешься? Хорошо, давай я тебе помогу, – продолжает отец. – Послушай вот это: *кожа резиновых подошв авто с шелестом отслаивается от костей асфальта...* Вчувствуйся в сказанное. Понимаешь, о чем я? Звуки, сын, звуки! Город нужно слушать – и тогда он прислушается к тебе. В него надо внюхиваться – и он тоже обязательно ответит. Давай-ка еще попробуем. Что ты слышишь?

Рослик замирает, и гармоника замолкает. Тишина тут же выскакивает из темноты, как вор из подворотни. Силуэт отца начинает тускнеть, и музыкант, спохватившись, снова извлекает тихие блюзовые нотки.

– Забудь о том, что ты делаешь. Забудь о себе и обо мне, – голос отца становится тусклым и мертвым. – Тебе давно пора забыть об этом. И тогда ты услышишь...

Играющий старается изо всех сил. Старается изо всех сил...

Фары в вечернем городе – это разноцветные глаза. Поток в колллекторах и ливнёвках – преодоле-

вает границы живого и неживого. Не только люди и их взаимоотношения, но и много чего еще: голуби, бродячие кошки, собаки, воробьи и крысы, тараканы и черви, брошенные вагоны возле Черного озера, мертвый цыганский барон под сосной на Майской горе, кладбище домашних животных в Горелом лесу...

Город без особинок – мертв и абстрактен, словно дохлая волжская рыба. Текущие массы внизу, вода по трубам, река совсем рядом – заключенная навеки в бетонные кольца Бригадирка... Хей-хо, чуваки, хей-хо!

– Ну, услышал? – спрашивает отец. Сын кивает. А потом сверху что-то взрывается и осыпается стеклянным дождём. Крышка погреба шатается, и ее срывает с места, словно пробку из-под шампанского. Металлическая лесенка, по которой Рослик спустился, ходит ходуном, будто на корабле во время шторма.

Диггер трясушимися руками включает фонарик, кое-как сворачивает пенку в рюкзак и взлетает наверх. Оказавшись на кафельном полу гаража, он случайно светит на «Тойоту» и замечает, что лобовуха у машины покрыта сетью мелких трещин.

Парень подтягивается за край пластикового окна, выбирается из гаража и мчится к забору. За ним по пятам следует тишина – ни звуков сигнализации, ни криков, ничего. Через минуту серая фигурка руфера растворяется в ночной фонарной жизни города У.

3.

Дарья Горина, спецкор газеты «У. вчера и сегодня», очень не любила три вещи: запах пота, который постоянно носил за собой их ответсек Серёжа; добывать новости на первую полосу – за час до сдачи номера в типографию. И, само собой, когда Беляночка, ее коллега и соседка по офисной комнате, брала первой трубку стационарного телефона.

– Алло? Да, отдел новостей. М-м... Ага. Да, да. Ну, в общем-то, интересно. Вы как хотите это сделать – в виде интервью с вами? Хорошо. Я с редактором поговорю. Диктуйте ваш номер, я перезвоню, – и Беляночка огрызком карандаша что-то пишет на прошлом выпуске газеты. Ее зеленые глазки загораются тем самым огоньком, после которого в «У. сегодня» появляются первополосные материалы.

Горина смотрит вслед напарнице, убежавшей в кабинет редактора, и, забываясь, грызёт новый дорожный маникюр.

* * *

Рослик постучался в комнатушку, где сидели новостники, в четверг – в тот самый день, когда Наташа Кожеева встретила маму в Малиновском склепе. Горина успела слинять в городскую администрацию, чтобы записать пресс-конфу по дорожному ремонту: какие улицы уже сделали, а где-то заляпывать дыры еще только предстоит.

– Садитесь, – сказала Беляночка и положила ему под нос диктофон. – Я вообще-то экологическую тематику люблю. Рассказывайте.

Парень ей как-то сразу понравился: худой, мускулистый, с задумчивым взглядом. В общем, Дашка Горина точно обзавидуется.

– Я насчёт реки. Вы в курсе, что под центральной частью города течет речка?

– Нет... Да... Ну что-то слышала, – отзывается журналистка. – А что, там с ней какие-то проблемы?

– Да, – кивает парень. – Я был там... Ну в самой бетонке. Туда сливают всё подряд – и канализационные стоки, и промышленные. Но не это главное. Важно, чтобы ее освободили!

– Кого? – поднимает брови Беляночка и поправляет очки. Свое главное оружие – рыжие кудри – она как бы нечаянно распределяет по плечам, чтобы выглядело по красивее и поэротичнее.

– Да Бригадирку. Ей там фиг... нехорошо ей. Река должна течь там, где ей хочется, по естественному руслу, а не по бетону. Давайте об этом напишем, а?

Журналистка смотрит в глаза Рослика, и ей почему-то становится не по себе. Будто она видит за его спиной кого-то другого – большого и небезопасного.

– Окей, – кивает она. – Сделаем. Только нужен комментарий эксперта – какого-нибудь известного городского эколога. Не беспокойтесь, коммент я сама добуду. И еще дам вам совет – надо петицию создать. Это сразу весу прибавит. Если соберём хотя бы тысячу подписей – вообще будет бомба!

Рослик улыбается и продолжает толкать телегу про Бригадирку. Беляночка потирает лапки и готовится занять целую полосу в будущем номере – с обязательным анонсом на первой.

– То есть вы как бы диггер? А вот если поподробнее про вашу вылазку в бетонную трубу! – просит журналистка. – Это очень интересно, мы, может, даже серию репортажей сделаем.

Рослик рассказывает – и сначала хочет удержаться от ненужных подробностей, чтобы не упоминать про Синдру и свои тайные мысли, но постепенно выбалтывает всё.

– Понимаете, у меня тогда возникло такое чувство... Ну когда вот всё это приключилось, когда я Синдру там оставил, – будто я не её там бросил, а саму... реку. Бригадирку. Я-то выбрался, а она там осталась. В этом бетоне. Разве это хорошо, что живая река так много лет томится в трубе? В ней же давно всё умерло – нет ни рыбы, ни растений, одна только вонь, ливнёвки и канализационные сливы. Вот я и подумал: почему бы не напомнить о ней людям? Я даже готов сводить в бетонку желающих – пусть сами посмотрят.

– Отлично, – улыбается Беляночка. – Я бы тоже туда ходила. Фотки бы сделала для интервью, впечатления свои описала. А? Вы не против?

У Рослика всё цепенеет внутри, он снова переживает июльскую ночь в бетонке, когда МЧС-ники не смотрели в его сторону и он чувствовал себя подлецом и неумехой.

– Это можно, – хрипло отвечает он. – Но желательно кого-то еще поопытнее прихватить с собой. И погоду нужно контролировать...

Честно говоря, он уже жалел, что связался с газетчиками.

«Зачем пошел? Чего меня туда понесло? – корил он себя, когда после интервью катил на роликах в домашние пенаты; нужно было еще успеть собраться к сегодняшнему дежурству в столовке. – Ну

напишут они чего-нибудь про Бригадирку, разве это что-то изменит?»

И в то же время он чувствовал, что поступил верно. В любом случае это лучше, чем снова остаться наедине с собой и своими мыслями. Ведь там, в подвале 41-го дома, он полностью подтвердил свою гипотезу, по крайней мере, он так считал. И в столовой, и в доме с полтергейстом есть что-то одинаковое. И его сердце исследователя подсказывало, что Бригадирка с этим связана напрямую.

«Может, она под этим домом тоже течет – как-то совсем близко? Хорошо бы по карте посмотреть, но она ведь только у Синдры сохранилась. Мой-то смартфон тью-тью, смылся... И неплохо было бы еще у этого Ташина в блоге почитать что-нибудь: вдруг он что-то накопал? Идеально – вообще с ним списаться или встретиться. Можно тогда будет вопрос про Бригадирку сразу задать: нащупал ли он какую-то связь?».

Одно Рослик знал точно: реку в бетонке держать больше нельзя. Ей там плохо, ему об этом чётко сказали, когда отец заставил его раскрыть уши. И он услышал.

4.

– «Спассти Бригадирку! Диггеры обращаются к городской власти». Какой по-провинциальному кричащий заголовок – красный на черном... – Татьяна Федоровна сняла очки и протянула свежую газету своей молодой коллеге. – Видела, Наташенька? Вот не думала, что в У. есть такие активисты!

Я по диагонали пробежала статью и уже собралась отложить газету, но тут еще раз посмотрела на опубликованное фото парня, который давал интервью. Где-то я его видела, это точно. Решила прочитать повнимательнее.

– Значит, Наташенька, ты через три дня собираешься в Москву? Да, сестрёнку надо выручать, что и говорить... Но как же я одна-то тут, прямо не представляю, – Супонина заводила эту пластинку уже в четвертый раз за сегодня. – Даже вот вечером в магазин сбегать – и то для меня проблема и потеря времени. Но куда ж деваться-то, куда деваться...

– Да я, может, вернусь, – неожиданно для себя брякнула я в ответ. – Возьму и вернусь сюда с Катькой. Всё равно они сейчас не учатся. Она у меня смышленная, мешать не будет.

– Ой, да это будет просто великолепно! – просияла научрук. – Мы тогда уже не спеша здесь всё сможем завершить. Очень хорошая идея!

Я кивнула и подумала о Малиновке. Интересно, что скажет Катька, если я ей предложу... ну только один разочек... встретиться с мамой? Я пойду в рошу вместе с ней, конечно. Без меня она там ничего не найдет, да я и не отпущу ее одну.

«Подземная речка течет на протяжении трех километров, заключенная в бетонный саркофаг, и проходит через весь центр У. Раньше горожанам приходилось ежегодно бороться с оползнями и оврагами, в свое время был построен даже деревянный мост – недалеко от того места, где сейчас располагается Дом быта...», – продолжила я читать газетную статью.

– Интересно, как же они собираются освободить речку от бетона, – проговариваю я вполголоса.

– Кто же им позволит вскрывать полгорода...

– Да, да. Я тоже об этом подумала! – кивает Супонина, которая услышала мое замечание. – Тут за эти годы столько зданий построили в центре – на месте бывшей Бригадирки. И мемцентр, и гостиницы, и Дом быта, и магазины всякие. Мне об этом, кстати, кто-то рассказывал из местных – уж не Соболев ли Иван Иванович? Но тут, видимо, цель другая – просто раздуть тему, поболтать. Как обычно в газетах.

Я кивнула и перешла к последним абзацам заметки про подземную речку.

«– Я сам был внутри бетонки и видел то, что творится с рекой. Могу проводить туда желающих, чтобы они убедились, во что превратилась Бригадирка. Она взывает о помощи, я всего лишь передаю ее просьбу людям, – такими словами завершил беседу герой нашего интервью Антон. Напомним, что имя диггера, по просьбе нашего собеседника, изменено. Теперь мы ждем реакции городской власти на это предложение. Обещаем опубликовать ответ чиновников в ближайшем выпуске».

Статья была подписана некой Екатериной Беляевой. Я смотрела на эту фамилию и боролась со смутным желанием позвонить в редакцию. Зачем мне это? Записать пару текстов про Бригадирку? Подземная река... «Я всего лишь передаю ее просьбу людям». В принципе, интересный городской персонаж этот Антон. Может, стрелнуть его контакты у журналистки и встретиться с ним? Почему бы нет – наверняка записи от него будут любопытными.

С этой мыслью я пошла в свою комнату и почти по инерции решила зайти на страничку Ташина. И не смогла. Свой блог он удалил – наверное, еще вчера, когда мы вернулись из склепа. Конечно, кое-что я успела сохранить, что-то можно будет найти в сохранных копиях поисковиков. Но ведь он писал туда не один год, это такой труд, там столько можно было интересного накопить...

Я отлично понимала, что он это сделал из-за нашей вчерашней вылазки – но, честно говоря, не испытывала настоящего сожаления. Всё-таки главным был склеп. Всё остальное, в том числе – моя научная писанина, – меркнет перед этим потрясающим открытием.

Тут смартфон пропиликал сообщением. Послание из «Вайбера» от Катика: «Наташа, они забрали меня в реабилитационный центр. Папа попал в переделку – подрался с охранником в супермаркете, сейчас сидит в изоляторе. Опека припёрлась к нам на следующий же день... Наташик, пожалуйста, забери меня отсюда!»

Забыв обо всём, я сразу же набрала ее номер – абонент недоступен. Через 15 минут я заказала через инет билет на вечерний поезд в Москву. Супонина, понятно, не пришла в восторг от происходящего, но мне уже было наплевать.

5.

«Вокзал, на мой взгляд, – одно из ключевых мест любого города. Здесь, как и на любом пограничье, заметней то, что пытается укрыться в центре. Тут видна городская сердцевина, душа и тело одновременно».

Но особенно меня завораживают вокзалы про-

винциальные: тут нет места муравейнику многотысячной толпы какого-нибудь Казанского. Здесь каждый персонаж наперечёт, каждого хочется поймать в исследовательский объектив и спросить: «Кто ты? Зачем и куда ты уезжаешь или приезжаешь? Почему...»

– Наташенька! Хо-хо-хо... – мои размышлизмы прерывает голос, похожий на звук грузовика, проехавшего под самым окном. – Уже уезжаешь? Да неужели ты успела всех записать и изучить? А где Татьяна Федоровна?

Надо мной навис бывший комсорг Иван Иванович Соболев. Он плюхнулся на пластиковое сиденье рядом со мной, обтёр свои бело-серые усы, и уже через минуту я молилась, чтобы мы оказались в разных вагонах: он тоже ехал в столицу.

– Да вот за сестрёнкой еду, Иван Иванович. Но я собираюсь вернуться еще в У.

– Ага, ага. А Супонина?

– Супонина остается. Еще недели на полторы...

– Ага, ага.

Я слегка зажмурилась, потому что он повёл в мою сторону своим носом и с легким шумом втянул воздух. Принюхивается, гад... Ну почему я не поехала с утра?

– И каково оно? – продолжал расспрашивать Соболев. – Как тебе наш городишко? По душе пришёлся?

Я пожалала плечами, рассчитывая отделаться от этого вопроса парой дежурных фраз. Как бы не так.

– Ты знаешь, – сказал он после моих «нормально», «ничего так», «достаточно интересно», – это не ответы ученой дамы. Нам, ну то есть старожилам, очень даже интересно мнение со стороны – особенно от представителей, так сказать, нового поколения. Где ты была? Что видела? До 41-го дома добралась?

Я покачала головой, стараясь не показывать, что страдаю от этого допроса. Мне хотелось побыть одной, подумать о Кате, повспоминать маму.

– А в Малиновке? Про склепы-то ты, надеюсь, что-то выяснила? – он смотрел на меня так, будто мы сидели не на вокзале, где всё транзитно, даже беседы и мнения, а у него дома; так, словно он и пришёл сюда только для того, чтобы выяснить, выведать и... вынюхать.

– Да... Я как раз встречалась с Ташиным – по вашему совету, Иван Иванович. И мы с ним ходили к склепам.

– Ага, ага. Отличненько. И?..

– Очень интересно. Ну мне так показалось, по крайней мере. Я записала несколько рассказов про Смолиных, про клады и про эти склепы. Любопытно, в общем... – мне невыносимо захотелось встать и убежать. Прямо вот сейчас... Прочь, прочь!

– Вы с ним ведь туда залезли, так ведь? Я знаю этого Ташина как облупленного: он своего не упустит. Еще тот благодетель!.. Хо-хо-хо...

– Я... я... Извиняюсь, Иван Иванович, но мне надо до туалета дойти. Подскажете, куда идти?

– Иди прямо, потом надо спуститься по ступеням. А у тебя какой вагон, Наташенька?

– Одиннадцатый, – я поднялась и торопливо пошла прочь вместе с сумкой.

– Так у меня ведь тоже, Ташенька. Совпадение,

вот так совпадение! Значит еще побеседуем!.. Хо-хо-хо! – услышала я вдогонку его грохотание. Невольно заскрипишь зубами, честно слово.

* * *

Я не могла даже самой себе объяснить, почему Соболев вызывал во мне такую реакцию. Наверное, всё-таки главная основа этих неприятных чувств – страх. Рационально объяснить, чего именно я боюсь, я не могла – и это пугало еще больше.

– Ну, рассказывай, рассказывай! – торопливо сказал он, как только я спрятала свою сумку под сиденье. Мы сидели на нижней боковушке возле окна. За окном лежало желтое тело двухэтажного вокзала: поезд еще не тронулся.

– Мы ходили туда с Ташиным... – я прятала от своего собеседника глаза. – Пофотографировали, посмотрели...

– Так вы что – не заглядывали внутрь? – Иван Иваныч улыбался. – Извини, не могу поверить. Это не тот случай!

– А вы? – я разозлилась. – Вы сами-то там бывали? Ходили по коридору в склепе?

Он молчал и продолжал улыбаться. Я поглядела ему прямо в лицо и приложила все силы, чтобы не отвести взгляда.

– И я там был, мёд-пиво пил, – наконец произнёс он и посмотрел в вагонное окно. – Меня, Наталья, об этом и спрашивать-то глупо: старожилы все туда ходили. А как же иначе? Иначе никак...

Я тоже посмотрела на желтый вокзал; громкоговоритель объявил, что наш поезд отправляется через пять минут.

– Нам интересно именно твое мнение, Наталья. Чтобы – взгляд со стороны... Ведь ты вернёшься в У.? А? Тут столько еще интересного! Одна Майская гора чего стоит!..

Мои руки невольно вцепились в белую крышку столика. Неужели его допрос нельзя как-то остановить? Почему я должна...

– Нам просто интересно, Наталья – только и всего... – Иван Иваныч пожал плечами. – Не хочешь отвечать – не надо.

Поезд вздрогнул и покатил, а с ним побежало прочь и вокзальное тело. Мы помолчали.

– А ведь есть какое-то щемящее чувство тоски, когда уезжаешь на поезде. Правда? – он закрыл глаза, будто бегущие за окном деревья и столбы мешали ему сосредоточиться на щемящем чувстве. – Я всегда с трудом отрываюсь от этого места: У. позовёт отовсюду, где бы я ни находился. Позовёт и вернёт к себе, притащит назад. Тебе, Наташа, этого, наверно, не понять – слишком молодая еще... Ладно я полез на свою полку, если что – зови.

Я мысленно возблагодарила небеса, что его место было в середине вагона – далеко от моего. Смогу хотя бы отдохнуть и подумать над тем, что делать дальше.

Глава 5. Снова в Бригадирке

1.

Двухэтажный торговый центр «Подсолнух» построили в У. десять лет назад. К нему уже давно все привыкли, владельцы магазинчиков и бутиков тоже прикипели к этому месту и исправно платили

арендную плату собственнику здания Володе Сонину: «Вполне, кстати, божеские суммы за такое козырное место!»

О том, что центр был возведен незаконно и что его фундамент до опасного близко подходил к бетонному руслу подземной Бригадирки, – об этом могли бы вспомнить лишь бывший мэр и экс-начальник службы МЧС – кстати, коренные друзья Володи и оба уже покойные.

Сонин – здешний миллионер, хозяин производства дверей и окон, когда-то крышевавший половину у...ского бизнеса. Сейчас он ушел на покой, жил в уютном загородном доме под У. Город свой Володя любил, предпочитал всяким столицам и вообще в последнее время старался бытовать мирно, коллекционировал старые модели авто и совсем не смотрел телевизор. А тут – такое!..

– Ведь как снег на голову, Миша! – жаловался он по телефону своему давнему должнику, известному в городе бизнесмену, владельцу микрокредитной фирмы «#Важноденьги». – Я сейчас все связи в администрации подрастерял, всё какой-то новый народ там. Они меня не трогают, и я им не мешаю, на логи плачу. А тут – вот те нате, прислали писульку: «Просим вас предоставить правоустанавливающие документы на участок, кадастровый номер такой-то – и прочую лабуду». По бумагам, Миша, у меня комар носу не подточит: Виктор Геннадич, упокой Бог его пресветлую душу, всё мне лично оформлял – на совесть. Но они-то пишут про какие-то изменения генплана города – и ох-ох, чует мое сердце беду. Пособишь, Миша, а? Узнай, родимый, откуда там ноги растут, я в долгу не останусь, ты меня знаешь.

И Миша пообещал, что всё узнает, всё сделает: как же не уважить самого Сонина?!

Через день Миша приехал к высоким фигурным воротам Сонинского дома, чтобы лично «перетереть» со стариком. Выяснилось, что воду мутит местная газетёнка – совершенно беззубая и провластная.

– Там еще какой-то хрен – ну, знаешь, вот те, которые вот по канализациям лезят, как их там обзывают, – археолог дурацкий. Вот типа он в эту трубу бетонную залез и потом в газету припёрся: надо, мол, реку, – там же река какая-то, – вскрывать, блин...

Володя шурился, благостно улыбался и кивал. Ну как же: он про Бригадирку знает, как не знать. Он всё-таки в этом городке родился и вырос, из-за этой речки весь геморрой и вышел: отказывались ему попервоначалу давать разрешение на строительство. «Владимир Филиппыч, что вы, что вы!! Ведь может всё обвалиться, если трубу заденем или разрушим, когда вот сваи вбивать будут. Тогда всё – ужас, землю подмоет, оползень случится, и рухнут здания в центральной части города!». Мелочные люди, что и говорить. Но один звонок – и всё решилось. И вот 10 лет его «Подсолнух» радует глаз, приносит пользу людям. Кому он мешает? Какой там на фиг археолог?

– И какие варианты, Миша?

– Ну как: есть у меня в администрации свой человек, я прикрывал его задницу в трудные времена. Только подмазать надо, Владимир Филиппыч...

– Это само собой. Он всё сможет решить? Уверен?

– Ну да. Чё там газетка: покричат и успокоятся. Решают-то не они.

И гость уехал с четкой инструкцией, где взять и сколько передать. Но фортуна в тот раз была не на Мишиной стороне.

* * *

Всё вышло до смешного просто: в мэрии У. в правовом отделе уже три года работала незаметная Светик Лясова. Приехала она с мужем Витей – майором полиции, который устроился в местный отдел по борьбе с экономическими преступлениями, а потом его и возглавил. Всё бы ничего, но за семейным ужином всякое бывает – и о работе, случается, говорят-разглагольствуют.

Светик про своего начальника Петра Федоровича раз сказала, другой сказала, потом перекинула мужу несколько странных документов – ну так, на всякий случай, посмотреть, в качестве доказательства: «Я ведь, Витенька, не дура: смотри, чего тут!».

Ну и всё, разговор короткий. ОБЭПовцы заинтересовались, следили, ждали, вынюхивали. И уж, как говорится, финал, занавес близко, собрали достаточно фактиков – лет на пять тянуло с миллионным штрафом, а тут – вот уж не везёт так не везёт – Миша нарисовался!

Пришел на аудиенцию к своему хорошему товарищу Петру Федоровичу замолвить словечко за благодетеля и отца Сонины. И – хоп! – что такое? Какого хрена? «Руки на стол и не двигаться!». Да как так? Да что это вы себе позволяете? А у Миши в открытом чемоданчике – 500 тысяч наличными. Ах, ах, как нехорошо!

И пошла карусель: допросы, очные ставки, все дела. Ушел Миша с горизонта вместе с Сонинскими денежками. Володя как узнал – совсем приуныл.

И вот ведь незадача: тему про Бригадирку подхватили другие СМИ, заинтересовались даже федералы. Узнал Сонин и про какую-то петицию с тысячами подписей. Ему из разных мест уже звонили и говорили, что «Владимир Филиппыч, дело, мол, труба: чего там с этой Бригадиркой решат – никто не знает, но вот центр «Подсолнух» точно собираются убрать: по всем требованиям и нормам его на этом месте быть не должно».

И вот тогда Володя Сонин обиделся. А так уж у него было принято, что обиды прощать он не умел.

2.

Экскурсию с детсадовским названием «В гости к Бригадирке» решили провести в пятницу – естественно, в лайт-режиме: максимум на часок. В газете «У. вчера и сегодня» об этом даже объявление напечатали – вместе с текстом петиции, которая разошлась в инете, словно коронавирус.

Народу пришло немного, но много и нельзя было: за всеми разве уследишь? Требования к участникам чётче некуда: чтобы 18+, сапоги, болоньевые утепленные куртки, два фонарика, бутылки с водой. Для желающих – перчатки и медицинские маски. Поскольку дело происходило почти официально, к их группе прикрепили Колю, спеца из МЧС, – с рацией и роскошными болотными сапогами изумрудного цвета.

Если не считать Рослика, Беляночки и Коли, все-

го к вылазке присоединились пятеро: двое парней-журналистов из местного телеканала, две девчонки, похожие на гимнасток, и какой-то местный олд-ваый диггер, о котором никто не слышал до этого момента. Олдовым его Рослик посчитал из-за возраста – выглядел он лет на сорок и представился: «диггер Сергей». Да ради Бога, как говорится, хоть Антон, паспорт-то проверять не будут.

Погоду согласовали, снаряжение проверили и к 10 утра собрались у Каткиного родника. УАЗик МЧС довёз туда всех желающих, парни с телеканала и диггер Сергей приехали на своих авто.

– Слушаем меня внимательно, – проводил пред-варительный инструктаж Коля. – В трубе держимся в пределах видимости друг друга, внимательно смо-трим под ноги, вертим головой по сторонам. Я буду идти замыкающим, чтобы никто не потерялся. Пер-выми пойдут вон – экскурсоводы.

Последнее слово прозвучало с легким оттенком насмешки, но Рослик не обиделся: он просто ра-довался тому, что Коля был не из той бригады, что когда-то искала вместе с ним Синдру. МЧС-ник за-ставил всех участников расписаться в том, что они ознакомлены с правилами безопасности, а затем они полезли в озерцо рядом с входом в бетонку.

Сначала Рослик ничего не почувствовал: как-то за всей этой суетой он забыл о том, что пережил здесь больше года назад. Но когда они пошли по трубе и фонари осветили желто-черный налет бе-тонного русла Бригадирки, его виски запульсирова-ли. Он с удивлением поймал себя на том, что испы-тывает радость, – то самое чувство, какое охватыва-ет человека, увидевшего вечерние огоньки родного города. («Колёса вагона стучат-стучат, мелькают де-ревья, плывут толстые провода за вечерним окном, и вдруг – городские фонари. Город, город, ты ждал меня! Звал меня, тянул изо всех сил...»).

– Идем осторожно, смотрим под ноги! – еще раз напомнил Коля откуда-то издалека – будто из на-ружности.

– Первое упоминание о Бригадирке датируется 1653 годом, когда основатель нашего города – вое-вода такой-то такой-тович... – начинает вещать Бе-ляночка. Она идет рядом с Росликом впереди всех. Они с ним заранее распределили роли: он ведёт, она говорит, потому что руфер и сталкер стеснял-ся. Он так и сказал журналистке: «Лучше вы, а то я стесняюсь!». Беляночка тут же согласилась – лишь бы он не отказался от вылазки. Ей сама эта идея представлялась грандиозной и необычайной, по-этому она заранее порылась в инете, проконсуль-тировалась с краеведами и набросала небольшой универсальный текст – для начинающего экскурсо-вода по любым подземным речкам.

Беляночка успевала и вещать, и без остановки щёлкать затвором большого редакционного фото-аппарата. Это ведь снова полоса с анонсом на пер-вой – на зависть Дашкам Гориным всего мира!

– Дальше километра углубляться не будем! – опять голос Коли с задних рядов. – Примерно через сорок минут повернем обратно...

За парочкой молодых экскурсоводов бесшумно шел диггер Сергей. Его точные и тихие движения совсем не походило на хлюпанье и шлёпанье, кото-рое производили остальные – особенно два парня с

телеканала. Один из них нес на плече большую видеокамеру, другой, чертыхаясь, тащил толстоножный штатив. Уже минут через 15 телевизионщики попросили всех остановиться.

– Дальше не пойдем – давайте вас здесь запишем? И мы вернемся назад, нам отснятого материала за глаза хватит! – попросил парень со штативом.

Сначала несколько слов в камеру сказал Рослик, затем – Коля и Беляночка. Оператор подбирал для фона самые красочные места бетонки, нещадно светя на говорящих переносным прожектором. Ровно через пять минут их стало на три человека меньше: эмчэсовец вызвался проводить телевизионщиков назад к роднику.

– Подождите меня здесь. Я минут через 20 вернусь. Без меня ни шагу! – предупредил Коля и похлопал вслед за парнями с видеокамерой. Скоро их фонари скрылись, так как бетонка делала изгиб ближе к Катькиному роднику.

Девчонки-гимнастки стали шушукаться, смеяться и отошли чуть в сторону. Сергей осмотрелся по сторонам и сказал:

– Я метров на десять вперед пройду – скоро вернусь!

Рослик пожал плечами и кивнул: он в охранники не нанимался, люди все тут взрослые. Беляночка, стоя в вялотекущей воде Бригадирки, оперлась спиной на трубу, и руфер сразу вспомнил про Синдру.

– Вспоминаете свою прошлую вылазку? – догадалась журналистка. – Не переживайте! Зато смотрите, какая у нас хорошая экскурсия получаю...

– Парень! Тебя Росликом, кажется, зовут, да? – раздался громкий голос ушедшего вперед мужчины. – Можно тебя на секунду? Хочу спросить кое о чем...

Молодой диггер махнул Беляночке, чтобы она подождала его здесь, и пошлепал вперед. Он думал, что увидит фонарик Сергея метров через пятнадцать, но нет – впереди темно.

– Сюда, сюда! Я кое-что интересное здесь увидел! – мужской голос доносился будто уже издали. Рослик повернул налобный фонарик в сторону и успел заметить блеснувший огонек впереди – метрах в пятидесяти.

– Обождите! – крикнул он Сергею. – Я сейчас вас догоню.

Он прошел шагов сорок – и увидел, что фонарик идущего впереди мужчины отделился от него еще метров на сто.

– Да по стойте! Мы так оторвемся от остальных! Что вы там заметили? – крикнул в темноту бетонки Рослик.

– Вот здесь. Еще буквально несколько шагов. Сюда, сюда! Смотрите... – голос удалялся.

Руфер ускорился. Когда он дошел до того места, где видел в последний раз огонек, мужчины там не оказалось.

– Серге-ей! – позвал Рослик. – Где вы? Я поверну назад – иначе нам от МЧС достанется! Серге-ей!..

И тут что-то темное и твердое ударило его по голове. Потом еще раз и еще. Пару раз он приходил в себя на несколько мгновений, понимал, что его куда-то тащат и что он захлебывается мутной водой. И дальше – чернота, отсутствие всего.

* * *

– Есть четыре главных места и три – побочных. Таково устройство города. Оно таким было изначально. В трех ты побывал, осталось еще одно. В четвертое идти лучше с девчонкой, у которой нет матери. Не спрашивай, почему так, – просто надо и всё...

Голос был папин, но говорил с ним не он – это Рослик хорошо запомнил. Руфер висел на тонких верёвках, привязанный за руки и за ноги, растянутый, будто звезда. Но ему не было больно или плохо. Кругом – густая темнота, однако он видел тысячи каких-то серых силуэтов; они скользили и извивались – всё пространство наполнялось ими.

– Кто вы? – спросил руфер. Он спрашивал, но не слышал своего голоса.

– Мы те, кто мы есть. Мы здесь живем, – ответил голос, который сопрягал в себе миллионы других голосов и звуков. Рослик улавливал в нем шум ветра, шуршание шин об асфальт, настырные позывные уличной рекламы, стрекотанье железных колес трамвая, одинокий лай привокзального пса, безрадостную сирену скорой, настойчивую дрель соседей сверху, гудение высоковольтных линий – оттуда, оттуда, отовсюду – от серых пляшущих силуэтов, звуки и голоса, голоса и звуки.

Затем пошли запахи – вонь мусорных баков и подвалов с протекающими трубами, аромат свежего хлеба, киосков с шаурмой и шашлыками, утреннего кофе, ладан разрушенного храма на Соборной, оконный пластик и бетонные ступени школ, телесный кафель детсадовских столовых, картонные коробки с рынка на дамбе и железные, пропитанные Волгой, пролёты старого моста.

Рослик вдыхал и впитывал, внимал и слушал.

– Вы – это У.? – спросил он.

В ответ – смех, отраженный от тысячи пляшущих фигурок, распадающийся на осколки серых незаметных ртов.

– Наоборот... наоборот... – отвечали голоса. – У. – это мы. Мы здесь, и мы тут, тут, тут. Мы любим, когда любят нас. Мы – ревнители и охранители. Если ты с нами, то ты уже не против нас. Если мы впускаем, то уже навсегда. Мы зовем – и нас слушают.

Сознание Рослика удвоилось, утроилось и размножилось. Какой-то частью себя он не понимал того, что ему отвечают, боялся их ответов, отторгал их, называл их скучными и стрёмными. Другой – принимал, благословлял и смеялся с ними. Да и как можно не понимать очевидного? У. есть У., город есть город. К этому ничего не прибавишь и не убавишь. Мы здесь живем, и мы – ревнители. Мы любим тех, кто нас любит!

И мы отрываем головы тем, кто посягает на наших... Мы выгрызаем им внутренности. *Мы вычеркиваем их из книги памяти навсегда.*

Понимаешь, Рослик?

* * *

– Рослик! Рослик! – Синдра била его по щекам. Он промок насквозь, ему хотелось сухости и тепла. А, нет, нет, стой... Ее зовут не Синдра, а...

– Эй, парень! – еще один тревожный голос. – Ты как? Идти сможешь? Мы возвращаемся. Немедленно!

Над ним навис эмчэсовец. Сбоку жались две испуганные фигуры девчонок-гимнасток, которые подсвечивали лица друг друга фонариками.

– Я... – он нащупал влажную стену бетонки и встал потверже на дно Бригадирки. – Где я? Что...

– Ты свалился в обморок – судя по всему, – तो-ропливо стала объяснять Беляночка («а да, да, вот как ее зовут!»). – Ты зачем-то ускакал вперед, а мы тебя звали-звали. А потом вот пришел Николай, и мы тебя нашли.

– Это ладно ты хоть голову из воды додумался вытащить! – мрачно добавил эмчэсовец. – А то бы плавал, блин, здесь кверху брюхом. Сказал же по-русски: обождите меня! Ну чё как дети, ей-богу?!

– А этот... – молодой диггер осторожно ощупал на голове две здоровых шишки. – Который Сергей. Его тоже нашли?

– Какой Сергей? – Беляночка тревожно смотрела на Рослика, светя ему налобным фонарем прямо в глаза.

– Ну с нами был. Диггер... – он морщился и отворачивался, пытаясь уклониться от света. – Черные волосы у него еще. Сергей...

– Ладно, баста, карапузики! Возвращаемся, – сказал эмчэсовец. – Видимо, глюкануло тебя, парень, основательно. Нельзя тебе по трубам шастать. Давай руку, диггер, а то еще опять шандарахнешься...

– Какой Сергей, Рослик? А? – вполголоса спрашивала его Беляночка, шлепая сапогами сзади. – Николай проводил парней с телеканала, с нами только девчонки остались, ты да я. А потом ты зачем-то вперед побежал...

– Идемте, идемте, – поторапливал их эмчэсовец. – Снаружи разберёмся, кто там и где. Сергей там или воробей. И так мне с вами мороки тут на целый день...

Рослик молчал до самого Каткиного родника. В голове стоял туман, у него было такое чувство, что внутри – сотни таких, как он. И все о чем-то говорят, спрашивают и смеются.

Когда показался полукруглый выход, он отчетливо услышал знакомый звук, – будто кто-то огромный в самой глубине бетонки вздохнул и затих. Девчонки-гимнастки вздрогнули и, не оборачиваясь, первыми сиганули в озерцо, образованное водами родника. Рослик вылез вслед за ними на берег, улыбаясь. Голова уже перестала болеть, ноги совсем не дрожали. Сегодня он точно узнал что-то новое: всё-таки у него и впрямь было сердце настоящего исследователя.

Спасибо тебе, папа, за маленькие радости!..

3.

Он лежит на упавшей бетонной свае, рука с блестевшей на солнце губной гармошкой застыла на груди, глаза закрыты, расслабленное тело заряжается, будто аккумулятор от розетки.

«Все-таки тут точно место силы! И как же я сюда, чуваки, давно не забредал... Была б моя воля – остался бы здесь жить. Зброшка ты моя родненькая!»

Он потягивается и открывает глаза. Подносит гармошку к губам и начинает импровизировать. Старый тополь, растущий около полуразрушенного

здания, слегка покачивается от ветра, будто подчиняясь музыке Рослика.

С Беляночкой он не виделся несколько дней – с тех самых пор, как они сходили в бетонку. Она звонила ему, рассказывала, что вышла клёвая статья про их вылазку. Также говорила, что дело с Бригадиркой понемногу движется: городские власти вроде как заинтересовались одним торговым центром, который построили над самой бетонкой. Обещают его снести. Он угукал в ответ, слушал ее, но не слышал. Честно говоря, он как-то подостыл к этой теме, сменил ориентиры.

Не-е, Бригадирка, – конечно, круто. Тут никто не спорит. Но дело совсем не в ней. Он теперь это понимал. Если бы вдруг понадобилось... Если бы *им* стало нужно, то речку бы освободили в два счета. А если она столько лет в бетоне – то и пусть! Дело не в ней. А в чем же тогда?..

Вот этого он как раз и не знал, и это его доставало всё сильнее. Он тысячекратно пытал свою память, но не мог вспомнить, что именно говорили ему они – там, в Бригадирке. Когда Сергей... или Виктор, или как там его – ударил его по голове.

«Они точно говорили со мной и просили что-то сделать. Но что? Убей – не вспомню. Хоть пытайте меня!». И что с этим делать, как жить дальше – не ведал.

Рослика мучило и тяготило то, что даже столовая перестала привлекать его: там теперь никто не тревожил сон сторожей. Играть на гармошке в столовке почему-то тоже расхотелось. Когда он пытался это делать, возникало ощущение, что его никто не слушает. Точнее, не так: слушать-то слушают, но без прежнего внимания. Будто сейчас важнее другое. Но что? *Что?*..

Глава 6. Из склепов – на гору

1.

Катик вцепилась мне в руку мертвой хваткой и не отпускала до самого дома. Бледная, молчаливая, очень маленькая для своего возраста, она была похожа на Козетту из подземелья.

– Катик, ну чего ты молчишь? На кого ты стала похожа? Ведь тебя не в тюрьме держали – в этом реабилитационном центре и игровые комнаты, и воспитатели добрые! Ну?

Дома она разревелась, как трехлетняя девочка, плакала долго, размазывала сопли по лицу, а я молча гладила ее по голове. Через 15 минут мы пошли на кухню пить чай, через полчаса болтали и смеялись как ни в чем не бывало.

Отец спал в соседней комнате. Администрация магазина и охранник, с которым он подрался, не стали писать на него заявку, так что его отпустили без проблем. К вечеру он даже вышел пообщаться с нами и был – как выразилась Катя – «почти вменяемый».

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз, вставала и осторожно ходила по залу, смотрела на сестру, пила на кухне кофе. К утру до судорог в горле захотелось курить, хотя я этим никогда серьезно не увлекалась – так, иногда баловалась с друзьями.

– Ну что такое? Что со мной? Всё ведь нормально. Катьку отвозили, отца вызволили, чего еще надо для счастья? – спрашивала я себя и отлично

понимала, что играю сама с собой в кошки-мышки. Всё я хорошо осознавала и чувствовала – никакой смутности, всё яснее ясного.

Мне хочется в У., мне хочется к маме. Она зовёт меня к себе, ждет вместе с Катиком. А я тут прохладжаюсь, теряю целую ночь! Как ни странно, о Супониной и нашей научной работе я почти не вспоминала, это отошло куда-то на периферию – перестало быть интересным и значимым.

Утром я объявила, что сегодня же уезжаю в У. и – барабанная дробь – кое-кого возьму с собой! Если бы я неожиданно вручила Катке 11-й айфон – ее главную мечту последних трех месяцев – и то она бы так не вскочила и не заорала от радости.

Но потом пыл ее поулег: она вспомнила о папе. Я ответила, что на этот счет договорилась с тетей Леной. Я, конечно, не стала говорить сестре о том, что всё равно уехала бы в У., – даже если бы соседка не согласилась присмотреть за отцом.

Уже в поезде, смотря на ночное Подмосковье, пробегающее мимо окон, я поймала себя на мысли, что смогла бы – и это действительно ужасало меня – смогла бы уехать в У. даже без Кати. Потому что так надо, потому что меня звали и ждали – и хотела бы я посмотреть в глаза тому, кто смог бы сопротивляться этому зову.

2.

Супонина встретила нас невесело: ей нездоровилось.

– Как бы вот этот новый вирус не подцепить... Остальное не страшно, Наташенька. Вроде горло у меня не болит, но всё равно как-то не по себе. Давайте, девочки, устраивайтесь, я сейчас вас угощу с дороги.

Мы отнесли вещи в нашу комнату, и Катик залезла в душ. Однако к вечеру стало понятно, что у Татьяны Федоровны всё серьезнее. У нее поднялась температура, она всю ночь кашляла и жаловались на боли в груди. Рано утром я вызвала скорую, и ее увезли с подозрением на воспаление легких.

На нас, особенно на Катю, это произвело тяжелое впечатление, потому что после маминой смерти мы обе вздрагивали при одном упоминании о пневмонии.

Днем я созвонилась с Супониной, узнала, как она себя чувствует.

– Ничего, Наташенька, температуру сбили, с легкими тоже, кажется, полегче: дышать хоть могу. Видишь, как я тебя подвела: не сможем мы нормально закончить нашу работу в У.

Я ответила, что всё это пустяки, главное, чтобы она поправилась. Спросила, что ей можно принести, и затем мы отправились с сестрой в супермаркет. После съездили в местную инфекционку и вручили медсестре передачку для Татьяны Федоровны – до самой пациентки, понятно, не допустили.

– Хочешь прогуляться-развеешься? – спросила Катю, как только мы вышли из больницы; у меня пересохло горло и похолодели руки – так хотелось бежать, лететь в Малиновку. – Здесь есть прекрасная роща, и погода как раз подходящая.

Катик кивнула, и мы пошли на остановку. В моей сумке уже лежал припасенный фонарь, бутылка воды и теплый свитер для сестры. Всё-таки в подземном коридоре прохладно.

* * *

Я нашла бы склеп с закрытыми глазами, хотя была там только раз. Катик, видимо, что-то заметила в моем лице, так как молчала всю дорогу. Когда мы прошли участок с краснолиственным кустарником, она потянула меня за руку:

– Наташа, что с тобой? Куда ты меня так тащишь?

– Сама увидишь. Катик, сама всё узнаешь! Ты мне веришь?!

Сестра посмотрела мне в глаза и медленно кивнула.

– Тогда пошли! Верь, всё будет хорошо. Всё будет потрясающе...

Внутренне я, наверное, знала, что встречу его там, но всё равно застыла на месте, увидев Ташина возле склепа. Он сидел на том же месте, что и в прошлый раз – после того, как я пришла в себя. Как и в тот день, он курил и не смотрел в нашу сторону.

– Сестру привела? – спросил он хрипло.

– Да, – ответила я. – Она имеет право увидеть. Как и я.

Он помолчал, выдохнул дым и кивнул.

– Хорошо. Давай так: я ее сам провожу, а ты поможешь здесь снаружи.

– Нет! – я это крикнула так резко, что испуганная Катя отшатнулась от меня.

– Что вы хотите сделать... со мной? – ее испуганные глаза чуть отрезвили меня. Я не помню, чтобы она когда-нибудь так смотрела в мою сторону.

– Катик... – я задыхалась. – Мама... Она там. Ты с ней сможешь увидаться.

Сестра отступила на два шага назад, глаза ее покраснели.

– Наташа, что с тобой? Пожалуйста, пойдем отсюда! Кто этот мужик?

– Послушай, – я старалась взять себя в руки. – Я там была. И я не сошла с ума. Там проход – в этом склепе. Не бойся, там ничего страшного нет. Я там была – и я встретила маму! Это было, и это правда. Я когда-нибудь тебя обманывала?

– Наташик, – Катя заплакала. – Мама умерла, она не может нас там ждать...

– Может! – я уже не могла сдерживаться. – Павел Сергеевич, объясните ей наконец! Скажите ей...

Ташин молчал и курил. Я сделала шаг к сестре, та попятилась назад. И в этот момент из-за поворота вынырнул мужчина, парень – я его сразу узнала. С вороньими волосами и татушкой дракона на шее. Он остановился, увидев нас, Катя обернулась и тоже замерла.

– Та-ак, – сказал краевед и встал с пригорка. – Это еще что за явление? Тебе что здесь надо? У нас тут дело...

– У меня тоже, – спокойно ответил неожиданный гость. – Я иду с вами. Мне так сказали.

Катя поворачивала голову то на меня, то на него и молчала.

– Идите пока к нему, – кивнула я на Ташина. – Нам с сестрой нужно побыть вдвоем.

Диггер будто только этого и ждал – и, обойдя Катю, стоявшую на тропинке, пошел к краеведу.

Я потратила минут десять на уговоры – и сестра сломалась. Всё-таки в нашей семье за главную оста-

лась я, и она точно знала, что я никогда не потащила бы ее туда, где опасно. Честно говоря, я даже не помню, какие слова придумала, чтобы ее уговорить, – мысленно я уже шла по подземному коридору.

Мужчины тоже успели побеседовать и, судя по молчанию, – просто ждали нас, чтобы пойти. Ташин был мрачнее тучи, но в коридоре меня перестало это заботить.

– Я впереди, вы... ты, Рослик зовут же? Рослик замыкающий, девушки в середине. Полезли. Если уж решились – нечего тут рассусоливать. А предупреждать вас бесполезно: у вас на лице всё написано. Вперед...

Через некоторое время Ташин попросил нас замолчать – хотя мы особо и не говорили. Я уже намного лучше ориентировалась в коридоре: такое ощущение, что я приходила сюда десятки раз. Катю пустила впереди себя, и, когда она иногда оборачивалась ко мне, свет фонаря выхватывал не лицо сестры, а застывшую маску.

«Пусть, пусть... Она мне потом спасибо скажет!.. Я тоже сначала боялась, а теперь понимаю, что, быть может, для этого момента и жила. В этом и состоит смысл – главная цель бытия. А ради чего мы еще живем? Именно для этого! Чтобы встретиться, чтобы прикоснуться, чтобы обрести то...»

– Пришли! – прошептал Павел Сергеевич.

Все встали, повернувшись друг к другу. Только тут я обнаружила, что мы уже добрались до развилки.

– Выключайте фонари. Ничего не бойтесь. Каждый увидит свое, – сказал наш проводник и повторил: – Каждому – свое. Просто помолчите и послушайте. Глаза лучше закрыть.

Минуту ничего не происходило. Тишина стала оседающей, как кирпичная стена. И тут воздух вздрогнул. Послышался один тяжелый вздох, другой. В одно мгновение мир разорвался на части от невыносимого скрежета и визга. Кто-то большой несся к нам – кто-то ужасный. Затем рядом закричала девушка. Кто это? Кто она? Катя? *Господи, Катя!!*

3.

Длинный стол накрыт белой скатертью, из еды – суп, блины, изюм с рисом, кисель, компот из сухофруктов. Возле каждой тарелки – аккуратно сложенные платочки и наполненные рюмки.

– Уж лучше поздно, чем никогда! – отец улыбался и ничего не ел. – А гостей-то сколько с собой привел! Девчонку вон я вообще впервые вижу. Это хорошо, очень хорошо.

Он кивнул куда-то в сторону, и Рослик, повернувшись, заметил небольшую девочку и рядом с ней двух женщин. Они ели и о чем-то говорили вполголоса. Первой не больше двадцати пяти лет, где-то он ее встречал. А со второй – пожилой – руфер был незнаком.

– Павла-то Сергеевича мы здесь хорошо знаем: часто заходит. Вон они – с супругой, – папа показал куда-то на дальний конец стола; там же сидел улыбающийся Иван Иваныч Соболев, но Рослику было не до него. – Да и ты вот, сынок, зачастил к нам... Кстати, как твое исследование? Продолжаешь?

Руфер улыбнулся и пододвинул поближе тарелку с супом:

– Несколько мест прошел, на Бригадирке вот подзадержался. Говорят, еще надо в одном побывать – не могу вспомнить, в каком...

– Ты ешь, ешь. Да, точно, побывать надо в самом важном месте, – согласился отец. – Важнее прочих... А может, ты уже и был там? А? Но сейчас не об этом. Самое главное, что ты не останавливаешься на достигнутом. Мы такое любим. И всегда помогаем настоящим исследователям. Особенно – тем, кто приводит с собой новых гостей.

Отец открыл бутылку водки и налил себе и сыну. Несмотря на то что за столом сидело много народу, Рослик их как-то не замечал и слушал только папу.

– Давай-ка хлопнем, сын, за встречу! – они чокнулись. У диггера мелькнула мысль, что там они, кажется, никогда не пили водку вместе. Но где это – там?

После спиртного ему захотелось блинов с медом; затем Рослик налёг на рис с изюмом. Отец ничего не ел, но зато с удовольствием смотрел, как уплетает угощение сын.

– Пойдем-ка, Рослик, я тебе кое-что покажу, – папа приподнялся из-за стола. Они прошли по чистой зеленой улочке с аккуратными белыми домиками по обе стороны. Дышалось легко; белизна здания радовала глаз.

– Заходи! – отец толкнул дверь одного из домиков. – Вот смотри: на первом этаже – моя комната. Нравится?

Рослик осмотрел и присвистнул: ништяк, что и говорить. Дом внутри – в стиле деревенской избы из таких кругляков сосновых. Мебели нет, но уютно.

– А на втором – твоя, – отец опять улыбается. – Показать?

Да, нет проблем. Конечно, показать. Поднялись по винтовой лестнице – очень красивой, тоже под дерево. Образовался коридорчик, ведущий к двум дверям. Папа открыл правую, а там – детская кроватка, игрушки, всё светло-светло кругом.

Рослик оглядывает всё это добро и смеется.

– Знаешь, как я скучал, сынок! Знаешь, как я скучал! – отец обнимает его одной рукой, и диггер прижимается к нему. Он почему-то никак не может нащупать спину отца, руки всё хватают пустоту.

– Пап, а вторая комната для кого?

– Так для мамы! – торопливо отзывается тот, кого обнимает Рослик. – Мы и ее позовем. Вдвоем-то дело быстрее получится.

Руфер всё пытается поймать спину отца, как-то почувствовать его; он тоже скучал по нему, он хочет какой-то полноты, чтобы что-то дрогнуло в душе, но – не выходит.

Тогда сын пытается отстраниться от обнимающего, чтобы задать другой вопрос – про кроватку: она ведь для него маленькая, он давно вырос.

– Пап, а... – начинает он, но объятия вдруг каменеют. Руки отца становятся холодными, как батареи отопления в сентябре. Рослику хочется вздохнуть, но руки сжимаются всё сильнее и сильнее.

– Папа... – задыхаясь, шепчет сын. – Я не могу дышать, пусти!

Но каменные руки сближаются, Рослик вытягивает голову вверх и кричит. Хруст костей в плечах и груди, холод каменных рук... И пыль, кирпичная пыль повсюду – в глазах, ноздрях, зубах.

4.

Кирпичная пыль повсюду. Я кашляю и пытаюсь освободить руки. Но их нет. Совсем. Куда они делись? Ничего не вижу.

– Кто-нибудь... Господи, кто-нибудь! – губы разлипаются с трудом. Сначала ничего не слышу, потом – тоже стоны.

– Кто там? Катя? Павел Сергеевич? Помогите!

Тут кто-то добирается до меня и что-то делает. Вижу слабый свет.

– Сильно вас побило? – голос молодой и незнакомый. Вспоминаю, что с нами был еще кто-то. Антон?

– Антон...

– Я Рослик. Сейчас я помогу вам.

Он светит смартфоном и выкапывает меня откуда-то – из-под кучи кирпичной пыли.

– Что случилось? Катя? Где Катя? – я вздрагиваю всем телом и, почувствовав руки, помогаю себя откопать.

– Не знаю. Их я еще не нашел.

– Ищите, ищите скорей же! Ради Бога! Бросьте меня, я в порядке, ищите!

Он отходит, а я, прислонившись к стене, пытаюсь прийти в себя. Голова кружится; тупо слежу за отдаленным светом фонарика, в котором столбом стоит кирпичная пыль.

С величайшим облегчением слышу отдаленный стон Кати. Жива! Но, может, искалечена? Собираюсь с духом и ползу в ту сторону. Там светит фонарик парня-диггера. У Кати ссадины на лице и слегка повреждена рука. В остальном, кажется, хоккей.

– Мы сможем выбраться отсюда? – спрашиваю я Рослика. Тот делает какой-то жест – я не вижу в темноте, потому что фонарик цел только у него.

– Я сейчас буду выяснять...

– А Ташин?

– Пока не нашел его. Попробую сейчас еще всё облазить кругом. У вас смартфоны есть с фонариком?

– У меня есть! – говорит Катя. Голос у нее сильный, но спокойный. Я радуюсь про себя, хотя понимаю, что, если мы выберемся из этой передраги, буду корить себя за это всю оставшуюся жизнь. Но только бы выбраться.

Сестра включает фонарик в телефоне, и мы остаемся с ней сидеть среди кучи обвалившихся кирпичей. Что могло вызвать обрушение? Мне совсем не хочется об этом думать.

– Он ищет пожилого мужчину? – спрашивает Кати. Я киваю, и мне вдруг становится так ее жалко, что я обнимаю ее и плачу.

– Прости меня, Кати! Я сумасшедшая. Меня надо лечить в психушке! Как я могла тебя во всё это втянуть?..

– Ерунда, – отвечает мне младшенькая. – *Зато я видела маму!*..

Я закрываю глаза и прижимаю ее лоб к своему. Рослик возвращается минут через десять-пятнадцать.

– Я не нашел его. Обвал не такой большой –

только в районе развилки. Под кирпичами его точно нет. Надо выбираться и звать на помощь.

Он помогает нам встать, и мы идем обратно. Слава Богу, дорога хоть и усложнилась, но проход нигде полностью не завалило. Через сорок минут мы видим солнце.

5.

Как-то поздней осенью Наташа Кожеева проснулась часа в три ночи и, стараясь не шевелиться, начала складывать – пазл за пазлом – только что приснившийся сон. Там было всё то, что почти стерлось из ее памяти, выветрилось – ради нее самой, чтобы спасти ее и Катю.

«Склепы, коридор, Рослик, Ташин и... И мама. Господи, какое же всё живое и реальное было в этом сне! Намного реальнее, чем моя теперешняя, никому не нужная жизнь...»

Тут она одернула себя и вспомнила о Кате. Вот она-то и есть реальность. И законченная наконец-то аспирантура – реальность. И отец, который вдруг вздумал лечиться, – тоже. Это и только это по-настоящему важно.

Она открыла на смартфоне почту и вздрогнула, увидев, что пришло уведомление о личном послании из ЖЖ. У нее не было знакомых, кто еще сидел бы в «Живом журнале»: все слиняли в другие соцсети. Кто? Кто... кто мог бы...

«Я провожал вас на вокзале, Наташа. Тебя, Катю и Супонину, дай Бог здоровья твоей научной старушке!..»

Я смотрел тебе прямо в глаза – со второго этажа желтого вокзала и желал только одного: чтобы ты никогда больше не вернулась в наш город...

И всё-таки я очень на это надеюсь. Потому что тебя здесь ждут. Ждут по-настоящему, страстно! Мы знаем тебя и любим. Понимаешь? Так что приезжай – если надумаешь...

Ташин».

* * *

Человека, сидевшего на вершине буквы «С», заметили лишь двое водителей – из десятка автомобилей, проехавших в полтретьего ночи по Майской горе. Надпись с названием города У. была выложена из разноцветного щебня и красовалась уже много лет.

Но лишь один из тех, кто увидел сидевшего там Рослика, смог уловить и нечто другое – узкий летящий серпик, прочертивший странную траекторию от Майского леса до самых звёзд. Серебряный НЛО немного напоминал губную гармошку, блеснувшую на ярком солнце.

Заметил звёздного гостя и Рослик. Еще бы: ведь он ждал этого, он за этим сюда и пришел. В конце концов ему пообещали, что встреча обязательно состоится – а он верил обещаниям. Ведь городу всегда есть чем поделиться со своими исследователями...

Хей-хо, чуваки! Хей-хо.

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА НИКОНОВА

Открытие памятной доски А. Ф. Никонову.
На фото друзья А. Никонова – писатели
В. Манухин и А. Осипов

28 октября исполняется два года, как ушёл от нас мастер современной прозы, член Союза писателей России и димитровградской писательской организации «Слово» А.Ф. Никонов.

Александр Фёдорович создал множество сказок, фантастических рассказов, повестей и романов. Мы помним его как талантливого и трудолюбивого писателя, который ценил слово и всегда оставался верным литературе. Все повествования Александра Никонова – от судьбы маленького кита, рождённого в лунную ночь (сказка «Лунный кит»), или раненого щенка, которого подобрали и выхаживали ребята («Я с тобой, Вэрк»), до грозных событий на Кавказе, происходивших на стыке тысячелетий (цикл «Кавказский разлом»), или обстоятельств спасения новорождённого

мальчика, попавшего в самое пекло войны на Украине («Спаси Женечку»), – пронизаны глубокими размышлениями автора о любви и дружбе, верности и честности, семейных ценностях и вечных истинах, на которых и ныне держится мир на Земле.

Память А.Ф. Никонова увековечена его замечательными произведениями. На стене дома по ул. Курчатова в г. Димитровграде, где проживал большой русский писатель, установлена памятная доска. Творчеству А.Ф. Никонова посвящён последний выпуск литературного тележурнала «Слово».

В сегодняшнем номере журнала «Симбирскъ» мы публикуем сказки Александра Никонова.

Раиса КАШКИРОВА

Александр НИКОНОВ, г. Димитровград.
(27.04.1948, с. Александровка Мелекесского района Ульяновской области – 28.10.2018, г. Димитровград Ульяновской области), писатель, член Союза писателей России.

Из книги сказок

«ВОЛШЕБНЫЕ ОЗЕРА»

ТРИ ИСТИНЫ

Закончил Иван учёбу. Отец принёс ему хлеба ломоть да кувалду пудовую, спрашивает:

– Ну-ка скажи, сынок, что из них тяжелее, а что веселее?

Сам глаза в густые брови прячет, а усмешку – в усы. Прикинул парень в одной руке кувалду, в другой – ломоть хлеба и с обидой отвечает:

– Что ты, батя, меня дуришь? Конечно, кувалда тяжелее, а хлеб веселее.

Нахмурился отец.

– Хоть и грамотен ты стал, да не учён. Походи-ка по белу свету, погляди, поучись. А когда научишься, домой приходи.

Мать подорожников напекла, обняла сына, всплакнула. Пошёл Иван своей дорогой. День идёт – песенки поёт, второй идёт – посвистывает, а на третий день совсем грустно ему стало – припасы-то родительские закончились, а есть хочется.

Еле ноги доволоч до села Кузнечного. Из каждого двора весёлый железный перезвон доносится. Попросить бы у кого хлеба, да стыдно парню – все работают, а он бездельничает. Вошёл в одну из кузниц, видит – старик один молотом машет. Да только не получается у него ничего: то поковку перекалит, то кувалдой промахнётся, то горн вдруг потухнет. Работает старик, старается, а у самого печаль в глазах. Поздоровался Иван, спрашивает:

– Что такой грустный, дедушка?

Сел кузнец, пот с лица вытер, закурил и устало отвечает:

– Был у меня верный товарищ и помощник. Сызмальства мы с ним по этой наковальне стучали. Ковали оружие и отливали пули, когда крестатый враг и хищник на порог наш лез, чинили машины после великой разрухи. И вот недавно умер мой верный друг, да и я совсем поизносился: глаза плохо видят, руки молот не держат, разум затмевается. Пора бы и смену себе готовить, да не из кого – пустеет село.

Выслушал его Иван и говорит:

– А вы, дедушка, возьмите меня в подручные – не пожалеете.

Старался Иван как мог, всему вроде бы научился. Прошёл срок, и сказал кузнец:

– Спасибо, Ваня, за подмогу, но не обессудь за слова, которые тебе скажу: хоть и старался ты, да мало в тебе огня и закваски, каких надобно в нашем ремесле. А за помощь благодарю, вот тебе – этим всякая работа оплачивается. – И подаёт Ивану ковригу хлеба.

«Вот и научила меня жизнь», – подумал Иван и решил идти домой.

Рассказал он всё отцу, а тот и говорит:

– Что ж, кувалдой помашешь – не промажешь.

Прошло время. Опять отец подаёт сыну ломоть хлеба и кувалду пудовую, спрашивает:

– Ну, а теперь что скажешь, сынок: что из них тяжелее, а что веселее?

Взвесил Иван в руке кувалду, поглядел на хлеб и не знает, что ответить: не зря же отец второй раз об этом спрашивает. А тот посмотрел на сына, покачал головой и говорит:

– Эх, сынок, видать, жизнь тебя только ремеслу научила, а не мудрости. Поди-ка, ещё поучись. А как научишься, приходи домой.

И опять пошёл Иван своей дорогой. День идёт – песенки поёт, второй идёт – посвистывает, а потом припасы родительские кончились – тут уж не до веселья. На третий день пути дошёл он до села Бабьего. Прошёл по улицам и удивился: кругом ребятишки играют, женщины у колодцев стоят, а ни одного мужика не видно. Постучался Иван в крайнюю избу. Отворила ему дверь красивая девушка, улыбнулась гостю, в горницу пригласила, водицей напоила. Попил Иван и спрашивает:

– Скажи, милая девушка, почему в селе мужиков не видать?

Посмотрела девушка ему в глаза, вздохнула и ответила:

– За других не скажу, добрый молодец. А я потому одна, что старики померли, отец на войне погиб, а женихи да помощники ещё не выросли. А нам одним ох как трудно со всем управляться.

И стал Иван ходить по дворам да по хозяйству помогать: кому дров напилит и наколет, кому крышу или забор починит, кому сена накосит, кому колодец почистит. А женщины только благодарят:

– Спасибо, Иван, за помощь, только всё равно ты один за всех наших мужиков не справишься. Хоть на край света уйди, а доброта твоя с нами останется. Вот тебе коврига хлеба – этим всякая работа оплачивается.

Да и то: чувствует парень, что измотался он донельзя, а долго так не протянешь. Попрошался с сельчанами и пошёл домой. Рассказал родителям, где бывал да что делал. Отец только сказал:

– Ну что ж, добру научиться – тоже в дело сгодится.

Прошло какое-то время, отец снова преподносит сыну ломоть хлеба да кувалду пудовую, спрашивает:

– Ну что, сынок, теперь-то скажешь, что тяжелее, а что веселее?

Прикинул Иван в одной руке хлеб, в другой –

кувалду и неуверенно отвечает:

– Кувалда, вроде, тяжелее, потому что железная, а хлеб веселее, потому что вкусный.

– Ну, раз так, – говорит отец, – собирайся-ка ты, сынок, снова в дорогу. Не познал ты ещё всех премудростей жизни.

Снова отправился Иван в дальнюю дорогу. День идёт – песенки поёт, второй идёт – посвистывает, а на третий день припасы родительские кончились – тут уж не до веселья. Еле доплёлся до села Хлебного. Видит, в поле крестьяне работают, подошёл к ним, поклонился.

– Бог в помощь.

– Бог-то Бог, да сам не будь плох, – отвечают крестьяне. – Оставайся помогать, сейчас каждая минута дорога, как говорится, сегодняшней день завтрашний год кормит.

Согласился Иван. С утра до ночи пашет, боронит, сеет – к вечеру ног под собой не чувствует. А тут страда на носу. Иван и косил, и снопы вязал, и молотил. Работал так, что глаза потом заливало. А когда зерно смололи да хлеб испекли, парень и вовсе разомлел:

– До чего же хлеб вкусный, никогда в жизни такого не едал!

Крестьяне смеются:

– Поработай ещё с годочек, так собственный хлеб тебе мёдом покажется.

– Нет, – отвечает Иван, – мне домой пора.

Поблагодарили крестьяне Ивана за работу, дали воз муки да ещё домой подвезли. Мать не нарадуется встрече с сыном, а отец снова со своим: подаёт ему лопот хлеба и кувалду пудовую. А Иван смеется:

– Теперь, батя, меня не проведёшь. Тяжелее хлеб, потому что он с потом и кровью даётся, а кувалда веселее, оттого что работа великую радость доставляет. Спасибо, отец, век твоей науки не забуду...

С тех пор Иван и детей своих наставляет:

– Кувалдой помашешь – не промажешь, добру научиться – всегда согдится, а хлеб пожнёшь – всё на свете поймешь.

ДВА ЗАЙЧИКА

Жил в лесу зайчик, самый настоящий – с длинными ушами, коротким хвостиком и пушистой шубкой. Был он весёлым, смешным и очень любопытным. За это и прозвали его все лесные звери Любознайка. Любил Любознайка покувыркаться с горок, покататься по ласковой нежной травке и попрыгать с другими зайчатами.

Однажды случилось так, что Любознайка остался совсем один. Играл он у речки и вдруг видит: на берегу что-то светлое прыгает. Подбежал Любознайка к пятнышку и спрашивает:

– Эй, а ты кто?

– Я? – удивилось пятнышко. – Не видишь, что ли, я – зайчик.

– Ты?... Зайчик?... Ха-ха-ха! Так я тебе и поверил, будто я зайчиков никогда не видал! Какой же ты зайчик, если у тебя ни ушей, ни ног, ни хвостика, ни шубки нет? Вот я – зайчик настоящий.

– Я тоже зайчик, только солнечный, – отвечает светлое пятнышко.

– Солнечный? Ха, разве бывают такие зайчики?

Ты смеёшься надо мной, да?

– Бывают. Я... я и бегать умею. Давай побегим наперегонки, тогда узнаешь. Ты вот быстро бегаешь, а я ещё быстрее.

– Давай, давай, посмотрим, какой ты бегун, – согласился Любознайка да как припустит во весь дух к самому лесу. Прибежал на опушку, а солнечный зайчик уже там сидит и позёвывает.

– Что-то ты больно долго, я уж заскучал, – говорит солнечный зайчик. – Ты только хвостиком шевельнул, а я уже тут был.

Почесал Любознайка лапкой за ухом.

– Да-а-а, бегаешь ты быстро, это правда. Но всё равно я тебе не верю, что ты тоже зайчик. Давай спросим у кого-нибудь.

– Давай, – согласилось пятнышко.

Пробежали они по опушке, перепрыгнули через ручеек и присели отдохнуть.

– Ты устал? – спросил запыхавшийся Любознайка.

– Не-е, солнечные зайчики никогда не устают.

– А ты боишься кого-нибудь, ну там волка или медведя, а?

– Я боюсь только тучу, – отвечает солнечный зайчик.

– Ха, тучу! Что она может сделать? Вот если лиса встретит...

Только так сказал, а из кустов лиса и выходит.

– Здравствуйте. Что вы тут делаете? – ласково спрашивает лиса, а сама уже облизывается.

Хочет Любознайка ответить, а язык не слушается, сам весь дрожит и уши поджал. А лиса говорит:

– Давно, заяц, я встретить тебя хотела. Где ж ты пропал, а?

Не выдержал Любознайка, как махнёт в кусты – и деру. Лиса за ним. Вот-вот догонит и съест. Тут солнечный зайчик ослепил лису. Завертелась рыжая, закрутилась волчком и понеслась сослепу по пням и оврагам, по кустам да буеракам – только её и видели.

– Ну и храбрый же ты! – удивился Любознайка. – З-здорово ты её н-напугал! Если бы не ты, съела бы меня лиса и х-хвостика не оставила. Спасибо тебе.

Пошли они дальше, видят – ёжик землянику и грибы собирает. Наденет ягоду на иголку и дальше идёт, наденет грибок на иголку и дальше идёт...

– Здравствуй, ёжик, – приветствует его Любознайка. – Заготовкой на зиму занимаешься?

– Здравствуйте, здравствуйте, – отвечает ёжик. – Куда путь держите?

– Да вот хочу спросить у тебя: бывают солнечные зайчики или не бывают? – спрашивает ёжика Любознайка.

– Да вот же он, рядом с тобой, – и только так ёжик ответил, как туча заслонила солнце, и солнечный зайчик растаял, будто его и не было.

Заплакал Любознайка:

– Хоть он и ненастоящий, этот солнечный зайчик, а другом настоящим оказался... А я-то над ним смеялся, я ему не верил... Что же я делать без него буду-у...

– Не плачь, Любознайка, – успокаивает его ёжик. – Вот выглянет из-за туч солнышко, и ты снова встретишься со своим другом.

БЕЗДУШНЫЙ ТИТ

Сказка

Жил-был мужик по имени Тит. Как и положено человеку, была у него душа, которая, как известно, дается ему Богом от рождения. Ведь известно, что душа не сосед, ее не обойдешь, не объедешь. И от того, как человек с ней ладит, так и жизнь его проходит, так о человеке и судят. О плохом человеке скажут: «Души у него нет. У него душа что лес темный. У него душа – потемки. Ох, покривил он душой». О хороших людях другое говорят: «Душа – человек. У него душа всему мера. Душа в душу живут. Видать, сердце у него – пестун, а душа – дядька».

Был Тит мужик хозяйственный, домовитый, семейный, да не всегда в ладах с душой своей жил. Иной раз мог и блаженного оскорбить, и нищему не подать, и слабого ни за что обидеть, а когда и слово соленое вслед запустить. Посмотрят на не него люди и лишь скажут:

– Черствая у него душа. Бездушный, видно, Тит, человек, да Бог ему судья.

Долго Душа терпела его выходки, пока не случилась с Титом большая беда. Поехал он однажды на базар седло для своего жеребца покупать. Полдня проходил по рядам, ничего подходящего найти не может: то мало, то велико, то клешнями сделано. И вдруг видит: в самом дальнем углу сидит невзрачный мужичишка и седло продает. Как увидел Тит эту красоту, так будто в беспамятство впал – такого седла он никогда в жизни не видывал. Игрушка, а не седло! Подошел, спрашивает мужика:

– Почем продаешь?

А как услышал цену, то и вовсе обомлел: стоило седло в два раза дороже самого жеребца. Да и, по правде сказать, стоило оно того – не седло, а лебедь. На гремучей черной толстой коже светилась золотая вязь; лука сделана из слоновьего бивня в виде орла с распахнутыми крыльями; подпруга укреплена витой серебряной цепью. А к седлу еще прилагалась алая попона из крепкого неведомого сукна, расшитая блестящим черным шелком, и золотые стремяна.

Загорелись глаза у Тита, да вот беда – не было у него с собой таких денег. Если домой за ними бежать, то седло упустишь, и занять, как не грех, не у кого. А тут и другие покупатели вокруг седла выются, как мухи у сахара. Его словно бес в ребро толкает: «Не упускай, Тит, своего счастья – когда еще ты найдешь такое седло, а упустишь – век себе не простишь».

Крутился, крутился Тит вокруг продавца и, наконец, дождался, когда тот куда-то отлучился. Снова его бес наушает: «Ну что же ты, Тит, хватай да беги – такого момента больше не будет!» А Душа его уговаривает: «Не бери, Тит, на меня греха, седло ты другое купишь, может, и получше этого, а порядочность и честь свои потеряешь». Не послушался Душу Тит, схватил седло в охапку – и бежать. Да не тут-то было: схватили его, голубчика, привели в участок, спрашивают:

– Зачем, Тит, седло украл? Ведь грех это.

А Тит руками разводит:

– Сам не пойму, видать, бес попутал.

Ну, дали ему наказание плетьюми. Стегает его палач по голой спине и заднице и приговаривает:

– Помни, Тит: душа у тебя Божья, тело государево, а спина – моя.

Ну, выдали мужику по первое число и отпустили, а люди ему вслед:

– Видать, Тит свою душу черту запродавал.

Снова корит его Душа:

– Нехорошо, Тит, получилось. Не послушался ты меня, за то тебе и кара.

Надоело Душе слушать от людей такую несправедливость – она-то чем виновата! Терпела, терпела и решила от Тита уйти: пусть живет как знает. Однажды поднялась и улетела.

Проснулся поутру Тит, хотел, как всегда, потянуться да встать с постели – ан нет ничего не получается, тело чужое, будто его удар хватил. «Что это со мной?» – с тревогой думает Тит. И невдомек ему, что Душа из него вон. Хотел жену Варвару на помощь позвать, а голос-то совсем пропал. «Никак умер, – заволновался Тит. – Вроде бы не болел ничем, ну разве что с похмелья. С чего бы вдруг умирать-то?» Потом все же догадался, потихоньку спрашивает:

– Эй, Душа, ты здесь? – Молчок. – Чего молчишь, где спряталась? Ну ладно, поиграли в прятки – и хватит, у меня еще столько дел на сегодня...

И снова в ответ тишина.

– Ну, погоди, – злится Тит, – вот ужо встану, я тебе покажу, как хозяина на произвол судьбы бросать!

А чего там покажет, когда ни рукой пошевелить, ни глазом моргнуть не может. Что делать, лежит Тит, ждет, что дальше будет. Вошла Варвара, толкает его в бок:

– Эй, лежебока, вставай утренняя. Сегодня сено докосить надо, пока погода ведренная стоит. Ну что же ты, Титушка, хватить баловать.

Тит по привычке будто ей отвечает:

– Отстань, холера, дай бокам пообмякнуть.

А сам понимает, что она его не слышит. Жена почувствовала неладное, снова его толкнула, потом наклонилась, в лицо посмотрела да как закричит, как запричитает:

– Ой, люди добрые, помер мой муженек! Ой, детушки мои, сиротинушки бедные, оставил нас родный батюшка!

Скоро все соседи сбежались, стоят вокруг Тита, вздыхают, вполголоса между собой переговариваются:

– Вот и отдал Тит Богу свою грешную душеньку.

– Видать, нагрешил много, оттого Господь его и наказал.

– Непутевый был мужик, а хозяйственный, заботливый.

А Тит про себя кричит:

– Да не отдавал я никому ничего! Сама она, по своей воле! Наказал, наказал! На себя-то оборотитесь! Вот ты, Фекла, с Дарьиного огорода огурцы воруеть, а ты, Дарья, из Феклиного стога сено по ночам дергаешь! Тоже мне, святые нашлись!

Тита раздели, обмыли, обрядили и стали в гроб укладывать.

– Караул, Господи! – заорал Тит. – Образумь ты этих сумасшедших! Ведь не умер же я! Да что же это такое творится: или они слепые и глухие, или у них души совсем нет!

Ну, положили Тита в гроб, руки и челюсть ему веревкой подвязали, простышкой белой накрыли, на грудь иконку пристроили, а между пальцев воткнули зажженную свечку. Соседская бабка молитвы почитала, перекрестилась и тяжело вздохнула:

– Видать, его грешное тело душу светлую съело. Аминь!

– Я те, старая чертова кочерга, дам «аминь»! – кричит Тит.

А тем временем Титова Душа летала-летала по белу свету и нигде не могла найти своего пристанища. Ведь у каждого человека – старого или молодого, бедного или богатого, красивого или уродливого – есть своя душа. Даже у новорожденных, несмышленных младенцев душа есть. Однажды встретила она другую одинокую душу. Витала та у свежей могилы и сильно горевала. Титова Душа ее спрашивает:

– Что же ты так горюешь, подруга? Небось, отмаялась, отмучилась – и слава Богу. Не больно сладко с этими людьми ладить – грех с ними один.

– Нет, – грустно отвечает чужая душа. – Мне хороший достался человек, жили мы с ним в ладу целых восемьдесят лет. Всякое случалось за это время. По-молодости-то и у него, правда, глупости хватало: и обижал, и сквернословил, и озоровал – всякое бывало. Но я ему спуска не давала: если что не так делает – укорами его изведу, а своего добыюсь. А потом он женился, остепенился, тут уж не до озорства – семью подымать надо. Ох и намучалась же я с ним, с бедным! По злему наговору он пятнадцать лет в тюрьме томился, потом свою землю от врага защищал, тяжелое ранение получил. После войны хозяйство из разрухи подымал. Я чем могла помогала. Так вот и прожили: куда он, туда и я. А теперь вот не стало у меня пристанища. Когда Бог даст мне другого такого хорошего человека, и не знаю. Полечу-ка я на небо, к Господу, совета у него попрошу.

– Возьми и меня с собой, а то я не знаю, что дальше делать, – просит неприкаянная Титова Душа.

Ну, прилетели они на небо, а там встречает их сам Господь Бог, спрашивает:

– Ну как, душеньки мои, тяжела на земле работа? То-то. А теперь рассказывайте.

Рассказала чужая душа Богу про свою житейскую долю. Бог ее хвалит:

– Молодец, хорошо потрудились, хватило у тебя и мудрости, и терпения, и верности. Подыщем тебе новое пристанище, а пока иди отдыхай. Намаялась небось.

– А у тебя как дела? – спрашивает Бог Титову Душу.

Рассказала она про все свои страдания, ничего

не утаила. Бог брови насупил и, подумав, сказал:

– Рано еще Титу из жизни уходить, не познал он всех тягот и премудростей, радостей и разочарований жизни, а значит, не вкусит всех прелестей рая небесного. Ступай к нему назад.

А Тита уже на кладбище несут. Варвара воем воем, детишки несмышленные головы свесили, народ следом за гробом идет и тихо перешептывается. Вот уж и лесок недалеко, где ему могилку вырыли. Тит думает: «Вот и конец мне. Эх, дурак я, дурак, не мог жить, как все люди: спокойно, тихо, в согласии да в радости. Нет, дернул меня черт воровать, сквернословить да людей обижать. Правильно Душа говорила: за то мне и кара. Господи-и! – взмолился Тит. – Прости меня, грешного. Что ж теперь поделаешь: видно, чему быть, того не миновать. А все-таки облегчи мою Душеньку, дай ей спасения, ведь она-то перед тобой ни в чем не виновата».

А гроб уж у могилы на табуретки поставили, родные с ним простились, вот-вот крышкой накроют, заколотят – и прощайся, Тит, с белым светом. И вдруг чувствует Тит, что в гробу вроде как тесновато становится, жар по телу разлился, руки-ноги силой наливаются стали. Еще не веря, осторожно спрашивает:

– Душа, ты здесь?

Никто не отвечает. «Видно, показалось», – думает Тит. А крышку уже к гробу несут, могильщики веревки готовят. Тит снова спрашивает:

– Ну что же ты молчишь, Душенька моя, не томи, Христа ради, отзовись.

– Да здесь, здесь я, куда от тебя, непутевого, денешься, – отвечает Душа.

– Это где же ты шлялась, такая-сякая? – начал ругаться Тит. – Меня вот-вот в землю закопают, а она...

Оборвала его Душа:

– Если долго ругаться будешь, так и зароят тебя, дурака. Тут уж я тебе ничем помочь не смогу. Мало тебя учили! Мне-то что, я вот возьму и улечу. А ты как?

Тит больше спорить не стал, пошевелил пальцами, руками, ногами – живой, потом открыл глаза, оглядел остолбеневших людей и спросил бабку, которая над ним молитвы читала:

– Ну что, старая кочерга, поживем еще, а?

Народ от страха разбежался кто куда – виданное ли дело, чтобы покойник в гробу разговаривал, а Тит вылез из своей домовины, потрогал свою постель и сказал:

– Жестковато, опилок могли бы и побольше подсыпать.

Потом подошел к своим деткам, к жене своей, Варварушке, обнял их и сказал:

– Ну, мои родные, пошли домой. Обижать да ругать я больше никого не стану – слово даю. Заживем, как все люди. Так, что ли?

Душа поняла, что это к ней Тит обращается, и лишь глубоко вздохнула.

Тут и сказке конец, а жизни – начало.

Раиса КАШКИРОВА, член правления ульяновского регионального отделения Союза писателей России, руководитель писательской организации «Слово», г. Димитровград.

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

Новая книга писателя-фронтовика

В год 75-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне при поддержке губернатора Ульяновской области С.И. Морозова и правительства Ульяновской области выходит в свет книга димитровградского писателя, участника боевых сражений, кавалера ордена Отечественной войны 2-й степени, почётного гражданина города Димитровграда Евгения Степановича Ларина «Девушка в шинели».

В сложное время создавалась эта книга. Тем она ценнее.

Большое количество людей, включая автора и редактора книги, находились в самоизоляции: вся страна, весь мир были охвачены пандемией коронавируса. Но и сегодня, и во все времена «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Слово вело солдата Евгения Ларина в атаку, в бой, на защиту Родины от немецко-фашистских захватчиков, помогало выжить и сохранить присутствие духа в годы Великой Отечественной войны и в тяжёлое послевоенное время, слово не давало возможности забыть тех, кто плечом к плечу с молодым поэтом защищал Родину и не вернулся с полей сражений. Живое слово зрелого поэта и гражданина сегодня сохраняет память о земляках, совершивших подвиг во имя светлого и свободного будущего народов России. Им и посвящена эта книга.

По словам автора, «Девушка в шинели» – это реквием и вечный поклон миллионам павших за наше святое Отечество; венок памяти и признательности России за её солдатское мужество и отвагу; гражданская молитва о доблести и достоинстве России, её немеркнувшей боевой и трудовой славе». «Нам песня строить и жить помогает», – писал Василий Лебедев-Кумач, а основой песни всегда было звонкое, поэтичное, жизнеутверждающее слово. Каждое стихотворение Евгения Ларина претендует на песню: его слог лёгок и музыкален, а суть строк мгновенно достигает сердца читателя.

Выступления Евгения Степановича никого не оставляют равнодушным – ни любителей поэзии, ни коллег. Евгений Ларин не только мастер слова, он великолепный исполнитель, заставляющий слушателя на пределе эмоций проживать вместе с ним мистику чужей-то жизни или смерти. После одного из его концертов мне позвонил знакомый, поблаго-

дарил за приглашение и сказал: «Я поражён. Зная, что выступает поэт-фронтовик, зная, что он будет читать стихи гражданской тематики, я до последнего ждал декламации патриотических лозунгов. Этого не произошло. Всё – через сердце...» Другая слушательница сказала, что любовь к поэзии вошла в её жизнь вместе со стихами Евгения Ларина, которые отец читал зимними вечерами всей семье.

А я впервые познакомилась с творчеством Евгения Степановича ещё в школе, когда он пришел к нам в класс и продемонстрировал мастерское исполнение своих поэтических шедевров, вдохновив меня на первые литературные опыты.

Тогда я ещё не знала, что много лет спустя именно Е.С. Ларин станет моим крёстным отцом в поэзии, а его строки вдохновят немало начинающих поэтов:

Поэзия!
Ты для меня – не забава.
Ты – сердцебиенье,
Души клочкотанье.
Ты – радости сладость
И горечь отравы,
Дыханье моё
И моё осязанье.
С тех пор,
Как ты в сердце моём
Прописалась,
Мне стали подвластны
Любые пространства.
Ты к звёздам со мною
В мечтах устремлялась,
Имея такое же
Право гражданства.
Ты можешь звенеть
Про любовь и цветочки

В Языковском парке. Выступает Евгений Ларин. 5.06.1977

И нежность вдохнуть
 В стихотворные формы,
 А надо – и гневом
 Наполнятся строчки,
 И в них разразятся
 И бури, и штормы.
 И если нам встанут
 Враги на дороге
 С кровавым мечом,
 Как фашисты когда-то, –
 Поэзию я
 Подниму по тревоге
 И рядом поставлю
 В строю, как солдата...
 Поэзия!
 Я без тебя –
 Ни полшага.
 Ты самая верная мне
 И родная.
 Живёшь ты со мной,
 Как пчела-работяга,
 По капле добро
 Для сердец собирая.

Литературная жизнь Евгения Степановича Ларина – и есть вся его жизнь. Кажется, что любые события успевают он запечатлеть на бумаге, советуя молодым авторам брать на карандаш всё, что достойно внимания, поскольку каждая такая зарисовка впоследствии легко может стать основой сюжета и превратиться в стихотворение или повесть.

Именно сюжетность, историчность, адресная направленность произведений отличает поэзию Ларина от массы других обезличенных творений.

В семейной библиотеке, в личном архиве Евгения Степановича хранится множество ценных документов, в том числе – переписка с именитыми поэтами, авторские сборники Евгения Долматовского, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Расула Гамзатова, Михаила Львова, Ярослава Смелякова, Беллы Ахмадулиной, Евгения Евтушенко и других мастеров слова с именными посвящениями, адресованными молодому литератору Ларину. Вот, например, шуточный стихотворный экспромт Михаила Львова: «Хотя, наверно, и не гений Евгений, но явно не бездарен – Ларин!» Особое место в доме

поэта и в его сердце занимают письма Николая Благава и Анатолия Жукова. Надеюсь, наступит время, и воспоминания Евгения Степановича о работе литературного объединения «Черемшан», с которого начинался путь писателя и журналиста, превратятся в ещё одну исторически значимую для симбирской литературы книгу.

А пока на страницах «Девушки в шинели» мы публикуем стихи Евгения Степановича, посвящённые коллегам, а также письмо Николая Благава, в котором большой волжский поэт со свойственной ему сердечностью поздравляет близкого друга с праздником Победы. Обращаясь к нему с надеждой, Николай Николаевич пишет: «Всем известно, что ветераны не стареют, и потому знаю, что ты ещё выдашь самые задушевные и самые золотые слова, которые нашептали тебе неостывшие дороги войны».

Книга «Девушка в шинели» стала своеобразным творческим отчётом – посланием Евгения Ларина для горячо любимого друга и наставника – Н.Н. Благава (1931 – 1992).

В каждом из разделов книги – и в тех, что адресованы землякам и землячкам – героям Великой Отечественной войны, и в тех, которые посвящены литературным товарищам, теме творчества и бессмертным творениям А.С. Пушкина, ярко выражена позиция поэта и гражданина Евгения Ларина, человека, для которого судьба России и родного края так же значима, как и своя собственная судьба.

Памятью сердца поэта начертаны эти пронзительные строки:

...Равнодушие губит
 И память, и жизнь.
 Равнодушие тоже токсично,
 Как стронций.
 С равнодушья всех стран
 Начинался фашизм,
 Крематории зла
 Раздувая под солнцем.
 Сколько горя и слёз
 Принесло это зло!
 Сколько чёрных смертей
 Грохотало над нами!
 Сколько нас, россиян,
 На земле полегло,
 Амбразуры войны
 Накрывая сердцами!..
 Оттого не глотается
 Горечи ком,
 Что безмерно число
 И слезам, и утратам...
 Пусть стихи эти будут
 Благодарным венком
 Не ж и в ы м
 И ж и в ы м
 ЛЕГЕНДАРНЫМ
 СОЛДАТАМ!

Книга «Девушка в шинели» – о трёх уроженках Мелекесса: Марии Мусоровой, погибшей в плену (повесть «Пока бьётся сердце»), Тосе Потаповой, зверски замученной фашистами (повесть «Тоса»), и Вере Соловьёвой, которой посчастливилось вернуться с полей сражений в родной город (поэма

«Девушка в шинели»). Девушка в шинели, по замыслу автора, – это собирательный образ, лирическое посвящение, дань великому подвигу, который самоотверженно совершили русские женщины в суровые годы Великой Отечественной войны. Повести созданы в жанре документальной прозы, сопровождаются письмами невыдуманных героев и историческими документами. «Тося» стала итогом совместной поездки Евгения Степановича и матери Тоси Потаповой на Украину, на место гибели красивой девушки, на долю которой выпали такие невыносимые страдания, что автор не решился полностью описать их на страницах книги... В сборнике есть стихи, посвящённые боевому товарищу Шавкату Аглиуллову (стихотворение «Аглиуллов Шавкат»), Герою Социалистического Труда Фёдору Жукову (отрывок из поэмы «Снова в строй»), генерал-лейтенанту танковых войск, первому в стране кавалеру ордена Суворова Василию Баданову (стихотворение «Два солдата») и другим землякам, героическим участникам Великой Отечественной.

Кто-то из них сражался до последнего вздоха – на передовой или в плену, кто-то тяжким трудом добывал хлеб и делал оружие – всё для фронта, всё для Победы! И это не просто лозунги, а олицетворение неукротимой мощи, непобедимого духа нашего народа. Стихи Евгения Ларина исполнены этой силы, в них пронзительно звучит эпохальная боль целого поколения, одолевшего пекло войны и восстановившего из руин Россию. В книге выражено высшее понимание миссии России и напоминание тем, кто желал бы укротить и поработить великий народ наш, что этого не произойдёт никогда. Несмотря на то, что три четверти века миновало с момента окончания священной войны, мы по-прежнему ежегодно празднуем Победу, и, по словам автора, «каждый День Победы – это эхо тьмы и света, мира и войны!» Ради торжества правды, ради нас с вами, сегодняшних, было отдано много жизней – и на полях сражений, и после войны. И разве не справимся мы с нынешними проблемами вроде пресловутого коронавируса, когда сердца наши переполнены любовью к близким, друзьям и родной земле, когда

горячо стучат сердца таких надёжных защитников державы, как Евгений Ларин?

Пока книга «Девушка в шинели» готовилась к выходу в свет, на сцене Димитровградского театра драмы прошёл спектакль, поставленный по пьесе Е.С. Ларина «Пока бьётся сердце».

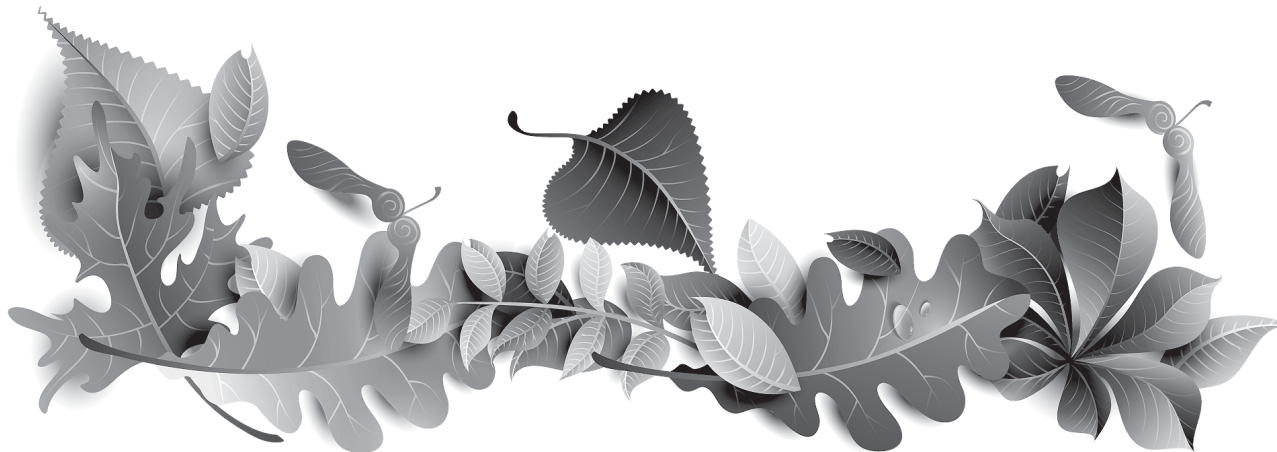
Впервые инсценировка драматической повести о подвиге мелекесского военврача Марии Мусоровой, погибшей в фашистском плену, состоялась в 1964 году на Ульяновской студии телевидения, в ней приняли участие артисты областного драмтеатра, и роль Марии сыграла тогда несравненная Клара Шадько (1939 – 2020). В 1995 году к 50-летию Победы спектакль «Пока бьётся сердце» поставил Димитровградский драматический театр. А к 75-летию Победы пьеса получила третью жизнь, и со сценической версией повести Е. Ларина о героической судьбе Марии Мусоровой снова могут познакомиться школьники, студенты, молодые ребята, которые, к огромному нашему счастью, даже не представляют, какие страшные события заключены в слове «война». В стихотворении «Книжки про войну» проникновенно звучит напутствие поэта:

...Ну что же, растите,
Читайте, ребята.
Пусть будут безоблачны
Ваши года.
Вчера на войне
Умирили солдаты,
Чтоб вы не узнали
Войны никогда!

Сердечно благодарю большого поэта, дорогого друга и наставника за вдохновенную жизнь длиной почти в целый век, итогом которой стала книга «Девушка в шинели».

От коллектива писательской организации «Слово», от коллег и читателей, от друзей и родных, от всех, кто помогал в создании этой замечательной книги, низкий поклон Вам, Евгений Степанович, и пожелания крепкого здоровья, счастья, благополучия и новых творческих побед!

Публикации в рубрике «Черемшан» подготовила Раиса Каширкова.

ДОРОГА К ХРАМУ

Иеромонах Пантелеимон (Кравец)

Мне довелось прийти в обитель на самом излёте 90-хх. Русская Церковь тогда активно восстанавливала лежащие в руинах монастыри и храмы. Но если стены возводить удавалось вполне успешно, то восстановить уничтоженный в начале XX века: изгнанный, расстрелянный, замученный в лагерях – трёхсоттысячный корпус русского священства было, конечно, невозможно. Двери храмов были распахнуты настежь, служителей катастрофически не хватало. Отцы были крайне перегружены, а люди, словно сбросив морочную оторопь, шли и шли непрерывным потоком. Мы – свежеиспечённые русские иноки – мечтали об уединённых лесных скитах, затворах, пещерах, о превышающих человеческие силы подвигах. Весь лес вокруг монастыря был изрыт землянками... Но оказались в самой гуще людского потока, там, где меньше всего хотели бы оказаться. Я и сейчас помню эту картину: мы рядком на паперти у нескольких аналоев, а очередь на исповедь тянется через весь монастырский двор до колокольни. Заканчивалась служба, братья уходили на обед, потом расходились по кельям, а очередь всё тянулась... тянулась... Мы робко возражали своему начальству:

– Мы же не для этого сюда пришли!

– Потерпите! Скоро всё устроится, и всё будет по-другому, – отвечали нам.

Стало ли по-другому – судить сложно. Нам не с чем сравнивать. Мы никогда не жили в другой монашеской культуре, в другой стране, в другое время. А теперь уже, кажется, и попривыкли... Надеюсь, всё это было не зря, и мы действительно были там нужны. Ведь не без Бога же всё это было!

Вот, собственно, из того самого тесного соприкосновения с миром и начали рождаться эти небольшие заметки...

Добрый дедушка

Её тонкий всхлипывающий голосок неожиданно отвлёк меня. Я обернулся, и... Хотя, наверное, следует вначале сказать, чем я был занят. Три дня назад до описываемого события святейший патриарх Алексей Второй совершал торжественное освящение центрального городского собора в честь святого праведного Феодора Ушакова. Мы прибыли с мощами адмирала к службе, и по окончании Саранский митрополит попросил оставить мощи в храме ещё на неделю ради приходящих поклониться людей. Народ действительно шёл к святому воину почти непрерывной вереницей. Хотя всё больше на каблуках. Мужчины подходили не в пример реже. Женщины же, которым в отличии от мужчин всегда есть за кого помолиться, забегали и до работы, и после работы, и в обеденный перерыв. Разумеется, как-то особо подготовиться к походу в храм им было некогда: после работы женщинам обыкновенно нужно кормить и обихаживать тех, за кого они молятся. Так и заходили: в брюках и без платочков, с накрашенными губами. Сначала мы пытались бороться:

Монастырь. Фото Ольги Ивлевой

– Дорогие сестры!

Стирайте, пожалуйста, помаду! Нельзя прикасаться к мощам с накрашенными губами! Стирайте...

Потом заметили, как сосредоточенно молятся эти милые женщины, как глаза их разговаривают в молитве со святым, как увлажняются эти задумчивые глаза, – и решили не нарушать своим формализмом удивительное таинственное общение душ со святыней. Вооружившись полотенцами и бутылками с одеколоном мы просто оттирали стекло на раке, как только оно уж слишком замазывалось отпечатками губ. Вот за этим занятием меня и застал её тонкий всхлипывающий голосок.

Я оглянулся и увидел невысокую девчушку совершенно невообразимого вида. Передо мной стояло «чудо чудное, диво дивное» с волосами, окрашенными в чёрный-пречёрный цвет, прибор на голове был высветлен ярко – фиолетовым, а кончики прядей – оранжевым. Розовая кофточка достигала примерно середины живота, из пупка тарачил глаза железный пауцище. Снизу этот удивительный туалет завершали чёрные в белую полосочку штанишки длиной чуть ниже колен и цветные сланцы. Ребёнок горько плакал.

– Батюшка, что мне теперь делать? Кому мне теперь молиться? – она пережевывала слова со слезами.

– Что у вас случилось? – я всегда начинаю общение с детьми на «вы». Эта добрая привычка много раз позволяла мне остаться живым и невредимым.

– Меня бросил парень, – всхлипнула она.

– Сколько вам лет?

– Тринадцать...

Если кто-то из вас сейчас заулыбался, – вроде как: несерьёзно это всё – значит, он так ничего и не понял в этой жизни! Если мы с вами хоть немного стремимся к чистоте и тонкости восприятия, то непременно должны помнить и ценить этот замечательный и нежный возраст... Тринадцать лет! Как же всё было: искренне, больно, навсегда! Как всё горело и трепетало внутри, как сердце готово было разорвать грудь и выскочить наружу. Эта девочка в первом ряду у окна... розовое ушко, прозрачное в косых лучах солнца и вкусно на вид, как долька мармелада... непослушный белый локон, то и дело спадающий на глаза, который она сдувала в сторону таким родным и милым: «Ф-ф!»... Как она могла влюбиться не в меня, а в это рыжее ничтожество из параллельного класса?! Как же было больно! Как было совершенно очевидно, что теперь я потерял всё, что никогда и нигде в мире такой девочки больше не найти. Может, именно поэтому жизнь и привела меня в конце концов

в монастырь?.. Тринадцать лет! Как много тогда было в душе вопросов, а ответы где-то прятались. Как трудно было доверить сокровенное кому-то из взрослых. Как страшно было говорить на такие деликатные темы с родителями. Как больно били слова: «Да брось ты! Нашёл из-за чего переживать! Вырастешь – у тебя ещё миллион таких будет!» И сразу напрочь не хотелось вырастать. Эх, взрослые, взрослые! Я смотрю, и сейчас многие не очень – то переживают: бросили – нашли другую... Может быть, тогда, в те самые тринадцать лет, не надо было привыкать к мысли о миллионах возможных вариантов?

Итак: передо мной стоял ребёнок в розовой кофточке, с разноцветной головой, со здоровенной металлоконструкцией «паук» в пупке и размазывал ладошкой по лицу слёзы с соплями и косметикой. Ей было тринадцать, и её бросил парень. Она была из какого-то неведомого мне тогда племени эмо и она пришла со своей бедой ко мне в храм. И я понимал, что это очень серьёзно...

– Это очень серьёзно, моя хорошая, – я покачал головой. Словами «мой хороший... моя хорошая...» всегда обращался к нам наш покойный старец. В его глазах светилось небо, у его ног можно было сидеть неподвижно век за веком, не ощущая течения времени. Сияние неотмирного света на лице Батюшки без всяких слов свидетельствовало, что Бог есть, что Евангелие действует, что Бог неизреченно нас любит... Я заметил, что мы, духовные чада, и сейчас копируем его манеру улыбаться, говорить. И эти

неизменные: мой хороший... моя хорошая... Мы не имеем в себе той любви, которой был исполнен этот удивительный человек, и в трудные моменты жизни, в эти неожиданно случающиеся перекрёстки сердец, беспомощно, как щитом, пытаемся защитить свою невозможность так же любить попыткой хоть внешне быть похожими на него.

– Это очень серьёзно, моя хорошая, очень серьёзно... – я несколько времени соображал, что же делать. – Воину Феодору, конечно, молятся обычно не о любви... Знаешь что?! Смотри: вон там...

И я указал пальцем в направлении «вон там». Там, в самом углу храма, на стене располагалась большая икона святителя Николая. Этот удивительный святой обыкновённо изображается на иконах трогательно добрым, но тут он выглядел совсем как родной дедушка.

– Вот смотри: этот дедушка всегда слышит и всегда помогает! Он – самый добрый дедушка на свете. Ему можно доверить совершенно всё. Я думаю, что помолиться тебе надо именно ему.

– Он правда услышит? – всхлипнул ребёнок.

– Чистая правда! – поспешил заверить я. И я несколько не кривил сердцем. Если кто-то из святых и должен был помочь в этой странной ситуации, то это мог быть только святитель Николай, который, как доподлинно известно, даже чукчам некрещёным помогал.

Ребёнок двинулся в угол храма к дедушкиной иконе, а я, повернувшись, увидел, что стекло на раке мощей снова заляпано помадой, и принялся усердно тереть его влажным ароматным полотенцем. Когда всё было приведено в порядок, я решил посмотреть, как обстоят дела с молитвой, нет ли у ребёнка вопросов, как правильно. И замер...

Как обычно молимся мы – взрослые? По этому поводу можно было бы написать целый трактат. Обыкновенно, закрыв глаза, угрюмо бубним что-то или, уткнувшись головой в икону, льём слёзы о своих бедах. Мы без конца спрашиваем: как правильно стоять, что правильно говорить, как правильно себя вести? У моей протезе таких вопросов, похоже, не было...

Ребёнок размахивал в воздухе ручонками, мотал головой, бил себя кулачками в грудь, тыкал пальцами в стекло кивота, потом снова в себя. Девочка как могла, всем порывом своего существа, объясняла дедушке про свою беду. Губы энергично шевелились. Звук при этом раздавался такой, будто отчаянно ссорились глухонемые. Я подошёл и сказал:

– Хочешь, давай вместе положим поклоны?

Она указала пальцем на паука в пупке и пожала плечами.

– А-а! Пирсинг! Боишься, что больно будет? – догадался я и добавил: – За любовь можно и боль потерпеть.

– За любовь можно, – согласилась она.

Мы положили несколько земных поклонов и мне вдруг почудилось, что стало как-то тихо. Я оглянулся. Никто не прикладывался к мощам, все смотрели, как раскланивается наш живописный дуэт: священник в облачении и inferнального вида ребёнок. На лицах, как это обычно у взрослых, было написано: что это там такое, может, и нам надо?..

На прощанье она осторожно положила мне свою маленькую ладошку на руку чуть ниже локтя.

– Спасибо вам...

Потом сама же застеснялась своего жеста, робко улыбнулась и выбежала из храма. Я посмотрел ей в след и вдруг подумал о парне, что бросил её: «Дурень ты дурень! Когда-нибудь ты очень пожалеешь, что бросил эту удивительную девчонку! Не будь я...»

Вечером, когда людской поток схлынул, уборщицы домывали полы, а ночные сторожа солидно расхаживали там и тут, что-то тщательно проверяя по углам, я подошёл к иконе святителя, вытянулся в струнку, закрыл глаза и помолился:

– Святителю отче Николае, я не знаю, вернёшь ли ты ей этого парня или нет, – это решать только тебе. Но прошу, сделай так, чтобы она поняла, что ты её слышишь. Аминь.

Я уже медленно брёл к выходу, но вдруг остановился на полпути, быстро вернулся к иконе, взмахнул руками, ударил себя кулаками в грудь и добавил:

– Дедушка... прошу... очень надо...

Ничего нельзя

Мы колесили по разбитой извилистой дороге, оглябая одну за другой живописные деревушки, откомандированные монастырским начальством по срочным хозяйственным поручениям. Наша пожилая пегая каракатица, в народе именуемая «буханкой», надрывно гремела, поскрипывала, охала, словно всем своим видом говорила: ну да, едем мы не быстро, но я делаю всё, что могу. Полуденное солнце плавало небо, июльский день лениво растекался по земле горячим сусальным золотом. В раскалённой кабине пахло удушливой смесью бензина, горячего дермантина, резины, и даже открытые настёжки окна не давали прохлады и избавления. Мой энергичный улыбочивый водитель Виктор, черноволосый быстроглазый малоросс средних лет, поначалу скрашивал дорогу забавными байками из истории своих многолетних скитаний по монастырям, потом буквально сразил неожиданными познаниями в области геммологии, объяснив, что агаты в справочнике следует искать в группе халцедонов, потом посетовал, что на Урале иссякли запасы «почечного» малахита и малахит теперь весь Заирский, полосчатый и некрасивый, – и в конце концов сам сварился и иссяк. Я осторожно поинтересовался, где он изучал самоцветы. Он как-то очень просто и без обидняков ответил: «В тюрьме, батюшка». Наше молчание наполнилось братской любовью. На горизонте, в тонкой полоске марева, всё возникали и возникали призраки ещё не сделанных дел. Время нещадно подгоняло, но у каждого встречающегося сельского магазинчика мы неизменно останавливались, чтобы купить себе по стаканчику-другому мороженого.

В нашей среде бытует шутовская поговорка: сладкое по-настоящему любят только мухи, медведи и монахи. Не знаю, не знаю... Из всех вышеперечисленных в мухах и медведях я несколько не уверен. Их душа устроена не так, как человеческая, для них это скорее рефлекс, чем любовь. Ну максимум привычка! Любить сладкое в режиме катарсиса может только монах. Кто-то деятельно любит тор-

ты, кто-то созерцательно – конфеты. Я отношусь к «прохладной секте» ценителей мороженого. В монастыре, конечно, приходится держать себя в руках, но попав в командировку... Недаром у нас шутят: монах на выезде – Тузика отвязали. Самому от себя смешно: молодец, монах, ты уже научился есть мороженое вполне аскетично – без варенья и сгущённого молока. Это обнадеживает...

У очередного ветхого зданья с полинялой вывеской «Продукты» Виктор остановил машину в полосатой тени щербатого деревянного забора. Потрепал рукой густую окладистую бородку.

– Ну, что: по два? Или?..

Потом посмотрел на меня внимательно, рассмеялся и сказал:

– Все, батюшка, понял! Да не оскудеет рука... – тонкий и гибкий, ловко выпрыгнул из кабины и скрылся за пошарпаной дверью, распахнутой настежь и подпёртой обломком кирпича.

В боковое окно я заметил, как с лавочки у магазина поднялась женщина, стряхнула ладонями что-то невидимое с колен, потопталась секунд несколько, и нетвёрдым шагом направилась в мою сторону. Наверное, она намеревалась что-то спросить, и я распахнул навстречу тёплую скрипучую дверцу. На вид ей было лет около сорока пяти. Одета в красную футболку (с какой-то, не помню, размашистой белой надписью), синие мешковатые спортивные штаны и уютно стоптанные домашние тапочки. От неё резко пахло спиртным. Лицо выглядело скорее милым, хоть и несколько потускневшим. Было видно, что она не пьяница, хотя на всём её облике уже лежала вполне уловимая печать зарождающегося внутреннего порока. Тень притаившейся беды. На меня чуть настороженно смотрели внимательные грустные глаза. Я был уверен, что знаю, какой сейчас может последовать вопрос. Однако...

– Ну смотри, как ты опустился! – сказала она.

– Что, простите? – я чуть не вывалился из кабины. Она словно не заметила моих слов.

– Смотри, до чего ты себя довёл!

– В смысле?..

– Ну смотри, что это?! Эти усы, борода! Тьфу! Ты же вроде симпатичный мужик.

– Что?..

– В монастыре живешь?

– Да...

– Да беги ты оттуда! Вам же там ничего нельзя. Ни выпить, ни покурить! Ни баб вам нельзя! Живёте как...

Она даже не смогла подобрать нужного слова, чтобы выразить весь ужас нашего унылого монастырского бытия.

– Собственно... – попытался было вставить я. Но она опять не захотела услышать, и подытожила:

– Несчастный ты мужичишка!

– Почему это несчастный?

– Ну, смотри! Вот допустим я – ещё вполне нормальная девка, могли бы замутить, так тебе – никак!

– Это да. Никак. – выдохнул я и развёл руками насколько позволяла тесная кабина.

– Вот! – её глаза оживились. В душной тишине томительно потянулась и расплавилась пауза.

– Ну... и?

– Что... и?

Разговор скомкался, мы ударились взглядами, и даже, кажется, высекали слабую искру понимания, но ни огня, ни светильника не зажглось. Я несколько секунд побыл в прострации и вдруг спасительно расхохотался. Женщина покрутила пальцем у виска, едва уловимой тенью в глазах промелькнула досада.

– Да ну тебя! Тьфу! – Она махнула рукой и, ссутулившись, побрела обратно к лавочке. Я посмотрел, как удаляется её покачивающаяся фигура, и вдруг так обрадовался, что мне нельзя сейчас с ней «замутить»! И что мне ещё многого и многого нельзя, потому что место, где я сейчас живу, этого, к счастью, не позволяет. Я, пожалуй, впервые в жизни с радостью протянул руку и крепко пожал пятерню этому вредному «нельзя», с которым у меня всегда были такие непростые отношения. Захотелось выскочить из машины и запрыгать от радости, что в мире существует это милое и доброе слово: нель-зя! Но вместе с тем, где-то в самой глубине моего существа, в горниле этой странной лихорадочной радости, рос привкус лжи, возникало ощущение, что во мне сделались в этот день Пилат и Ирод друзьями между собою...

Из дверей магазина показался Виктор. Улыбаясь, помахал мне цветастым полиэтиленовым пакетом. Ловко, невесомо вскочил в кабину.

– Боеприпас пополнен!

Я кивнул головой и попытался улыбнуться.

– О-о! Что-то вы загрустили. – он похлопал ладонями по рулю. – Видимо, совсем спеклись.

Он мельком глянул на меня, покивал головой и, прищурившись, задумался. Словно прислушался к чему-то невидимо, кажется, тут присутствующему. «Надо же, какой чуткий человек» – подумалось вдруг.

– Нет-нет! Что ты! – поспешно вставил я. – Рано спекаться, у нас с тобой ещё дел по горло.

– И то верно... Вперёд?

– С Богом!

– Благословите!

Я по обычаю размашисто перекрестил дорогу. Машина вздрогнула, чахоточно кашлянула, завелась, мы тронулись в путь. Когда кабина поравнялась с лавочкой, моя собеседница не подняла глаз. Я ещё раз посмотрел на неё... Сердце болезненно отозвалось... Да что же со мной всё-таки такое? Что происходит? Я огляделся...

И вдруг увиделось мне, что та же печать, что лежала на лице этой женщины, лежит и на всём вокруг. На этих домах с глазами, морочно уткнувшись в землю. На зыбкой глади дремлющего пруда, подёрнутого неопрятным и склизким покрывалом ряски. На тонких стволах смешливых берёз вдоль обочины, застенчиво поглядывающих на пробегающие машины. На этой дороге, распластавшейся между прошлым и будущим. На этих терракотовых, с барашками зелёных рощ, холмах, изрезанных кривыми линиями дождевых оврагов. И даже на этом рваном, разбросанном по синему, невесомому хлопку облаков. Всё несло на себе печать тайной тревоги, притаившейся внутренней беды. Природа словно пыталась что-то сказать, сообщить о чём-то сокровенном.

Сердце вдруг прислушалось и – непонятно для меня, как! – почувствовало, что по всем этим расхо-

дящимся в разные стороны дорогам и тропинкам, оврагам, рекам, ручейкам, по проводам электропередач, по гребням холмов, по клетке, спаянной из прутьев меридианов и параллелей, проходят невидимые линии внутреннего напряжения. Гудят наполненные током нервы земли! И что все они каким-то удивительным, непостижимым образом сходятся в тех точках, что называют в этом мире словами: ничего нельзя. И я таким же странным и непостижимым образом за всё это тоже в ответе.

Эта женщина... Разве одна она?.. А сколько ещё их – таких вот людей! Отсюда, а не из какого-то другого мира я пришёл в монастырь. От них, от этих людей я призван стоять перед Престолом, и меня не существует без них. Как научиться всегда понимать, что это неважно, какими словами этот мир разговаривает со мной? Вежливо или грубо. Или вот так, как сейчас эта моя подвыпившая совопросница. Он каждый раз неизменно хочет поведать об одном и том же. И он будет нам говорить об этом так или иначе. Тихим словом исповеди или громким криком конвоира. Он будет стрелять нам об этом из винтовок, бить нас об этом штыком. Он может жечь нас об этом огнём, строгать нас об этом железом. Хамить нам об этом словами пьяных попрошаек, плакать слезами несчастной любви. Ему нужно как-то достучаться и рассказать о своём горе. О том, что так давно живет и болит у него внутри...

И о том, что я, поставленный служить, а не ждать, пока мне послужат, должен учиться любить сердце человеческое в его уничтожении.

Машина неслась, подскакивая на колдобинах. Её усталое железное тело содрогалось и позвякивало. Сквозь битое паутиной трещин лобовое стекло по глазам било солнце. Текло по руке, капая на пол, растаявшее мороженое. Вокруг суетился мир, в котором всё было можно. И сердце моё трепетно и неукротимо устремлялось туда, где было «ничего нельзя»...

Дети

Голоса трепетно наполнили жизнью обмершую паузу, – запели Херувимскую. Под куполом храма поплыл, вибрируя, чудный византийский распев. Музыкальные фразы, не имеющие привычного логического разрешения, иссоном повисали в воздухе, словно отзвуки вечности. Время замерло. Храм вдохнул и не смел выдохнуть. Я, закрыв глаза, затих у исповедального аналоя. Пение нежно брало душу в ладони, приподнимало её над землёй... В это время сзади раздался шум и какая-то возня. Тишина на сердце подёрнулась легкой досадой...

Я оглянулся. В храм вошла парочка молодых людей. Лет – на вид не больше пятнадцати. Парень – высокий, спортивный, лопухий, одетый в полосатую футболку и тренировочные штаны, – сжимал в руке охапку восковых свечек. Держался робко, видимо, был у нас редким гостем. Девочка – в ситцевом платьице длиной чуть ниже колен, в платке с рисунком в крупный цветок, с очень серьёзным лицом, – деловито оглядывалась вокруг. Видно было, что она не новичок. Немного помявшись, они направились к первой же попавшейся иконе. Девочка двинула парня локтем в бок и шёпотом скомандовала:

– Крестись!

Парень послушно перекрестился. Двинула снова:

– Кланяйся!

Парень послушно поклонился.

– Ставь свечку!

Парень послушно затеплил свечку и поставил в подсвечник. Они перешли к следующей иконе и все повторилось.

Бум! – Крестись! – крестится.

Шпыньк! – Кланяйся! – кланяется.

Ставь свечку! – послушно ставит.

Так они прошли иконы примерно три, когда одна из тёток, которая до этого мирно дремала в углу, свернувшись калачиком, медленно приподняла голову. Потом развернулась, зашипела и извиваясь всем телом поползла по направлению к детям. «На место!» – сказал я ей одними глазами и властно указал пальцем. Излучая глазами анафему, тётка вернулась в свой угол и снова сердито свернулась калачиком. Для её сердца я был потерян.

В это время ребята подошли к старинной, писанной на холсте, иконе преподобного Серафима Саровского. Она висела на колонне прямо впереди меня. Перекрестились, поклонились, поставили свечку.

– Поворачиваемся! – громким шёпотом скомандовала девочка и по обычаю двинула парня локтем в бок. Они повернулись ко мне.

– Кланяемся батюшке!

И они дружно мне поклонились. Я уважительно и серьёзно поклонился им в ответ. Глаза у девочки радостно засверкали. Лицо парня излучало гордость: мой почтительный поклон подтвердил, что его девушка молодец, во всём тут разбирается и делает всё правильно. Они осторожно двинулись к выходу...

Я повернулся к алтарю. «...Вас всех православных христиан да помянет Господь Бог во Царствии своем...», – голос священника завершал Великий вход. Я поймал себя на странном ощущении: появление этих маленьких «нарушителей» уставного благочестия, да ещё в один из самых важных моментов службы, когда мы все и дышать боимся, не вызвал в душе никакого диссонанса. Словно их появление органично вплелось в этот страшный и умирительный момент. И тогда я, наверное, впервые в жизни не понял, а скорее, почувствовал, как же любит детей Бог!

Благоговение

(Торопливые зарисовки на тыльной стороне поминальных записок)

В храме: мужчина – лет шестидесяти, с густой седеющей шевелюрой, окладистой бородкой, простеньких, но опрятных рубашке и брюках, рюкзаком за спиной – приветствует меня благоговейным кивком. Он не бывает у нас на службах, но иногда заходит и подолгу сидит на лавочке в углу, глубоко о чём-то сам в себе размышляя. Уборщица огибает шваброй туфли, выдавшие и иные времена, – он смотрит куда-то в неизвестное и не реагирует. Помню, однажды мы встретились в читальном зале

городской библиотеки. Он что-то усердно переписывал в тетрадь – внушительные стопки книг, как разноцветные плинфы, окружали его, складываясь в вавилонскую башню. Увидев меня тогда, солидно поднялся: «Рад видеть... если что... меня тут все знают...»

– Доброго здравия, – говорит мне тихо и значительно.

– Доброго! – улыбаюсь в ответ. Чувствую себя немного неловко: мне кажется, я прервал нечто очень важное своим появлением. Молчу... Добавить нечего. Он внимательно смотрит на меня. Глаза словно с бюста Гиппократы: пауза требует чего-то величавого и значительного. От неловкости начинаю рассуждать вслух о том, о чём минуту назад размышлял.

– Здравия... Да, благодарю!.. Вот всё думаю... Такая истерика с этой пандемией... Сказано: «еще что и смертное испиют, не вредит им»... более того: «на недужных руки возложат и здравы будут». Какую удивительную силу мы имеем в православии, а зачастую живём одним только обрядом! А как хотелось бы жить этой оживляющей и возрождающей силой!..

– Мне рано говорить о таких вещах, – произносит он, не меняя тона. Глаза снова устремляются в неизвестность, он отворачивается и садится на лавочку. Я бочком-бочком ретируюсь к алтарю. С улыбкой вспоминаю шукшинское «срезал».

Уже в тишине алтаря размышляю: в чём-то он может и прав... но первые христиане с этого начали жить... а когда же нам будет уже пора?.. Потом вдруг понимаю, что внутренне оправдываюсь. Перед кем? Перед самим собой, перед ним, перед кем-то? По опыту помню: оправдываться или внутренне ругаться с невидимым собеседником – признак нечистой совести. «Непщевати вины о гресех»... У меня навязчивое чувство, что я опять сделал что-то неправильно...

* * *

Посреди службы в храм заходит женщина с пакетом, который шуршит громче церковного хора. Это её нимало не смущает, она ходит туда и сюда, от иконы к иконе. У каждого подсвечника оглушительно громко роеется в пакете, достаёт свечку, благоговейно крестится и ставит её. Потом так же благоговейно целует икону и движется дальше, маяча прямо перед самыми нашими носами. Я замираю на месте с дымящимся кадилом в руке. Ей что-то шепчут на ухо, она недовольно двигает плечом. И я вдруг понимаю, что она нас просто не видит. Она пришла к какому-то своему «богу», и ей все равно, кто мы такие и что тут у нас сейчас происходит. Мы для неё не более чем восковые фигуры церковного музея. То, что ей шепчут на ухо, она, видимо, принимает за вражьи помыслы. Тогда ей громким шёпотом ставит какой-то ультиматум наша грозная уборщица Александра. Александра при этом материализуется для женщины из небытия, та вдруг замечает её и зло говорит:

– Я к вам больше никогда не приду!

Александра поворачивается ко мне и разводит руками. Я благоговейно машу ей рукой, полагая, что выражаю наше храмовое «коллективное бессознательное»:

– Ничего, переживём...

По овцам и пастырь...

* * *

После литургии люди неторопливой вереницей идут прикладываться к кресту. Почти вся вереница – женщины разных возрастов. Подходят слева, если смотреть как я – лицом от алтаря к храму, чтобы, поцеловав крест, отойти другой стороной, никому не мешая. С противоположной стороны уверенным шагом движется высокий сухой старичок. В молодости он был уполномоченным по делам религии, потом уверовал. Вид, однако, всегда строгий, глаза пронзительные – будто прислан к нам для проверки. Идёт уверенно, зная своё храмовое преимущество по половому признаку. Он было уже «подрезает» худенькую сутулую старушку, когда та вдруг выступает вперёд и с силой, которой от неё никак нельзя было ожидать, толкает его двумя руками:

– Это нечестно!

Дед отлетает в сторону. Старушка благоговейно целует крест, мою руку, и неторопливо уходит. Старичок, не уступая ей в благоговении, вытягивается стрункой и громко причитает:

– Слава Богу за всё! Слава Богу за всё!..

Я стою у распахнутых Царских Врат, обращённый лицом в мир, смотрю и думаю: мне сменить благоговейное лицо на сердитое?.. или как?..

* * *

На исповедь подходит неуверенным шагом невысокого роста сутулый коренастый мужчина. Смотрит на меня глазами, пронзительно ясными, как небо в октябре. Долго топчется, посапывает, но молчит. Наконец, болезненно поёжившись, выдавливая:

– Я... я... з... з... з... з... за-и-каюсь!

Я киваю головой, будто говорю: это ничего, это не грех, как и хромота, как и глухота и многое другое. Он облегчённо вздыхает.

– В... в... в... д... д... де... тт... стве я... – и он начинает рассказывать свои грехи начиная с детства. Из его слов я не понимаю практически ничего – речь звучит так, будто он отбивает её согласными звуками азбукой Морзе. Я вслушиваюсь, вслушиваюсь... Служба в разгаре, времени не так много. Но он говорит и плачет, говорит и снова плачет. Со стороны пустыни, где стоит толпа, лишённая слёзных дождей, держа в руках листочки с записанными грехами, потянуло суховеем. Что-то шершавое и нетерпеливое зашевелилось у меня в душе:

– В таких случаях надо, конечно, на листочке писать, – говорю я с сердитой ноткой. – Вы же знаете свой, простите... Я вот тоже, допустим, забывчивый, и тоже на листочке пишу. Так много народа, мы же не успеем всех исповедать. Сейчас бы прочитали и всё.

Он поднимает на меня свои ясные глаза и согласно мотает головой.

– Д... д... да п... п... п... рос... с... ти-те!

И продолжает перечислять грехи. В какой-то момент, когда он делает паузу, я накрываю его епитрахилью поспешно, как бабочку сачком, и читаю разрешительную молитву. Он вздыхает и смиренно отходит в сторону.

– З... з... з... л... лой ты! – вдруг говорит мне сердце.

– Заткнись! – ворчу я на него.

– Не... не... ни... ни за что! – заявляет оно.

Вереницей подходят на исповедь люди. Моё сердце отчаянно заикается. Но люди как-то терпят моё заикающееся сердце. Не сердятся на меня...

* * *

Монастырь пёк пряники на продажу. Никаких модных и раскрученных брендов типа «Монастырская выпечка» ещё не было, и пряники с начинкой назывались просто и незатейливо: «Пряники с начинкой». Продавались тоже просто: в целлофановых пакетиках на развес. Начинка была всегда одна и та же, делалась она из кураги. Работы в монастыре тогда было очень много, братья не справлялись, на помощь наняли несколько человек рабочих из соседнего городка. Замечательные, благоговейные, трудолюбивые ребята как-то ночью пропили всю курагу и налепили пряники просто так...

Днем приехали автобусы с паломниками. В ларек за пряниками сразу выстроилась очередь. За ними всегда выстраивались очереди. В раскрутке наших пряников нам ещё ранее очень помогла одна паломница, которую одни почему-то называют «блаженной», а другие – «болящей». Она сказала, что от наших пряников исцеляются. От чего именно, она не уточнила, и это до сих пор для нас самих – загадка. Но нам искренне хочется верить, что дыма без огня не бывает... И вообще, это очень удобно для православных паломников – благоговейно попить чайку с монастырскими пряниками: сразу и пополдничать и хоть от чего-нибудь исцелиться.

Так вот одна из женщин: купила, отошла на несколько шагов, открыла пакетик, разломилась пряник – начинки нет. Она разломилась другой пряник – начинки нет. Она разломилась третий, четвертый – результат тот же. Тогда она вернулась к ларьку и вежливо спросила:

– Простите, пожалуйста, тут, наверное, какая-то ошибка? Написано: пряники с начинкой. А никакой начинки нет!

Монах-продавец вытаращил глаза и потерял дар речи. А что тут скажешь? Обманывать скверно!

Тогда вдруг из очереди раздался голос:

– Да вы что! Сейчас же пост! Разве монахи в пост будут начинку класть?

– А-а-а-а! Т-о-о-очно! – схватилась за голову женщина. И пошла в сторону своего автобуса благоговейно качая головой. – Господи... вот дура-то...

Святые отцы, покровители обители нашей, не вздумайте нас оставить! Даже ненадолго...

* * *

Экскурсовод ведёт группу паломниц и благоговейно объясняет женщинам что-то важное о духовной жизни. В свете софитов очень выгодно смотрятся: очки и борода. В своей речи вспоминает отца наместника, который у нас очень полный по комплекции.

– Вот вы видели отца наместника и, наверное, думаете: вот отожрался монах!..

– Нет, нет, нет! Что вы! Мы так не думаем! – благоговейно вопят женщины.

– Да подождите вы! Я не про то... Увидели и думаете: отожрался!

– Нет, нет, нет! Что вы! Мы так не думаем! – вопят ещё громче.

– Да что вы перебиваете-то?! Слова не даёте сказать! Я тут вам пытаюсь... Вот вы думаете: отожрался!

– Да не думаем мы так! – орёт старшая группы. – Мы его давно знаем! Он прекрасный монах и человек! У него просто сахарный диабет!

– Да ну вас... – сникает экскурсовод. – Поидемте: быстро расскажу историю монастыря, и до свидания...

* * *

На выходе из храма останавливает одна и та же прихожанка и в сотый раз начинает благоговейно и слёзно причитать:

– Батюшка! Я такая гадкая, я такая грешная! Я, наверное, даже на исповедь идти недостойна! Я, чай, своих грехов никогда не замолю!

– Ну, пожалуй, да... – задумчиво почёсываю бороду.

Мгновение она смотрит испуганными глазами и начинает рыдать.

– Это так жестоко! А я за вас, между прочим, молюсь!

«Благодарю! – думаю я. – Замолить и залюбить до смерти: это вполне по-нашему».

Уже на улице ловит другая и все повторяется.

– Батюшка, я такая грешница! Батюшка, я такая плохая! Не знаю, как меня и земля-то носит! Что и делать, не знаю! Какая же я грешница!

Я вдруг вспоминаю совет одного старенького сельского священника и говорю ей:

– Да, я про вас слышал. Мне про вас говорили.

– Что говорили?! Кто говорил?! – она спадает с лица. Слезы высыхают, печаль рассеивается, как пар поутру.

Я иду по направлению к корпусу, она бежит за мной до самой двери:

– Батюшка, подождите! Надо разобраться! Мало ли, что вам там про меня могли наговорить...

Я благоговейно и важно молчу. На самом деле мне страшно. Наши озябшие души как могут, как умеют: требуют, выпрашивают, выцарапывают себе хоть пригоршню любви. Духовный закон прост и ясен: сначала Голгофа, потом Воскресение. Другого пути, чтобы родить в мир любовь, нет! Священный сан отнюдь не освобождает от этой необходимости. И сердце человеческое трепещет и боится...

Валентина ЛАТАНОВА (КУВШИННИКОВА), педагог, литератор. Родилась в 1938 году в Читинской области. Окончила филологический факультет Шадринского педагогического института (специальность – «учитель русского языка, литературы и немецкого языка»). С 1963 года жила в Ульяновске. Работала учителем, переводчиком в «Интуристе», руководителем Клуба интернациональной дружбы. Член Российского союза профессиональных литераторов.

Рассказы печатались в сборниках «Полети со мною рядом», «Радость прилива», в журналах «Мономах», «Карамзинский сад» и др. Автор книги «Укажи мне пути Твои».

УКАЖИ МНЕ ПУТИ ТВОИ

Продолжение. Начало см. журнал «Симбирскъ» №7 – 2020

Глава. 6 Синбирск. Встреча с прошлым

*Русский человек любит вспоминать, но не любит жить.
То есть он не живёт настоящим... только прошлым или будущим.
Д. Лихачёв*

В Кремль Федор зашёл, крепко держа за руку счастливого Юрка. Они направлялись к своему боярину, который находился в доме воеводы. Федор рассматривал новые строения, возникшие за последние годы. Время от времени он спрашивал: «А это что?» И Юрок, за время отсутствия отца излазивший всё вокруг, охотно пояснял: «Это гауптвахта, это склады военные, а там новый дом архиерея, а это каменная палата, тут, сказывают, казну хранят...»

Когда проходили мимо деревянной Троицкой соборной церкви, Федор обратил внимание на одного из нищих на паперти. Что-то в его облике показалось знакомым.

«Кто таков? – пронеслось в голове, и ответ уже готов был припомниться, но Юрок потянул его за руку, поторапливая. – Да нет, померещилось». Федор постарался отогнать мысль.

Когда подходили к дому воеводы, услышали военные команды на русском и других языках. Это

Рис. Л. Нецетаева

чужеземные командиры учили на плацу стрельцов «новому строю».

– Как Иван? Здоров ли? – вдруг вспомнил Федор.

– Здоров ныне, а то худо ему было.

– Слава Богу! Сегодня навестим его.

У самого входа в дом воеводы их обогнали и бесцеремонно отстранили две важные персоны: один в военной форме, другой в обычном платье.

– Кто такие? – одним взглядом спросил Федор сына.

– Первый, что при пистолетах, – стрелецкий голова. Я его на плацу видел. Другой – староста. Лекарь сказывал, что он здесь после воеводы самый главный.

Юрок сразу провёл Федора в горницу к боярину. Чувствовалось, что мальчик здесь уже освоился. Боярин встретил их ласково. Был рад, что верный слуга вернулся целым и невредимым (про «рану пуштяковую» Федор смолчал).

– Доложу, доложу князю о твоих делах ратных, – довольно произнёс боярин, выслушав рассказ, – а пока вот награда тебе от меня – кошелёк с казной да два дни отдыху.

С тем и отпустил.

– Юрка с собой беру. Спаси тебя Господи за догляд.

– Карла, Карла благодари, – донеслось уже из-за двери...

Какая-то смутная тревога несла Федора опять к храму. Народ выходил из церкви со службы, а когда схлынул, нищего на паперти уже не было. Его увидел Федор далеко впереди, почти у самого арсенала. То, что «нищий», изображая из себя на паперти инвалида, сейчас почти бежал, его не удивило. Многие из братии сей намеренно стараются разжалобить дающих. Да Бог им судья. Но что высматривает сей вор у пороховых погребов? Вот этот-то истинно «злохудожественный» может оказаться. Пришло на ум словцо, брошенное часовым с Белоярской башни.

Федор потянулся за подозрительным соглядатаем в посад. Скоро тот поспешно скрылся за воротами одного из домов. Место для Федора было приметное. Рядом стояла торговая лавка знакомого (ещё по первому приезду в Синбирск) татарина.

Возвращались снова мимо арсенала. Из ворот вышел мастеровой в высокой шапке и в фартуке поверх рабочей одежды. Фартуком он вытирал запачканные копотью руки.

– Не было, что ль, до сих пор фуры? – обратился он к охраннику, сидевшему у ворот в будке.

– Нет, не было.

– Во аспиды! Ждём-пождём, а дело стоит! Надобно уж возы с пороховым зельем в Москву отправлять, в Пушкарский приказ.

Фёдор при виде говорившего встrepенулcя.

– Семён? Вырыпаев? Здорово! Я тя по голосу признал.

– Здрав будь и ты! Кто таков?

– А помнишь, ты с нашим обозом бочки с порохом в Москву вёз?

– А-а. Это коли от ушкуйников под Нижним отбивались? Ба! Федька! Никак ты! Не чаял я тя встретить ещё. Запомнил я, как ты здесь ловко на кулачках бился. Стенка на стенку шли. Бился ты крепко, но и тебе единожды досталось. Думал, конец тебе...

– Да что уж там, не любили нас парней-москалей казачьи слободские парубки, – подхватил Федор.

– Знамо, за девок своих стояли. А ведь опосля, как ты уже уехал, один казак тут тебя разыскивал. Убить обещался. Сказывал – невесту ты у него сманил. Хлопчик-то твой? – спросил Семён, глядя на Юрка, – Неужто от казачки? Ха... умыкнул всё-таки девку! Ну горазд! Горазд! – продолжал Семен, не обращая внимания на попытки Федора что-то возразить. – А сюды-то снова зачем пожаловал? – полюбопытствовал Семен.

– Опять с боярином по делам. Ты мне вот что скажи: живут ли тут по-прежнему те казаки в слободе? – заспешил спросить Федор, заметив, что в их сторону от ворот кремлёвских заворачивает, привлекая внимание Семена, гружёная телега.

– Живут ли, спрашиваешь?.. Погодь. К нам ай нет телега?... Да ты, чай, про девку свою? Подожди... Ай не так у ты всё с ней вышло? Да ты подумай, голова, давно, должно, замужем и детей полна хата. Сколь годов-то минуло! Ежели жива, конечно, – добавил он и закричал уже вознице. – Сюда! Пошто припозднился? Дело стоит у нас!

Возница соскочил с телеги, Семен сам взял лошадь под уздцы.

– Что ты, Семен, про погибель молвил? Доскажи!

– А то, что года через три-четыре после твоего отъезда нашествие на нас с Дикого поля было. Кремль им не по зубам оказался, а вот слободы порушили, и посадку досталось.

– Ну, пошла! Пошла! – Семен повёл лошадь с телегой за ворота и уже оттуда, спохватившись, прокричал:

– Ну, бывай, Федя! Если захочешь, найдёшь меня на Кружечном дворе, поговорим.

– Эх, не сказал, забыл! – Фёдор с досадой хлопнул себя по лбу. – Семён! погоди малость!

Но повозка и сам Семён уже исчезли из поля зрения. А дорогу Федору преградил стрелец:

– Сюды нельзя! Нельзя, говорю!

– Да дело у меня спешное! Вас касаемое!

– Говори, что за дело, – вдруг вмешался степенный голос человека, появившегося по ту сторону ворот.

Высокий, с коротенькой бородкой, волосы на лбу перехвачены тесёмкой. Взгляд внимательный и требовательный. «Поди, из старших мастеров здесь», – мелькнуло в голове у Федора.

– Подле ваших погребов человек некий подозрительный ошивался, будто умысел какой худой имеет. Пошёл за ним – не догнал, но дом его приметил.

– Кто, ведаешь ли? – оживился мастер. Выслушав Федора, протянул с удивлением. – Вот те раз! Не дай Бог, коли рванут наши погреба, то гром тот в Первопрестольной слышен будет. Ведь окромя пороху, сколь здесь ядер пушечных... Народец у нас в городе разнообразный, много пришлых, беглых, бобылей и прочих ненадёжных. К месту красному и хорошее, и нехорошее тянется. Ну, спаси тебя Бог! Упредил. На вечернюю службу в храм приходи. Глянем вместе на «нищего» твоего.

Но вечером на прежнем месте «нищего» не оказалось.

– Эх, спугнул, ну ничего, вечером посмотрим в дому его.

Пошли искать вчетвером: Федор, Семен, стрелец (вместо мастера) и Юрок.

Вид берегов Свяги и казацкой слободы память сердца отозвались в душе Федора. Ведь именно здесь в радостный праздник Троицы встретил он в юности свою Катеринку. Не судьба, знать, была. Но сколько лет несмолкаемой песней живёт её образ. Федор вздохнул. Они подошли к лавке Муслима.

Федора хозяин узнал сразу, пригласил на жилую половину дома. Спутники остались в лавке. Из женской половины появилась хозяйка София со снохами. Быстро накрыли на стол. Поставили выпечку, сладости, мёд, курагу, чай. Встречали с добрым восточным гостеприимством.

– А, Федя! Сколько лет прошло. Не забыл нас. Якши. Молодой тогда был. А сейчас вон какой батыр стал, и малайка с тобой, – широко улыбался хозяин.

– У-у, шайтан! Зачем другу жену взял, – проворчала хозяйка София, – Ты же не татарин – две жены. Зачем кызым сгубил? Девка плакал, мать, Шимка, долго плакал. Отец Стёпка из дома гнал дочь брюхатую.

– Да у нас за такое камнями могут побить девку. Позор для всей родни, – потупившись, молвил Муслим.

Федор застыл в изумлении. Всё внутри у него похолодело. Чувство стыда за свой поступок было так велико, что не хотелось верить, что это всё о нём, а не страшный сон. Он сам не любил людей без

чести мужской. Так воспитал его Силантий. А теперь его, Федора, самого обвиняют принародно как самого последнего тата.

– Нет, это не так. Не ведал я. Разве она не замужем? Ведь к свадьбе готовились, за богатого и старого против воли Катерины родители её просватали. Обо мне и слышать не хотели. Да и что я мог? Себе не хозяин – увёз боярин меня. Разве она не пошла замуж? Не ведал я, как же так? А то сбежал бы к ней!

– Нет. Степка, отец её, вдруг умер. Шимка дочь простила. Кызым тебе малайку родила! – последние слова София выкрикнула радостно, видимо поняв, что Федор действительно ничего не знает.

– Что молвишь, апа? Сына? Мне сына?! – Федор привстал из-за стола. – А ты ничего не путаешь? Где она? Они где? – поправился он, готовый сейчас же бежать куда скажут, позабыв обо всём ином на свете.

– Сядь! – почти приказал ему хозяин. – Она... Нет её.

– Помер он, помер твоя девка, – успела выкрикнуть София, опережая мужа.

– Что-о?! – испуганно протянул Федор, не в силах вобрать в себя сразу все обрушившиеся на него известия. – Умерла! Катя умерла? Как? Когда?

– Много лет прошло. Давно, – с расстановкой произнёс Муслим, прислушиваясь, о чём говорит жена по-татарски с сыном Ахмедом, куда-то его посылая.

Спустя немного времени в дом вошла рано состарившаяся женщина в поношенной украинской кацавейке, повязанная цветным платком.

– А посмотри, Серафима, какой кунак у меня сегодня в доме. Не узнаёшь? – встретил её вопросом Муслим.

Женщина приблизила своё лицо к Федору, прищурив плохо служившие ей от пролитых слёз глаза. Узнав, отпрянула как от огня. Федор тоже узнал мать Катерины, встрепенулся и замер.

Серафима вдруг вымолвила неожиданное:

– Прости меня, Федя. Будь ласков, прости. Прокляла я тебя тогда. Вот Бог и вернул это проклятие на мою голову. Чи так, чи не так. Только погибла моя донюшка от сабли басур... – она запнулась, испуганно взглянула на хозяев, потом быстро поправилась, – от сабли ворогов.

В это время скрипнула дверь. На пороге появился Миколка, за ним – Ахмед.

«Миколка!» – «Федор!» – почти одновременно вскрикнули оба.

– Ты как тут... – начал было подросток и замолчал, не веря происходящему.

– Внучек, пидемо сюды, – позвала Серафима.

Брови Федора от удивления поползли вверх, он хотел что-то сказать, да так и застыл с приоткрытым ртом, повернув голову к Серафиме.

– Вот то сыночек твой, Федор. Усе рассказала мини Катерина, как кохала тоби.

Замолчав, Серафима выжидающе уставилась на Федора.

– Да ты, что, бабуленька? Врёшь-то пошто? – закричал Миколка. – Это же Федор!

– Миколка, сын!!! – и крепко-крепко прижал его к сердцу.

– Отец, где ты так долго был?

Миколка размазывал по лицу грязными руками слёзы. Вся подростковая бравада слетела с него, он плакал по-детски, не стесняясь своих слёз.

– Я не знал! Вот те крест, не ведал, что ты есть на свете, сынок.

– Разве мамка тебе не говорила?

– Нет, не успела сказать...

Потом они сидели уже за столом, и Серафима рассказывала о пережитом:

– Степан мой умер раньше, чем он родился (кивнула она на внука). Только Катерина всё равно не решилась замуж за богатого того казака. Уж как он старался, упрашивал: «Я тобы и такую возьму, уедем сразу на Дон, ребёнка твоего перед людьми своим назову. Нет мне, Катерина, жизни без тебя». – «А мне – без Фёдора», – отвечала она ему. Так и отказала. Просила я её одуматься. Нет, не помогло. Всё тебе ожидала. Мы жили втроём. Внучёк подрастал. Сначала всего хватало. От Степана много добра осталось в доме. Крепкий он хозяин дому своему был. А потом перебивались как могли. Спасибо вот соседи наши, София да Муслим, выручали... Дай Бог им здоровья. Но всё равно счастье в дому у нас было и тогда. Катерина жива была, сыночка своего кохала.

– Расскажите, как погибла она. – попросил Фёдор.

– Налетели вороги, всё порушили, мы бежали от них, кто в посад, кто успел – в Кремль. Я отстала, сердце не выдержало, задыхалась. Катерина не бросила меня. Я кричу: «Беги, дитя своё спасай!» Три годика ему было, Миколушке. А всадники близко совсем. Не успела добежать донюшка до ворот, достала её сабля, а конь, видно, пожалел дитя малое, не наступил. Добрые люди, знакомые, потом уж принесли мне дитя.

Серафима начала снова плакать, но София прикрикнула на неё нарочито строго:

– Шимка, бросай плакать. Твоя отца малайке нашла. Аллах помог! Сейчас проси денег у Фёдора. Ты совсем больная. Вдруг помирай, Миколка как жить будет? Вон у него (кивнула она на Фёдора) ещё малай есть, уедет он к другой жене.

Юрок сидел, сжавшись на лавке, ничего не ел, растерялся совсем и не знал, как ему быть. Фёдор только сейчас вспомнил о нём, взглянул, всё понял и придвинул мальчика ближе к себе, пожалел. И, указывая на Миколку, твёрдо сказал Серафиме, Софии и всем:

– Я с собой его возьму. Оба сына мои. Не брошу.

Лицо Юрка просияло. А Миколка растерянно взглянул на Серафиму:

– А ты как же, бабуня? Ты как?

– В монастырь в женский пиду. Давно туды хочу. Там и богодельня есть. Да вот, Миколка, ты мини задерживал. А теперь уйду, не журись обо мне, внучек.

Фёдор достал тугой кошелёк с казной, что получил сегодня от боярина, и половину отсыпал денег в руки старой женщине. Руки её затряслись, и она прошептала:

– Мени ничего не надо. А вот в монастырь с чем пиду. Бедность там. А хата моя развалилася почти. Гроши туда снесу, в монастырь. Спаси тебя Бог, Федя!

Прощаясь, она истоиво перекрестила внука, по-

том повисла на нём, плача. Миколка постоял так минуту-другую, потом осторожно отодвинул бабушку и выбежал из дома, ни на кого не глядя.

Настала очередь и Фёдора проститься:

– Прости меня, мать, и благослови.

– Бог простит, а я прощаю. Береги, Фёдор, внука моего, сына твоего. В том тебя благословляю.

На улице все невольно облегчённо вздохнули.

Спутники Фёдора, которые давно уже пронюхали за происходящим в доме через открытую дверь, были молчаливы и взволнованны. На прощание крепко пожали руку Фёдору.

– Ты знаешь, где найти меня, Фёдор. Дай знать, что узнаешь о тате, о нищем. – крикнул Семен, оглянувшись.

– Упрежу. А вы там у себя глядите в оба! – отозвался Фёдор. С тем и разошлись.

По дороге возбуждённые дети приставали с расспросами к отцу. Фёдор сосредоточенно молчал или отвечал невпопад, ему предстоял трудный разговор с боярином. По законам того времени Лука и Миколку мог теперь причислить к своим холопам, чего Фёдор не мог допустить ни за что на свете.

К удивлению Фёдора, боярин встретил новость с пониманием, даже весело подтрунивал, мол, молодой да ранний в юности оказался. Он знал ту давнюю историю Федьки с местной девицей здесь, в Синбирске. Казаки приходили тогда к нему с жалобой и угрозами на холопа. Лука поспешил увезти юношу от греха подальше, помнил свой обет перед дядей Силантием – опекать Федьку. Боярин, выслушав, велел позвать Миколку. Любопытно было взглянуть на парнишку. Потом велел отослать детей на улицу и обратился к Фёдору уже строго:

– То, мыслю, ведомо тебе... Юрок сын мне, – сказал по-барски, заранее указывая Фёдору его холопское место.

Фёдор, нахмурившись, молча кивнул.

– Коли сына своего нашёл, оставь мне моего... Юрка!

– Какой он твой, боярин? Ты Марию мою силой взял. Всё она мне поведала. Вольно вам, барам, крепостных девок губить, – вскипел Фёдор, что случилось с ним крайне редко.

– Цыц! Пошто дерзишь, холоп? Кабы не Силантий... – тут вдруг Лука замолчал. Одного упоминания имени покойного дядюшки оказалось достаточно, чтобы заговорить по-другому.

– Есть, есть преграда, – вздохнув, произнёс он. – Господь Бог преграда! Только памятуем о нём опосля, когда уже согрешим. Замучился я на сынка своего родного издали глядеть. Не дал Бог мне другого, к этому прилип душой. В дом взял бы, да чудится мне, боярыня догадывается о том, не взирая на лжу мою. Женщину тут трудно обмануть. Наказал меня Господь истинной любовью к Марии твоей.

– Господь любовью не наказывает, потому что Он сам – Любовь. Так матушка Василиса молвила.

– То ведомо мне. Но безответна любовь моя. Тебе всё сказываю, знаю, сам в сердце всю жизнь другую помнишь. А силой Марию не мог больше. Как глянет, так руки опускаются. Не встретил другой такой. Кабы не крепостная... Вот перед тобой покаялся. Всё в себе носил, может, легче станет...

– А боярыня твоя, а дочь? Перед ними греха не

боишься? – вновь осердился Федор.

– Боярыня? То другое совсем. А дочь люблю, но выросла. Улетела из гнезда пташка моя. Да ты пошто шумишь на меня, холоп? А я вот, вишь, должен терпеть... Смиренья перед Богом хочу. Оттого и монастырём Санаксарским занялся. Трудно человеку себя укротить, а надо. Ой как надо! Стар я становлюсь, – вздохнул боярин.

– Ещё крепок, – обронил Федор. В душе его среди всего прочего жило сочувствие к Луке Евсеичу, ведь он был последней нитью, связывающей с ушедшим Силантием, который заменил Федору отца.

– Сердце. Изнутри точит. Может, ещё долго Господь потерпит, а может, и нет. Оттого и тороплюсь сына своего единственного определить. Кровь в нём боярская, потому и честь должна быть оказана, – Лука Евсеич снова перешёл на свой боярский тон.

– Как же ты, боярин, мыслишь, Юрка от нас оторвать? А Мария, мать его? Да и я... За отца меня чтит. А боярыня твоя?

– Да я его учиться определить хочу, а Марии вольную дать. Да что там! Всея семье и тебе вольную! – Лука Евсеич взглянул на Федора. – Тому пример есть – Хитрово Богдан в Москве намерен по завещанию всем крепостным своим вольную дать.

– Да ну? – усомнился Федор. – Дивно то по временам нынешним!

Он недоверчиво покачал головой, а о себе напомним:

– Ты, боярин, не забывай: вольный я!

– Это после меня трудно доказать будет. Вспомни Новый Иерусалим. К монастырским крестьянам тогда тебя приписали, вольного. Я откупил. Тебе от меня бумага спонадобится.

– Сделай бумагу, боярин, ведь я жизнь тебе спас.

– Знаю. Помню. И Силантию обет дал... А то бы не жить тебе так вольно при мне! – повысил голос боярин. Не мог он за холопом последнее слово оставить, никак не мог!

Уже уходя, Федор сказал:

– Юрку, Лука Евсеич, дорогу изволишь дать – это хорошо. Спаси тебя Бог за это! Может, и повернётся он к тебе, когда возмужает. Ранее, думаю, не след ему ничего об этом говорить. Трудно понять дитю будет. Да и молва пойдёт, не удержишь. Боярыня узнает. А привечать – привечай. Лишь бы Мария не супротив была. Да и сын он тебе перед Богом. Что тут перечить, – и Федор, отвесив боярину поклон, вышел.

Глава 7

Злоумышленник

Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно
Мф. 6, 18.

На вечернюю службу Федор отправился со старшим сыном. Юрка оставил с боярином. У паперти их уже ждал Семен, как и было условлено. На этот раз «нищий» был на месте, и Федор показал взглядом Семену на него. Попрошайка вдруг забеспокоился, но когда увидел, что Федор, перекрестившись, скрылся в храме, вздохнул с облегчением:

– Может, и не узнал меня. Да и видел меня этот боярский холоп у монастыря в сумерках всего один раз. О mein Gott! Только бы выбраться из этой варварской страны! Сколько лет! Какой обман! Зама-

нили на службу царскую посулами, а вернуться не дают. Бежать! Бежать любой ценой! Хотя бы этот татарин, Идрис, не обманул, помог. Жаль, Курт в плену отказался служить мурзе. Спорил со мной: «Эти ещё более страшные варвары. А нас не казнят, не посмеют. Германцы мы». А вот и посмели... Головой Курт поплатился. Жаль, пригодился бы мне сейчас. Силён был в пороховом деле. Ах, Лизхен, неужели я скоро увижу тебя и детей моих? – так рассуждал переодетый немец, сидя у церкви и старательно крестясь «раненой» рукой, замотанной тряпицей, чтобы случайно не перепутать православную щепоть с латинянской ладонью и не выдать себя.

Служба в церкви была предпраздничная и тянулась дольше обычного. Стемнело, и немец стал собирать свои котомки, не замечая Семёна, наблюдавшего за ним из-за кустов. Миколка был тут же, вертелся среди народа. Немец, по-видимому, отличался сообразительностью и решил идти не территорией Кремля, а через ближайшие ворота обогнуть улицей кремлёвскую стену и подойти к своей цели, арсеналу, через другой вход. Семен велел Миколке идти через Кремль, навстречу татю, и успеть там где-нибудь спрятаться, а сам предупредил Федора, вызвав его из храма. Тот почти побежал по улице за кремлёвской стеной за немцем. Сам же Семен поспешил к пороховым погребам напрямую.

Клубившиеся весь день облака собрались вечером в тучу. Быстро потемнело. На краткое время в природе установилось затишье, когда ни единый лист не колышется. На фоне этой тишины вдруг резко прогрехотала вывернувшаяся из-за переулка крытая повозка. Она чуть не сбила с ног Федора, а когда проскочила мимо, то он обнаружил, что «нищий» исчез, как сквозь землю провалился. Уже не скрываясь, Федор заметался от дома к дому, осматривая каждый столб, кустик. За ворота заглянуть не было возможности. Здесь, ближе к Кремлю, жили богатые купцы, служилые, подьячие из Приказной избы, стояло несколько «осадных дворов» синбирских вотчинников. На высоких воротах, окованных железом, Федора «встречали» изображения львов, заморских диковинных чудищ, что было в обычае тогда у каждого состоятельного и уважающего себя хозяина дома. Маски в основном были угрожающими или свирепо отпугивающими...

Федор уже бежал по улице. Главное сейчас было успеть раньше татя к пороховым погребам.

В это время Миколка пулей мчался к арсеналу, по дороге споткнулся, огибая Приказную избу, чуть не налетел при этом на пушку, поставленную как символ власти.

Арсенал был отгорожен и охраняем. Но, как это нередко бывает, в период затишья народ быстро привыкает к миру, во всевозможных казённых заборах и оградах появляются вдруг прорехи, никем до поры не замеченные, хотя сторожа исправно стоят у ворот. Это потом, после минувшей беды, всё залатают, починят и начнут «косить» направо и налево, восполняя упущенное усердие. Вот в такую малую прореху в ограде под кустом прополз Миколка, затаившись в арсенале. Скоро мальчик услышал громыхание повозки, и голос с акцентом спросил у ворот: «Пороховую зелью принимаете?»

Стрелец озадачился, пошёл в будку за старшим,

и в этот момент в не закрытые ещё ворота, отделившись от повозки, тенью проскользнул человек. Миколка весь насторожился, тень приближалась к нему вдоль внутренней стены и остановилась недалеко от лаза. Миколка тихо отполз за груды старых пороховых бочек, которые давно собирались увезти, да так и не увезли. Чужак тоже укрылся за бочками недалеко от подростка и стал стаскивать с себя тряпье нищего, под ним был мундир стрельца. Потом он пробрался к миколкиному лазу. «Знает, ворюга», – с неприязнью подумал подросток. Чужак покопался в котомке, что-то достал... Миколка похолодел. Он понял, что незнакомец добывает огонь.

Между тем старший охранник заканчивал разговор с татаринном:

– Завтра. Ноне опоздал. Не виш, что ль, в какое время прибыл?

– Да мимо ехал, только узнать хотел. Завтра, ладно, завтра...

Всё это время говоривший сидел в повозке, лицо его было плохо видно.

Вслед за сверкнувшей молнией раздался гром. Из повозки прозвучал крик, должно быть, приказ кучеру. Он стал разворачивать лошадей в обратную сторону, к воротам Кремля. Вновь сверкнувшая молния осветила лицо сидевшего. «Идрис!» – узнал Федор и отпрянул от неожиданности. Идрис на мгновение встретился с ним взглядом. Ещё раз что-то прокричал вознице, и лошади под ударами кнута унесли повозку.

Забили первые крупные капли дождя, Федор заскочил в сторожевую будку. Здесь был пушкарь Петрушка Рожков да охранник – стрелец Ивашка Данилов.

В это время от пороховых погребов послышался отчаянный мальчишеский крик. Федор узнал голос сына.

– Миколка! – рванул из будки, за ним стрелец.

События у лаза до этого развивались следующим образом. С первыми каплями дождя тать заспешил. Наконец, запалил паклю, и огонь побежал дорожкой по шнуру к взрывчатке, которую он успел приделать к ржавой решётке в продувном оконце ближайшего порохового погреба. Он уже собирался бежать, как в этот момент Миколка с криком «караул!» бросился из укрытия к верёвке, пытаясь её затоптать ногами, погасить огонь. Немец кинулся на мальчика и ударил его. Миколка от боли закричал. Завязалась неравная борьба. Огонь успел пробежать по большей части ещё сухого шнура. Немец замахнул и ударил мальчика пистолетом, хотел ещё, но тут с яростью навалился на него Фёдор. Немец с ужасом уставился на запал и завопил, вырываясь: «Сейчас взорвётся! Бежать!» Подоспевший стрелок голой рукой схватил остаток шнура в последний момент и, обжигая руки, загасил. Подбежавший Семён вырвал из рук Федора чуть живого татя. Федор схватил Миколку, у которого из раны на голове струйкой стекала кровь.

– Давай к нам в будку, перевяжем чем, – метнулся на помощь Семен. Дождь уже зарядил как следует. Они донесли Миколку до сторожевой будки. Федор сбегал за Карлом Ивановичем в дом воеводы. Боярин дал свой экипаж, и Федор отвёз сына в гарнизонный лазарет, под присмотр Ивана Игуменце-

ва, известного лекаря Синбирска. Рана, к счастью, оказалась неопасной.

Воевода уже был в Приказной избе, куда, несмотря на поздний час, сзывал всех военных командиров для ответа за недогляд. Туда же привели и пленного татя для допроса...

На следующий день мастеровые всю стучали молотками и топорами, заделывая дыры в ограде арсенала, а посадом занимались градодельцы, они восстанавливали кое-где порушенные стены. У ворот Кремля ещё несколько дней самым строгим образом проверялись все прибывающие, а с паперти соборной церкви приказано было гнать всех нищих.

– И в других местах, окромя Кремля, довольно храмов. Пусть туда идут, – так было сказано самим воеводой.

Прошло несколько дней, постепенно всё пошло своим чередом. Но не сонным затишьем. Время было тревожное.

Федор много времени провёл у постели сына. Оно нужно было им обоим. На постоялом дворе они находились вдвоем – Юрка боярин оставил подле себя. Когда Миколке стало получше, он первым делом попросил отца «рассказать про мамку» и всё уверял:

– Я помню её, помню. Ребята соседские меня с собой повели, да бросили, я хныкать начал, боялся, дома ругать будут, без спросу ушёл. А она зовёт меня, бежит ко мне сквозь цветы, они высокие там такие, выше головы моей. Мамка руки свои ко мне тянет и лицом сверху клонится, зело обрадовалась и целовала меня с радостными слезами. Подняла меня на руки ласковые и закружилась со мной по лугу...

Федор слушал, согласно кивал, а про себя думал: «Да, в минуту весёлую была она порывистая, вся отдавалась счастью. Живого нрава была Катеринушка, волоокая, с бровями соболиными и косой тяжёлой волос тёмных. Понеже не мог трёхгодовалый малец запомнить это. Хотя единому Господу то ведомо, может, и удержался у дитя сей счастливый час». После раздумий обратился к сыну:

– А я вот свою мать совсем не помню, в люльке меня годовалого нашли, её, сказывают, в полон угнали.

– Так и ты без мамки? – посочувствовал Миколка и снова с просьбой. – Расскажи ещё про мою.

Рассказывая, Федор чувствовал, как любовь к Катерине и грусть потери роднит его с сыном. Потом и сам попросил:

– Расскажи о себе.

– Кали старше стал, Софие-апе в дому помогал. А то с Ахмедом к рыбакам убегу, там завсегда дело найдётся, и сам на уду ловил, бабуньку Серафиму кормил, хворая она всё лежала. Вот зимой – худо. Холодно, одёжи хорошей нет.

– Всё куплю, всё справлю, – начал горячо заверять отец, – и сыт будешь. А что к делу привыкал, то молодец. На земле, в лесу, у воды всегда прокормиться можно. Да я тебя и к охоте приучу, как меня когда-то Силантий, Царство ему Небесное. Верный промысел. Подрастёшь – ружьё справлю.

– Ружьё? А у меня есть. От деда Степана осталось. Бабка Серафима его от меня сховала, чтоб не баловал. И сабля казацкая дедова была, да в голод «проели» мы её.

Миколка поправлялся. Теперь сиделкой у него был Юрок. Федора боярин для дел неотложных потребовал.

Однажды Миколка сказал:

– Знаешь, тут есть терем богатея одного. Подле него лев диковинный сидит. Встану – сходим, тебе покажу.

– Заморский, штоль, лев тот?

– Сам увидишь.

Как только Миколке разрешено было вставать, мальчишки отправились смотреть льва. Деревянный лев стоял перед домом вотчинника. Огромный, он время от времени открывал свою механическую пасть с острыми клыками, потом что-то трещало внутри, и раздавался раскатистый рык, при этом лев бил о землю хвостом. Пасть захлопывалась, и зверь замирал на некоторое время.

Юрок остолбенел от неожиданности и страха.

– Он не побежит за нами? – спросил шёпотом брата.

– Не бойсь! Тут его никто не боится. Аки ручной, – уверил Миколка, и в голосе его была гордость за свой град, в котором есть такое диво. Подросток для убедительности даже сплюнул.

– А за это от тятки и по губам схлопотать можно, грех на землю плевать, она кормилица, – предупредил новоявленного брата Юрок.

Но Миколка вошёл в раж. «Вот, смотри!» – и швырнул камень прямо в пасть зверя. Клыки льва не смогли сомкнуться. Внутри него что-то треснуло и оборвалось. Он замер с открытой пастью и слегка повернутой набок головой, глаза его при этом зло скопились прямо на Юрка.

Юрок завопил и прежде чем бывалый Микола успел крикнуть «бежим!», пулей полетел куда глаза глядят. Направить его в укромное место было уже невозможно – время упущено, и скоро здоровенный слуга, приставленный за воротами вотчины для догляда за «игрушкой», вёл обоих, выкручивая им уши. Следом поспешал толстый барчук, со времён ещё ранних детских драк имевший зуб на Миколку и сейчас злорадно предвкушавший предстоящее событие.

Нравы того времени были просты: потерпевшие направлялись за праведным судом не куда-нибудь, а прямо в Приказную избу! Что? По такому малому делу – и в Приказную? Вовсе не диво! Здесь, наряду с политическим вопросом, к примеру сколько посылать войск для усмирения коренных жителей, противившихся крещению, рассматривалась и жалоба какой-то бабы на пьяницу мужа. Но на этот раз явление жалобщиков в Приказную оказалось весьма некстати. Сюда прибыл сам воевода.

Закончив собственный допрос пойманного татя, воевода передал его в руки палача Ивашки Никитина, чтобы выпытал, не утаил ли чего. При этом предупредил: «Смотреть, дабы быть сему татю пока живу для доставки его и пойманного сообщника Идриса в Москву, в Казанский Приказ, для сыска заговора в бывшем ханстве». Распорядившись, воевода направился в зал Приказа, куда уже были вызваны Федор, Степан и командир стрельцов арсенала. Сюда же пожаловал и боярин Лука Евсеич, предупреждённый верным слугой. И, как оказалось, весьма вовремя.

Федор нервничал от предстоящей встречи с воеводой и от того, что велено быть «и героическому отроку, предотвратившему взрыв в арсенале». Но Миколки, к досаде отца, не было на месте. В постоялом дворе Федор предупредил своих знакомых из обоза, чтобы сын, как зайвится, непременно и скоро бежал в Приказную: сам воевода его кличет.

Миколки всё не было. Федор то и дело вскакивал с лавки и подходил к окну, снова садился, уставившись на дверь.

Дверь наконец отворилась. Вошел воевода, покрасневший от гнева после допроса. Увидев провинившегося стрельца, он яростно потряс сжатым кулаком у его носа: «Распустились, промотали соглядатая! Малец, мальчонка заслонил всех нас, чуть живота сам не лишился! А вы служ-и-и-вые, даром государев хлеб едите! Гнать всех метлой, всех!»

Справившись с гневом, воевода обвёл глазами присутствующих:

– А где герой? Отрок где? Я же приказал! Чей сын, какого звания?

– Мой сын, – робко молвил Федор. От волнения перехватило горло, но он взял себя в руки и громко повторил, – мой сын, Миколка.

– Да, его, его сын, слуги моего верного, – поспешно вставил боярин.

В это время за дверью возникла какая-то возня, потом послышался мальчишеский крик: «Отпусти, больно, пошто ухо-то дерёшь?» Дверь распахнулась, и в нее почти влетели упирившиеся доселе Миколка и Юрок. За ними, пыхтя, ввалились барчук и слуга. Увидев воеводу, толстяк на мгновение оторопел.

– Ваша светлость, дозвоьте слово молвить.

– Говори!

– Вот, двух воров привёл на суд. Льва у дома нашего порушили.

– Кто такие? – повернулся к подросткам князь, подозрительно вглядываясь в бинты, коими всё ещё была перевязана голова Миколки. Юрок при виде грозного взгляда воеводы задрожал и начал потихоньку поскуливать, не обращая внимания на отчаянные знаки отца, велевшего пасть на колени.

Лука Евсеич медленно привстал от изумления, упершись взглядом в Юрка.

– Что порушили? Порушили, – скривился Миколка, передразнивая барчука. – Стоит твой лев целёхонек. Ну закашлялся толику, и всё тут. А ты на моей голове, раненной татем, ухо крутил! – пошёл в атаку на толстяка Миколка, возвысив голос. В своей трудной сиротской жизни он уже приобрёл навык выходить сухим из воды.

– Про какого такого татя сказываешь и какую рану свою? – начал догадываться воевода. – Как звать, чей сын?

– Миколка я, вон его сын, – радостно указал хлопец на наличие отца в своей жизни.

– Да, его, Федора, – ещё раз подтвердил Лука Евсеич. – И второй малец. Оба наши пострелы. Ух, я вам ужо!

– Постой! Постой, друг мой, – обратился воевода к боярину. – Так это наш герой, как я понимаю. И тут отличился! – воевода неожиданно рассмеялся. Все подхватили.

– Так вот он каков! Истинно герой! Молодец! Хвала и честь тебе, сынок! Считаю, всю крепость от

взрыва спас. Награждаю тебя за храбрость боевым оружием, – воевода кивнул казаку своему Ваське Китаеву, и тот поспешно подошёл с саблей на вытянутых руках. Воевода принял, поцеловал. Все невольно встали.

– За веру, царя и отечество! – чуть дрогнувшим голосом прочёл воевода гравировку на оружии, вложил саблю в ножны и твёрдым жестом протянул Миколке. – Храни, а когда спонадобится в будущем, защищай ей землю русскую!

Долгоруков оглядел нехитрую одежду героя. Поманил пальцем чиновника, шепнул что-то. Тот исчез и скоро вновь появился из соседней палаты. Воевода взял из его рук кошелёк, протянул подростку.

– Вот тебе ещё из казны. Отдашь отцу. Он для пользы твоей употребит.

Миколка, счастливый, оглянулся на Федора. А барчук толстый в это время, не желая быть забытым, слегка кашлянул, напоминая о себе.

– А-а, ты всё ещё здесь... И с какой такой кляузой на героя нашего стоять смеешь? – рассердился воевода. – Чей сын?

– Милославские мы...

– Милославские, молвишь... – возникла пауза, воевода явно чувствовал себя неловко при упоминании сей знатной фамилии. Тут нашёлся Лука Евсеич: он протянул барчуку свой тугой кошелёк с монетами (для собственного сына старался).

– Возьми на починку своего льва – с избытком будет! – и все разошлись с миром.

На следующий день Федор вместе с сыном решил пойти в Троицкий собор:

– Пойдём, Миколка, закажем и отстоим панихиду по матери твоей Катерине, святая ей память.

Стоя в храме на панихиде, он молился сам, следил, чтобы и сын отдал должное, помолился исправно. Потом Федор мысленно обратился к душе Катерины, попросил прощения за невольное забвенье, обещал вырастить сына достойным человеком.

Возвращался с панихиды с неким облегчением: и долг выполнил, и точку поставил в многочисленных страстях и неправдах – так оценивал себя Федор.

На углу Большой улицы прямо у бочки попили кваса. Квас был отменный, и торговец Васька Винокуров вельми весёлый.

Миколка упросил Федора пойти на Волгу. Пошли гурьбой: Фёдор, Юрок, Миколка и его друг Ахмед. Под горкой зашли с ребятами в харчевню Антипки Рыбина. Федор вкусно покормил детей.

День был жаркий, и на берегу собралось много купальщиков. Федор сам в воду не полез – болело раненое плечо. Он сидел на берегу, смотрел на радость детей и думал: «Вот чада. Они ближе к Богу, чем мы. Как разумны они меж собой! Диво, уже не только польской и шведской семей дети присоединились, но и неметчины малец не вытерпел и к ним же потёк! Веселятся, радуются воде, теплу, солнышку. И все вместе! И согласно, и ладно всё у них получается. Почему же потом, во взрослой жизни, временами зло меж собой творят?»

Душа Федора никак не могла успокоиться после жестокого боя с кочевниками и «воровского» дей-

ства немца-татя, от которого пострадал Миколка. И сколько ещё поколений потомков на многострадальной земле Русской будут задавать себе подобные вопросы. Можно ли мирно сосуществовать разным народом? И как крайне необходимо это, прежде всего, внутри страны!

Размышляя о своём ближайшем будущем, Федор волновался, как Мария примет его сына. Успокаивал себя тем, что она сама выросла фактически сиротой и к судьбе Миколки, схожей со своей, должна иметь сочувствие. И вспомнился ему рассказ Мариюшки о себе...

Был у боярина Луки Евсеича родственник в Воронеже – Афанасий, богатого рода и заядлый охотник. Навестил его как-то Лука и привёз от дядьки своего, тогда ещё молодого кавалериста Силантия, в подарок борзого щенка. При этом передал просьбу супруги своей Регины приглядеть среди крепостных девочку, чтобы хороша собой и искусна на руку (мастерская крепостных кружевниц у Регины была, к которой она относилась пристрастно и сама в сем толк знала).

С этой просьбой Лука Евсеич обратился к родственнику. Афанасий участливо откликнулся:

– Говоришь, чтобы красивая и к рукоделию способная? Найдём. Да я у супруги своей, боярыни Аннушки, повыспрошу. Вон как ты удружил мне подарком своим, да и Аннушку твоя Регина кружевом богато одарила.

– А щенка не я, а Силантий прислал, он охотник в душе.

– Ну, и я хотел бы тебя порадовать. Какая девка по нраву придётся, отдам и казны не возьму.

Так в доме Луки появилась крепостная девочка Машенька. Она долго плакала по ночам по матери. Часто видела один и тот же сон: мать, рыдая, бежала за удаляющимся боярским возом. Постепенно облик матери в памяти стёрся, и Машенька просила Бога, чтобы он всего один только разок, всего разок представил её перед маменькой: посмотреть на неё, прижаться к груди. Так оно и случилось, но уже через много лет.

Боярыня Регина не слишком обижала, хотя и держала девочек в строгости. Они обучались рукоделию, грамоте, счёту и элементарным манерам поведения. Став постарше, они должны были представлять свои изделия на ярмарке в Нижнем, где у Регины был свой павильон.

Девочки, испытывавшие в раннем детстве ласку матери, всегда потом на чужой стороне ищут опору в какой-либо женщине, подруге, к кому они могли бы прислониться душой. Таким человеком для Машеньки стала Арина, старая кружевница, обучавшая мастерству. Она разглядела в Маше дарование в этом деле и обратилась к ней всем сердцем.

Машенька росла, постепенно превращаясь в красавицу. В ней было редкое сочетание внешней красоты и обаяния, что делает человека по-настоящему прекрасным. Многие заглядывались на девушку, но она выделила для себя боярского слугу Федора и тайно грезилась о нём. Но случилась беда. Всё чаще стала она замечать пристальные взгляды боярина Луки. От этого ей становилось тревожно и даже страшно. Старшие девочки шёпотом передавали слухи о похождениях боярина и боялись его.

Однажды, когда Маша была в девичьей одна, боярин вошел, схватил её за руки, и притянул в свои объятия. В этот момент в светёлку неожиданно зашла боярыня. Она знала о любвеобильности мужа и предчувствовала, где может оказаться «предмет» его нового преклонения, но воспитание и чувство собственного достоинства не позволяли Регине как-то обнаруживать свои сомнения. Сцена в девичьей вызвала в ней прилив гнева. Лука отскочил от Марии, а боярыня выбежала из комнаты.

Через несколько дней, в течение которых Мария не поднимала глаз на свою хозяйку, та вызвала её в свой кабинет и объявила, что Мария переводится на скотный двор, что ей, неблагодарной, нечего делать в барских покоях.

– Я не виновата! Ничего такого не было! – взмолилась девушка.

– Ты о чём? Не понимаю тебя. Ступай во двор!

А ещё через несколько дней Машенька была отправлена в качестве доярки сопровождать гурт породистых коров в Воронеж, всё к тому же родственнику Луки – Афанасию. И никто уже не вспоминал про волшебные руки талантливой кружевницы, изделия которой покупали и иноземные купцы...

На полпути скотники остановились на постоялом дворе на ночёвку, разместив коров здесь же, в загоне. Маша обратила внимание на женщину, которая всё чаще останавливалась на ней свой пристальный взгляд. Женщина была из группы крепостных,двигающихся на ярмарку в другую сторону.

В душе девушки возникло какое-то необъяснимое волнение, оно смешалось с переживаниями последнего времени, дальней дорогой и непривычным тяжёлым трудом. Закончив доить, она, было, направилась в жилую избу постоялого двора, но дорогу в сенах перегородила опять эта женщина.

– Тебя Машей зовут?

– Нет, – неожиданно для себя ответила девушка, ей вдруг стало невыносимо всё вокруг. Она прошла к указанной лежанке и не раздеваясь легла, укрывшись с головой одеялом. «Только бы никого не видеть и не слышать». Сон не шел, в голове звенела пустота. «Господи, что это со мной? Господи, прости меня и помилуй!» – долго она читала молитвы, пока не забылась. Очнувшись от прикосновения чьей-то руки.

– Машенька, доченька моя...

Слово «доченька» обожгло. Боялась поверить. Вдруг снова лишь сон? В избе было темно. Она бы-

стро приподнялась и протянула руки навстречу пламенному счастью.

– Мама, ты?! Быть не может...

– Господи! Вольный свет! Вольный свет, – и женщина повалилась без чувств.

Когда пришла в себя, дочь, прижавшись к её груди, плакала.

– Господи! Мамочка, неужели это ты? Или опять сон? Не хочу, не хочу! Снова сон! – сквозь слёзы, заикаясь от волнения, девушка повторяла. – Я прогнуться боюсь. Ты уйдёшь. Не уходи-и-и! Не оставляй меня одною. Дай я посмотрю на твоё лицо! Запомнить хочу-у-у!

Машенька сползла с лавки вместе с одеялом, не отпуская мать, потянула её в угол, под образа, где горели лампадки. Они жадно вглядывались друг в друга, потом с плачем снова обнялись.

В избе уже никто не спал. Узнав, в чём дело, люди не ворчали, некоторые встали, дивились случившемуся, вспоминали каждый своё, горькое крепостное житьё.

– Как же ты нашла меня? Ведь я совсем мала была. Столько лет прошло!

– Она меня расспросила, – подал голос Герасим. Он был послан боярином Лукой сопровождать караван в Воронеж. Между ним и матерью Маши состоялся такой разговор:

– Ты приезжал в наши края много лет назад? В Воронеж?

– Да, было дело.

– Менял тогда твой боярин борзого щенка на девочку маленькую?

– Увезли мы с собой девчущку, и сейчас с нами она. Вон в горнице спать улеглась. Да ты пошто спрашиваешь? Уж не... – начал было догадываться мужик. Но баба его перебила:

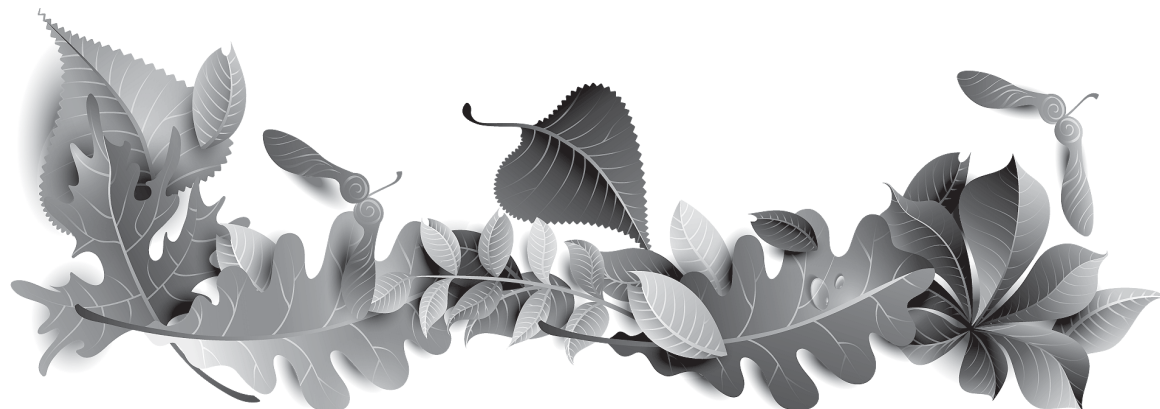
– Зовут-то как? Как зовут? Маша? – выдохнула она.

– Да, Мария будет, Маша. А ты кто ей будешь?

Мать вскрикнула и с воплем метнулась в горницу.

Дочь с матерью проговорили всю ночь, пытались вместить в эти часы все годы, не прожитые вместе. Маша гладила рано поседевшую голову матери, морщинки на дорогом лице, запоминала родной облик на всю свою жизнь вперёд...

А когда настало время расставаться, и их, в который уже раз обнявшись, силой развели в разные стороны, Машенька кричала вслед удаляющейся повозке с матерью: «Вспоминай меня, мама! Вспомни-на-ай...»

«ВСЕ РАБОТЫ ПРЕКРАСНЫ!»

Выставка «Лоскутная радуга – 2020»

Традиционно каждые три года музей народного творчества организует выставку ярких декоративных изделий из текстиля «Лоскутная радуга». Выполненные в техниках лоскутного шитья изделия привлекают своей уникальностью даже искушенного посетителя. В этом году участницы областной выставки «Лоскутная радуга» представили разнообразные руковорные работы – это декоративные панно, домики, подушки, куклы, одеяла, одежда, аксессуары...

Для России характерно создание лоскутных одеял, подушек, ковриков, одежды методом сшивания лоскутов или соединения их внахлест, без использования какой-либо основы. После изобретения швейной машины пошив осуществляли методом накладывания одного кусочка ткани на другой швом «зигзаг». Наиболее специфичным лоскутным изобретением Русского Севера становится пошив «ляпаками». Такая техника подразумевает нашивку самых маленьких отрезков ткани без определенной формы, свернутых треугольником на основу. В результате появлялись объемные покрывала и коврики с густым ворсом. В каждой области назывались по-своему: уголки, махра, розаны, кругляки.

В начале XX столетия аппликации из других тканей, заменяющие кружево, ленты и вышивка прочно вошли в национальный костюм народов севера России. Вместе с пуговицами и цветной тесьмой зубчики и аппликации из лоскутков придавали особую привлекательность и богатство костюмам. Причем в каждой области были свои цветовые особенности и правила шитья. Глядя на готовое изделие, можно было сразу сказать, в каком регионе изготовлен костюм.

Часто, когда мы рассказываем о лоскутном шитье, первое, что всплывает в памяти у собеседника, это лоскутные одеяла, распространенные в крестьянском быту. В настоящее время для создания уюта в индивидуальном пространстве своего быта рукодельницы создают искусные изделия необыкновенной красоты, радующие глаз гармоничным сочетанием творческого замысла, мастерства исполнения, подбора тканей по фактуре и цвету.

Из истории.

Бережное отношение к каждому лоскутку ткани в русском крестьянском доме формировалось годами. Пошив различных предметов одежды почти до XVIII столетия производился в основном из дотканного полотна. Появлялись, но гораздо реже ткани мануфактурные. Ткани домашнего производства имели всего около 40 сантиметров в ширину. Пошив строго регламентировался, и правила кроя без отходов передавались от одного поколения к другому.

В старинном издании «Домострой», датированном XVI столетием, разработана четкая инструкция, как выкроить платье с минимальными отходами ткани, как его правильно шить и затем правильно хранить и использовать образовавшиеся обрезки.

Часто форма лоскутов была разной. Кусочки тканей сшивали как придется. Полотно имело необычный и пестрый вид. Разноцветные лоскутки заменяли вышивку и кружева.

Упоминания о лоскутном шитье встречаются с XIX века с началом поступления в продажу заморского дорогостоящего ситца. Своего расцвета это искусство достигло в конце XIX века с началом развития производства ситца машинным способом на мануфактурах и повсеместным распространением недорогих тканей из хлопка с набивным рисунком.

Лоскутные композиции, как декоративные элементы одежды, придают ей индивидуальность и неповторимость. Необычно выглядят аксессуары, выполненные в разнообразных техниках лоскутного шитья: очечники, сумки, косметички, подушки, чехлы для старого телефона и др.

Традиционная выставка лоскутного шитья всегда вызывает интерес жителей и гостей города. В нашей области лоскутное шитье ценится, и им занимаются мастерицы из г. Ульяновска, г. Димитровграда, Майнского, Тереньгульского и других районов области. Участницы выставки представили различные виды пэчворка: разнообразных техник, приемов, особенностей работы с лоскутками тканей. Не секрет, что на Западе, в Америке и Японии пэчворк в большом почете. Занятия пэчворком имеет давние традиции и историю. В настоящее время мастерицы мира участвуют в различных выставках, фестивалях и ведут свои страницы, блоги в соцсетях. Для занятий этим видом декоративно-прикладного искусства предлагаются специальные курсы, мастер-классы и всевозможные приспособления, а американский ситец сегодня все чаще является основным материалом для шитья искусных изделий.

Свой стиль, манеру исполнения ищет каждый автор. Потому работы наших мастериц индивидуальные, необычные и привлекательные.

На сегодня это вид декоративно-прикладного искусства с искусным сочетанием различных приемов и способов шитья – соединения лоскутов в узоры и сюжеты. Мастерицы используют лоскут в декорировании блуз и платьев, сумок, шляпок, других аксессуаров одежды и предметов быта.

Лоскутные панно поражают разнообразием узоров и гармонией в сочетании цветовых оттенков.

Сами лоскутницы – очень увлеченные люди. Они экспериментируют, учатся, обмениваются опытом.

Отрадно, что лоскутное шитье пользуется популярностью у рукодельниц и его очень тепло воспринимают посетители.

Гузель Камалетдинова

Гузель Камалетдинова

Татьяна Кораблева

ВЫСТАВКА «ЛОСКУТНАЯ РАДУГА – 2020»

«С удовольствием посетила выставку «Лоскутная радуга»: поражает фантазия, трудолюбие мастериц. Все работы прекрасны! Особенно понравились розы Вуколовой Ольги. Прекрасен шедевр Гузель Камалетдиновой «Лето красное». Вижу сумку с рыбками Татьяны Кораблевой и восхищаюсь, как будто рассматриваю аквариум... А когда увидела комплект, выполненный ее руками – была в шоке! Как здорово! Эмоции переполняют! Работы Харитоновой Ирины Александровна мне знакомы, все, что она делает, все нравится.

Низкий поклон, вам, рукодельницы! Какие замечательные мастера живут в Димитровграде! Творите красоту, ее всегда оценят!»

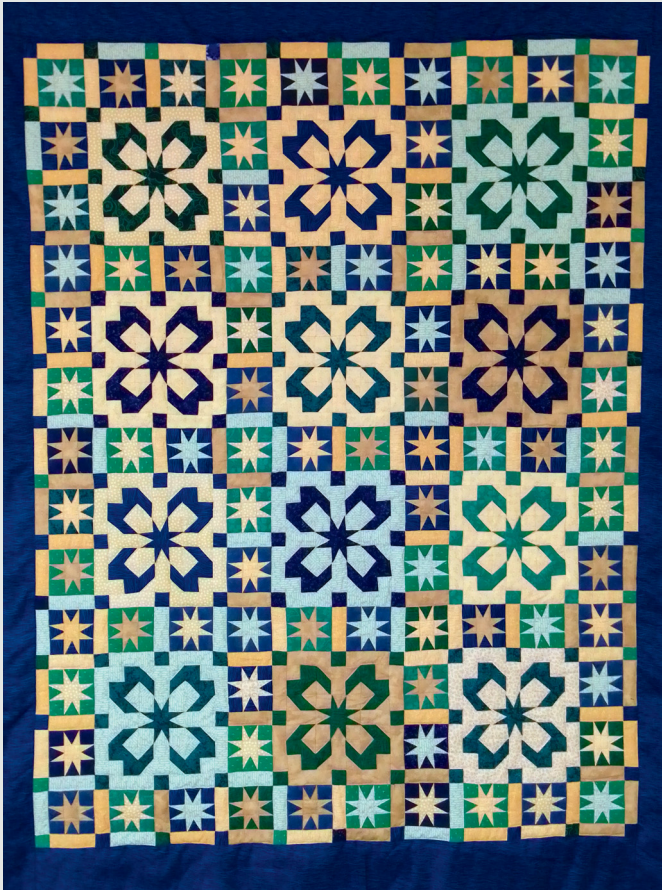
Тютин Т.А. 05.08 2020 г.

Из книги отзывов посетителей выставки «Лоскутная радуга».

Г. Камалетдинова, О. Вуколова, А. Власенко, А. Шалак

Г. Камалетдинова. Северное сияние

Г. Камалетдинова. Панно «Лето красное»

О. Вуколова. Розы

А. Шалак. Скворцы прилетели

Е. Чурбанова. Панно

О. Вуколова. Бабочки

Е. Чурбанова. Озорные квадратики

О. Вуколова. Сумочка. А. Власенко. Панно

Т. Кораблева. Комплект «Настроение»

Т. Кораблева. Кот Базилио и лиса Алиса

Т. Кораблева. Фея розовой мечты

МИР ЧУДА И ВОЛШЕБСТВА. КАРТИНЫ НАТАЛЬИ СЮЗЕВОЙ

Мыльные пузыри

Тайна, 100x100. Холст, масло

Тайная записка

Чашепитие в гранатовом саду

Жмурки. 45x45, холст, масло

Дунькина радость. 40x40, холст, масло

Прощание с Единорогом. 80x80, холст, масло.

Земляника поспела. 60x60, холст, масло.

Рыцарь на белом коне. 80x80, холст, масло

Бабушкины сказки

9 мая. Вечер. 60x70. Холст, масло

Перед сном

Наталья СЮЗЕВА

Родилась в г. Пензе в 1965 году.

С 1980 по 1984 гг. училась в ПХУ им. К.А. Савицкого.

После окончания училища жила в Латвии, в г. Риге, где училась на курсах графики при Латвийской академии художеств.

В 1987 году вернулась в Пензу, где преподавала в ДХШ №1.

С 1990 по 1993 гг. жила в г. Томске. В этот период активно работала в соавторстве с мужем Сергеем Сюзевым в жанре плаката.

Как плакатист в 1993 году была принята в Союз художников России.

В 1994 году опять вернулась в Пензу, где живу и работаю до сих пор. Много лет преподавала в ДХШ №1, с 2001 по 2006 гг. работала в ПГПУ им. В.Г. Белинского на отделении изобразительного искусства.

С 2006 года занимаюсь только живописью.

Любимая техника – холст, масло. Работаю в основном в жанре сюжетной композиции. Почти все мои герои – это дети и женщины с их нежным, таинственным и хрупким внутренним миром. Девочки, девушки, женщины с их занятиями-играми всегда были мне интересны.

Большая часть моих работ делится на несколько серий: «Славянские праздники», «Девичьи игры», «Кофемания» и др.

Работы находятся в коллекциях государственных музеев и галерей (Пензенская областная картинная галерея им. К.А. Савицкого, Тольяттинский художественный музей, Ульяновский музей А.А. Пластова), в частных собраниях России, Франции, Америки, Канады, Германии, Сербии, Японии, Австралии.

Награждена серебряной медалью Российской академии художеств.

Основные выставки:

- 1988 г. – областная молодежная выставка, г. Пенза;
- 1990 г. – Всероссийская выставка-конкурс плаката «Волга – боль России», г. Чебоксары, диплом I степени;
- 1990 г. – Всероссийская выставка-конкурс плаката «Время быть личностью», г. Москва;
- 1991 г. – Всероссийская выставка-конкурс плаката, посвященная 100-летию М. Черемных, г. Владимир;
- 1991 г. – Всесоюзная выставка-конкурс плаката «Гражданином быть обязан», г. Москва;
- 1992 г. – областной конкурс плаката «АнтиСПИД», г. Томск, диплом I степени;
- 1992 г. – Международный конкурс плаката «Человек, природа, общество», г. Москва;
- 1993 г. – XIII выставка художников России, г. Москва;
- 1996 г. – групповая выставка «Ее глазами», г. Пенза;
- 1997 г. – выставка-конкурс «Хрустальный парус», г. Пенза, диплом II степени;
- 1999 г. – персональная выставка «Из жизни стульев», г. Пенза;
- 2000 г. – групповая выставка «Август», г. Пенза;
- 2000 г. – выставка «Художники Пензы», г. Москва;
- 2003 г. – IX региональная выставка «Художники центральных областей России», г. Москва;
- 2003 г. – X региональная выставка «Художники центральных областей России», г. Липецк;
- 2008 г. – Всероссийская выставка «Возрождение», г. Воронеж;
- 2008 г. – групповая выставка «Ее глазами», г. Пенза;
- 2008 г. – выставка «Ищите женщину», г. Пенза;
- 2009 г. – участие в Международном симпозиуме «Ребро Адама», г. Елабуга;
- 2009 г. – выставка батика «Шелковый вихрь», г. Пенза;
- 2009 г. – региональная выставка «Большая Волга в Москве», г. Москва;
- 2009 г. – групповая выставка «Три девицы под окном», ЛХМ М. Горького, г. Казань;
- 2010-11 гг. – персональные выставки «Девичьи игры», галерея «Вавилон», г. Самара;
- 2012 г. – групповая выставка «Сербские пленэры», Фонд Славянской письменности и культуры, г. Москва;
- 2012 г. – II межрегиональная академическая выставка и межрегиональный конкурс в области современного академического искусства «Против течения», г. Москва;
- 2012 г. – Всероссийская художественная выставка «Россия - Родина моя», г. Саранск;
- 2012 г. – Всероссийская художественная выставка «Продолжая традиции», г. Воронеж;
- 2013 г. – выставка «В русском доме», Рим, Италия;
- 2013 г. – Международный симпозиум «Краски Грузии» и выставка, Мцхета, Тбилиси, Грузия;
- 2015 г. – персональная выставка «Девичьи игры», Тольяттинский художественный музей, г. Тольятти;
- 2016 г. – персональная выставка «Девичьи игры», Центральный дом художника (ЦДХ), г. Москва;
- 2017 г. – Всероссийский пленэр и выставка от Международной ассамблеи художников «Пластовская осень», г. Ульяновск;
- 2018 г. – Всероссийский пленэр и выставка, г. Чебоксары;
- 2019 г. – персональная выставка «Девичьи игры», г. Самара;
- 2019 г. – групповая выставка «Планета Бухара», г. Самара (по итогам творческой поездки в Среднюю Азию);
- 2019 г. – Всероссийская художественная выставка «В Манеже», г. Москва;
- 2019 г. – персональная выставка «Девичьи игры», Музей А. А. Пластова, г. Ульяновск;
- 2019 г. – зональная Всероссийская художественная выставка, Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского, г. Воронеж;
- 2020 г. – персональная выставка «Девичьи игры», г. Пенза.

В ЖИЗНИ ГЛАВНОЕ – САМА ЖИЗНЬ

Интервью с художником Натальей Сюевой

– Сначала хотим поздравить вас с очередной успешной выставкой в родной Пензе!

Ульяновцам запомнилась ваша выставка в Музее Пластова. А ранее вам довелось побывать в наших пластовских местах?

– Да, несколько лет назад мне посчастливилось попасть на Пластовский пленэр в селе Прислониха.

Я давно мечтала там побывать, и вот в 2017 году мечта осуществилась. Творчество Аркадия Пластова знакомо с детства, а побывав в его мастерской в Прислонихе, посетив его музей, ещё больше узнала этого искреннего художника. Особенно мне интересны его детские образы на картинах, этюды детских портретов, трогательные и точные. Помимо пейзажных этюдов, на этом пленэре написала ещё портрет местной жительницы тёти Кати и назвала картину «Портрет Кати из деревни Прислониха».

– В известной песне Булата Окуджавы «Девочка плачет...» обозначена женская линия жизни... В вашем творчестве тоже прослеживается такая линия жизни. Только ваши девочки не плачут, а живут в таинственном и волшебном мире. И ощущается, как они вам интересны, как вы их любите... Вы таким образом отправляетесь в страну собственного детства? Или этот созданный вами сказочный мир, который сегодня расцветивает вашу жизнь?

– В самом вопросе и содержится ответ. Да, я рисую воображаемый мир, в котором комфортно мне и моим персонажам. И большая часть моих сюжетов, конечно, из детских впечатлений, ощущений,

событий. Ведь всё, что с нами происходит в детстве, случается с нами впервые в жизни и оттого незабываемо.

– Мне очень запомнились ваши «старушки» (картины «9 мая. Вечер» и «Перед сном»); Чувствуется, как трогательно вы к ним относитесь...

– Все бабушки на моих картинах – это собирательный образ всех моих деревенских бабушек – родных, двоюродных и просто знакомых. В детстве каждое лето меня отвозили к бабушке в маленькую деревушку на краю леса. Мы жили всё лето вдвоём с моей бабушкой, к нам в гости приходили её подруги, и мы пили чай, вели разговоры, пели песни, играли в дурачка под самовар. Все они были солдатскими вдовами. Я всё время разглядывала их натруженные руки, опалённые солнцем крестьянские лица, и все они мне казались прекрасными.

Честно сказать, всегда когда пишу их, по памяти уже, конечно, то всякий раз плачу.

– Пензенский край – лермонтовские места. Вы любите Тарханы? Они вдохновляли Вас как художника?

– Тарханы – волшебное место. Не раз была там на пленэре. Кажется, время там остановилось, и всюду чувствуется незримое присутствие их прежних обитателей.

Наталья Сюева. Вечёрки

Наталья Сюева. Тарханы. Мери

– Ваши любимые писатели, поэты?

– Любимые писатели – Толстой, Достоевский, Гарсиа Маркес.

Поэты – Бродский, Лорка, Пабло Неруда, Марина Цветаева, Анна Ахматова.

Наталья Сюзева. Томик стихов

– **Какая музыка звучит (если звучит) в вашей мастерской, когда вы работаете?**

– Если работаю, то какие-нибудь скрипичные произведения. А вообще я практически всегда работаю под аудиокниги.

– **Что для вас самое главное в жизни? Что вдохновляет?**

– В жизни главное – сама жизнь, её протекание меня и вдохновляет. Моя семья – это моя опора и защита. Возможность писать картины это моё счастье.

– **Ваш любимый уголок земли? («Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...»)**

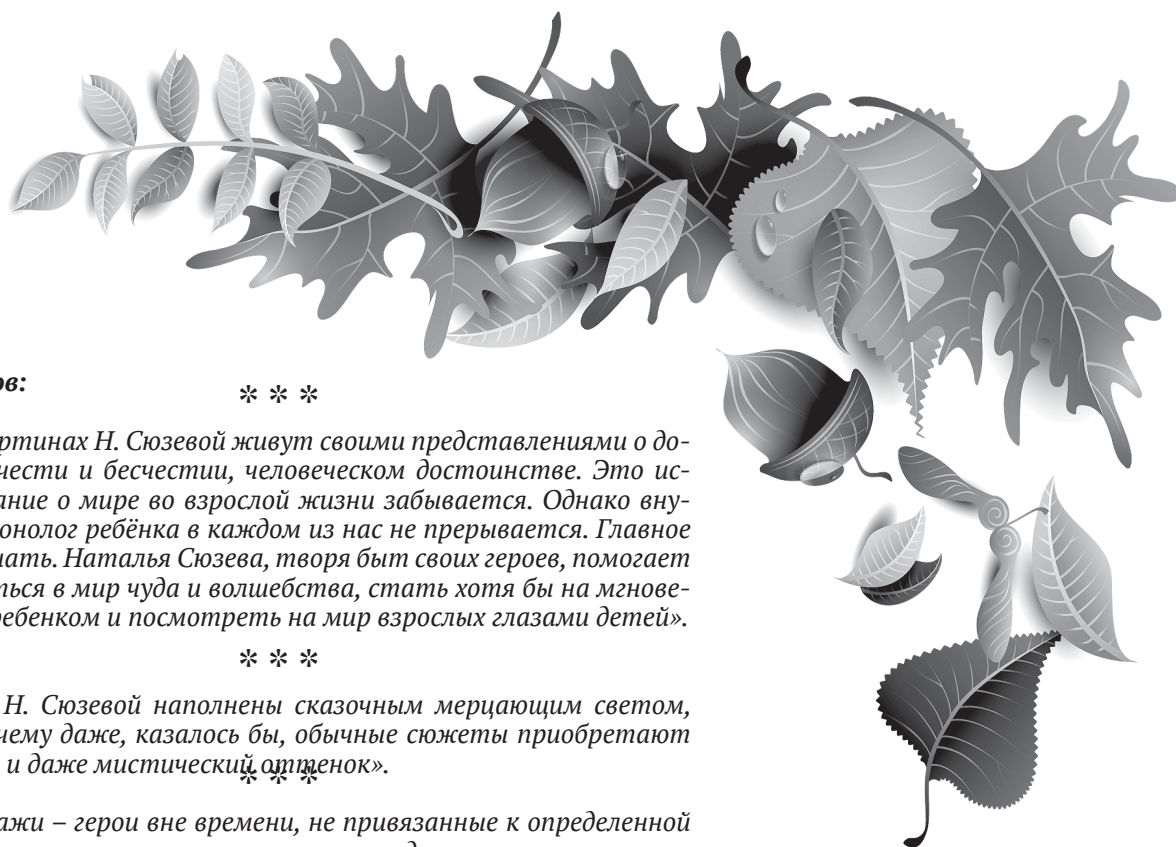
– Самый любимый и лучший город на земле – это моя Пенза. Я нигде больше не могу жить, пробовала жить в разных городах, всегда возвращаюсь.

– **Пожелания читателям «Симбирска»?**

– Всем желаю счастья. Наслаждайтесь каждым днём. Любуйтесь первым снегом, золотом осени, теплом солнца, первой зеленью, цветами и детьми. Не помните зла, оно всегда в прошлом. Надеемся на лучшее!

– **Спасибо! Всегда рады будем видеть вас и ваши картины в нашем городе.**

Беседовала Елена КУВШИННИКОВА

Из отзывов:

«Дети в картинах Н. Сюзевой живут своими представлениями о добре и зле, чести и бесчестии, человеческом достоинстве. Это истинное знание о мире во взрослой жизни забывается. Однако внутренний монолог ребёнка в каждом из нас не прерывается. Главное – его услышать. Наталья Сюзева, творя быт своих героев, помогает нам вернуться в мир чуда и волшебства, стать хотя бы на мгновение снова ребенком и посмотреть на мир взрослых глазами детей.»

«Картины Н. Сюзевой наполнены сказочным мерцающим светом, благодаря чему даже, казалось бы, обычные сюжеты приобретают волшебный и даже мистический оттенок.»

«Ее персонажи – герои вне времени, не привязанные к определенной эпохе: действие на картинах могло происходить как в наше время, так и несколько столетий назад. Н. Сюзева стремится передать, насколько тонок и хрупок, но вместе с тем красив и притягателен внутренний мир женщины.»

Источник:

<https://kudago.com/msk/event/vystavka-natali-syuzevoj-devichi-igrj/>

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Алина Осокина представляет авторов рубрики «Молодые голоса»

Имя Александра Бухарина на литературной карте Ульяновской области сравнительно новое. Молодой поэт работает в классической традиции стихосложения. Стихи Александра проникнуты тонким лиризмом, они воздушны и невесомы. Музыкант по профессии, Александр Бухарин чувствует музыку слова, его стихи мелодичны и глубоки по своей сути.

* * *

Молодому прозаику из Саранска Полине Смородиной в рассказе «Красная герань» удивительным образом удалось передать палитру настроений и эмоций. Образ счастливого и беззаботного детства сменяется болью от потери близких людей. Этот рассказ о каждом из нас. Выйдите на балкон, и вы увидите ту самую красную герань. У каждого она будет своя.

Александр БУХАРИН родился в 1990 году в Ульяновске. Музыкант, поэт, артист Ульяновского государственного академического симфонического оркестра. Активный участник молодежной литературной студии «ЛИК» для молодых писателей на базе Дворца книги. Лауреат областной литературной премии «Первая роса», областного поэтического конкурса «О войне написано не всё...».

У ДИВНОЙ МУЗЫКИ В ПЛЕНУ

Я К МОРЮ ВЫШЕЛ ЗА ВОРОТА

*В моей руке – какое чудо! –
Твоя рука
А.А. Фет*

Я к морю вышел за ворота
Шаги легки
Зажег в тумане звезды кто-то
И маяки

Печальный крик над ширью зыбкой
То чаек крик
Мне руку протянул с улыбкой
Слепой старик

Кружатся пары. Платья, фракки
Как мотыльки.
Огни судов близки во мраке
И далеки.

Мну травы ярче изумруда
Земли шелка
В моей руке – какое чудо!
Твоя рука.

* * *

Утро. Травы в инее
В плен заключены,
Хмурым небо синее
Стало до весны.

Звонок лес охотю,
Гулок стук подков
В листьях с позолотою
Звук твоих шагов.

Поднят зверь визгливыми
Голосами псов,
Гонят с переливами
В поле из лесов.

В воздухе расколотом
Съёжились дома –
То пугает холодом
Близкая зима.

КОНЦЕРТ

Толпа волнуется людская,
У входа тесно, шум и гам.
Спешат мужчины, увлекакая
Румяных, разодетых дам.

Вот франт, слепя своим нарядом,
Зрит свысока – мол, я каков!
Рождая страсть у женщин взглядом
И блеск в глазах у стариков.

Уж спорит с кем то, беспокоен,
Услышим мы, шагнувши к ним,
Вы утверждаете – Бетховен...
В ответ – Да, будучи глухим!

За первым раздаётся следом
Второй звонок – и суета:
Ах, не ошиблись мы соседом?
И те ли заняли места?

И, наконец, прильнув к сиденью,
Руками стиснув, словно жгут,
И по чьему-то мановенью,
Притихнув, все начала ждут.

Уж третий. Занавесь упала,
Смычок спешит обнять струну,
Мгновенье, и застыла зала
У дивной музыки в плену.

МОЦАРТУ

Работа, Господи, твоя ли?
Из миллионов – одного!
С рожденья Грации стояли
У ложа матери его.
Гонимый серою толпою,
Где трус глупца с собой волок,
Он для общения с тобою
Искал укромный уголок.
Чьи с детства всем знакомы звуки
От мала и до велика?
Его ли сотворили руки?
Твоя ли, Господи, рука?

Он лирой путь пробил для света,
Увы, невидимый пока,
И канул... Дивная комета!
А музыка? – Ушла в века.

* * *

Н. Козлову

Конь храпит, видно, давит подпруга,
Шаг неровный – тропу занесло.
Я собаку, как лучшего друга,
Поднимаю к себе на седло.

Он дрожит, предвкушая охоту,
Льнет ко мне и целует в лицо.
Я в руке, вспоминая кого-то,
Сжал ненужное больше кольцо.

Лес глухой подступает стеною,
Словно видя смятенье моё,
Вдруг, рассыпавшись черной волною,
Раскричалось вокруг вороньё.

Слух природы особенно чуток –
Недалёко, под старой сосной,
Ощетинившись, греет малюток
Зверь в берлоге, не тронутый мной.

* * *

Стемнело. Еле уловимы
В окошке ельник, хмурый плёс.
Мгновенье – и проходит мимо
Вагон под мерный стук колёс.

Горячий шёпот за стеною
«Люблю!» – неведомо кому.
Пространство делится луною
На полусвет и полутьму.

Дерев мелькающие плечи,
Игра теней под потолком,
Пустые, тягостные встречи
И мысли все ни о ком.

* * *

Л.М. Безденежных

Грохочет гром. Вскочить с постели
И распахнуть окошко в сад,
Где из небесной колыбели
К земле седой стремится град.

Удар раскатный за ударом,
Горошком на тропинках лёд,
Земля, иссушенная жаром,
Губами жадно воду пьёт.

Но вот стихает. Беспорядок
Царит в растрёпанном саду.
Лежат, побитые, меж грядок
Цветы, не ждавшие беду.

* * *

Возьми. В подарок два цветка
Даю тебе. Какой дороже?
Как будто на зелёном ложе
Два задремавших мотылька.

Вот первый – опусти в сосуд,
Залей водой. Его от муки
Твои заботливые руки
Пусть ненадолго, но спасут.

Другому жизнь предreshена.
Он сладость трепетных созвучий.
Среди застоля шум кипучий
В бокале пенного вина.

Для чутких не нужны слова.
Им, утешающим друг друга,
Чьи стебли тянутся упруго
Навстречу, листьями едва

Соприкасаясь. Так легка,
Раскинув платье, сядешь рядом.
У ног блестят своим нарядом
Два задремавших мотылька.

Полина СМОРОДИНА родилась в 1988 г. в Саранске. В 2010 году окончила Историко-социологический институт МГУ имени Н.П. Огарева по специальности: «история», в 2014-м – аспирантуру при НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. Работает в молодежном журнале «Странник». Финалист Всероссийского конкурса литературной журналистики «Молодой Дельви» (2018). Вошла в шорт-лист конкурса «Короткое детское произведение – 2018» (в соавторстве с А.С. Прониным), финалист «Северной звезды» (2019). Участник совещания молодых литераторов в Химках (2019).

КРАСНАЯ ГЕРАНЬ

Рассказ

Бабушкин балкон я узнала издалека – он самый яркий, потому что весь заполнен цветущей геранью. Красные шапки машут приветственно, а я высматриваю знакомый образ. На вокзале нас встречал только дедушка, бабушка осталась дома, на хозяйстве. Хотя обычно она тоже приходила с букетиком полевых цветов. Вручая мне цветы, чаще всего говорила:

– Купила у одной старушки. Пожалела ее.

А мне радостно идти домой с цветами – тем более, что украинский полевой букетик гораздо ярче саранского – цветочки и лиловые, и сиреневые, и розовые, и голубенькие.

И вот наконец на балконе появляется знакомая головка в рыжих кудряшках, сама похожая на цветочек. Машет, ждёт! И я машу, улыбаюсь, ускоряю шаг.

Дальше – объятья, поцелуи. Бабушка важная и смешная одновременно, в синем фартуке в белый горошек, с весёлыми оборочками. Сразу раздаёт указания – что делать. Кому – умыться с дороги, кому – отнести сумки в комнату, кому – помочь на кухне. Мой двоюродный брат Мишка выходит с невозмутимым видом навстречу, он здесь гостит уже второй месяц. Как всегда, делает мне какое-то колкое замечание. Я не молчу, отвечаю. Но всё равно мы рады видеть друг друга, хоть тщательно это скрываем.

Через некоторое время собираемся в бабушкиной комнате – за накрытым белой скатертью столом. Бабушкина комната – до мурашек уютная! На стенах картины, которые рисовал ее отчим-художник. Мне особенно нравятся две маленькие: на одной – белая козочка, а на другой – пушистый кролик. Половину комнаты занимают многоэтажные, как дома, стеллажи книг. К ним приколоты мои неуклюжие рисунки, стоит аквариум с пёстрыми рыбками, и повсюду цветы, даже с потолка свисают. И солнце, здесь всегда солнце, прорывающееся сквозь стекло. Наконец принимаемся за еду. Еще один бабушкин талант, помимо написания книг и воспитания внуков, – кулинария. Готовит она просто замечательно! К тому же настоящий клад рецептов – украинских, польских, русских, грузинских. Сегодня в центре – соте из баклажанов, перец в томатном соусе, луковый пирог, самодельная виноградная наливка, а для меня – мой любимый сок из помидоров (не то-

матный, а именно – помидорный, густой, с семечками). На горячее – удивительно сочный, тушёный в сметане кролик – пальчики оближешь. Надеюсь, этот кролик был не такой милый, как на картине? Того очень уж жалко!

Все по очереди произносят длинные тосты, радуются встрече, и я тоже говорю – что так счастлива только здесь, на Украине, в этом доме, с моими родными и любимыми людьми. Допиваю сок за счастье быть всем вместе.

Сию, опустив ноги в прохладную, шелковистую воду. Днепр такой огромный, красивый, переливающийся в солнечных лучах, так хорошо и уютно сидеть на берегу и ничего не делать, растворившись в летнем мареве. Но мне почему-то не радостно, а грустно. Слово я разглядела впереди надвигающийся смерч, как однажды бабушка. Она рассказывала, как потемнело внезапно. Набежали тучи, засверкали молнии, поднялся ветер, а потом появились две воронки до самого неба. Страшно и захватывающе одновременно! Если б смерч дошел до берега, маленький дачный домик не защитил бы бабушку, но, по счастью, воронки ушли за косу и там пропали, никого не покалечив и не раздавив своей необузданной мощью.

А сейчас тишь и благодать, никаких намеков даже на маленький летний дождик. Мишка с дедушкой ловят рыбу, бабушка и мама варят борщ на полевой печке, а папа занял кресло в тенечке террасы и читает книгу. Счастье! Рай! И вот сижу я в этом солнечном раю и чуть не плачу. А вдруг он когда-нибудь кончится? Налетит смерч и сметёт нас всех отсюда? Тогда эти мысли формулируются в моей голове неясно и быстро отходят на второй план. Но они всё же поселились в моей душе и жили там, глубоко спрятанные, но неизбежные...

На прощанье дедушка делает мне подарок. Это уже традиция. Каждый раз, когда мы приезжаем, он меня спрашивает:

– Полюшка, у тебя есть часики?

Отвечаю:

– Есть, дедушка, ты же мне в прошлый приезд дарил.

А он – мне:

– Ну, так эти старые уже. Мы тебе новые купим.

И вот мы идем в магазин и покупаем мне новые часики с аккуратным циферблатом с золотыми стрелочками на коричневом тоненьком ремешке. Потом заходим в кафе и вместе едим мороженое с воздушным рисом. Бабушка отпускает нас вдвоем ненадолго, потом – другие дела. Подозреваю, что просто ревнует меня к дедушке. Ведь дедушка меня очень любит, и я его тоже люблю. За что он меня так любит, балует, не знаю. А ведь я ему даже неродная внучка. Но он бы, наверное, обиделся, если бы я сказала – неродная. Еще какая родная! Он письма мне писал, хотя не любил «писанины». А как ждал моих звонков!

И вот мы уже уезжаем. Грустно. Нас провожают бабушка и дедушка, Мишка едет с нами до Москвы. Я смотрю, как они машут на прощанье. Дедушка – высокий, статный, в костюме. Бабушка – маленькая, с ярким платочком на шее. Но вот их уже не видно. Исчезает городской пейзаж, мы проезжаем сосновый парк, где я кормила белок орехами, а потом снова переливается Днепр и затапливает всё вокруг своими мощными водами. И я уже ничего не вижу сквозь слёзы и поток счастливых воспоминаний. Смотрю на часы, подаренные дедушкой, – стрелки бегут неизбежно вперед. Но я точно запомнила, что это был мой самый счастливый август.

А потом... Потом я выросла, а бабушка с дедушкой постарели. Да и Черкассы перестали встречать так ласково – всё реже здесь можно было услышать русскую речь, всё чаще в новостях проскальзывали колкости в адрес России. И почему-то политические выпады проецировалось на обычных людей, которые приезжали к своим родным.

Как-то мы приехали под Новый год. В дверях нас встретила обеспокоенная бабушка – дедушка в больнице. Вроде бы ничего страшного. Я огорчена из-за дедушки, но еще больше из-за того, что получится грустный Новый год. Мы ходим к нему в больницу, и хоть он очень слаб – всегда радуется нам. Особенно мне. В его палате почему-то много окровавленных бинтов и людей с отмороженными конечностями и покалеченными судьбами, страшно и грустно. И почему-то дедушка с желудочно-кишечным заболеванием лежит среди них. Бабушка приносит врачам яблочки и мандарины, но мы только потом поняли, что им нужны были вовсе не фрукты. Через несколько дней после Нового года дедушка потребовал перевезти его домой. Сказал: «Меня залечили! Хочу домой!» Мы усомнились, что так будет лучше, подумали – просто капризничает, ведь в целом – ему легче. Я звонила ему в больницу, а бабушка стояла рядом и подсказывала, даже требовала: «Скажи, что ты его любишь». А я не смогла – при бабушке, по ее указанию, вот так просто, не смогла – и всё.

Все-таки дедушку послушали, специальная служба привезла его домой, подняла на 6-й этаж и даже уложила в кровать. Он чуток повеселел, казалось, началось выздоровление. Мы поехали домой успокоенные – навстречу работе и учёбе. А через три дня дедушка умер. Тогда я не слишком расстроилась, просто не поняла, как это – нет человека. Ведь он всегда был далеко, виделись мы раз в год, в

остальное время – звонки, письма. Да и на похороны не поехали, опять так далеко и дорого – невозможно. Бабушка писала прощальную речь всю ночь. В ней были такие слова: «Дмитрий Яковлевич очень любил свою внучку Полюшку. Она, к сожалению, не смогла приехать – студентка, началась сессия...» Это был очень холодный январь.

Когда заболела бабушка, я каждую неделю разговаривала с ней по телефону. Переживала – как она там совсем одна. Она спросила, не против ли я, чтобы она перестала красить свои кудри в рыжий цвет, а стала просто седой, обычной бабушкой. Я ответила, что не против. Однажды, когда у нее был совсем слабый голос, на прощанье я сказала, что люблю ее. Она всё поняла и замолчала на минуту. Но как я могла снова не сказать?

В мой день рождения она попросила знакомую сходить на почту и перевести мне денег на подарок. Подарок велела купить простой – цветок в горшочке. Я купила герань в надежде, что когда-нибудь она зацветёт для меня красным жизнеутверждающим цветом. Поставила ее на подоконник и изредка поливала из железной кружки.

Всё время пока бабушка болела, я порывалась к ней приехать, но 1500 км, работа и, наверное, всё-таки малодушие сдерживали мой пыл. Я не настаивала, просто предлагала. Бабушка категорически отговаривала: «Приедешь, когда потеплеет, у нас с тобой будет много дел». Через некоторое время поняла, что ей хуже. Голос был слабый и далёкий, и я сказала твёрдо: «Как хочешь – приеду через две недели». И она ответила неожиданно и благодарно: «Ты хочешь приехать? Ну, приезжай. А меня все спрашивают – почему ко мне никто не приезжает?» Я взяла билеты и всё оставшееся до отъезда время переживала, что не успею.

Бабушкин балкон ничем не выделялся среди других серых балконов. Около подъезда стояла скорая помощь. Врача поймали на выходе: «Ничего больше сделать нельзя». В квартире висел тягостный запах лекарств, а сама бабушка истончилась до неузнаваемости. Было понятно, что из нее медленно уходит жизнь, душа... Я металась по квартире и не знала, куда себя приткнуть, ведь помочь было невозможно. Но до сих пор не устаю благодарить Бога, что дал нам возможность попрощаться, она меня дождалась. Ведь день моего приезда был последним днем ее земной жизни. Это был очень грустный апрель.

Осенью мы приехали в Черкассы снова. Нас встретило потрясающее солнце, которого в Саранске мы не видели с августа, как только зарядили серые дожди. Нас дождалась пустая квартира, в которой всё было почти так же, как раньше. Казалось, там кто-то живёт, просто спрятался на время нашего приезда. Пошли на рынок и залюбовались на мочёные арбузы, квашеные домашние помидоры, запоздалый виноград, сдобные булочки с маком, свежайшую копченую рыбку и букеты дачных цветов. Купили цветы и поехали на кладбище. Сначала на «старое», где могилы бабушки Майи и дедушки Вани (он умер еще до моего рождения). Долго стою рядом со свежей бабушкиной могилой, у неё пока

нет памятника, только деревянный скромный крест с надписью на украинском языке. Венки, лампадка, искусственные цветы и мой букетик сиренево-бордовых астр.

На «новое» кладбище к дедушке Диме мы поехали на жёлтеньком «богданчике», который ходит раз в полчаса и набивается под завязку. Мы со свежеприобретенным кустом калины подпрыгиваем на кочках. Говорят, сюда не соглашаются ездить таксисты – дорога ужасна – в ухабах и ямах. Трясутся веточки калины, как ни сдерживай. Вышли на конечной, а кондуктор – нам – «не местным»:

– У вас час, в три часа – последний автобус.

Торопимся. Издалека узнаю дедушкину могилу. Хорошая там фотография – он в парадном костюме, с медалями, чуточку улыбается глазами. Прислоняю голову к нагретой солнцем плите и шепчу: «Я тебя люблю, слышишь?»

«Новое» кладбище – совсем голое и уже – огромное, расплывшееся на сотни метров. Надеюсь, калина примется и дедушке будет там повеселей.

На обратном пути, когда я смотрела из окна поезда на всё тот же переливающийся под лучами солнца Днепр, мне казалось, что я с ним прощаюсь. Прощаюсь с этим городом, со своим детством, с уютным миром, созданным бабушкой и дедушкой, и оттого было вдвойне горько. Это был октябрь.

Вот такой и запомнилась Украина – страна моих счастливых летних каникул. Она насквозь пропитана солнцем и аппетитными ароматами из открытых окон, она зелёная и ласковая – как ива в бабушкином дворе, готовая спрятать путника под тенистыми ветвями в жаркий солнечный день. Она запомнилась мне одиноким калиновым кустом и букетом сиреневых астр. Она запомнилась мне и навсегда обосновалась в моем сердце!

А зимой обрушился шквал революционных новостей с Украины. Я сразу подумала – как бы пережили мои бабушка и дедушка эти события? Может, слава Богу, что не дожили?

Весной на моем подоконнике в Саранске неожиданно расцвела герань. Сначала она выпустила робкую зеленую стрелку, а потом подарила мне два крупных красных цветочка. Я смотрела на них и думала о том, что когда-то прочитала: ушедшим людям иногда даётся возможность «передать привет», подбодрить, напомнить о себе с помощью птиц и растений. Так, может, это правда – и так мои родные поздоровались со мной? Очень хочу в это верить и, пожалуй, верю. Тем более, что в окно било весеннее солнце. Ведь это был март. Точнее, 19 марта – мой день рождения. И эти два красных цветка стали для меня самым дорогим подарком на праздник.

ULYANOVSK
UNESCO
CITY OF LITERATURE

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

**Подробности всех новостей – на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>**

КУЛЬТУРА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

На X Международном культурном форуме в Ульяновске креативные города ЮНЕСКО рассказывают о новых форматах развития культуры в период пандемии. Форум, запланированный на 4–16 сентября, проходит под патронатом ЮНЕСКО. В рамках онлайн-встречи эксперты делятся практиками поддержки творчества, реализации культурных инициатив в новых условиях. Среди спикеров: координаторы литературных и других креативных городов ЮНЕСКО, известные писатели, деятели культуры, в т.ч. из Гейдельберга (Германия), Данидина (Новая Зеландия), Мельбурна (Австралия), Нориджа (Великобритания) и др.

Так, руководитель программы «Гейдельберг – литературный город ЮНЕСКО» Андреа Эдель рассказывает о проектах, которые дали возможность творческим людям города заработать в период пандемии. Руководитель программы «Мельбурн – лите-

ратурный город ЮНЕСКО» Дэвид Райдинг делится технологиями противодействия COVID-кризису. Известный поэт из литературного города ЮНЕСКО Данидина Дэвид Ховард, работавший в ульяновской писательской резиденции, предстает свой лит-проект Mate, который получил грант организации Creative New Zealand в рамках поддержки творческих людей, переживающих COVID-кризис. Россию представляют сразу три города, входящих в Сеть креативных городов ЮНЕСКО: Ульяновск – город литературы, Каргополь – город ремесел и Казань – город музыки.

Организатором форума является фонд «Ульяновск – культурная столица», организатором онлайн-площадки креативных городов – дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО».

УЛЬЯНОВСКИЕ АВТОРЫ ВО ВСЕРОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ ПИСАТЕЛЬСКОГО МАСТЕРСТВА

Всероссийская школа писательского мастерства в Приволжском федеральном округе проходит в сентябре в Казани. Ее проводит известный литературный журнал «Знамя» и Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ. По итогам конкурсного отбора в школу приглашены 20 молодых авторов из ПФО, в том числе два ульяновских автора – прозаики Татьяна Филатова и Илья Шестаков. Ведущие мастер-класса – прозаик, редактор Елена Холмогорова и писатель Анатолий Курчаткин. Школа проводится при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

КНИГИ ИЗ УЛЬЯНОВСКА В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ

В этом году Главная библиотека Гейдельберга, литературного города ЮНЕСКО, отмечает 30-летие со дня смерти и 100-летие со дня рождения известного писателя и драматурга Фридриха Дюрренматта, по случаю чего осенью 2020 года организует выставку книг автора на разных языках. Централизованная библиотечная система Ульяновска представляет на выставке две книги автора на русском языке – «Зимняя война в Тибете» и «Поручение, или О наблюдении за наблюдающим за наблюдателями».

ИЩУТ СТРАШНЫЕ СКАЗКИ

Пучхон, город литературы ЮНЕСКО в Южной Корее, совместно с Bucheon International Fantastic Film Festival объявили прием материалов в проект Scary Tales Archive. Принимаются страшные сказки и истории разных стран мира, в том числе из России. Ждут заявки и от ульяновских авторов. Это уникальный шанс превратить свою историю в кино и выйти на международный уровень.

Проект принимает страшные сказки, истории разных народов и культур, отбирает лучшие из них для архива, чтобы связать авторов материалов с фильммейкерами, художниками и креаторами. Страшные сказки, истории, события в которых происходят в городах вашей страны, принимаются на английском языке по адресу: scarytales@bifan.kr до конца сентября 2020 года. Форматы принимаемых материалов: тексты, видеоклипы, книги, аудиокниги, ютуб-каналы и т.д. Выбранные материалы будут опубликованы или адаптированы в визуальный формат совместно с художниками и креаторами разных стран.

BIFAN

Фото: Михаил Шнейдер

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРАМВАЙ В УЛЬЯНОВСКЕ

12 сентября – дата проведения традиционного Литературного трамвая в Ульяновске. Это возможность совершить вечернее путешествие в мир современной литературы и познакомиться с произведениями авторов из литературных городов ЮНЕСКО. В этом году темой текстов стало переосмысление времени, с которым люди по всему миру столкнулись в период пандемии. Тексты в трамвае и на остановках читают известные люди, писатели и поэты Ульяновска. Среди сюрпризов – текст от Кракова, литературного города ЮНЕСКО, – стихотворение Moment Нобелевского лауреата по литературе, польского поэта Виславы Шимборской. Переводы текстов зарубежных авторов для мероприятий выполнил ульяновский поэт и переводчик Сергей Гогин.

Организаторами «Литература» выступают: дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО», управление культуры и организации досуга населения администрации Ульяновска, Централизованная библиотечная система при поддержке МУП «Ульяновскэлектротранс».

ГДЕ ЧИТАТЬ И ПОКУПАТЬ КНИГИ АВТОРОВ УЛЬЯНОВСКА

Портал «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» представляет первую часть материала, в котором рассказывает о том, где читать публикации 15 ульяновских авторов, в каких онлайн-магазинах можно купить их книги, а также делится ссылками на сайты писателей. Читайте здесь: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

ГДЕ ЧИТАТЬ И ПОКУПАТЬ КНИГИ ПИСАТЕЛЕЙ УЛЬЯНОВСКА

НОВЫЙ РОМАН ИРИНЫ БОГАТЫРЕВОЙ

В издательстве «Эксмо» вышел новый роман «Белая Согра» Ирины Богатыревой (Ульяновск – Москва). Ранее он был напечатан в «Новом мире». Как рассказала автор порталу «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО», роман появился из фольклорных экспедиций с Лабораторией фольклористики РГГУ, с которой писатель три сезона работала в Архангельской области. «Для меня это был чрезвычайно ценный жизненный опыт. Я не только поняла для себя, что же на самом деле такое русский фольклор в наши дни, как сохраняется, меняется и живет традиция, что такое народные верования и как чувствуют себя в современных реалиях персонажи, как домовая и леший, но и познакомилась с колоритными людьми, о которых до этого могла разве что прочесть у Шергина. Русский Север – особый край, со своим говором, фольклором, и мне хотелось в тексте передать все вместе – и типы, с которыми я столкнулась в ходе экспедиций, и диалект, и даже собственное удивление от всего этого – удивление современного городского человека».

СТИХИ О СЛОВЕНИИ В ИЕРУСАЛИМЕ

Международный литературный журнал «Двояточие» представил видеоролик, на котором авторы разных стран мира читают свои стихотворения, посвященные тем или иным городам. В проекте пригласили принять участие поэта из Ульяновска Галу Узрютову. Видеопрезентация подготовлена для де-

монстрации на выставке в галерее «Скицца» в Иерусалиме (городская трилогия). Ульяновский автор представила стихотворения, написанные во время работы в писательской резиденции в Словении, и свои фотографии разных городов этой страны. Посмотреть ролик можно на YouTube.

ОБНОВЛЕНА БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ ГОНЧАРОВА

На сентябрь в Ульяновске запланировано открытие третьей модельной библиотеки. Центральная городская библиотека им. И.А. Гончарова встретит читателей в обновленных залах. Модернизация библиотеки стала возможна благодаря реализации национального проекта «Культура». Преобразился детский читальный зал библиотеки. В одной части зала установлен подиум для выступлений и проведения творческих мероприятий, в другой – наливной пол, в который вмонтирована интерактивная карта путешествия Гончарова. На карте представлен путь кругосветного путешествия писателя от Крондштата до Японии. Элементы интерактива представлены в виде заданий, выполняя которые дети смогут бросать фишки и перемещаться по маршруту. Читатели

ждут более 3000 новых книг. На первом этаже здания расширен и оборудован санузел для людей с ограниченными возможностями здоровья, установлены новые двери.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ

В конце августа на базе парк-отеля «Архангельская слобода» в Ульяновской области прошла Международная детская литературная резиденция, организованная АНО «Профи-центр». Партнерами выступили: дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО», Централизованная библиотечная система Ульяновска, Лига юных журналистов. Участниками резиденции, которая прошла в офлайн- и онлайн-форматах, стали пишущие дети и подростки из Ульяновска, других городов России и мира в возрасте от 11 до 16 лет, а также библиотекари-кураторы. Программа резиденции включала образовательный интенсив для молодых авторов и обучающие занятия для библиотекарей, которые прошли экспресс-курс по организации массовых мероприятий, социальному проектированию, продвижению событий. Образовательная программа для авторов была разработана Литературным агентством и школой «Флобериум», преподавателями выступили писатель Татьяна Булатова и редактор Ольга Аминова. По итогам работы резиденции будет издан сборник работ ее участников.

ЛЕТО ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЕТО ЛИТЕРАТУРЫ

Летом программа «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» запустила проект «Лето литературы», чтобы представить читателям летние тексты авторов из Ульяновска и других городов. Тексты проекта можно найти в соцсетях под хештегом #Летолитературы, а также прочитать на сайте ulyanovskcreativitycity.ru. Среди авторов: Андрей Безденежных, Ольга Шейпак, Елена Кувшинникова, Сергей Гогин, Вадим Шамшурин, Ирина Богатырева, Гала Узрютова, Данила Ноздряков, Елена Соловьева, Павел Солдатов, Игорь Улитин, Михаил Камалеев, Евгений Сафронов, Владислав Петренко, Ольга Даранова, Татьяна Филатова, Андрей Цухлов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КВЕСТБУК

В издании «Квестбук по Ульяновской области: книга литературных явлений» представлено литературное наследие региона в нестандартных, актуальных, развлекательных форматах. Квестбук рассказывает о биографии и творчестве Н.М. Карамзина, И.А. Гончарова, Н.М. Языкова, С.Т. Аксакова, Д.И. Минаева, Д.П. Ознобишина, Д.В. Давыдова, Д.Н. Садовникова, А. Новопольцева и др. в цифрах и занимательных фактах. Несколько разворотов посвящены авторам, которые внесли вклад в развитие и популяризацию национальных языков народов Поволжья. Также в издании собраны сведения о литературных местах и библиотеках Ульяновска – города литературы ЮНЕСКО, редких книгах и легендах, о фольклоре и литературных символах Ульяновской области – букве «Ё», Колобке, Курочке Татарушке. Проект реализуется Карамзинским фондом поддержки культурно-исторического наследия при поддержке Фонда президентских грантов. Напомним: ранее в Ульяновске была выпущена литературная карта города.

«АЗБУКА» ТОЛСТОГО

50 иллюстраций к рассказам знаменитого писателя презентовали на выставке ««Азбука» Толстого» в Ульяновске. Выставку представил Государственный музей Льва Николаевича Толстого в Литературном музее «Дом Языковых». Она посвящена педагогическому труду автора. Нравоучительные рассказы Толстого послужили основой для живописных работ мастеров. На выставке можно увидеть более 50 работ пяти художников: Евгения Михайловича Рачёва, Бориса Калаушина, Юрия Васнецова, Александра Николаева, Игоря Кобякова. Выставка работает до 20 сентября.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Жители Ульяновска, местные авторы регулярно получают информацию о литературных новостях региона, анонсы мероприятий, информацию об ульяновских писателях, мастер-классах, конкурсах, стипендиях и резиденциях для авторов от дирекции программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» через бесплатную рассылку Writer's Info Point. Чтобы подписаться на нее, достаточно отправить письмо по адресу: infopoint.ulsacityofliterature@gmail.com

Публикацию подготовила Гала Узрютова.

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

ОКТАБРЬ 2020

3 октября – 135 лет назад родился литератор **Шариф Хамидуллович Сунчелей** (3.10.1885, с. Старый Мостяк Хвалынского у. Саратовской губ., ныне Старокулаткинского р-на Ульяновской обл. – 9.11.1959, г. Москва). Окончил Казанскую учительскую школу (1907). Был учителем в школе, лектором. В 1917 году переехал в Уфу, работал в Наркомате просвещения Башкирской АССР. Автор книг «Ребёнок и его среда» (1926), «Организация работы в семье» (1930), «Этнографические особенности башкир» (1947) и др. С 1930 года жил в Москве.

3 октября – 125 лет со дня рождения поэта **Сергея Александровича Есенина** (3.10.1895, с. Константиново Рязанского у. Рязанской губ. – 28.12.1925, г. Ленинград, ныне С.-Петербург; похоронен в Москве). Был проездом в Симбирской губ. в конце апреля и начале июня 1921 года, отправившись на поезде из Москвы в Ташкент в гости к А.В. Ширяевцу. Дружил с симбирским поэтом В.И. Эрлихом. Именем Есенина названы улица в Ульяновске и библиотека в р.п. Павловка Ульяновской обл. В 2019 году в Ульяновске установлен памятник поэту.

3 октября – 95 лет назад родился писатель-фантаст **Владимир Николаевич Фирсов** (3.10.1925, г. Калуга – 14.04.1987, г. Москва). Окончил Московский полиграфический институт. С 1949 года работал в Институте иностранных языков и в издательстве «Мир». В октябре 1966 года был с группой писателей в Ульяновске, провёл творческую встречу в Мелекесе. Автор рассказов «Бессмертие для рыжих» (1969), «Кенгуру» (1975); повести «И жизнь, и смерть» (1975); романа «Срубить крест» (1980); сборника «Звёздный эликсир» (1987) и др.

7 октября – 40 лет исполняется писательнице **Марине Леонидовне Ясинской** (р. 7.10.1980, Северный Кавказ). Родилась в семье военнослужащего. Часто переезжала с семьёй, жила в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный университет (2002). Работала юри-

с-консультантом в России, менеджером в США. С 2006 года живёт в г. Эдмонтон (Канада). Автор книг сказок и фантастики «По ту сторону отражений» (2017), «Стекло сердце» (2017), «Дети Северного сияния» (2018), «Авионеры: Сердце лётного камня» (2019) и др.

8 октября – 185 лет со дня рождения беллетриста, критика, публициста **Евгения Львовича Маркова** (8.10.1835, имение Александровка Щигровского у. Курской губ. – 30.03.1903, г. Воронеж). Окончил Харьковский университет (1857). Много путешествовал по России. В начале

1890-х гг. плывал на пароходе по Волге; в путевых заметках описал пребывание в Симбирской губернии. Автор книги «Барчуки. Страницы прошлого» (1875); романов «Чернозёмные поля» (1875), «Берег моря» (1879), «Разбойница Орлиха» (1891) и др.

8 октября – 95 лет назад родился писатель, диссидент **Андрей Донатович Синявский** (8.10.1925, г. Москва – 25.02.1997, г. Фонтене-о-Роз, близ Парижа). Предки – выходцы из Симбирской губернии. Бывал в Ульяновской области проездом в Сызрань к деду, о

чём написал в автобиографическом романе «Спокойной ночи» (1984). В 1973 году эмигрировал с семьёй во Францию. Автор книг «Суд идёт» (1959), «Мысли врасплох» (1966), «Прогулки с Пушкиным» (1975), «В тени Гоголя» (1975), «Крошка Цорес» (1980), «Иван-дурак» (1991) и др.

12 октября – 55-летний юбилей отмечает писатель **Олег Юрьевич Рой** (р. 12.10.1965, г. Магнитогорск Челябинской обл.). Окончил педагогический институт, работал директором школы-интерната. Почти 10 лет прожил в Швейцарии. Член Союза писателей России.

В рамках проекта «Академия литературы» провёл 18–19 февраля 2015 года творческие встречи с читателями в Ульяновске и Димитровграде. Автор романа «Амальгама счастья» (2008), фэнтези-трилогии «Хранители» (2010 – 2011), книжного сериала «Джинглики» и др. Живёт в Москве.

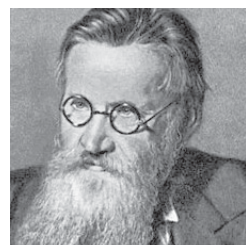
13 октября – 150 лет назад родился публицист **Николай Васильевич Водовозов** (13.10.1870, г. С.-Петербург – 6.06.1896, там же). В августе 1892 года приезжал в Ставропольский у. Самарской губ. к другу, который занимался созданием больницы и столовых

в сс. Репьёвка, Васильевка и Куроедово на р. Бирля (позже Мелекесский р-н Ульяновской обл.). В Поволжье познакомился с В.Г. Короленко. Автор сочинений «Мальтус» (1895), «Землевладение и сельское хозяйство» (1896), «Экономические этюды» (1897).

13 октября – 60-летний юбилей отмечает педагог, путешественник, прозаик **Владимир Николаевич Кочетков** (р. 13.10.1960, р.п. Сурское Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский педагогический институт (1991). С 1991 года учитель географии Сурской сред-

ней школы. Совершил кругосветное путешествие на велосипеде по Азии, Европе, Америке, Австралии и Африке. Автор книг прозы «На край Земли» (2007), «Когда оживают легенды» (2008), «Урок географии» (2010), «Дом у Никольской горы» (2013). Член Союза писателей России (2010).

14 октября – 145 лет назад родился писатель **Сергей Тимофеевич Григорьев-Патрашкин** (14.10.1875, г. Сызрань Симбирской губ., ныне Самарской обл. – 20.03.1953, г. Москва). Начал печататься в 1899 году. Был журналистом в Ростове, Саратове, Самаре, Царицыне,

Уральске и др. Не раз бывал проездом в Симбирской губ. Автор романов и повестей «С мешком за смертью» (1924), «Тайна Ани Гай» (1925), «Мальчий бунт» (1925), «Берко-кантонист» (1927), «Александр Суворов» (1939), «Малахов курган» (1940), «Победа моря» (1945) и др.

15 октября – 180 лет назад родился прозаик, публицист **Пётр Иванович Добротворский**, псевдоним – **П. Карманов** (15.10.1840, г. Симбирск – 30.01.1908, г. Уфа). Учился в Симбирской гимназии. Окончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге

(1860). С 1884 года жил и работал в Уфе. Встречался с В.Г. Короленко. Печатался в журналах «Мир божий», «Русское богатство», «Северный вестник», «Наблюдатель» и др. Автор книг «Рассказы, очерки и наброски. В деревне. В заводе. В городе» (1888), «В глуши Башкирии» (1901).

22 октября – 150 лет со дня рождения писателя **Ивана Алексеевича Бунина** (22.10.1870, г. Воронеж – 8.11.1953, г. Париж, Франция). В июле 1914 года путешествовал с братом на пароходе по Волге; осматривал волжские города от Саратова до Ярославля, был проездом в

Симбирске. В 1920 году эмигрировал во Францию. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1933). Автор поэтических сборников «Под открытым небом» (1898), «Листопад» (1901); романа «Жизнь Арсеньева» (1930); цикла новелл «Тёмные аллеи» (1943) и др.

23 октября – 100 лет назад родился итальянский писатель **Джанни Родари** (23.10.1920, коммуна Оменья, область Пьемонт, Италия – 14.04.1980, г. Рим, Италия). Автор книг сказок «Приключения Чиполлино», «Джельсамино в стране лжецов», «Сказки по телефону»

и др. Приезжал в Советский Союз в качестве журналиста для подготовки серии статей о В.И. Ленине; был в Ульяновске с 31 июля по 2 августа 1969 года, подарил Ульяновской областной детской библиотеке книги «Поезд стихов» и «Путешествие голубой стрелы» с автографом.

23 октября – 40 лет исполняется прозаику **Ярославу Валерьевичу Крушко** (р. 23.10.1980, г. Ульяновск). Сын поэта В.В. Крушко. В 2002 году был одним из учредителей ульяновской организации «Общественное содействие». Окончил Ульяновский государственный

университет (2003). Автор рассказов в стиле фэнтези «Самый последний раз», «Горшочек с золотом», «Как умирают герои», «Соломинка» и др. В соавторстве с М.Л. Ясинской написал рассказы «Неждановка» и «Последняя подьянка от Адольфа». Живёт в г. Эдмонтон (Канада).

25 октября – 135 лет назад родился чувашский писатель, историк **Дмитрий Петрович Петров**, литературный псевдоним – Метри Юман (25.10.1885, с. Бюрганы Буинского у. Симбирской губ., ныне Буинского р-на РТ – 18.02.1939, Амурская обл.). Окончил Симбирскую

чувашскую учительскую школу (1905), Московский университет (1915). Работал учителем, сотрудником газет в Симбирске и Казани. Автор поэмы «Играет зарница» (1917), стихотворения в прозе «Нарспи» (1922), рассказа «Ветла Пулеха» (1930) и др.

290 лет со дня рождения чиновника, помещика, художника **Александра Ивановича Свечина** (около 1730, ? – 17.01.1796, ?). В 1763 году по поручению Екатерины II возглавлял комиссию по ревизии корабельных лесов в Казанской губернии. Автор «Рестра городов, рисованным господином полковником Свечиным». В своём сочинении описал пригород Майнск (Старая Майна) и Синбирск. Отметил ярмарку в Карсуне и бумажную фабрику в Проломихе. Материалы экспедиции Свечина хранятся в архивах Москвы и С.-Петербурга.

285 лет назад родился писатель **Иероним Фармаковский** (1735, по другим данным 1732, с. Манаво Симбирской провинции Казанской губ., ныне д. Красная Якла Сурского р-на Ульяновской обл. – 14.08.1783, г. Владимир). Родился в семье дьячка. Окончил Казанскую семинарию (1754). Был настоятелем в монастырях. С 1769 года публиковал свои проповеди, посвящённые разным событиям в жизни его епархии; восхвалял в традиционных для жанра выражениях Екатерину II. Некоторые его «Слова...» перепечатывались и после смерти.

185 лет со дня рождения переводчицы **Юлии Денисовны Засецкой** (1835, с. Верхняя Маза Сызранского у. Симбирской губ. – 27.12.1882, г. Париж, Франция). Дочь поэта Д.В. Давыдова. Основала первый в Петербурге ночлежный дом. Автор книги нравственных повестей «Часы досуга» (1877). Перевела на русский язык

труды Джона Буньяна «Путешествие пилигрима в небесную страну» (1878), «Духовная война» (1881); роман Льюиса Уоллеса «Бен-Гур» и др. Встречалась и вела переписку с писателем Ф.М. Достоевским. С 1880 года жила в Париже.

ПОЭЗИЯ

ЮБИЛЯРОВ ОКТЯБРЯ

Сергей ЕСЕНИН (1895 – 1925)

КАПИТАН ЗЕМЛИ

Ещё никто не управлял планетой,
И никому не пелась песнь моя.
Лишь только он, с рукой своей воздетой,
Сказал, что мир – единая семья.

Не обольщён я гимнами герою,
Не трепещу кровопроводом жил.
Я счастлив тем, что сумрачной порою
Одними чувствами я с ним дышал и жил.

Не то что мы, которым всё так близко, –
Впадают в диво и слоны...
Как скромный мальчик из Симбирска
Стал рулевым своей страны.

Средь рёва волн в своей расчистке,
Слегка суров и нежно мил,
Он много мыслил по-марксистски,
Совсем по-ленински творил.

Нет! Это не разгулье Стеньки!
Не пугачёвский бунт и трон!
Он никого не ставил к стенке.
Всё делал лишь людской закон.

Он в разуме, отваги полный,
Лишь только прилегал к рулю,
Чтобы об мыс дробились волны,
Простор давая кораблю.

Он – рулевой и капитан,
Страшны ль с ним шквальные откосы?
Ведь, собранная с разных стран,
Вся партия его – матросы.

Не трусь, кто к морю не привык:
Они за лучшие обеты
Зажгут, сойдя на материк,
Путеводительные светлы.

Тогда поэт другой судьбы,
И уж не я, а он меж вами
Споёт вам песню в честь борьбы
Другими, новыми словами.

Он скажет: «Только тот пловец,
Кто, закалив в бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную сушу».

17 января 1925

Иван БУНИН (1870 – 1953)

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.

1915

* * *

У ворот Сиона, над Кедромом,
На бугре, ветрами обожжённом,
Там, где тень бывает от стены,
Сел я как-то рядом с прокажённым,
Евшим зёрна спелой белены.

Он дышал невыразимым смрадом,
Он, безумный, отравлялся ядом,
А меж тем, с улыбкой на губах,
Поводил кругом блаженным взглядом,
Бормоча: «Благословен Аллах!»

Боже милосердный, для чего ты
Дал нам страсти, думы и заботы,
Жажду дела, славы и утех?
Радостны калеки, идиоты,
Прокажённый радостнее всех.

1917

СИРИУС

Где ты, звезда моя заветная,
Венец небесной красоты?
Очарованье безответное
Снегов и лунной высоты?

Где вы, скитания полные
В равнинах светлых и нагих,
Надежды, думы непорочные
Далёких юных лет моих?

Пылай, играй стоцветной силою,
Неугасимая звезда,
Над дальнею моей могилою,
Забывтой богом навсегда!

1922

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ОКТЯБРЯ

Владимир ФИРСОВ (1925 – 1987)

СРУБИТЬ КРЕСТ *(отрывок из романа)*

Пронзительно и чисто запели серебряными голосами фанфары. Отлично знакомые с ритуалом лошади враз повернулись мордами к Арсенальной ложе и преклонили колена. Мы сошли на землю и приблизились к ступеням, обтянутым синим бархатом, ведя лошадей в поводу. Я принял Волшебное копьё из рук Верховного судьи, сел на Баязета и помчался к своим воротам готовиться к третьей, решающей схватке.

Мой оруженосец и тренер Пашка Гусев выглядывал из ворот, приплясывая от радости.

– Ну, теперь держись, Алексей, – говорил он, пока руки его привычно бегали по броне, проверяя, закрыты ли замки, надёжно ли закреплено забрало, нет ли упущений в моём защитном вооружении. – Это же надо, как ты его... Что будет, Лёха! – Он расправил плащ на моей спине, снял с него невидимую пушинку, похлопал по крупу Баязета. – Ну как, готов? Включаю прицел. Щит или шлем?

Я наконец вспомнил, что хочу пить, и надавил кнопку. Тут же в губы уткнулся мундштук питьевой трубки. Апельсиновый сок почему-то оказался безвкусным, и в горле стало ещё суше. Я прекрасно знал такие шуточки нервной системы перед боем, но каждый раз удивлялся этому.

– Ставь шлем, – сказал я оруженосцу. – Драться так драться.

Павел включил индикатор копья и покрутил верньер так, чтобы перекрестье прицела легло точно в центр шлема крохотного силуэта конного рыцаря. Теперь, если цель будет захвачена, никакая сила в мире не сможет отвести удар копья в намеренную точку.

Опять запели фанфары, оповещая о начале третьей схватки. Стоявшие рядом судьи ещё раз проверили моё снаряжение и распахнули ворота – по старинке, вручную.

– Ни пуха ни пера! – бормотнул Пашка и хлопнул Баязета по брюху. – Ну, милый!

– К чёрту, – огрызнулся я и выехал на поле. Стало необычайно тихо.

Несколько секунд ристалище напоминало цветную объёмную фотографию – в такой неподвижности застыло всё. Утих даже ветер, разноцветные стяги повисли в знойном воздухе. Потом копьё моего противника стало медленно опускаться.

Я видел множество схваток рыцарей, и каждый раз меня поражала гордая красота конного поединка. Я не знаю более волнующего зрелища – два бронированных рыцаря на бронированных конях, стремительно идущие в лобовую атаку, подобно лётчикам-истребителям древности.

Моё копьё ещё не успело опуститься, когда рыцарь Леопарда ринулся вперёд, стараясь помешать мне прицелиться. Он закрывал щитом голову, пока позволяла дистанция, раскачивался и наклонялся в седле. Я тоже гнал Баязета, хотя ритуал разрешал мне оставаться на месте, – я хотел не только выиграть, но выиграть красиво, а для этого следовало сойтись с противником на красной черте. Галоп у Баязета был очень ровный, идеальный для прицеливания, но рыцарь Леопарда всё сидел за щитом, почти не выглядывая, и копьё никак не выходило на режим захвата. Но я знал, что он всё-таки выглянет, если не хочет промчатся мимо меня впустую. В этом была вся тонкость игры. Он ведь не знал, как я поставил прицел. Я вполне мог бить в щит, и тогда оказалось бы, что он напрасно лишил себя возможности прицельного удара и сам отдал мне победу, – больше трёх-четырёх ударов в щит не выдерживает никакой боец. Правда, у моего противника Волшебный щит, который не только перехватывает все до единого удары, но и автоматически создаёт наилучший угол встречи с копьём. Так что в оружии мы равны и спор за победу ведём в равных условиях, а победит наиболее сильный, стойкий и тренированный.

Наши лошади мчались стремительно, расстояние между нами всё уменьшалось, и где-то внутри у меня словно прокатилось что-то холодное, потому что копьё до сих пор нехватило Цель...

Марина ЯСИНСКАЯ (р. 1980)

УЙТИ КРАСИВО *(отрывок из повести)*

Здравствуйте. Меня зовут Никита Огоньков. Мне пятнадцать лет, хотя наверняка сказать не могу. Кажется, пятнадцать. Или шестнадцать.

Как вы, полагаю, уже догадались, я – нелегал. Точнее, был им ещё вчера вечером. Нет, не думайте, меня не поймали. Я пришёл сам. И вообще – ловят больше тех, кто рискнул скрываться от утилизации. Среди нелегалов таких очень мало. Утилизация отыскивает их быстро – ведь о них остаются сведе-

ния в системе. Ну а даже если им удаётся скрываться, долго это не длится – через несколько лет внешность их всё равно выдаёт.

Другое дело с теми, кто уже родился вне закона. Нас в системе нет.

Думаю, все вы прекрасно знаете, что женщина, которой осталось меньше девятнадцати лет до срока, не имеет права рожать. Она обязана сделать аборт. Чтобы несовершеннолетние дети не остава-

лись сиротами. Но некоторые всё равно рожают, ясное дело – втайне. Так вот и появляются такие, как я. Нелегалы.

Грубо говоря, нас вроде бы и не существует. У нас нет никаких документов, а значит – и никаких прав. Ни на что. Включая право на жизнекарту. Ну а если нет прав, значит, не может быть и обязанностей. Например, нам в почтовый ящик никогда не кинут повестку явиться в центр утилизации. Впрочем, почтового ящика у нас тоже нет – ведь для этого нужен свой дом.

Вы, наверное, задаётесь вопросом – как я оказался здесь, в самом дорогом, самом престижном центре утилизации «Уйди красиво»?

Это долгая история. И начну я рассказ с ответа на вопрос «для чего».

Мне не нужно шикарных развлечений на последние два часа жизни. Меня не интересуют девочки, тропический пляж, выпивка, прогулки на гидрофлаере или околоорбитном челноке и всякая прочая экзотическая дорогостоящая дребедень. Конечно, я понимаю, что «Уйди красиво» именно на этом и делает основной бизнес, но... Пусть этим наслаждаются другие. Этим – и дурацким желанием хоть на пару часов прославиться перед смертью – появиться в прямом эфире перед всей страной. Можно подумать, что сам акт утилизации здесь, в «Уйди красиво», отличается от процедуры обычного муниципального центра. Ха! Вкалывают ведь и тут и там одно и то же. Только там – бесплатно, хотя и не в такой шикарной обстановке. Но – какая разница, где умирать?

Так вот. Я здесь потому, что только «Уйди кра-

сиво» транслирует последние часы своих дорогих клиентов в прямой эфир. Все их причуды. И моя причуда – чтобы вы послушали историю сироты-нелегала, за которую он заплатил двумя годами жизни.

– Ну и ерунда, – мрачно протянул режиссёр.

– Что делать? Что делать-то будем? Это же полный провал! А парень – идиот! Такие деньги заплатил за два часа потрепаться перед камерой? Через пять минут зрители просто переключат на другой канал и... Катастрофа, надо что-нибудь срочно придумать! – восклицал ассистент, суетливо носясь по студии.

– Да успокойся ты, не мельтеши, – устало отозвался режиссёр. – Ну да, упадут у нас рейтинги. Так ведь это только на сегодня. Зато завтра намечается кое-что поинтереснее, чем эта трепотня. Клиент выпрыгнет из самолета – с большой высоты. И без парашюта. Свободный полёт перед смертью, как-во? Инъекция сработает, когда останется сто метров до поверхности. А может, и не сработает...

– Так это завтра. А сегодня-то что делать? На рейтинги, на рейтинги-то поглядите! – продолжал причитать ассистент.

– Рекламой окупим, – отмахнулся режиссёр. – Чёрт с ним, с рейтингом. Не смертельно. Прогоним дополнительные ролики, получим побольше денег. Кстати, давайте-ка прямо сейчас первый блок и запустим.

– А пацан?

– Да пусть треплется. Никто и не заметит. Думаешь, кому-то интересно про его несчастное детство слушать?..

Евгений МАРКОВ (1835 – 1903)

РОССИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (отрывок из книги)

Ночью буря расходилась хоть бы и на море. Развело сильную волну, двухэтажный пароход наш трещал по всем швам и покачивался так, как будто мы были ещё на суровом Каспии, а не на матушке Волге. Подход к Симбирску мы проспали, а так как пароход ещё опоздал из-за бури чуть не на целый час, то нам уже оставалось слишком мало времени, чтобы съездить в Симбирск. Да в такую погоду, признаться, и не манило никуда!

Город в 4 верстах от берега, лезть к нему нужно по крутейшей и грязнейшей горе, а тут дождь, буря, качает не только пароход, но и самую пристань, к которой он пристал, со всеми её зыбучими сооружениями. Скверно глядеть на берег. До сих пор ещё ничего подобного не попадалось в приволжских городах. Чёрный, как вакса, чернозём берега, размытый дождём и прибоем волн, ползёт и обваливается в реку; не обсаженная ничем дорога, похожая, скорее, на русло болотистой речки, мечет свои безнадёжные петли то вправо, то влево по крутейшему скату, напрасно отыскивая сколько-нибудь удобную подъём, а по ней карабкаются, словно в далёкую старину в глуши деревенских просёлков, целые обозы нагруженных телег. Тесовые лачуги разбро-

саны кое-где кругом, покосившиеся деревянные амбары, кажется, приготовились валиться в реку; судов никаких, только несколько пустых досчатых пристаней трясутся и качаются вместо судов на расходившейся волне.

В путеводителе я прочёл о каком-то прекрасном шоссе в городе, так называемом Петропавловском спуске; но с нашего парохода мы никак не могли открыть его существования. Только красивый двухъярусный ресторан с башнями под островерхими шатрами, в quasi-древнем русском стиле, да новая каменная церковь на уступе горы сколько-нибудь говорили нам о близости губернского города, которому почему-то присвоена молвой привилегия «дворянского города» по преимуществу. Для меня, впрочем, эта картина интересна как уцелевший образчик того, чем были ещё недавно волжские города, в те дни, когда не было на Волге пароходов, керосина и железных дорог.

Собственно говоря, в Симбирске смотреть решительно нечего, кроме памятника нашему знаменитому историографу Карамзину, уроженцу Симбирской губернии. Памятник русскому историку и русскому патриоту вполне уместен в таком

историческом и патриотическом городе. Трудно приписать одной случайности ту мужественную стойкость, которую проявлял Симбирск в зловещие эпохи, колебавшие русское царство, – сначала при Стеньке Разине, потом при Пугачёве. Симбирск спас Россию от неудержимо разгоревшегося пожара народной анархии, спас стольную Москву от похода на неё волжской вольницы, – разгромив в 1670 году под своими стенами непобедимого вождя мятежной черни – Степана Тимофеича, после того, как Саратов, Самара, Царицын и множество других волжских городов малодушно сдавались ему без сопротивления и с хлебом-солью выходили к нему навстречу.

Симбирску минуло едва 20 лет с основания его, как пришлось ему стать грудью против грозного атамана, одно имя которого поднимало народ и бунтовало стрельцов. Стенька целый месяц томил приступами и осадой мужественного воеводу Милославского, которого деревянная крепостца оставалась, как Ноев ковчег среди потопа, среди охваченных мятежом окрестных областей. Но из Казани пришёл наконец к нему на выручку с верным войском своим, пробившись оружием через

восставшие уезды, храбрый князь Юрий Барятинский, и в жестокой сечи расколотил в прах нестройные полчища Разина. Сам Стенька, заговорённый колдовством от пуль и железа, был ранен саблей в голову, нога его прострелена пищалью, и сам он совсем было попался в могучие руки одного отчаянного алатырца Семёна Степанова, уже повалившего его на землю, если бы, к несчастью, герой-алатырец не был тут же изрублен казаками. После последнего неудачного приступа к городу Стенька собрал в тайный круг своих казацких есаулов и глубокою ночью бежал с казаками на низ, оставив своё обманутое воинство и весь свой стан в добычу воеводам. Поутру, когда открылся обман, мятежники в ужасе бросились к Волге на струги и суда, давили и топили друг друга, тонули в реке, падали мёртвые под пулями и саблями. Барятинский беспощадно преследовал их, расстреливая суда, сотнями забирал в полон. Весь крутой берег Волги, который теперь перед нами, был устлан трупами. Почти никто не ушёл. Тут же началась и короткая расправа. На далеко вдоль берега Волги расставлены были виселицы; вешали, расстреливали, четвертовали всех подряд без дальнейших расспросов и следствий...

Андрей СИНЯВСКИЙ (1925 – 1997)

СПОКОЙНОЙ НОЧИ (отрывок из романа)

На сей раз я приехал в Рамено, чтобы повидаться с отцом, как только он вышел на поселение из сызранской тюрьмы. Мы наскоро расцеловались. Он сухо пересказал приговор и кивнул через дорогу:

– Пойдём пройдемся?

– Пойдём...

Ружья с нами не было, ружьё конфисковали при обыске вместе с карманными золотыми часами из отцовского наследства и номером журнала «Америка». Но было и так понятно, зачем мы удаляемся в лес. Соседская собака, думая, что мы идём на охоту, увязалась за нами. Что ж – добро, свой зверь-разведчик в лесу нам сегодня не помешает.

Признаться, я ликовал, я был переполнен расспросами и рассказами к отцу. Ещё бы, девять месяцев следствия неизвестно где, боялся – расстреляют, и вдруг – подарок: «5 лет поселения на родине». В Рамене, в собственном доме, от которого, правда, за нами осталась к тому времени только летняя половина: дедушка давно умер. Вокруг, в стране, творилось такое, что отцовский приговор казался актом гуманности. Отец на вещи смотрел мрачнее: он ждал, что его оправдают за отсутствием преступлений в ходе досконального следствия.

За полмесяца до встречи, на свидании в Бутырской тюрьме, он успел крикнуть, что скоро вернётся, чтобы мы не волновались. Я не поверил. Но ему действительно удалось обосновать документально, что в 22-м году он не был американским шпионом.

В 22-м году, как верный революционер, он заведывал в Сызрани уездным отделом народного образования. В голод распределял по школам и дет-

ским садам американские подарки. Спустя 30 лет его привлекли к ответственности за связи с АРА, американским обществом помощи голодающим.

Поскольку, в конце концов, шпионские криминалы отпали, отец полагал по доверчивости, что его освободят. Но, к своему удивлению, в общем итоге схлопотал 58-ю статью – за антисоветскую агитацию, о чём на предварительном следствии никто и не заикался. А дело ясное: тогда, заодно с евреями, подчищали по России последних могикиан революции – из бывших меньшевиков, анархистов, эсеров, чудом выживших в 20-е и 30-е годы. Если более интересное обвинение почему-либо не наклеивалось, лепили минимум – ссылку, пять лет, за агитацию и пропаганду. Отца замели в облаву как левого эсера...

Кстати, его успехи 22-го года по борьбе с голодом в Поволжье имели продолжение. Он с ними столкнулся носом к носу, едва в 52-м вышел из пересыльной тюрьмы и, пошатываясь, с мешком за спиной, влачился по пыльной Сызрани, столь хорошо знакомой, раздумывая, как добратся до Рамена, за 17 километров. Велосипеда не было – сломан, да и на велосипеде отец уже не мог ездить. На перекрёстке его остановила старуха – бывшая учительница, которую он не узнал. Она-то его помнила по лучшим временам, в уездном отделе народного образования (тогда его, правда, тоже арестовали, но быстро выпустили), и слышала смутно затем, что он перебрался в Москву, почему и решила броситься за помощью:

– Вы живёте в Москве и ничего не знаете. А у нас в Сызрани в последние месяцы исчез сахар.

Это просто безобразие! вредительство! И вы, Донат Евгеньевич, обязаны позаботиться о правильном снабжении города, в котором вы родились, выросли и, я помню, прекрасно организовали питание детей и педагогов даже в наших тяжёлых исторических условиях... Я вас убедительно прошу, лично прошу, как старая учительница, в Москве позвонить кому надо в Кремль и прямо сказать, что в Сызрани исчез сахар...

Она, по старой памяти, почитала отца в начальниках, чуть ли не в правительстве. А он едва стоял на ногах после тюремного воздуха и высчитывал, хватит ли сил дотащиться пешком до Рамена, на место ссылки...

Всё это, разумеется, выяснилось и образовалось потом. А в лесу отец как воды в рот набрал, хоть мы уже порядочно отошли от деревни и никакие подслушивания нам не угрожали.

Олег РОЙ (р. 1965)

БАРСЕЛОНСКАЯ ГАЛЕРЕЯ *(отрывок из романа)*

Странная всё-таки штука – это самое счастье. Когда он сам был ребёнком и подростком, казалось, что для счастья не хватает только материальных благ. Удобной квартиры с отдельной комнатой, чтобы можно было жить, не мешая маме, приглашать вечером друзей, читать допоздна, смотреть телевизор. Телевизора хорошего тоже не хватало, и магнитофона, и нормальной одежды, и вкусной еды вдоволь... Потому он и начал работать так рано, и все силы направлял на то, чтобы зарабатывать побольше. Когда появились деньги, он счёл себя абсолютно счастливым. И лишь сейчас, в сорок лет, осознал, что счастье-то не в этом. Да, он состоятельный человек, крепко стоит на ногах и может не бояться за завтрашний день. А на душе всё время гадко – с того самого момента, когда они с Олей расстались.

Раньше Олег даже не предполагал, какая это, оказывается, неприятная процедура – развод. Всё произошло буднично, тоскливо, можно даже сказать, пошло, что хотелось завить. Сначала они долго заполняли какую-то дурацкую анкету и всё никак не могли решить, что написать в графе: «Причина развода». Никак не получалось вместить всю их трагедию. Они пытались чётко сформулировать свои мысли, но выходило или двусмысленно, или непонятно, или вовсе абсурдно.

Тогда Олег обратился к проплывавшей по коридору строгого вида тётке в сером костюме.

– Пишите: «Не сошлись характерами», – бросила та на ходу.

– Но это совсем не так! – возмутилась Оля. – Характеры тут ни при чём! Мы разводимся, потому что...

Но тётка, не дослушав её, исчезла за одной из дверей. И они послушно вывели в анкете: «Не сошлись характерами».

А потом в кабинете точно такая же тётка, только в коричневом костюме, сурово поинтересовалась, нет ли у кого-нибудь из них сомнений. Бессмысленный вопрос. Конечно, есть! Но как об этом сказать? Что это изменит?

Он молча смотрел на тётку, на её скучный ко-

стюм с крупными чёрными пуговицами и такое же, как костюм, скучное, бесстрастное лицо, и думал о том, что у всех загзовских работников, должно быть, существуют два дежурных выражения – неискренняя улыбка при бракосочетании и эта скорбная мина, предназначенная разводящимся. А может, свадьбами и разводами ведают разные дамы. Он как-то никогда не интересовался. Ему отчего-то было стыдно. Захотелось оправдаться, сказать, что это Оля так решила, а он совсем не желает расставаться с ней, не хочет её терять... Но он промолчал.

Ровно через три месяца они снова были здесь. Отстояли небольшую очередь, и та же тётка выдала им свидетельства о разводе, такие же коричневые, как её костюм, и приказала расписаться в получении. Они с Олей поставили подписи. Как всё просто.

– И всё? – тихо спросила его теперь уже бывшая жена.

– Всё, – подтвердила тётка. В короткое слово она как-то умудрилась вместить и презрение, и осуждение, и снисходительную жалость. – А что вы удивляетесь? Имущественных претензий вы друг к другу не имеете. А детей у вас нет.

«Детей у вас нет». В этом-то и была вся проблема. Из почти двадцати лет их брака половина времени была посвящена борьбе с Олиным бесплодием. Отсутствие малыша сначала воспринималось как временное явление, они не спешили. Потом оба как-то незаметно стали считать это проблемой, но проблемой решаемой. Пока не получается, ну что же, значит, момент неудачный. Надо подождать удачного, ну в крайнем случае сходить к врачу. Он даст дельный совет, порекомендует какое-нибудь лекарство – и всё будет хорошо.

Но время шло, а удачный момент никак не наступал. И никаких чудодейственных лекарств у врачей не оказалось. Олю, а затем и Олега отправляли делать многочисленные анализы и проходить всевозможные диагностики. И выяснилось, что у него всё в порядке. А с Олей всё было сложнее. С медицинской точки зрения, дети у Ольги Игнатенко вполне могли бы быть. Но их не было.

Николай ВОДОВОЗОВ (1870 – 1896)

БЕЛИНСКИЙ (отрывок из книги)

На зимние каникулы Виссарион уехал опять в Чембар и в Пензу уже более не возвратился. Оставшееся полугодие он решил заняться самостоятельной подготовкой, чтобы осенью поступить в Московский университет.

Будущее весьма неясно рисовалось Виссариону в то время. Ещё в чембарском училище он пробовал писать баллады в духе Жуковского, но скоро сам увидел, что поэтического таланта у него нет. В гимназии он стал писать повести, но и они у него «не клеились». Тогда он решил посвятить себя науке, будучи твердо убеждён, что его родине нужны просвещённые люди.

Желание юноши, не окончившего гимназического курса, ехать в столицу и поступить в университет казалось непростительной дерзостью всем его чембарским знакомым. Они заранее предрекали Виссариону неудачу и не скрывали своего насмешливого отношения к нему.

Преодолев все моральные и материальные затруднения, в августе 1829 года Виссарион выехал в Москву. У него не было с собой метрического свидетельства, и у московской заставы его не хотели пропустить в город. К счастью, с ним вместе ехал его родственник Владыкин, человек состоятельный. Виссарион назвал себя крепостным слугой Владыкина и только после этого был пропущен через заставу.

Однако поступить в университет без метрического свидетельства, заменявшего паспорт, было нельзя. Все планы и надежды юноши казались разбитыми. Если он не успеет подать вовремя бумаги, текущий учебный год для него будет потерян. Виссарион пишет отчаянное письмо родителям в Чембар: «Бога самого ради прошу вас: пришлите как наивозможно скорее свидетельство, без него я погиб».

Несмотря на то, что первые дни пребывания в Москве были для Виссариона полны забот и тревоги, великий город сразу же пленил воображение пылкого юноши. В письме родным он с присущей

ему горячностью говорит: «Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиономию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатью священной древности, и зато нигде сердце русского не бьётся так сильно, так радостно, как в Москве. Ничто не может быть справедливее этих слов, сказанных великим нашим поэтом:

Москва! как много в этом звуке

Для сердца русского слилось,

Как много в нём отозвалось!

Какие сильные, живые, благородные впечатления возбуждает один Кремль! Над его священными стенами, над его высокими башнями пролетело несколько веков. Я не могу истолковать себе тех чувств, которые возбуждаются во мне при взгляде на Кремль. Вид их погружает меня в сладкую задумчивость и возбуждает во мне чувство благоговения... Монумент Минина и Пожарского стоит на Красной площади против Кремля... Когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мною тогда делается! Какие священные минуты доставляет мне это изваяние... «Вот, – думаю я, – вот два исполина веков, обессмертившие имена свои пламенной любовью к милой родине. Они всем жертвовали ей: именем, жизнью, кровью. Когда отечество их находилось на краю пропасти... они одни решились спасти её, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская. В сии священные минуты забыли все выгоды честолюбия, все расчеты подлой корысти – и спасли погибающую отчизну. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности... Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!»

Наконец долгожданное метрическое свидетельство из Чембара было получено. Но и здесь не обошлось без курьёза: рукой писаря фамилия «Белинский» была переделана в «Белинский». Пришлось Виссариону так и подписать заявление...

Владимир КОЧЕТКОВ (р. 1960)

БЕГСТВО (отрывок из рассказа)

Мотор «Восхода» взревел. Виктор, торжествующе крикнув, вскочил в седло и рванул вперёд, оставив за собой целое облако грязного дыма. Мы бросились за ним.

Дорога, то почти срываясь со склонов вниз, то ныряя в проломы между отвесных скал, была нашим единственным спасением. Водитель выжимал из мотоцикла всё, что мог, отбросив прочь осторожность и страх. Летели из-под колёс камни и щебень. Мотоцикл бешено кидало из стороны в сторону. «Поворот, ещё один! Удержаться! Удержаться!» – срывая горло, раз за разом кричал я то ли самому себе, то ли сидящему за рулём парню.

Дорога выкатила к реке. Теперь мы неслись всего лишь в нескольких метрах от берега. Мне показалось, что так близко я видел реку давно, много часов назад, и сейчас она мне вдруг показалась широкой и невероятно бурной.

– Смотри! – Крик парня заставил обернуться назад.

Там, в какой-то сотне метров позади, река вздулась, и вода хлынула из берегов под напором, словно из прорвавшейся плотины. Поток хватал вырванные с корнем деревья и, ломая сучья, тащил их волоком за собой.

– Ого! – я прижался к водителю и, как и он, вжал

голову в плечи, надеясь только на какое-то чудо, стараясь удержать в целости остатки мужества.

Тишина ушла. Она лопнула, взорвалась беспорядочным треском грома, охающим воем ветра и грохотом взбесившейся воды. Искрящийся молниями чёрный вал катился за нами. Казалось, своей тяжестью он сейчас крушил у нас за спиной горные вершины, разбрасывая по сторонам куски породы.

Очередная гряда, всё выше и выше подъём! Поворот, ещё один! Дорога резко сузилась и внезапно метнулась влево, обходя поваленные деревья и крупные скальные обломки. Водитель склонился к рулю, изо всех сил пытаясь войти в поворот и пройти по самому краю склона, не сбавляя скорости. Мелькнула далеко внизу вода реки, покатались вниз камни и щебень. Неожиданный удар вырвал руль из рук парня – он задел люлькой об уходящую почти вертикально вверх гранитную стену. Нас резко развернуло, мотоцикл заглох. Ещё секунда – и его потащило вниз. Не сговариваясь, мы разом вылетели из седел и, напрягаясь изо всех сил и рискуя покатаиться за кусками щебня, вытолкнули заглохший мотоцикл на дорогу. Не переводя дух, «с толкача» завели его и вновь, поминутно оглядываясь и бесвязно крича что-то друг другу, покатали вперёд.

– Вон она, станция, впереди! – обернувшись, заорал водитель. Действительно, с высоты этой последней гряды километрах в десяти впереди, далеко внизу, в глубокой межгорной котловине мелькнули строения и идущий по рельсам поезд.

– Жму на всю, держись!

Малейшая ошибка могла стоить нам падения. Мотоцикл уже не ревел – он жалобно хрипел, надрываясь из последних сил. Его бросало на кочках

так, что я, подсакивая вместе с ним, вылетал из седла то вперёд – в тщательно закрытую люльку, то назад, успевая судорожно зацепиться за багажник в самый последний момент. Я больше не оборачивался, но кожей, каждым нервом чувствовал готовую навалиться на нас чудовищную силу.

В этом последнем финишном рывке нам повезло. Мы шли все вместе – три мотоцикла друг за другом в едином порыве, в одном ритме и с одинаковой скоростью.

Мост через реку на въезде в посёлок был затоплен. Наружу торчали лишь перила – вода перехлестывала сверху. В какую-то секунду мне показалось, что поток снесёт его, и мы не успеем проскочить. Но ехавший впереди Виктор без страха рванул вперёд: я увидел разлетающиеся в стороны брызги. Мы, не сбавляя скорости, сиганули за ним, мотоцикл скользнул по доскам, оттолкнулся от перил и с разгону вылетел на улицу посёлка.

– Будь здоров! – успел крикнуть мне водитель, чуть притормаживая на повороте.

Дождь накрыл первые дома, когда я, рискуя споткнуться и со всего маху упасть, побежал напрямик, через железнодорожные пути, через наваленные грудой шпалы и рельсы к невысокому зданию местного вокзала. Володя стоял под козырьком и улыбался. Я прыгнул под навес, и тотчас небо словно оборвалось, обрушилось вниз. Володя потащил меня в зал ожидания:

– Я места себе не нахожу. Лесовоз пришёл – тебя нет, а там такое! Отсюда горы как на ладони. Думаю – пропал! Смотри, что творится! Вот он – Великий потоп!

Сергей ГРИГОРЬЕВ-ПАТРАШКИН (1875 – 1953)

КРАСНЫЙ БАКЕН (отрывок из рассказа)

Максим, съёжась, сидел на возу и почти спокойно смотрел, как положили на телегу и покрыли брезентом, словно мёртвых, отца и мать.

Каждое утро увозили больных, и ещё никто из них не вернулся обратно.

Больше месяца стоят табором беженцы под городом, по волжскому берегу. Спасаясь от наступления казаков, снялись со степных хуторов, чтобы уйти куда-то за Волгу, в такое вольное место, где нет войны.

Волга стала преградой. Сначала ждали переправы, посылали в исполком просить – обещали. Да где же переправить десять тысяч возов! Беженцы стояли на берегу, ломали заборы и сараи и жгли по ночам, дрожа от лихорадки, костры...

И Максима знобило. И хотелось ему сказать тем, кто забрал на воз отца и мать: «Возьмите и меня». Не взяли бы. Остался один. А дядя Игнат – разве он чужой?

Дядя Игнат посмотрел, как мальчик пытается прикрыть на груди прорехи старой свитки, и сказал:

– А чтоб и тебя холера забрала!..

Да, вот если бы Максим заболел холерой, его бы

тоже увезли в больницу. А с ним «трясця» – это всех бы надо забирать, всех на берегу трясёт лихорадка.

Дядя Игнат ушёл куда-то. А Максим боялся сойти с воза: волю хотя и исхудали так, что мослы торчат, но всё же свои – у них добрые морды и тёмные печальные глаза. Впустую жуют жвачку. Кругом все чужие: всех, кто знал Максима, тоже свезли в больницу.

Только воз, да волю, да плуг, опрокинутый вверх поржавелым лемехом, – своё... В пыли берег – серый, серые на нём дома, и серые, полуживые среди табора бродят люди, роясь в кучах – нет ли чего съестного. Видит Максим, что ребятишки вылавливают у заплёса из воды арбузные корки и жуют их, и хочется ему тоже, да боится кинуть воз: ведь теперь хозяин-то он... А хочется есть и пить.

Солнце всё выше в белесой, пыльной мгле. Максиму нестерпимо печёт открытую голову, а под ложечкой лёд, и бьёт озноб... Пить хочется... И река плещет жёлтой волной рядом. Кто бы принёс испить...

– Мамынька! – шепчет Максим, склонясь к нахлестке фуры. – Пить!..

Мамыньки нет. И дядя ушёл куда-то и вернётся ли, кто знает? Мальчик тяжело забылся под солнечным пеклом – припадок лихорадки прошёл сном, и было уже за полдень, когда он проснулся, услышав сквозь дрему кем-то сказанные слова:

– А мальчишка-то чей?

И голос дяди Игната ответил:

– А кто его знает. Теперь все хлопцы ничьи.

Максим поднялся в фуру и увидел, что дядя Игнат стоит перед волами, а вместе с дядей в поддёвке и картузе старый прасол с посошком из можжевельной узловатой палки в руке. Прасол потыкал посошком исхудалые бока волов:

– Одна кожа да кости...

Максим понял, что дядя продаёт волов на мясо.

Мальчик, вцепясь в грядку фуры руками, сипло, но громко сказал:

– Волы-то мои!

Старик посмотрел на Максима из-под седых бровей щёлочками серых пустых глаз и спросил:

– А ты кто?

– Хозяин.

– Как – хозяин?

– Так, хозяин.

И Максим рассказал, что батьку и мамку свезли в холерный барак.

– А это всё теперь моё.

Мальчик положил руку на грядку фуры, потом на плуг, протянул руку к волам и повторил: «Моё».

Пётр ДОБРОТВОРСКИЙ (1840 – 1908)

АННА ВАСИЛЬЕВНА (отрывок из рассказа)

Анна Васильевна была олицетворением доброты, вот почему она нигде никого не стесняла, нигде и никогда не была лишней – все были ей рады, все, не исключая даже прислуги, встречали старушку приветливо, потому что у неё даже для прислуги находилось любовное, ласковое слово.

Где и когда я познакомился с Анной Васильевной – не помню, но зато я помню хорошо первый её визит ко мне. Она зашла ко мне совершенно неожиданно и взшла так просто, что приход её несколько не удивил меня, точно посещение это было уже не первое. С этих пор она стала часто навещать меня. Приходила старушка обыкновенно утром, прямо от обедни, когда самовар не был ещё убран у меня со стола.

– Вот и хорошо, значит, я к самому самоварчику поспела к вам. Здравствуйте, мой дорогой! – Старушка всегда меня так величала. – Бог милости вам прислал, – говорила она, здороваясь со мной.

– В самое время попали... Садитесь! – приглашаю я.

Анна Васильевна берёт стул, ставит его к столу и садится. Затем начиналось взаимное расспрашивание о здоровье.

– Ничего, слава Богу, ещё хожу. Сегодня у Ильи Пророка у обедни была...

Церковь Ильи Пророка была далеко, чуть не на противоположном краю города.

– Ничего, слава Богу, дошла потихоньку, и вот пришла к вам, – говорила старушка, пододвигая к себе налитую чашку.

Сегодня Анна Васильевна была у Ильи Пророка, завтра она пойдёт во Воздвиженую – расстояния не пугали её, погода не останавливала: в грязь, в дождь, в холод, в метель, всё равно, точно по обету, она идёт к обедне и ко всенощной, а в Великий пост так и ко всем службам.

Чай пила старушка медленно, как говорится, с прохладцей: нальёт на блюдце чаю, оботрёт донышко чашки, поставит её на стол и сидит.

– Что вы не пьёте? – спросишь её.

– Сейчас буду пить.

С этими словами берётся блюдечко в руку, долго держится так, причём старушка дует на чай, чтобы охладить его, часто даже тогда, когда чай давно простыл.

Видимо, Анна Васильевна чай очень любила, самый же процесс чаепития доставлял ей большое удовольствие.

– Что нового?

Старушка ответит, бывало, коротко. Она была не из разговорчивых, сплетен и пересуд не любила, говорила охотно только о детях.

– Что нового? У Марьи Ивановны опять детишки больны: в скарлатине лежат... У Кноповых Митя ушибся... Ляличка Мешкова чуть-чуть не опрокинула на себя самовар...

Все эти новости сообщались Анной Васильевной подробно: как, каким образом ушибся Митя, как и каким образом Ляличка чуть-чуть не опрокинула на себя самовар, насколько серьёзна болезнь детишек Марьи Ивановны...

Детей Анна Васильевна очень любила.

– Вам бы замуж следовало выйти да своих нарождать, – говорили старушке не раз.

– Бог не привёл, – отвечала она или отмалчивалась, как-то конфузливо улыбаясь, причём мне, по крайней мере, всегда казалось, что улыбка эта носила печать какой-то затаённой грусти.

Ну, и дети платили ей взаимностью. Бывало, идёт старушка по улице, увидит её какой-нибудь мальчуган или небольшая девочка и непременно уже кричит: «Здравствуй, бабынька! Здравствуй, бабуся!»

Джанни РОДАРИ (1920 – 1980)

КАК УБЕЖАЛ НОС *(сказка)*

Синьор Гоголь рассказал как-то историю об одном носе, который катался по Невскому проспекту в коляске и проделывал невероятные вещи.

Такой же нос проказничал однажды в Лавено, на озере Лаго Маджоре.

Однажды утром синьор, который жил напротив причала, встал и пошёл в ванную комнату. Он собирался побриться, но, взглянув в зеркало, вдруг закричал не своим голосом:

– На помощь! Спасите! Мой нос!...

На лице у него не было носа. Вместо него осталось ровное, гладкое место. Синьор, в чём был, выбежал на балкон как раз вовремя, чтобы увидеть, что его нос выходит на улицу и быстро направляется к причалу.

– Стой! Стой! – закричал синьор. – Мой нос! Хватайте его! Держите его!

Люди смотрели на балкон и смеялись:

– Нос украли, а лысину забыли?! Нехорошо, ай, как нехорошо!

Синьору оставалось только одно – выбежать на улицу и пуститься в погоню за беглецом. К лицу он прижимал платок, словно у него был сильный насморк. К сожалению, на причал он примчался, когда паром уже отошёл. Тогда синьор отважно бросился в воду и поплыл вдогонку за ним. А пассажиры и туристы кричали ему что было мочи:

– Давай! Давай! Жми!

Но паром уже набрал скорость, и у капитана не было ни малейшего желания возвращаться ради какого-то опоздавшего пассажира.

– Подожди следующего парома! – крикнул ему один моряк. – Он ходит каждые полчаса.

Синьор страшно огорчился и направился обратно к берегу, как вдруг увидел, что его нос плывёт по озеру на своём плаще.

– Ах вот как?! Значит, ты только притворился, будто хочешь сесть на паром! – закричал синьор.

Нос невозмутимо продолжал смотреть вперёд, словно старый морской волк, и даже ухом не повёл. Плащ медленно, будто медуза, покачивался на волнах.

– Да куда же ты? – в отчаянии закричал синьор.

Нос не удостоил его ответом, и несчастному синьору пришлось вернуться на берег. Пробравшись

сквозь толпу любопытных, он пошёл домой. Поднявшись к себе, он заперся, велел служанке никого не пускать к нему, сел перед зеркалом и принялся рассматривать гладкое ровное место, которое осталось у него вместо носа.

А спустя несколько дней один рыбак из Ранко, выбирая свои сети, обнаружил в них беглеца, утонувшего посреди озера, потому что плащ его был слишком дырявым. Рыбак решил отнести нос на базар в Лавено.

Служанка синьора в тот день тоже отправилась на базар за рыбой. Там она и увидела хозяйский нос. Он гордо красовался среди линей и щук.

– Да ведь это же нос моего хозяина! – испугалась служанка, а потом сразу же сообразила: – Дайте мне его сюда, я отнесу домой!

– Чей это нос – меня не касается! – заявил рыбак. – Я его выловил, я его и продаю.

– За сколько?

– На вес золота, разумеется! Это ведь нос, не рыбёшка какая-нибудь!

Служанка побежала домой и рассказала всё хозяину.

– Дай ему всё, что он попросит! Я хочу, чтобы мой нос вернулся на место! – в отчаянии закричал синьор.

Служанка быстро подсчитала, что нужно страшно много денег, потому что нос был довольно большой, надо было триста ужасных тысяч и тринадцать девяток с половинкой. Чтобы собрать столько денег, ей пришлось даже продать свои серёжки. Но она очень любила своего хозяина и поэтому без сожаления распродалась с ними.

Служанка купила нос, завернула в платок и принесла хозяину. Нос спокойно позволил принести себя домой и даженисколько не возмутился, когда хозяин осторожно взял его дрожащими руками за кончик.

– Отчего же ты убежал, глупенький? Что я тебе такого сделал? – спросил синьор.

Нос посмотрел на него искоса, недовольно поморщился и сказал:

– Знаешь, если хочешь, чтобы я оставался на месте, не ковыряй больше пальцем в носу. Или стриги, по крайней мере, ногти!

Ярослав КРУШКО (р. 1980)

ГОРШОЧЕК С ЗОЛОТОМ *(отрывок из сказки)*

Ошалевший от такого обилия непонятных слов Ланс потихоньку начал понимать, что пропал. С концами. Заговорит его проклятый карлик, уболтает. За умными речами какую-нибудь пакость скроет, обведёт вокруг пальца и... Поминай как звали. И плакали тогда его денежки.

– Так. Флори... как тебя там, – Ланс наконец-то взял себя в руки. – Ты тут того, давай поменьше языком-то мели, да побольше дела делай. Я тя поймал, я тя и спрошу... И попробуй тока не ответить... Лепрекон, родственничек твой, где прячется?

– Ах, как вы, люди, грубы и невежественны... –

вздыхнул карлик, забавно шмыгнув носом и начал ногой в полосатом носке выводить на полу какие-то ему одному понятные фигуры. – Так и быть, повторюсь – зовут меня Флоримель, и не словили вы меня вовсе, наоборот, я сам решил показаться вам на глаза. Поэтому считаю себя вправе игнорировать ваши безосновательные притязания... – тут карлик поспешно прикусил язык, ибо бешено вращающиеся глаза Ланса и его багровое лицо говорили о том, что палка перегнута и угрожающе хрустит. Разъярённый гигант мог в порыве злости попросту прихлопнуть малыша.

– Лепреконе, ах да, помню-помню. Живёт тут один поблизости... Недалёкая личность, однако, скажу я вам. Некомпанейский, замкнутый тип, с которым водиться таким достойным персонам, как мы с вами, право, вовсе не пристало. А как насчёт того, что сейчас мы в честь нашего знакомства откроем вот эту прекрасную бутылочку... Двенадцать лет выдержки! Вы не пожалеете, даю слово...

Но Ланс в ответ на щедрое предложение парой ёмких фраз выразил своё отношение как к несносным болтунам, так и к дрянной бутылке и незамедлительно пообещал произвести с помощью оной некие действия с непокладистым карликом, повергшие того в краткий шок.

– А вот угрожать не надо, тем более битьём. – Малыш насупился и подтёр нос. – Я и сам не дурак подражаться. Но учитывая наши с вами абсолютно несовместимые весовые категории... Секундочку, а как насчёт того, что я вам дам золотую монету прямо сейчас, и мы расстанемся хорошими друзьями? Нет? А неразменный серебряный шиллинг вас случайно не заинтересует?... Тоже нет? Странно... Ах, значит, всё сразу и много...

Сквозь щели в двери уже вовсю сияли солнечные лучи, а беседа человека с клуриконом продолжалась.

– Итак, я говорю вам точное местонахождение этого негодяя лепреконе, из-за которого у меня возникло столько неприятностей, а вы гарантируете,

что никогда больше меня не потревожите? Надеюсь, вы понимаете, что кроме вашего слова я заручусь поддержкой небольшого заклинания, которое в будущем не позволит вам изменить условия нашего сегодняшнего соглашения... Да, ещё одно маленькое уточненьице. При всём моём безразличном отношении к таким дальним родственникам, как лепреконе, я ощущаю себя немного некомфортно, ставя их положение в большую зависимость от человека. А что вы скажете насчёт небольшого, так сказать, пари – я говорю вам, где живёт лепреконе, вы идёте и находите его и гарантированно получаете свой горшок с золотом, после чего живёте долго и счастливо... Единственное моё условие – поклянитесь, что не остановитесь, пока не найдёте лепреконе. Разумеется, это чистая формальность, я просто не представляю себе, как можно не поймать лепреконе после того, как я скажу абсолютно точное его местопребывание, это так, сравнять условия сторон, образно выражаясь. Повторюсь, я буду вынужден наложить заклинание, чтобы быть уверенным в том, что слово вы своё сдержите... Ну так как, по рукам, господин Ланс?

Честно говоря, Ланс тоже не представлял себе, как можно не найти лепреконе, если тебе сказано абсолютно точное его местонахождение, поэтому данное дополнение его не смутило.

– По рукам, господин клурикон!

Александр СВЕЧИН (1730 – 1796)

РАПОРТ В СЕНАТ *(отрывок из сочинения)*

Город Синбирск; поселение сего города состоит в двух местах: первое на высоком косогористом и весьма веселом месте, второе под немалой горой на берегу реки Волги; окружающее тремя реками – Волгою, Свягою и Синбиркой. Вершина Синбирки под сим же городом в овраге из ключа и протекая оным же не более полуторы версты, впала в оную же Волгу. На сей речке прежде того же звания была черемисская деревня, но по взятии Казани для лучшей безопасности по повелению царя и великого князя Иоанна Васильевича из собранных разных городов жителями населен и именован по прежнему званию Синбирск.

В 1648 году боярином и оружейничим Богданом Матвеевичем Хитрово с данными ему товарищи четверугольное сосновое городовое укрепление, имеющее шесть башен и двое ворот сделано, коего длины по сто сажень, а поперек по осьмидесяти одной сажени; окружа оно немалой глубины и ширины ровом. В 1660 году пожаловано одного города всемчинам служилым и жилецким людям под городом вниз и вверх по Волге реке рыбных ловель безоборочно по 4 версты и впредь другим подгородным вод в откуп отдавать запрещено. В 1670 году от случившегося пожара жители сего города великое разорение претерпели, а чрез малое время в том же году бунтовщик Федька Шелудяк собравшись низовых городов со многими казаками, сей город атаковал, от чего все жители принуждены были из домов своих выбраться в сие укрепление и быть осажденными, претерпевая крайнюю тесноту и в пище недостаток.

Под предводительством многократных вылазок и от приступов защищение города боярином и воеводою Петром Васильевичем Шереметевым, все сии бунтовщики побиты, остальные же сожжены.

От сего города зачалась линия и продолжается до Воронежа, деланная при царе Алексее Михайловиче, а в которых годах, жители сего города не знают. От стороны реки Волги с сей горы более пришли иловатые, нежели глинистые и крепкие места. К тому же и весьма частые родники из оной истекают, от чего в 1743 году столь много со своего места тронулась, что две каменные церкви повредило, обывательское же поселение, состоящее под сей горой, коего весьма немало, некоторые переломало, а прочие совсем переиначило, но несмотря на сие и ныне на сем месте вновь строения приумножаются. Ныне в оном городе каменных церквей – соборных две, приходских 12, деревянная 1, монастырей два, в т.ч. женский один, а кем и в которых годах оные построены, находившиеся в оных жители не знают. Школа французского и немецкого языка, в которой до 30 человек благородного юношества находятся.

Купечества и цеху 3190 душ, кои отправляют вниз Волгою до города Дмитриевска, Царицына и Астрахани со всяким хлебом суда, прочие же шелковые и разные мелочные, потребные для градских жителей, товары имеют. Прежде были достаточные и промыслы свои распространяли с изрядным успехом, но от соляной поставки, за мелкостью тогдашнего времени в Волге воды все обедняли, большая же часть в совершенное банкротство пришли. До

плодовых садов великие охотники, кои содержат в изрядном порядке, продажей яблок, груш, слив, вишен пользуются... В мае, в июне и в июле ярмарки бывают в Синбирском уезде, в Карсуне при Жадовской пустыни; в оном уезде купца Михайлы Воронцова в селе Проломие в изрядном порядке бумажная фабрика.

В сем городе белуги, осетров, шевриг, сомов, белой и красной рыбы, стерлядей, щук, лещей, линей, окуней, карасей, плотвы, язей, ершей, налимов, раков и всякой мелкой рыбы весьма довольно, которая по изобилию тамошнего места и недорого. Диких птиц гусей, журавлей, разных родов уток, лебедей, чаплей, драхмы, орлов, ястребов, перепелок много, отменных же зверей никаких нет. Подписных городов: Самара, Сызрань, Петровск, Карсун. В Синбирском же уезде помещичьих пахотных солдат, ясашных русских однодворцев, церковников, отписных

синодальных, монастырских новокрещенных и оставшихся в неверии служилых татар, дворцовых рейтар, патриарших и архиерейских крестьян 182019 душ.

Положение места весьма веселое, строение ветхое, сделанное по старинному обыкновению, улицы посредственной ширины, имеющие деревянные мосты, к тому же по высоте места и по скатости оных не весьма изрядные. Близ сего города по берегу реки Волги находятся не малой величины черные камни, имеющие желтые проросли или жилы, которые столь прозрачны и чисты, что по шлифовке малую разницу с гентарем имеют. Также и глина, которая для деланья тонкой крепкой и чистой посуды наиудобнейшая, но как первое, так и другое по незнанию жителей пропадает втуне. Под оным городом чрез реку Волгу перевоз на двух пароммах, от деревни Часовни две версты...

Юлия ЗАСЕЦКАЯ (1835 – 1882)

ИЗ ПИСЕМ ДОСТОЕВСКОМУ

За что я впала в немилость, Фёдор Михайлович, не могу вас застать и у себя не вижу, а я ежедневно дома от 3-5, кроме завтрашнего дня. Но если вы намерены говеть и слушать эфимоны, то соберу терпение и буду надеяться на ваше посещение по выходе вашем из годичной духовной бани. Не сердитесь за выражение, это моя месть за ваше жестокое обращение со мной.

Ю. Засецкая.
5 марта 1878 г.

Многоуважаемый Фёдор Михайлович, завтра, в субботу к 8 часам с 1/4 будет стоять у вашего подъезда моя коляска, в которой прошу вас приехать не на часок, а более. Вы в ней и возвратитесь обратно, так как на этой неделе русский люд празднует самое радостное христианское событие самым гнусным образом.

До свидания, Ю. Засецкая.
21 апреля 1878 г.

Фёдор Михайлович, всё сделано, улажено и устроено для вашей старушки. Я взяла ей годовой мещанский паспорт, отдала Лопатину для богадельни, написала старушке (кто-нибудь прочтёт ей моё послание), чтобы она явилась к Лопатину в среду, в город, и он ей скажет, когда ей поступить на спокойную и беззаботную жизнь. Очень рада, что это мне удалось, несмотря на все препятствия, но после Бога она вас должна за это благодарить.

Я получила ваше письмо и дорого ценю его, зная, насколько вы не любите писать письма. Прошу вас, однако, заметить (если, быть может, вы ещё этого не заметили), что я во второй раз беспокою вас чтением своего письма, имея на то предлог, вас интересующий до некоторой степени. Будет ли таковой ещё раз и когда, не знаю.

Моё лето нынешний год проходит грустно и тяжело. У моей матушки, сохранившей до 81 года светлый ум, память и зрение, развилась водяная и отнялись ноги, я каждый день вижу более, что всякие медицинские средства бесполезны, но она по-

лучает некоторое облегчение от лекарств Гр. Мотеи. Она спокойно говорит о своём соединении со Христом, благословляя Имя Его за совершённое Им искупление. Тяжело смотреть на долгое, томительное страдание близкого сердцу существа, и, беседуя с ней, мне иногда кажется, что мы вместе заглядываем сквозь тонкое покрывало туда, и что очень прозрачная ткань отделяет видимый мир от невидимого. Впрочем, зачем я вам про это говорю, вы сами так недавно с такой жгучей болью в сердце мысленно переносились туда.

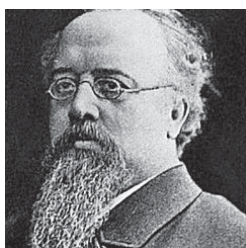
Совершенно справедливо вы мне заметили, что не следует строго судить никого, даже и чиновников в белых галстуках, но почему-то некоторым личностям ничто белое, как-то бельё или галстук, неприличны, так и кажется, что им это необычно и потому неловко им, что на них надето чужое. Этот господин написал мне письмо с французским вензелем, хотя ни слова иностранного не знает, а в письме аптекарский счёт по-русски. Воля ваша, у нас, т. е. у женщин, есть духовное чутьё, я нимало его не осуждаю, но это для меня курьёз в человеческом образе и фракном костюме.

Кстати, раз навсегда, вы ничем меня оскорбить не можете, потому что я знаю, что вы этого желать не можете. Притом, ужасно трудно меня оскорбить, не знаю даже, возможно ли это, так как от людей, мнением которых я не дорожу, их упрёк или похвала для меня совершенно безразличны, а те немногие, которых я душевно люблю и уважаю, никогда этого не пожелают. На нашей России густым слоем легла пыль, скрывшая от глаз Европы доблестные раны и тёплую кровь уже забытых героев! Но эта пыль не национальная или вернее не народная, это пыль сердобольной опеки, к которой следует обратит слова: «Отцы, не раздражайте детей своих». Этой пыли не зарастить. Явление знаменательное на Апраксином Дворе!

Надолго ли вы едете в Москву и когда? Решились ли вы на издание журнала и к какому времени?

Душевно уважающая вас Ю. Засецкая.
14 июня 1878 г.

ЮБИЛЯРЫ НОЯБРЯ 2020

2 ноября – 185 лет назад родился поэт-сатирик **Дмитрий Дмитриевич Минаев** (2.11.1835, г. Симбирск – 22.07.1889, там же). В 1847 – 1851 гг. обучался в Петербургском дворянском полку. В 1852 – 1854 служил в Симбирской губернской палате. С 1855-го вновь жил в Петербурге. Был постоянным сотрудником «Современника», «Русского слова», «Искры»; с 1862 года редактировал журнал «Гудок». Известен как «король рифмы». Автор сборника пародий «Перепевы» (1859), очерка «В.Г. Белинский» (1860), поэмы «Губернская фотография» (1861) и др.

2 ноября – 85 лет со дня рождения журналиста, краеведа **Лидии Витальевны Мишлановой**, в девичестве Тихомировой (2.11.1935, р.п. Карсун Куйбышевского края, ныне Ульяновской обл. – 3.06.2016, г. Пермь). Окончила Московский полиграфический институт (1961). С 1959 года жила в Перми. Работала в Государственном архиве Пермской обл. Автор книг «Товарищ подросток, не будь дитём!» (1965), «Пермские жёны» (1998), «Любовь и разлука» (2003), «Самостоянье» (2006), «Всеволод Прокопьевич Первущин» (2009), «Чи мы?» (2014) и др.

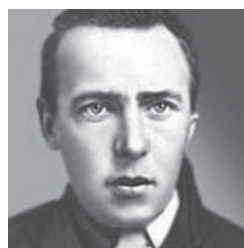

3 ноября – 125 лет назад родилась поэтесса, прозаик, мемуарист **Елена Михайловна Тагер** (3.11.1895, г. С.-Петербург – 14.07.1964, там же). Училась на Бестужевских курсах. Начала публиковать стихи в 1915 году. Вышла замуж за поэта Г. В. Маслова; с марта 1917 года жила с ним в Симбирске. Работала у белогвардейцев в Поволжье, затем на советской службе в Самаре. В 1920 году вернулась в Петроград. Автор книг «Поясок» (1929), «Зимний берег» (1929), «Венчики-бубенчики» (1930), «Долганский фольклор» (1937) и др.

3 ноября – 105 лет со дня рождения мемуариста **Олега Дмитриевича Казачковско-го** (3.11.1915, г. Екатеринослав, ныне Днепрпетровск, Украина – 10.01.2014, г. Обнинск Калужской обл.). Окончил Днепрпетровский университет (1938). В 1964 – 1973 гг. был директором Научно-исследовательского института атомных реакторов в Димитровграде. Автор книг воспоминаний «Физик на войне» (1999), «Физик на службе атома», «Физик за границей», «Физик в нашей жизни», «Записки физика о войне и мире» (2010).

5 ноября – 335 лет назад родился шведский поэт **Георг Генрих фон Борнеман** (5.11.1685, усадьба Ельмсхюльт, Швеция – 1711, Урал, Россия). Лейтенант, участник военного похода шведского короля Карла XII в Польшу и Россию. После поражения в Полтавской битве попал в плен, был этапирован в Симбирск; написал здесь более 30 стихотворений. В апреле 1711 года при переводе в Тобольск пытался бежать в районе Вятки и пропал. Книга стихов была издана в Швеции лишь в 1868 году под названием «Песни пленного шведа в Симбирске».

9 ноября – 135 лет со дня рождения поэта, прозаика **Велимира (Виктора) Владимировича Хлебникова** (9.11.1885, с. Малые Дербеты Астраханской губ. – 28.06.1922, д. Санталово Новгородской губ.). В 1895 году переехал с семьёй в с. Помаево Симбирской губ. В 1897 – 1898 гг. учился в Симбирской мужской гимназии. Окончил Петербургский университет (1911). Один из родоначальников русского футуризма. Автор книг «Изборник», «Творения» (1914), поэмы «Война в мышеловке» (1919), цикла статей «Доски судьбы» (1922), рассказов, пьес и др.

11 ноября – 85 лет исполняется поэту и журналисту **Александру Михайловичу Колесову** (р. 11.11.1935, г. Ревда Свердловской обл.). Детство провёл в Ульяновской области. Работал токарем на Ульяновском автозаводе. Окончил факультет журналистики Казанского университета. Более 25 лет трудился в многотиражке «Авангард» и газете «Ульяновская правда». Автор поэтических сборников «Вещий хлеб» (2005), «Отчий дом» (2011), «Зелёный дождь» (2012), «Даль луговая» (2013). С 2014 года живёт в г. Дмитров Московской области.

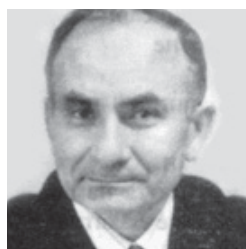
13 ноября – 65-летний юбилей отмечает дагестанский поэт, переводчик, публицист **Магомед Ахмедович Ахмедов** (р. 13.11.1955, с. Гонода Гунибского р-на Дагестанской АССР). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1979). Член Союза писателей СССР (1984). Народный поэт Дагестана. Председатель правления Союза писателей Дагестана (2014). Секретарь Союза писателей России. Автор поэтических книг «Ночные письма», «Тайный час», «Седина», «Молитва и Песня» и др. Побывал в Ульяновске 22 июля 2019 года.

14 ноября – 175 лет со дня рождения писателя, народника **Александра Сергеевича Бутурлина** (14.11.1845, г. Москва – 17.04.1916, там же). Его матери принадлежало имение в сс. Белый Ключ, Лава, Малый Барышок Карсунского у. Симбирской губ. (ныне Сурского р-на Ульяновской обл.). В 1881 году был сослан в Сибирь. По ходатайству матери в 1883 – 1886 годах отбывал ссылку в Симбирске. Поддерживал дружеские отношения с Л.Н. Толстым, вёл с ним переписку. Автор статей, заметок, предисловий, написанных по сочинениям Толстого.

15 ноября – 120 лет назад родился писатель **Алексей Дмитриевич Карцев** (15.11.1900, г. Симбирск – 1967, г. Москва). Учился в Симбирской классической гимназии. Окончил Московский университет. Автор книг «Магистраль» (1938), «Слобода» (1938), «Георгий Дромов» (1939), «Связисты» (1942), «Народ на трассе» (1946) и др. Опубликовал очерк «На путях ульяновских» в журнале «Литературный Ульяновск». Был в Ульяновске в 1948 году на праздновании 300-летия Симбирска и в 1962 году на 150-летнем юбилее И.А. Гончарова.

19 ноября – 70-летний юбилей отмечает чувашский писатель **Валериан Фёдорович Ромашкин** (р. 19.11.1950, с. Нижние Тимерсяны Цильнинского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский педагогический институт (1979). Работал учителем и директором школы, сотрудником Цильнинского райкома КПСС. Был редактором районной газеты «Заря коммунизма» (1986 – 1989), областной газеты «Канаш» (1990 – 2002). Соавтор книг «Чуваши Симбирского Поволжья» (1998), «Свет зарницы» (2000); автор поэмы «Любимое село» (2000).

20 ноября – 110 лет со дня рождения прозаика, журналиста **Виктора Макаровича Малыгина** (20.11.1910, д. Выползово Архангельской губ. – 30.03.1987, г. Курск). Учился в родном селе, затем в Ульяновске в школе ФЗО. Работал на заводе слесарем, в редакции заводской многотиражки. Окончил Московский институт журналистики (1935). Автор книг «Даль степная» (1958), «Ново-Троицк» (1959), «Обыкновенная история» (1962), «По дороге в завтра» (1962) и др. Член Союза писателей СССР (1963). Награждён орденом «Знак Почёта».

21 ноября – 115 лет назад родился удмуртский прозаик, поэт **Михаил Петрович Петров** (21.11.1905, д. Монашево, ныне Елабужского р-на РТ – 29.10.1955, г. Ижевск). Окончил военную школу в Ульяновске (1926). Служил в органах госбезопасности, войсковых частях. С 1933 года работал в редакциях газеты «Удмурт коммуна» и журнала «Молот». Член Союза писателей СССР (1934), организатор Союза писателей Удмуртии. Автор книг прозы «Зуб за зуб» (1931), «Во имя жизни» (1948), «Старый Мултан» (1954), «Закованные в цепи» (1956) и др.

23 ноября – 220 лет со дня рождения историка, писателя **Михаила Петровича Погодина** (23.11.1800, г. Москва – 20.12.1875, там же). Окончил Московский университет (1821). Автор исторической драмы «Марфа Посадница» (1830), повестей «Нищий», «Чёрная немочь», «Невеста на ярмарке» (1832) и др. По просьбе П.И. Юрлова написал «Историческое похвальное слово Карамзину», с которым выступил в августе 1845 года в доме губернатора и в мужской гимназии Симбирска; во время визита в город проживал в доме П.М. Языкова.

24 ноября – 105 лет назад родилась педагог, актриса, поэтаесса **Екатерина Григорьевна Линде** (24.11.1915, г. Сengelей Симбирской губ., ныне Ульяновской обл. – 16.10.2010, г. Рославль Смоленской обл.). Окончила Ростовский педагогический институт. Преподавала географию на Дальнем Востоке, в Омске, Днепропетровске, Батайске, Борисоглебске. Создала в Рославле народный театр, играла роли на сцене, писала стихи. Награждена орденом «Знак Почёта», медалями. Почётный гражданин города Рославля (1990).

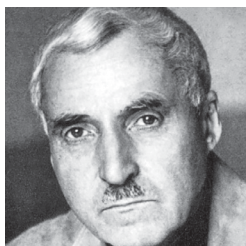
24 ноября – 35-летний юбилей отмечает прозаик, переводчик **Кирилл Евгеньевич Луковкин** (р. 24.11.1985, г. Баку Азербайджанской ССР). С 1990 года живёт в Ульяновске. Окончил Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (2007); работает доцентом на кафедре права. Кандидат исторических наук. Публиковался в журналах «Реальность фантастики», «Млечный путь», «Эдита». Автор рассказов «Лицо в толпе», «Ловкий трюк» (2012), «Зов небес» (2013), «Бал» (2015), романа «Цитадель» (2016) и др.

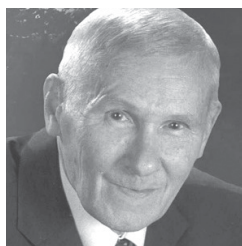
26 ноября – 125 лет назад родился чувашский поэт и драматург **Георгий Васильевич Тал-Мрза**, настоящая фамилия – Зайцев (26.11.1895, с. Убей Буинского у. Симбирской губ. – 8.12.1921, г. Ачинск Енисейской губ.). Учился в Симбирской чувашской учительской школе (1909 – 1915). Участник Первой мировой войны. Работал учителем в школе, актёром и режиссёром чувашской театральной труппы, преподавателем Ачинского политехникума. Автор пьес «Ухадер» (1919), «Кто виноват?» (1919), «Сильби» (1927), «Вина сильных» (1928) и др.

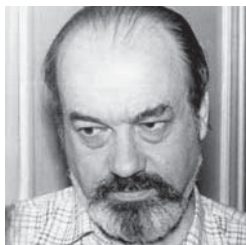
29 ноября – 110 лет со дня рождения полярного исследователя, писателя **Константина Сергеевича Бадигина** (29.11.1910, г. Пенза – 17.03.1984, г. Москва). В детстве несколько лет жил в с. Суруловка Сызранского у. Симбирской губ. (ныне Новоспасского р-на Ульяновской обл.). В 1938 – 1940 гг. во время дрейфа через Северный Ледовитый океан командовал ледоколом «Георгий Седов». Герой Советского Союза (1940). Автор повестей и романов «Путь на Грумант» (1953), «Чужие паруса» (1959), «Корсары Ивана Грозного» (1973) и др.

28 ноября – 105 лет со дня рождения поэта и прозаика **Константина Михайловича Симонова** (28.11.1915, г. Петроград – 28.08.1979, г. Москва). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1938). Член Союза писателей СССР (1938). Был проездом в Ульяновской области в 1958 и 1960 гг. по дороге в Ташкент и обратно как корреспондент газеты «Правда» по Средней Азии. Автор поэм «Победитель» (1937), «Суворов» (1940); романа «Живые и мёртвые» (1959), повести «Двадцать дней без войны» (1973) и др.

30 ноября – 90 лет исполняется учёному **Борису Васильевичу Болотову** (р. 30.11.1930, пос. Глотовка Средневожского края, ныне Инзенского р-на Ульяновской обл.). Окончил Одесский электротехнический институт связи, аспирантуру в Москве. Работал в Киевском академическом институте электродинамики. Изобрёл «Таблицу химических элементов второго поколения». Автор книг по оздоровлению организма «Шаги к долголетию» (2005), «Здоровье человека в нездоровом мире» (2008), «Пять шагов к бессмертию» (2012) и др.

28 ноября – 90-летие отмечает историк литературы, писатель, литературный критик **Игорь Петрович Золотусский** (р. 28.11.1930, г. Москва). Воспитывался в детском доме. В 1948 году приехал в Ульяновск, где находился в ссылке отец. Окончил Ульяновскую среднюю школу №1 (1949), Казанский университет (1954). Член Союза писателей СССР (1963). Работал в «Литературной газете» и журнале «Литературное обозрение». Автор книг «Обитаемый остров» (1965), «Час выбора» (1976), «Гоголь» (1979), «Трепет сердца» (1986) и др.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ НОЯБРЯ

Дмитрий МИНАЕВ (1835 – 1889)

* * *

Чудная картина!
Грёзы всюду льнут:
Грезит кустик тмина,
Грезит сонный пруд,
Грезит георгина,
Даже, как поэт,
Грезит у камина
Афанасий Фет.

Грезит он, что в руки
Звук поймал, – и вот
Он верхом на звуке
В воздухе плывёт,
Птицы ж щебетали:
«Спой-ка нам куплет
О «звнящей дали»,
Афанасий Фет».

ПОЛУСЛОВА

Обучена в хорошей школе
Ты, муза бедная моя!
От света, с тайным чувством боли,
Желанья жгучие тая,
Ты изломала бич сатиры
И сходишь так в мир грустный наш:
В одной руке – обломок лиры,
В другой же – красный карандаш.
Ты тихо песни мне диктуешь,
То негодуя, то любя,
И вдруг, прервав сама себя,
Свой каждый стих процензируешь,
И, дрогнув порванной струной,
Твой голос слух на миг встревожит,
Но только смех один большой
Наружу вырвется, быть может.
К чему ж нам петь? И я едва
Расслушал, затаив дыханье,
Её ответ: «Полуслова
Всё ж лучше вечного молчанья...»

Елена ТАГЕР (1895 – 1964)

* * *

Я думала, старость – румяные внуки,
Семейная лампа, весёлый уют...
А старость – чужие холодные руки
Небрежный кусок свысока подают.

Я думала, старость – пора урожая,
Итоги работы, трофеи борьбы...
А старость – бездомна, как кошка чужая,
Бесплодна, как грудь истощённой рабы...

Кольма, 1947

* * *

Горя клубок и несчастья свиток,
Где же конец? Развяжи, облегчи!
Сколько мы знаем мучительных пыток –
Все они собраны в этой ночи.

Стоны и храп, и слова бредовые;
Страшно их вымолвить, стыдно внимать;
Медленно душат старух домовые;
Клича детей, просыпается мать.

Совесть ли мучит? Обида ли гложет?
Раны ли старые снова горят?
Надо молиться. Быть может, поможет.
Может быть, там, за решёткой, – заря...

Барнаул, 1952

* * *

Вставай, пойдём! Преодолей усталость.
Я за тобой, бездомная душа.
– Так это Ты? А я Тебя боялась!
Я и не знала, как Ты хороша.

1863

Железные житейские вериги
Легко, как пепел, сбрасываю я...
Прощайте, ненаписанные книги!
Прощайте, незнакомые друзья!

Северный Казахстан, 1952

* * *

И он умирает, как всякий другой.
Часы прозвонили: «Сегодня!»
Он будет лежать простёртый, нагой,
Суда ожидая Господня.

Его гениальность растает, как дым,
Под взором иных поколений –
И страшным парадом пройдут перед ним
Друзей оклеветанных тени.

Северный Казахстан, 1953

Георг Генрих фон БОРНЕМАН (1685 – 1711)

ПЕСНИ ПЛЕННОГО ШВЕДА

В СИМБИРСКЕ (отрывок из цикла стихов)

1871

Мой Пальмфельт,
занесло нас на Симбирску гору,
Не много наших тут бывало по сю пору,
И менее всего помыслить мы могли,
Что выйдем к рубежам Калмыцкия земли.
А ныне грозный Рок ведёт в такие дали,
Которых и имён допреж мы не слышали,
Но небывалое бывать имеет сплошь
И приключается, когда того не ждешь.
Поди, любезный друг, в младые наши лета,
Иные грезилась нам странствия по свету:
Мы начали бы путь в Германии хмельной,
Там пива доброго испили бы с тобой,

Потом бы Францию увидели, где мода
 Быстрее меняется, чем по весне погода,
 И столичный град Париж, где надобно спешить,
 Едва надев наряд, скорее новый шить.
 Там обучились бы последним менюэтам.
 Увидели мужей, что перед целым светом
 Красуются в венце, что носит Актеон,
 Хоть держат под замком своих примерных жён.
 Пожили б в Англии, узнали их обычи,
 Отвели бы там их отбивные бычьи,
 Виргинским угостил нас Лондон табаком
 И добрым пудингом; дивились бы потом,
 Как множит свой мамон

голландский люд проворный,
 Как в виноградниках петляет Рейн просторный,
 Как датский наш сосед, считай что брат родной,
 Презревши вечный мир, грозит нам войной...
 Но вящего пришлось в России нам отведать:
 В земле копать зерно и им одним обедать,
 И на таком кошту, смилив пустой живот,
 Чрез топи и леса маршировать вперёд.
 Мы пили там, считай что половину года,
 Утробе на беду, одну сырую воду.
 Потом пришла зима и грянул лютый мраз,
 Решив полуступни не одного из нас.
 Вот так и шли дотоль, пока случилась сеча,
 А вкупе с нею плен, и вот идём далече,
 Где хитрый Росс живёт, а сих селений близ –
 Татарин и Калмык, язычник и Чермис.
 Мутится ум, и взор туманится слезами
 При мысли, что дойдём,

мой Пальмфельт, до Казани,
 А может, и Сибирь увидим мы с тобой, –
 Оборони Господь от участи такой!..

1710 – 1711

*Перевела Екатерина Чевкина***Велимир ХЛЕБНИКОВ (1885 – 1922)**

* * *

Москвы колымага,
 В ней два имаго.
 Голгофа
 Мариенгофа.
 Город
 Распорот.
 Воскресение
 Есенина.
 Господи, отелись
 В шубе из лис!

* * *

Волга! Волга!
 Ты ли глаза-трупы
 Возводишь на меня?
 Ты ли стреляешь глазами
 Сёл охотников за детьми,
 Исчезающими вечером?
 Ты ли возвела мёртвые белки
 Сёл самоедов, обречённых уснуть,
 В ресницах метелей,
 Мёртвые бельма своих городов,
 Затерянные в снегу?
 Ты ли шамкаешь лязгом

Заколоченных деревень?
 Жителей нет – ушли,
 Речи веда о свободе.
 Мёртвые очи слепца
 Ты подымаешь?
 Как! Волга, матерью,
 Бывало, дикой волчицей
 Щетинившая шерсть,
 Когда смерть приближалась
 К постелям детей –
 Теперь сама пожирает трусливо детей,
 Их бросает дровами в печь времени?
 Кто проколол тебе очи?
 Скажи, это ложь!
 Скажи, это ложь!
 За пяточок построчной платы!
 Волга, снова будь Волгой!
 Бойко, как можешь,
 Взгляни в очи миру!
 Граждане города голода.
 Граждане голода города.
 Москва, остров сытых веков
 В волнах голода, в море голода,
 Помощи парус взвивай.
 Дружнее, удары гребцов!

1921

Александр КОЛЕСОВ (р. 1935)**ШИПОВНИК**

Хвала красоте и отваге,
 Пришедшим к нам солнечным днём!
 Напившись живительной влаги,
 Шиповник расцвёл за окном.

Он весь в ярко-красных накрапах
 Встречает со мною рассвет.
 Какой нежно-розовый запах!
 Какой обжигающий цвет!

Хозяйство веда медовое,
 Садится пчела на цветок...
 И бьётся, как сердце живое,
 В руках у меня лепесток!

В ТОТ ДЕНЬ

Я помню день. Он был зелёно-синий.
 Мы шли из школы, помнится, гурьбой,
 Когда над нами и над всей Россией
 Летела радость птицей голубой:
 «Победа, братцы!» – слышалось повсюду.
 Из уст в уста передавалась весть.
 И мы, мальчишки, веря в это чудо,
 Позабывали, что хотели есть.
 Сбылись мечты и становились былью...
 Хотелось дел мальчишеским рукам.
 У наших шапок вырастали крылья,
 Они взлетали прямо к облакам!
 А в небе майском – грохотали грозы.
 Плясали петли в избах у дверей...
 И плакали от радости берёзы
 В тот день слезами наших матерей.

1920

* * *

Проснулась от спячки природа.
И мир так естественно прост:
На синих лугах небосвода
Цветут одуванчики звёзд.

Всё дышит, звенит и ликует,
Шумит и шумит без конца.
И льются под музыку улиц
Весёлые песни скворца...

Магомед АХМЕДОВ (р. 1955)

РУССКОЕ ПОЛЕ

В русском поле опять только снег, только снег,
Нестерпимо бело в русском поле зимою.
Дни мои, мои годы пустились в разбег,
Я печален, что нет тебя рядом со мною.

Где, любимая, ты? На кого мне пенять?
И куда, и какая взяла тебя сила?
Жаль, что песни моей не смогла ты понять,
Не смогла, а зима вот её подхватила.

Где, любимая, ты? Песни той уже нет,
Что тебе напевал я душой молодою.
Сколько лет ты мне снишься уже, сколько лет,
Снег идёт, снег идёт над моей головою.

Снег идёт, не видать ни луны, ни звезды,
И душа холодеет от выпавшей доли.
Словно конь подо мною летит без узды,
И лечу на коне я по русскому полю.

Ты – как русское поле, нежна и грустна,
И в груди от тебя столько света и воли!
Всё проходит – любовь остаётся одна,
Если эта любовь – словно русское поле.

СНЕГ ЗОЛОТОЙ

Осень... Прощанье... И ветер чистит
Кроны уснувших деревьев вокруг.
Каплями солнца светятся листья,
Падая в сердце моё, мой друг.

Снег золотой осыпается с веток.
Снег золотой засыпает меня.
Что-то мне хочет сказать напоследок
Средь золотого осеннего дня.

Листья летят, словно шепчут: «Мы были...»
Был ведь когда-то и я молодым.
Время придёт – и сверкнут на могиле,
Снегом её занесут золотым...

*Перевёл с аварского
Николай Рачков*

Михаил ПЕТРОВ (1905 – 1955)

УДИВЛЁННО ГЛЯЖУ

Полюбил я девчонку в заречном селе.
Год я не был в местах, где гуляли вдвоём.
Знаю омуты я, знаю брод на Вале,
Где я к милой когда-то ходил напрямиком.

Удивлённо гляжу: я реки не узнал.
Стала наша Вала словно Кама-река.
Никогда я такую её не видал,
Никогда не была она так широка.

Ни моста и ни лодки, в воде ивняки,
Ни пройти, ни проехать – не видно путей.
Я не сразу увидел в низовье реки,
Что большая плотина взметнулась над ней.

Вот когда разгадал я девичий намёк:
Дескать, прежним путём не пройдёшь
ты ко мне.

Но любовь где угодно пройдёт без дорог,
Не погибнет она ни в воде, ни в огне.

О, СЕРДЦЕ, СЕРДЦЕ!..

О, сердце, сердце! Почему
Ты бьёшься медленней и тише?
Победу празднует народ –
Не останавливайся, слышишь?

О, сердце, сердце! Будь бойцом!
Живи, как жило в пекле боя!
Не всё, что нужно для людей,
Ещё мы сделали с тобою.

* * *

Задрожали в саду лепестки –
Это ветер повеял с реки.
Как дитя в колыбели своей,
Закачался в ветвях соловей.

В небе – россыпи звёзд золотых,
Ожерелья созвездий горят.
Много девушек, верно, на них
Устремляло завистливый взгляд.

Широки твои ветви, сосна,
Только в них не застрянет луна.
Погляди на спокойный залив –
Там она начинает заплыв.

Константин СИМОНОВ (1915 – 1979)

* * *

Да, мы живём, не забывая,
Что просто не пришел черёд,
Что смерть, как чаша круговая,
Наш стол обходит круглый год.

Не потому тебя прощаю,
Что не умею помнить зла,
А потому, что круговая
Ко мне всё ближе вдоль стола.

* * *

1945

Не той, что из сказок, не той, что с пелёнок,
Не той, что была по учебникам пройдена,
А той, что пылала в глазах воспалённых,
А той, что рыдала, – запомнил я Родину.
И вижу её, накануне победы,
Не каменной, бронзовой, славой увенчанной,
А очи проплакавшей, идя сквозь беды,
Всё снесшей, всё вынесшей русскою женщиной.

1945

* * *

До утра перед разлукой
Свадьба снилась мне твоя.
Паперть... Сон, должно быть, в руку:
Ты – невеста. Нищий – я.

Пусть случится всё, как снилось,
Только в жизни обещай –
Выходя, мне, сделай милость,
Милостыни не давай.

* * *

Напоминает море – море.
Напоминают горы – горы.
Напоминает горе – горе;
Одно – другое.

Чужого горя не бывает,
Кто это подтвердить боится, –
Наверно, или убивает,
Или готовится в убийцы...

1970

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ НОЯБРЯ

Людия МИШЛАНОВА (1935 – 2016)

ЧЬИ МЫ? (отрывок из книги)

В нашей семье жил дедушка Василий Феоктистович Тихомиров, папин отец. Но с самого раннего детства моё общение с ним странным образом пресекалось. Выхожу я, трёхлетняя, в кухню и вижу прямо перед собой огромные дедушкины валенки. Бросаюсь к ним и радостно залезаю двумя ногами в один валенок. Мне хорошо, весело, я не понимаю, почему мама моментально вытаскивает меня и выпроваживает из кухни: «Сломаешь! В чём дедушка будет ходить?». А я и не думала их ломать...

Ни одной церкви в Карсуне не было. Все разрушили ещё до приезда нашей семьи, то есть до 1935 года. Бывший собор на площади перестраивали в районный Дом культуры, там на втором этаже разместилась библиотека, в малом зале, где не было сцены, выступала самодеятельность. А два зала на первом этаже – танцевальный с колоннами и большой зрительный – открылись уже после войны.

Наш посёлок, бывший уездный город, когда-то в старину делился на три части: над рекой Карсункой несколько улиц назывались Казаками, мы жили на горе – значит, в Пушкирях, а за глубоким с крутыми белыми осыпями оврагом, вдоль реки Барыш тянулись Стрельцы. Названия эти воспринимались как отзвук истории, далёкой и героической.

Однажды, когда я была уже большенькая, лет шести-семи, мы возвращались с мамой после купанья в реке к себе домой. Дело было в Казаках, дорога шла по Саратовской улице вверх. В одном месте улица прерывалась большим пустырьём, и там, сбоку, на холме возвышалась огромная груда красных кирпичей.

– Это что? – спросила я маму.

– А это от церкви осталось. Посмотри, какие крепкие, прочные кирпичи, их друг от друга отделить-то трудно – в старину раствор на яйцах замешивали.

– А почему сломали?

– Ну, не нужна стала.

– А почему ничего другого не построили?

– Нельзя здесь. Рядом с церковью было кладбище, а на месте кладбища двадцать лет ничего нельзя строить. По санитарным нормам, – строго сказала мама.

И стала рассказывать, что папа, когда приехал и увидел эти кирпичи, начал добиваться разрешения взять хотя бы часть их на постройку родильного дома.

– Тот самый родильный дом рядом с больницей – он из этих кирпичей. Папа хотел к твоему рождению успеть, да не успели – пока документы оформляли, пока кирпичи разбирали, потом осенью дожди зарядили... Ты уже и родилась!

– А дедушка, он в этой церкви служил?

– Нет! Говорят тебе, её до нас не стало. Давай-ка, быстрее пойдём.

Деда я немножко побаивалась. Он жил как-то хмуро, отчуждённо, разговаривал только с папой, в тёплое время года они уходили в сад-огород и там, копая землю или обрезая сухие кусты малины, о чём-то беседовали. Одно время дедушка служил в больничной конторе счетоводом, но то ли папу-главврача упрекнули в семейственности, то ли ещё почему, вскоре его уволили.

Много лет спустя от старшей сестры я услышала историю, о которой по малолетству в ту пору знать не могла.

В одну из ночей 1937 года арестовали сразу нескольких заведующих отделами райисполкома: вот вчера они были, а сегодня утром их не стало, и никто ничего об этом как будто не ведал, и все молчали. Откуда узнала тринадцатилетняя Вера? Подружка шепнула. Вопросы никто не задавал. И теперь я думаю, что папа с дедушкой, бывшим священником, сами решили, что ему надо уйти с работы – от греха подальше...

Олег КАЗАЧКОВСКИЙ (1915 – 2014)

ФИЗИК НА ВОЙНЕ *(отрывок из мемуаров)*

Сталинградская переправа! Это большое испытание. Ходили шустрые бронекатера Волжской флотилии. Немцы и ночью старались не давать свободно плавать. Причалы были заранее пристреляны и по ним периодически открывался огонь. Когда луна, а облаков, помните у Некрасова, практически не было, видно было неплохо. Под вечер же немцы специально поджигали, обстреливая, что-нибудь на левом берегу. На фоне отблесков пожара катера на воде можно было легко заметить. Мы, «пассажиры», располагались на верхней палубе и чувствовали себя неуютно. Укрытия никакого. А мины, ударяясь о воду, рвались неподалёку. Раненые тем же катером возвращались обратно.

Когда противник подошёл совсем близко к берегу, наш командный пункт расположился на крутом обрыве над Волгой, невдалеке от Мамаева кургана. Он служил практически только для связи с пехотой, командные пункты которой находились рядом. Немецкие позиции отсюда не просматривались. Но и немцы нас не видели. Более того, немецкие снаряды и мины вообще нас не доставали. Они пролетали над нами и попадали на кромку берега или в воду. Зато приходилось опасаться своих же. По-видимому, не всегда учитывали как следует превышение правого берега над левым, и снаряды, не долетая до цели, утыкались в наш откос, как пули в тире. Кто особенно досаждал, так это наши «катюши» – самого малого калибра (и малой дальности стрельбы), на танкетках. Разброс стрельбы у них большой. Часть снарядов попадала в воду, часть – на плато, к немцам. Но, как представляется, больше всего прилетало к нам, на склон. Сколько ни докладывали по инстанции, всё безрезультатно – стрельба периодически возобновлялась.

Бомбили же в основном немецкие пикирующие бомбардировщики, которые заходили со стороны Волги. Много бомб попадало в реку. По звуку можно было различить, когда бомбы рвутся в воде, а когда на суше. Один раз немцы, по-видимому, уже намеренно использовали особо мощные бомбы, которые они сбрасывали вдоль кромки обрыва. Наш пункт, как и другие, расположенные в середине

склона, не пострадал. В основном жертвы были не от прямых попаданий, а из-за того, что обрушивались многотонные массы земли с края обрыва на находившиеся в самом низу блиндажи. Здесь ранее располагался штаб армии. Когда он перебрался на левый берег, там разместились командные пункты полков и дивизий. Блиндажи были добротные, хорошо укреплены, и люди считали себя практически неуязвимыми. Но... их завалило настолько, что далеко не всех удалось откопать. Нужна была мощная техника, которую неоткуда было взять. Да и толком неизвестно было, где именно копать. Так и остались заживо погребённые люди в этих неожиданно образовавшихся братских могилах.

Тёплую пищу привозили, когда уже стемнело. Это было вдвойне радостно. Дожили до вечера, а впереди спокойная ночь. Немец ночью не воюет, если только его не вынудят. Под нами вдоль берега проходила железнодорожная ветка, и разведчики обнаружили на ней вагон с названным так нами сухим спиртом. Что это было на самом деле, – не знаю. Изобретательные умельцы быстро сообразили, как его использовать. Если кусок этого вещества поместить в тряпочку и сильно сжать, то выдавливается бурая жидкость, по запаху и воздействию на «потребителя» вполне соответствующая обычному спирту. Запасы её были для нас неограниченными. Никто не отравился. Я думаю, это даже оказалось полезным. Вечером – разрядка, расслабление после напряжённого дня. Мы были молоды, здоровы и, приняв хорошую, но не чрезмерную дозу и не думая о завтрашнем, засыпали крепким сном, чтобы наутро проснуться посвежевшими, готовыми к очередным испытаниям. И никаких стрессов, мы о них даже и не слышали! Стрессы, видимо, оставались в тылу. До нас они не доходили.

Прошёл слух, что немцы начинают применять отравляющие вещества. Это казалось правдоподобным, потому что другим способом «выкурить» нас отсюда было почти невозможно. Естественно, сразу же подумали о противогазах. Но на всю нашу «вахту» оказался один-единственный противогаз – у самого добросовестного, пожилого связиста...

Алексей КАРЦЕВ (1900 – 1967)

НА ПУТЯХ УЛЬЯНОВСКИХ *(отрывок из очерка)*

В конце XIX века Симбирская губерния получила приобщение к рельсовой сети страны: в 1874 году была открыта для движения Моршанско-Сызранская железная дорога. Правда, меньше ста вёрст прошла она по Симбирской губернии – через станции Репьёвка и Батраки до уездного города Сызрани – однако это было всё-таки началом весьма надёживающим: хоть один из симбирских уездов включался, наконец, в общероссийский «транзит».

Через три года протянулась эта новая дорога от станции Батраки до Оренбурга, а ещё через три года был готов и громадный железнодорожный мост через Волгу около Сызрани...

Разговоров насчёт железной дороги и после начиналось немало, да всё без толку. В августе 1894 года городская дума обсуждала доклад о проекте Общества Юго-Восточных железных дорог насчёт соединения Симбирска рельсовым путём с Пензой,

но симбирские толстосумы довольно откровенно отмахнулись от этой «затеи» как от пустой и даже вредной: им-де вполне достаточно и того, что Симбирскую губернию с Пензенской соединяет река Сура, хоть и не везде судоходная, а всё-таки надёжнее всякой железной дороги. Общество Московско-Казанской железной дороги взялось построить в Симбирской губернии две своих больших ветви, общим протяжением в 428 вёрст: одну от Сызрани до соединения со своей главной линией около Рузаевки, другую – от Вырыпаевки до Симбирска и его волжских пристаней.

Через год произошла и закладка вокзала в Симбирске: пока он строился – построили и всю линию новой дороги и, вскоре после 250-летия Симбирска, в 1899 году открылось пассажирское и товарное движение между городом и станцией Инза; от Инзы, конечно, можно было ехать дальше, в Симбирске же образовался железнодорожный «тупик»...

Чуть ли не в первые же месяцы жизни симбирской тупиковой линии, уже в 1900 году, правление Московско-Казанской железной дороги объявило Симбирской городской думе своё решение: уничтожить больше двух вёрст железнодорожной ветви у волжских пристаней Симбирска, потому что «сооружение это есть ошибка инженеров и представляет из себя бездонную пропасть, на поддержание которой потребно до ста тысяч рублей в год». Речь шла о симбирской горе и об оползнях, уже не впервые тревоживших инженерные и учёные умы. Первый сильный оползень горы случился в 1877 году, а

за четверть века произошло их десять – до того самого, который стал поистине бедствием.

Так замерла среди обывателей на годы и годы мысль о продолжении железной дороги у Симбирска за Волгу – мысль о сооружении моста... А между тем он становился всё нужней и нужней – не только для города и губернии; и после многих геологических, технических и прочих исследований был намечен окончательный проект расположения моста, утверждённый министерским инженерным советом. Весной 1911 года в газете «Симбирская жизнь» печаталось: «В настоящее время заканчиваются работы по окончательному закреплению оси волжского моста. Положение моста – приблизительно около 400 сажен ниже прорана. Направление оси моста – от подгорной лесопилки Богатырёва на песчаный бугор в деревне Королёвке. Число пролётов моста окончательно не установлено. Предполагается пока девять пролётов, по 74 сажени, что даёт общую длину моста в 675 сажен. В этом случае мост перекроет коренную Волгу и остров; Часовенский рукав Волги предполагается пройти насыпью, достигающей высоты до 15, 84 сажени...»

Только с первого декабря 1916 года открылось «временное пассажирское движение, но лишь на перегоне Часовня – Симбирск-2». А полное завершение всех сооружений, связанных с мостом, довелось нам, симбирянам, увидеть только в памятном семнадцатом году, когда кончился не только железнодорожный «тупик» нашего города, но тупик, в котором держал всю страну старый строй.

Виктор МАЛЫГИН (1910 – 1987)

ПО ДОРОГЕ В ЗАВТРА (отрывок из книги)

С детства Верещагин познал силу острого слова. Кстати сказанная фраза помогает найти путь к сердцу человека. Сдержанные, внешне суровые люди Севера любят шутку... Наблюдательный гость вскоре замечает, что хозяин расположен к нему.

Вечером лектора и впрямь угощают.

– Не будь тебя, Верещагин, жена моя никогда бы не накормила так вкусно, – говорит хозяин.

Все смеются.

Идёт непринуждённый разговор о разных житейских делах, который помогает Верещагину выяснить интересы и запросы людей.

Незаметно пропагандист переходит к вопросам, касающимся переустройства жизни кочевников. Он рассказывает об оленеводах стойбища Снежного. Из года в год растут там стада оленей.

– Наверно, они живут хорошо потому, что там богатые пастбища, – замечает хозяин.

– Не в пастбищах дело, – отвечает Верещагин. – Люди живут там хорошо потому, что объединились в колхоз и работают сообща.

Он рассказывает о том, как в колхозах организован труд, как ведётся хозяйство, как распределяются доходы.

– Наверно, язык твой хорошие слова делает... у

трёх человек всегда больше силы, чем у одного, а у пяти – ещё больше, – замечает Куркыль.

– Ты правильно думаешь, Куркыль. Но у человека за словом должно идти дело. Ты подумай ещё. Я к тебе завтра зайду.

Верещагин уходит. Теперь он гостит в соседней яранге.

Местный шаман Нанкергоу беснуется от злости. Он позвал группу оленеводов к себе и в густом непроглядном дыму яранги под звон бубна стал завывать: «Идёт... Видите, вон наверху. Он. Он... Слушайте. Он мне что-то говорит. Я буду передавать вам его слова... Кочевники, над вами нависла угроза, семьи ваши вымрут, олени падут. Вы сами торопите приближение несчастья. Вы принимаете у себя плохого человека – это злой дух под видом человека пришёл к вам. Не принимайте приезжего, не разговаривайте с ним, гоните его!..»

В тот же вечер пропагандиста разыскал взволнованный Куркыль.

– Тебе надо уходить от нас. Нанкергоу – очень сильный шаман. Если он узнает, что я был у тебя, плохо мне будет.

Куркыль рассказал. Давно, когда шаман ещё был молодым, на него напал в сопках огромный

медведь. Началась борьба. Незаметно от медведя стала уходить сила и переходить к Нанкергоу. Наконец обессиленный зверь упал, покатился с вершины сопки и на лету рассыпался на части. Нанкергоу почувствовал данную ему свыше силу, но окончательно поверил в неё несколько позже. Однажды он шёл по берегу моря. Волна выбросила к его ногам моржа. Нанкергоу попробовал поднять зверя, и тот оказался не таким уж тяжёлым. Нанкергоу взвалил моржа на плечи и принёс домой. Двенадцать женщин разделявали моржа, с большим трудом переворачивая его с боку на бок. Морж был очень большим. Теперь таких нет...

Верещагин задумался. Надо было действовать быстро и решительно, иначе хитрый шаман добьётся своего. Лектор поспешно направился к жилищу шамана.

Оленеводы сидели кружком и, согласно обычаю, по очереди били в бубен и пели что-то тягучее и заунывное. Верещагин попросил бубен.

Люди приготовились слушать песню приезжего. Но он не стал бить в бубен, а громко сказал:

– Нанкергоу – обманщик!

С удивлением и ужасом посмотрели охотники на пропагандиста. Замер от неожиданности Нанкергоу...

Михаил ПОГОДИН (1800 – 1875)

ЧЁРНАЯ НЕМОЧЬ (отрывок из повести)

– У себя ли Фёдор Петрович, Афанасьевна? – спрашивала, выходя на монастырь из церковных ворот, толстая купчиха низенькую, приземистую женщину, которая, сложа руки, стояла у калитки священникова дома и разговаривала с своею знакомою.

– О каком Фёдоре Петровиче вы изволите спрашивать, сударыня?

– Да о священнике.

– Тыфу пропасть! Я ведь и забыла его имя; навывкла всё звать батюшкою. Добро пожаловать, сударыня, милости просим. Он изволил лечь отдохнуть после обеда, да скоро встанет: пономарь приходил уж спрашиваться, не пора ли благовестить к вечерне; но матушка велела обождать маленько.

– Так матушка дома?

– На погребу, Марья Петровна. Вчера мы капусту рубили, так она с батраком кладёт гнёты на кадки и моет кружки, а я вот выбежала переговорить с соседкой. Да что она прячется, чего испугалась?

– Проводи меня к матушке, Афанасьевна, – сказала гостья и всунула в руку будущей проводницы двугривенный, за который сия последняя насильно поцеловала у ней пухлую руку, вырвав из-под чёрного атласного салопя.

– Грязно вам будет пройти, сударыня: у нас на дворе нечисто, да и матушка разгневется на меня. Сем-ка я позову её самоё.

– Нужды нет, милая, зачем её отрывать от дела.

– Как изволите, сударыня... Ты, сестрица, подожди меня здесь минуту, – закричала Афанасьевна знакомке, давно уже спрятавшейся за колокольнею, и повела свою благодетельницу через грязный двор по насланным доскам к погребу, из коего доносились уже к ним глухие звуки протопопицыной брани, обращённой к батраку, который ворочал каменья в подземелье под её руководством.

– Бог в помощь, матушка! Захлопотались вы. На вас и праздника нету.

– Кто там? Ах, свет мой, Марья Петровна, куда вы пожаловали и как меня застали! Вот уж проказница, нечего сказать, – отвечала смутившаяся

протопопица, вылезая из ямщика по изломанной лестнице. – Извините великодушно... – и началось троекратное целование.

– Что ты, дура, не вызвала меня! – проворчала она тут же, в мгновенных промежутках, оборачиваясь к Афанасьевне.

– Я хотела было, да Марья Петровна сама не изволила.

– И – матушка, не гневайтесь! Дело хозяйское. И с нами то ж случается; домок вести не шуточка; свой глаз везде хорош: где недосмотришь, там ведь мощной заплатишь.

– Умная речь, Марья Петровна! Милости же просим в покои. Стёпка! убери здесь всё, да навесь петлю в двери на творило, а ты, Афанасьевна, запри после погреб, и ключ ко мне. Милости просим.

– Почём покупали капусту нынче, матушка? – спросила дорогою гостья.

– Нынче дорога была, Марья Петровна, не уродилась, видно, оттого что дождей было много. Да у Фёдора Петровича есть сын духовный – огородник, в Красном селе, так он и уступил мне девять гряд по три рубля.

– Не больно чтобы дёшево. А сколько кочней на гряде вышло?

– Кочней по сороку. Но зато и капуста! кочни тугие, белые. Одной серой для рабов нарубили ушатов семь. Правду сказать: и дорого, да мило; и дёшево, да гнило.

Между тем вошли они в покои с заднего крыльца, и гостья, вынув из-под полы кулёчек, тихонько, как бы мимоходом, вручила его хозяйке, которой сначала, разумеется, было очень совестно принять его; но после она должна была уступить настоятельному требованию добротной дательницы.

– Чем же мне дорогую гостью потчевать? – сказала протопопица, спрятав кулёчек под кровать, и тотчас посадила Марью Петровну под образа; забренчала ключами, которые тряслись у ней на поясе, вынула из шкапа рюмку и бутылку столового вина и, налив по края, поднесла со многими поклонами к усевшейся чинно гостье...

Кирилл ЛУКОВКИН (р. 1985)

ЦЕНА СВОБОДЫ (отрывок из рассказа)

Потом они обследовали ангары, один за другим. В каждом обнаруживались точно такие же инструменты и какая-то наземная техника, все разной степени изношенности. Закарий обратил внимание на то, что основная часть оборудования сохранилась нетронутой, хоть и посерела под ковром пыли. Дойдя до ангара, друзья обнаружили, что он заперт на массивный замок, долго пытались открыть задвижки, но всё тщетно. Разрезать такой замок мог только молекулярный дефрактор. Но такого инструмента под рукой не оказалось.

– Что же там может быть? – хмыкнул Крайл, почёсывая затылок.

– Наверно, то же, что и в других ангарах.

– Нет. Что-то другое. Нечто ценное. Важное. И заметьте, этот ангар по размерам больше других.

Они отошли назад, и разница сразу бросилась в глаза. Видимо, потому, что о ней раньше не думали, решил Закарий, зафиксировали размеры, но не придали им особого значения.

– А это ещё что? – спросил он, невольно посмотрев на пейзаж позади сооружения.

– Похоже на руины.

Они пошли по направлению к тёмным силуэтам, словно сбившимся в кучу – так плотно фигуры взгромоздились над степью. Чем ближе они подходили к ансамблю нагромождений, тем яснее становилось, что перед школьниками дома – всего лишь потемневшие от времени, покосившиеся домишки.

– Э-э-э, ничего интересного! – Махнул рукой Тэн и развернулся, чтобы уйти. – Очередная свалка.

– Хм, – вымолвил Закарий, продолжая шагать вперёд. К поступку Тэна он отнёсся безразлично, потому что в меньшей степени зависел от чужого мнения. Затылком он чувствовал взгляд Крайла, хотя тот вполне мог последовать примеру Тэна. Так они и вошли в заброшенный посёлок. Под ногами хрустели комья засохшей глины. Городок состоял всего из одной центральной улицы, по бокам которой сгорбились двух- и трёхэтажные особняки однотипной постройки.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ (р. 1930)

ГОГОЛЬ (отрывок из книги)

Он родился в низенькой хатке, крытой соломой, в комнате с глиняным полом. Первый свет, который он увидел, был свет серенького мартовского дня, свет месяца, который у древних славян считался началом года. В житии святого Стефана Пермского сказано: «...март месяц – начало всем месяцам, иже и первый наречётся в месяцах, ему же свидетельствует Моисей-законодавец, глаголя: месяц же вам первый в месяцах да будет март... Марта бо месяца начало бытия – вся тварь Богом сотворена бысть от небытия в бытие».

Всё уже таяло, и мелкий снежок, падавший на землю, когда его несли завёрнутого в одеяльца и пе-

Улица упиралась в площадь, на противоположном конце которой в жарком мареве подрагивала церквушка. В воздухе стрекотали невидимые существа, где-то на задворках палисадников шуршала мелкая живность. Деревянные доски, из которых сколотили эти дома, давно растрескались и покрошились. Там, где они совсем рассыпались, чернели безобразные проплешины. Где-то ветер хлопал косяками, те жалобно скрипели. Городок казался абсолютно мёртвым.

Закарий и не заметил, как закончилась улица. Теперь оба друга стояли на мощённой гранитными бульжниками площади, посреди которой одиноко врылся в землю колодец.

– Ну и дыра, – сказал Крайл, поддев носком ботинка камешек. – Похоже, Тэн был прав относительно этого места. Делать здесь явно нечего. Пойдём?

– Да, только узнать бы, что там... – Закарий кивнул на церквушку.

Крайл фыркнул, но, похоже, сообразил, что его приятель отступать не собирается. Закарий успел заработать себе репутацию упряма в школьной среде. Двери здания встретили их заколоченными досками. Закарий упрямо вцепился в дерево и потянул на себя. Что-то громко хрустнуло, протяжно и жалобно заскрипело, и доска отлетела на землю вместе с ухватившимся за неё парнишкой. Он глянул на заржавелые гвозди, торчащие из косяка, ухмыльнулся и с готовностью вскочил на ноги. Крайл опередил его, и вот уже оба выдирали вторую доску из двери. Несмотря на прилагаемые усилия, дверь открываться не желала. Ребята провозились с ней больше получаса, пока Закарий не решил отдёрнуть задвижку. Механизм был примитивен, и понять его назначение было легко.

– Ну-ка, подсади меня!

Металл клацнул о металл, и створки входа медленно ушли в стороны. Мальчишки долго не решались войти внутрь, всматриваясь в сумрак. Порог казался Закарию пастью чудища, а распахнутые настежь двери – его челюстями. Чудище замерло и ждёт, когда добыча попадёт в ловушку...

лётки в церковь, не мог скрыть пробивающейся зелёной травки. Он родился весной и потом всю жизнь любил весну, весной весь его организм просыпался, напрягался; весной ему и писалось, и мечталось, и жилось. «Сильно люблю весну, – писал он. – ...Мне кажется, никто в мире не любит её так, как я. С нею приходит ко мне моя юность; с ней моё прошедшее более чем воспоминание: оно перед моими глазами и готово брызнуть слезою из моих глаз...»

В начале марта прилетают с юга жаворонки, в середине лёд делается так непрочен, что его шука хвостом пробивает. Вечером в воскресенье, в последний день Масленицы, выносят из дворов по

снопу соломы и сжигают на окраине села – сжигают Масленицу. Весною пробуждаются и души усопших, и люди ходят на кладбище поминать их. Они как бы беседуют с пробуждёнными от зимнего сна, советуются с ними. Ряженные на Масленице – тоже освободившиеся от сна духи, духи загробного царства, оборотни, и оттого во всех домах готовят блины: хотят задобрить пришельцев.

Православная Малороссия, в которой родился Гоголь, ещё сохраняла остатки обрядов языческих. Всё перемешалось тут: и вера в Христа – и странствование по дорогам старинного вертепа, в котором показывались сцены непристойные, соблюдение поста – и безудержное веселье и гулянье на ярмарках, сытная еда, яркие одежды, яростное обращение крови под знойным летним солнцем. Ленъ сопрягалась со вспышкой, со способностью бесшабашной рубки в бою, протяжённая тоскливость прощальной песни – с криками и свистами гопака, плясками в кругу и срамными припевками. Даже в светлое Христово воскресенье – Велик День – славили Бога, но славили и земную жизнь: всё пело, пило, танцевало. Выносились на улицу еда и питье, вынимались из сундуков цветастые платя, яркие свитки, шитые камзолы, как луг расцветал, так расцветала земля от огненно-красных и сине-голубых шаровар, платков, платяниц, плахт и юбок.

Гоголь родился в пору предчувствия радости, ликования людей и природы, накануне явления всего нового – будь то новые листья на деревьях

или новые надежды. Он и сам стал надеждой отца и матери, которые, потеряв двоих детей, со страхом и неуверенностью ждали третьего. Много раз ездили они молиться к святой иконе Николая-чудотворца в соседнюю Диканькскую церковь, много раз просили угодника заступиться за них, даровать им здоровое дитя; судьба сжалась над ними – родился сын.

Кажется, какое-то предопределение стоит у его колыбели.

Предопределение даёт гулять по полустепи половцам и татарам, оно сближает эту часть Украины ранее других с Русью, чтоб русская речь и русское мышление влились в сознание и речь предков Гоголя. Оно и рельеф избирает особый – идущий от холмов и лесов Приднепровья к Причерноморской открытой равнине, с которой далеко «видно во все концы света»: и Крым виден, и Понт, к берегам которого приставал Одиссей, и Карпатские горы.

От тех мест, где родился Гоголь, открывается на юг простор – глаз немеет при попытке охватить и постичь его. И уходят в ту даль дороги и тракты, пробитые копытами коней и волов, политые горячей кровью лихих рубак-запорожцев и чёрной кровью турчина, не раз замахивавшегося кривой саблей на православный крест.

Влажное дыхание лесов и воды навеваается с запада и севера, а если стать лицом к югу, то дышит в лицо сухая степь, отдалённые пески пустынь – ветры Востока достигают этого пограничья Малой, Белой и Великой Руси с алчною Азией...

Константин БАДИГИН (1910 – 1984)

КОРСАРЫ ИВАНА ГРОЗНОГО (отрывок из романа)

Царь Иван Васильевич ворвался в опочивальню жены своей Марии Темрюковны, заложил дверные засовы и в изнеможении прижался к стене.

Мария Темрюковна с испугом глядела на супруга. Бледное, искажённое страхом лицо, на губах пена.

– Что ты, царь, что с тобой? – сказала она низким, мужским голосом.

– Измена... Заступись, пречистая богородица... – Царь перекрестился. – Там князь Пронский, Колычевы, князь Володька Курлятьев... Я не звал их. Собачье сборище, собачье сборище... – бормотал он. – Губители...

Царица выглянула в окно. На дворе толпились посадские в праздничных одеждах. В открытую створку доносились громкий говор, выкрики, смех. Опираясь на посохи, степенно вышагивали думные бояре, знатные дворяне и князья. Самые знатные ехали до церкви Благовещения, что близ дворца. Здесь все выходили из колымаг, слезали с коней и шли дальше пешком.

– Я не звал, – повторил царь. – Весь двор полон. Мятеж. Опять своевольники-бояре посадскую чернь подговорили.

За дверью послышался шум. Царь бросился в кровать и судорожно натянул на себя соболье одеяло. Зубы его стучали.

– Никого не впускай... Машенька, спаси! Из-

менники, шелудивые собаки. Извести хотят, жизнь отнять...

Бледное лицо царя покрылось испариной, редкие волосы поднялись.

– Великий государь, – Мария Темрюковна повернулась к царю, скрестила на груди руки, – я давно говорила: не верь своим князьям и боярам. Не любят они тебя. Мой отец, великий Темрюк, держал возле себя всего с десятков вельмож. Он хорошо платил им, и они любили его и не искали другого господина. О-о, как я ненавижу твоих бояр! Я боюсь их взгляда, их слов... От них, мой повелитель и муж, все твои несчастья.

Царь Иван мрачно глядел на жену.

– Каждый боярин или князь, – продолжала царица, – родом мнит себя не ниже царского и мечтает сесть на твоё место. Они не дают счастливо жить и веселиться ни мне, ни тебе. А зачем жить, если нет счастья и веселья? Ты говорил, что они отравили твою первую жену Анастасию, берегись, они отравят и меня. И тебя, великий государь. Прикажи моему брату Михаилу – он срубит всем им головы. И у нас настанет другая жизнь. И не надо будет бояться!

Царица Мария с вызовом смотрела на мужа.

– Нельзя равнять меня с твоим отцом, – слабым голосом недовольно отозвался царь Иван, – твой отец малый князёк, а я царь и великий князь всей земли Русской. Твоему отцу и одному делать нече-

го, а мне с десятью боярами Москвой не управить. Отичи князей и бояр московских моему отцу, деду и прадедам служили.

Царица Мария что-то ещё хотела сказать мужу, но только махнула рукой. Лицо её сделалось злым, хмурым. Дикая нравом, жестокая, она часто разжигала злобный нрав и худые наклонности царя Ивана. Она не могла привыкнуть к жизни в московском дворце. Царица скучала по матери, по сёстрам. Ласки царя не приносили ей утешения.

Жаркое июльское солнце подходило к полудню. Лёгкий ветерок гнал белые клочковатые облака к востоку. За Москвой-рекой зеленели обширные луга. Тысячи царских коней паслись там на сочной траве. Но царице казалось, что она видит заснеженные вершины гор, зелёные сады, виноградники.

Царь стал успокаиваться. Приподнявшись с подушек, он взял жену за руку. Но вдруг снова настоужился. За дверью явственно слышались шаги и приглушённые голоса. Кто-то тихонько постучал...

Борис БОЛОТОВ (р. 1930)

ПЯТЬ ШАГОВ К БЕССМЕРТИЮ *(отрывок из книги)*

Это произошло, когда я учился в пятом классе. Тогда я, как и многие дети, был очень непоседливым и шаловливым ребёнком. Однажды учительница решила меня наказать: она подошла, положила мои руки мне на колени и сказала: «Вот так и сиди: поднимешь руки, я тебя накажу».

Я сидел неподвижно, держал руки на коленях и ничего не подозревал.

После школы я пришёл домой, и мать случайно заметила у меня на коленях язвы. Она попыталась лечить меня всевозможными мазями, предполагая, что я так ободрал колени, ползая по земле. Язвы не заживали, и никто не мог понять причины их возникновения. Однажды, когда учительница в очередной раз решила меня наказать и заставила положить руки на колени, я почувствовал, что от рук идёт какое-то невероятное тепло, ощущались довольно сильные покалывания.

Я поднимал руки – боль исчезала. Я с удивлением подумал: «Почему же мои собственные ладони вызывают такую резкую боль в ногах?» Я решил проверить, будет ли таким же воздействие на моего товарища, который сидел впереди, улучил момент и поднёс руку к шее Гриши. К моему удивлению, он тут же упал на пол и потерял сознание. Все дети сразу закричали, а учительница подбежала, смотрит: Гриша лежит, его глаза открыты, он явно парализован. «Кто это сделал?» Кто-то ответил, что видел, как я не только поднёс руку к затылку Гриши, но и ударил по голове. Но ребёнок не может ударом руки вызвать паралич. Значит, я ударил его каким-то предметом. Тут же начали искать этот предмет. Так сказать, вещественное доказательство.

Меня отвели к директору, он потребовал сказать, чем я ударил одноклассника. Я оправдывался, говорил, что не бил Гришу, а только приложил руку к его затылку. Директор только смеялся, потом сказал: «Приложи руку к моей шее, что из этого получится?» Я приложил. Он воскликнул: «Это гипноз!» С тех пор все решили, что я владею гипнозом и способен помогать при различных заболеваниях.

Ко мне стали приходить люди со своими болезнями. Я подносил руку к затылку и говорил только одну фразу: «Вам хорошо. У вас всё хорошо». Многие просили, чтобы я посмотрел им в глаза. Я смо-

трел, и меня останавливали словами: «Хватит. Мне уже хорошо».

Шли месяцы. Люди продолжали приходить. Летом я занимался «гипнозом» у пруда, где собирались и дети, и взрослые. Я вводил их в состояние, подобное гипнотическому, внушал им хорошее самочувствие. Но однажды приехали из Ульяновска два человека из «органов» и всё это запретили. Так занятия «гипнозом» на много лет были прекращены.

Я попытался как можно лучше изучить свои способности, прочёл много книг о гипнозе и понял, что воздействие происходит не в результате гипноза, а потому, что я обладаю сильным биополем. Постепенно я заинтересовался и другими способами лечения, обратил внимание на лекарственные препараты, полученные на основе растительного и животного сырья. Больше всего времени я уделил исследованию ферментов...

Ферменты на молочных бактериях применялись с лечебными целями издавна. Так, например, коровье молоко под воздействием молочнокислых бактерий преобразуется в творожную жидкостную массу с сывороткой. Все сывороточные бактерии при употреблении их внутрь должны благотворно влиять на наш организм. Однако сыворотка, которая сейчас образуется из молока, наоборот, вредна. Почему? Изучая сыворотку, я понял: это происходит из-за того, что животные получают неполноценную пищу (едят одну и ту же траву). В итоге молоко, а затем сыворотка теряют ценные лечебные свойства.

Я решил восстановить целебные свойства сыворотки и стал разводить молочно-сывороточные бактерии в среде, где присутствуют лекарственные растения. Если мы возьмём молочную сыворотку, добавим в неё сахар и траву, например, чистотел (сильно ядовитое растение), то получим среду, где присутствуют ядовитые алкалоиды. В этих условиях способны выживать только сильные бактерии, к которым относятся молочные бактерии из сыворотки козьего молока. Давно замечено, что козы съедают траву чистотела с большим аппетитом. Итак, молочные бактерии, выведенные в неблагоприятной для слабых бактерий среде, становятся весьма целебными...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*